

Євгеній Фенцик

КНЯЗЬ КОРЬЯТОВИЧ

Конник, што має на собі броні, у правій руці тримле меч, а на лівому передраменю має щит из двораменным хрестом – є то герб Литовського княжества а тыж печатка литовського князя из Подолії и пана Мукачевського замка Феодора Корьятовича (Theodorus Koriathovits).

Кінцём XVIII столітя ґравер из Буды Ян Біндер на закладі той печатки изробив ґравюру вызброєного конника, котрого він поважовав за князя Корьятовича. За се свідчит підпис Я. Біндера під ґравюров: «Theodorus Koriatovics, Princeps Ruthenus, Dux de Munkács, et Podoliae Basilianorum ad Munkács Fundator. Anno 1360.»

Гравюру Я. Біндера находиме на місті фронтіспіса (ілюстрація напротив титула) у книзі історії карпатських русинів од Іоаникія Базіловича, до котрої вна ся ладила и котра выйшла під назвов «Brevis Notitia Foundationis Theodori Koriathovics...» (Kassoviae: Typographia Ellingeriana, 1799).

Євгеній Фенцик

Князь Корьятович

Чужая власть, чужее племя
Не угнетало наш народ,
С весельем шло да мчалось время
За годом шёл, катился год.

Русь юная была счастлива,
Её мать слава озарила;
В ней дух народный не угас,
Пока жил Корьятович князь.

Евгений Фенцик
"Корьятович"

Князь Корьятович. Скульптор В. Олашин (Мукачевский замок)

5.10.1844 – 5.12.1903

Евгений Андр. Шевченко

Євгеній Фенцик

КНЯЗЬ КОРЬЯТОВИЧ

Вшорили:

Валерій Падяк

Михал Павліч

Пряшів

Видавateľство Пряшівського універзитета

2023

Євгеній Фенцик (1844–1903) – визначна особність русинської літератури і культури доби будительства. Провказав себе у многих жанрах – як поет, прозаик, драматик, публіцист і історик літератури. Був закладателем і незмінним редактором ужгородського часопису «Листонок» (1885–1903).

Выдання репрезентує Є. Фенцика як забытого поета. По первый раз туй ся публикувут скоро вшиткі ёго стихи. Книжка вміщає тыж повість «Нищіє духом» і драму «Покореніє Ужгорода».

Тексты вишорили:

доц. Мгр. **Валерій Падык**, к. н.
Мгр. **Михал Павліч**, ПгД.

Проект реалізований під веденням

доц. Мгр. **Валерія Падыка**, к. н.

*Спередслово, додаткы, текстові позначкы
и языкова управа (транслітерація)*

доц. Мгр. **Валерій Падык**, к. н.

Рецензенты:

проф. Д-р. **Павло Роберт Магочій** (Торонтський університет)

проф. Д-р. **Елейн Русинко** (Мерілендський університет)

Realizované s finančnou podporou Fondu
na podporu kultúry národnostných menšín.

ISBN 978-80-555-3240-0

© Вшореня текстів, В. Падык, М. Павліч, 2023

© Спередслово, В. Падык, 2023

© Додаткы, текстові позначкы, В. Падык, 2023

ОБСЯГ

«Я родом угочанин...»: Дакілко зауваг и коментарів до біографії
Євгенія Фенцика. *Валерій Падяк* 9

ПОЕЗІЯ

Стихи, опубліковані на сторонах
новинок «Свѣтъ» и «Новый Свѣтъ»
(друга половка 1860-х – зачаток 1870-х рр.)

Привітствование	29
Грішник	30
Мир	32
В исступленіи	33
Грусть в чужині	34
Моя тоска	36
Осень	37
На братской могилі	38
Вюги, мятель, зной	40
Был счастлив и я...	41
Свиданіе	42
Бдініе	44
Вѣчность	45
К ней	45
На Рождество Христово	46
Зима	49
Корьятович	50
Бескид	58
Час	59
К Карпатам	60
На смерть Михаила Ф. Мудраго	62
В чужині	64
Был у меня сон...	65
Сон и действительность	66
Монастырь Аркадіон	66
К Угорской Руси	71
Несчастны да...	72
Ко грудному младенцу	73

К невірному	74
В ноябрі	75
Что найзимніє	76
В потемках	76
Піснь о пісни	77
Русский народ	79
В уєдиненії	82
Полночное видініє	83
К работі, русс	86
Не страшись, мать...	88
Живу, но жизнь...	88
Поля, долины, ліс....	89
Здраствуй, луг да...	89
Ноч віковая убываєт	90
Мыслі	91
Над вершинами...	92
Улетает быстро...	93

Стихи, опубліковані на сторонах
новинок «Карпать» и «Слово»
(друга половка 1870-х – зачаток 1880-х рр.)

Ко сторожам Сіона	95
Видініє	96
Прорицаніє	98
Нашему віку	99
Славянам	101
Плевна	105
Нігілістам	106
Источник	111
Родимым	113
На 1-ое января 1880.	117
Бережской русской молодежи	122
Современный стих	127
Когда заботы...	133
Бывало и днесь	133

Стихи, опубліковані на сторонах новинки «Листокъ» (1885–1903)

На руинах Невичанскаго замка	135
Крест	135
Нашим читателям	136
Преосвященному Іоанну от Пастель, єпископу Мукачевскому, по поводу празднованія дня Єго Ангела	137
«Христос воскрес!»	137
Моїм землякам, на Новый год	139
Радостные звуки по поводу наименованія Єго в. пр. о. Юлія Фірцака в єпископы Мукачевскіє	140
Стих в честь Єго преосвященства Юлія Фірцака, єпископа Мукачевскаго, по поводу Єго хиротонїи во архієрейский сан, послідовавшей в неділю Цвітоносную т. г.	141
Привітствованіє преосвященнаго Юлія, єпископа Мукачевскаго, в час вступленія Єго в управленіє єпархієй	142
Нашим ділателям	143
Трём святителям	144
Поздравленіє Єго святійшеству Льву XIII-му, которое было продекламировано на празднестві, устроенном в духовной семинаріи унгарской по поводу Єго 25-лїтняго юбілея	147
Жизнь пуста...	149

ПРОЗА

Нищіє духом	153
-------------	-----

ДРАМАТУРГІЯ

Покореніє Ужгорода	273
--------------------	-----

ПУБЛИЦИСТИКА

Князь Феодор Корьятович	351
Ілюстрації	353
Заувагы и коментарі до текстів Є. Фенцика	369
Прінципы транслітерації творів Є. Фенцика, писаных язычієм	387

«Я РОДОМ УГОЧАНИН...»: ДАКІЛКО ЗАУВАГ И КОМЕНТАРІВ ДО БІОГРАФІЇ ЄВГЕНІЯ ФЕНЦИКА

ОДКАЗАНЫЙ НА ЗАБЫТЯ

За послідні пар років русинській історичній науці читаво ся подарило поступити у вопросі изученя творчости визначного підкарпаторусинського прозаика, поета, драматика, рівночасно – церковного служителя, літургісты, общественного діятеля, искравого публицисты, енциклопедично ерудованого літературознателя, плодного редактора и видавателя, товмача и педагога Євгенія Фенцика (5.10.1844 – 5.12.1903). И то на фоні наших гет підлых культурных условий, коли, зачинавучи од рока 1945, ани у советській тоталітарній Українській республіці (од 1945 р. и до р. 1991), ани у посттоталітарній незалежній Українській державі (од р. 1991 и до днесь) за вусямдесят років не было опубліковано ани єдної книжки творів писателя, не написано ани єдної монографії за єго літературной ци общественной діло, не искладено ани, хоть лем, бібліографії єго творів. Зато за велику серенчу и божой провидіня тримлеме тот факт, што в Ужгороді (на розділ од могили писателя у с. Горінчово, што заникла) добрі ся всокотив и стоїт доднесь великий погрудный памятник Є. Фенцику од познатой сохарьки Олены Шіналі-Мандич¹, котрый у далекому 1926 році у рамках Чехословацькой республіки поставила свому великому будителю русинська інтелігенція².

По столітю непамяти у році 2021 вийшла (під редагованям доц. В. Падяка) перва довгообчекована 400-сторінкова книга літератур-

1 Академічна сохарька Олена Шіналі-Мандич (1902–1975; Елена Шиналій-Мандичъ) родила ся у с. Дюлофалво (днесь с. Дюлешті, Румунія), а умерла и похована у Кошицах (днесь Словакія).

2 Звіт за торжественной одкрытя памятника Є. Фенцику в Ужгороді 16 мая 1926 рока был опублікований у пресі. *Позирай*: Торжественное открытіе памятника Евгения А. Фенцика въ Ужгородѣ. *Іп*: Русскій народный календарь Общества Александра Духновича на обыкновенный годъ 1927. /подъ ред. Д-ра Іосифа В. Каминского. – Ужгородъ: Книгопечатня Юлія Фелдешія, 1926, с. 68-71.

ных творів Є. Фенцика під назвов «Творы»³ од вшорителів В. Падыка и М. Павліча, котра уміщує лем 3 (штоправда, обсяглі) из помежи, як ся угадує, поверх тристо малых и великих творів писателя. Печатаням у 2023 році далшой книжки творів – під назвов «Князь Корьатович» – інтерес до творчости Є. Фенцика, віримо, мав бы ся оживити. Є напланована (на далшый рік) наша третя публикація – книжка начерків Є. Фенцика за славянські літературы. Знаємой діло, же Є. Фенцик як літературознатель лишив по собі дакілко оригінальных, а то монографічного формата научно-популярных статей, як то «Очерк словацкой литературы», «Краткая история русского языка и словесности», «О славянских языках и литературах», «Краткая история старо- или церковно-славянского языка и словесности», аж наконець майавторітетне жерело інформацій за русинських літераторів и розвой літературы у підкарпатських русинів – історичный начерк «Очерк угро-русской письменности». Ушыткі тоты творы из історії языка и літературы плануєме дати до третьей книжки творів Є. Фенцика (плануєме ї выдати у році 2025; тыж буде то 400-сторінкова книга); и так, наконець, мож буде зачати приправлєвати многотомне избрания творів сєго писателя – аж у 4-х книжках.

Сяке докладне изученя творчого наслідства будителя и писателя Є. Фенцика днесь закономірно выкликує інтерес до єго біографії, потребу знати родостром родини Фенциків, а выдтак, як ся то проявило, знати історію веще грекокатолицьких сященых родів, як то род Фенциків, Фірцаків, Гаджег и др. Межи тым, треба зазначити: за історію рода Фенциків маєме в роботах істориків лем курті інформації, а сам писатель по собі автобіографії не лишив⁴. На сторонах журналу «Листокъ», котрый Є. Фенцик засновав и редаговав, лем подаколи находиме відомости за род Фенциків, главно курті відомости, як то некрологы, інформації за браковінчання ци искомченя духовной семінарії. Ай кедь редактор «Листка» поміщав подобні матеріалы на сторонах своей новинки, він нияк, ани єдным словом нигда не прозрадив тайну своего одношеня до той ци иншакой події (ци спочилый му вуйко, ци невіста му дівка, ци молодой сященик му зять и т. д.). Зато мусиме самі ся додумовати, як тота ци иншака інформація ся дотыкає писателя Є. Фенцика.

3 ФЕНЦИК, Євгеній. Творы / Вшорили: В. Падык, М. Павліч. – Пряшів, 2021, 400 с.

4 Подля інформації д-ра Марьяны Лявинец, родина Фенциків по тому як советська окупаційна адміністрація у р. 1945 засудила на смерть політика и общественного діятеля С. Фенцика (быв реабілітований лем у році 1992), обы не накликати на себе далшу биду, спалила архів роду Фенциків, включно из архівом писателя Є. Фенцика.

ОТЕЦЬ ПИСАТЕЛЯ

Житєвий путь о. Євгенія Фенцика схожий на біографію хотькотрого из карпаторусинських грекокатолицьких сящеників. Сынове попів тыж ставали попами. Так то было и у родині о. Андрея Фенцика, котрый зачав свою церковну місію сященика у році 1844 у селі Мала Мартинка (комітат Берег, Угорське корольство; днесь Мукачевський раён Закарпатської области, Украина). У тому селі на бережку, котрый містні люде звали Голицёв, стояла деревляна церков Різдва пресвятой Богородиці. Отець будучого писателя был добрым пастырём, лишив по собі у селі неумераючу память. При нём у 1852 р. містна церков ся поповнила новым (середнім) звоном. Видав, была то значуща подія у історії села Мала Мартинка, бо обстала у памяти селян и дійшла до наших днів.⁵

Нам ся подарило однайти фотографію маломартынської церкви Різдва пресвятой Богородиці на сторонах «Листка» од 1. сектембра 1896 рока⁶. Видав, сесе фото редактор новинки Є. Фенцик подав из свого родинного архіва. И, видав, сперед церкви стоїт акурат сященик той церкви о. Андрей Фенцик, але за сесе можемо лем ся здогадовати, бо нияков інформаціёв за тоту особу на фотографії Є. Фенцик текст не застачив. На наш позір, фото (*позирай* го у розділі «Ілюстрації») мож однести до другой половкы ХІХ столітя, коли о. Андрей ищи дослужовав у с. Мала Мартинка авадь пізнійше, коли приходив туй на гроб свого сына, што умер ищи дїтваком.

За даякий час о. Андрей Фенцик из родинов перейшов жити до села Вышній Шард (днесь с. Широке Берегівський р-н). Туй він служив скоро цілоє своє життя – у роках 1857–1888. У селі ищи стояла на тот час деревляна церква (од року 1774), але о. Андрей зачав из вірниками ставити нову, муровану церкву. Тото будованя ся затягло на цілых двадцять років, бо не было фінансів (пак тоту історію писатель покладе в основу сужета повісті «Нищіє духом»). Нова церква – св. пророка Їлья – была освячена лем у році 1886. За сесе событіє написав «Листокъ». У розділі «Новости, смѣсь» (сесь розділ, ясной діло, вів Є. Фенцик) новинка писала:

5 СИРОХМАН, М. Церкви України – Закарпаття. – Львів: Видавництво «Мс», 2000, с. 279. Важно зазначити, што інформації за сесю деревляну церкву не потрапили до видання-реєстра утрачених церков Підкарпатя. Позирай: СИРОХМАН, М. Втрачені церкви Закарпаття. – Торонто – Ужгород, 1999, 124 с.

6 *Позирай*: Листокъ, 1896, Нрѣ 17., 1. сѣнтября, с. 198.

«Въ Вышнемъ-Шарду отбылось 20. іюля (1. августа) благословеніе новосозданной прекрасной каменной церкви. Церковь сія сооружалася через 20-ти лѣтъ, наконецъ окончена и благословена. Она особенно поражаетъ пропорціональностью своихъ частей, что причиняетъ ей такую обвороживающую прелесть, что наблюдатель не можетъ снять съ ней своихъ очей. Церковь эта сооружалась подъ руководствомъ о. Андрея Фенцика, пароха в.-шардовскаго...»⁷.

Из даякой причини, за котру можеме лем ся здогадовати (видав, через довгодобой будованя церкви сященик мав поспуті односины ходем из частѣв вірників того села), о. Андрей Фенцик у році 1888 перейшов служити до недалекого (за 14 км) с. Зарічя (комітат Угоча, Угорське корольство; днесь Хустський раён Закарпатської області, Україна), де (у році 1887) умер сященик – довгорочный парох той церкви о. Василій Фірцак, котрому він ся приходив шовгором. Штоправда, доля судила му туй служити лем два роки. Некролог за смерть о. Андрея Фенцика находиме на сторонах «Листка» од 1. октября 1890 рока. Як гласит текст некролога,

«О. Андрей Фенцикъ приходскій священникъ Зарѣчскій и почет. благочинный 15. (27.) сентября въ 70-омъ году жизни и 47. священничества, послѣ благоговѣйнаго принятія св. тайнъ, вслѣдствіе запаленія легкихъ, упокоился. Богъ да помянетъ и упокоить его!»⁸

Нараз по погребі свого вітця Є. Фенцик публично (через новинку «Листокъ») подяковав сященикам, котрі прийшли на панахиду до Зарічя, а пак спровожавали гроб из тілом усопшого до Вішнёго Шарду; він опубліковав сякий текст «благодаренія»:

«Всѣмъ Впр. Отцамъ, которые принимали участіе въ похоронахъ моего незабвеннаго родителя въ Зарѣчью и которые благоизволили сопровождати тлѣнные останки его въ Вышній Шардъ, въ имени своемъ и цѣлаго семейства, излагаю свое сердечное благодареніе. Евгений Фенцикъ».⁹

Можеме курто резумовати: о. Андрей Фенцик родив ся 30 септембра 1820 рока¹⁰, а умер 15. (27.) септембра 1890 рока и прожив

7 [ФЕНЦИК, Е.]. Новости, смѣсь. In: Листокъ, 1886, Нрѣ 15., 1. (13.) августа, с. 335.

8 *Позирай:* Листокъ, 1890, Нрѣ 19., 1. октября, перва сторона обкладинки.

9 *Позирай:* Листокъ, 1890, Нрѣ 19., 1. октября, третя сторона обкладинки.

10 Сесею інформацію подає єден из майавторітетных церковных істориків Мукачевської грекокатолицької єпархії Іштван Бендас (1903–1991), рукопис котрого лем недавно

соро 70 років. У 1843-му році був посвячений на грекокатолицького священника. Служив у селах Мала Мартинка (у рр. 1844–1857), Вышній Шард (у рр. 1857–1888) и Зарічя (у рр. 1889–1890). Умер у с. Зарічя, айбо поховали го у с. Вышній Шард (Широке), де на тот час уж были поховані дакотрі из членів ёго родини.

МАТИ ПИСАТЕЛЯ

Треба признати, же имня матери писателя – Анна Фірцак – нам ся подарило однайти лем у посмертній біографії Є. Фенцика, котру исклав Августин Волошин и опубликовав у последному (двойному) числі «Листка»¹¹, што го по смерти вітця одредаговав и напечатав сын Нікон Фенцик, священник у Шарошпотоку. А. Волошин высоко оцінив духовный подвиг Є. Фенцика. Він писав:

«...заслуженнѣйшій нашъ патріотъ, вѣрнѣйшій сынъ своей церкви и своего племени. Евгений Фенцикъ былъ превосходный по уму и по добротѣ сердца человекъ. Онъ видѣлъ залишенность своего угро-русскаго народа, чувствовалъ въ себѣ умственную силу и уже въ молодости поставилъ святою должностію своею розвивати свой церковный, свой материнскій языкъ, служити литературѣ, служити идеализму, служити честно и патріотично просвѣщенію своихъ земляковъ... Родители его Андрей Фенцикъ и Анна Фирцакъ уже въ отцевскомъ домѣ подали душѣ малаго Евгения направленіе къ побожности, честности, трудолюбію и патріотичности».¹²

Видав, статя А. Волошина стала надійним жерелом про далших біографів Є. Фенцика. Приміром, еден из потомків Є. Фенцика – Ендре Байза – у 2003 році почас конференції из нагоды

былъ выданный під редакцієв Іштвана и Аніты Марошів. *Позирай*: MAROSI, I., MAROSI, A. Bendász-Hagyatéksorozat 4: A történeti Munkácsi Görögkatolikus Egyházmegye papí névtára. МАРОШИ, І., МАРОШИ А. Спадщина Бендаса 4: Іменний довідник священників історичної Мукачівської Греко-католицької Єпархії. – Beregszász – Берегове, 2023, с. 251.

11 ВОЛОШИН, А. Евгений А. Фенцикъ (*1844. +1903.). *Іп*: Листокъ, 1903, Нръ 23. и 24., 15. декабря / Отвѣтственный редакторъ сего номера Никонъ Фенцикъ, с. 257-259.

12 Там же, с. 257-258.

100-ручя од дня смерти писателя Є. Фенцика тыж потвердив, же мати писателя звали Аннов¹³.

У многих деталях за род Фірцаків подав інформації церковный історик Мукачевської грекокатолицької єпархії Іштван Бендас (1903–1991). Подля ёго інформацій, Анна Фірцак ся родила у році 1827 и умерла у році 1880.¹⁴

Выдтак, Анна Фенцик (у дівоцтві – Фірцак) походила из священного рода Фірцаків – вна ся родила у родині священника Петра Фірцака и матери Анны (у дівоцтві – Поп). У тів родині доста извістным став її старший рідный брат и священник Василій Фірцак (1809, Осой – 7 марця 1887, Зарічя).

Василій Фірцак (вуйко писателя Є. Фенцика) здобыв добру освіту. Отець му (дідо Є. Фенцика по маминій лінії) священник Петро Фірцак и мати Анна много ся постарали, обы дати своему дітваку-ви Василю добру прімарну освіту. Василь школованя зачав у себе дома, дале выходив гімназію в Ужгороді и Кошицях, а богословіє – на Пештянському універзитеті. Прийняв сан священника у 1834 році у Пряшові. Высвятив го єпископ Пряшевської єпархії Григорій Таркович. Молодий священник пішов служити до Худлєва (комітат Унг, Угорське корольство; днесь Ужгородський раён Закарпатської области, Украина), за даякый час перейшов до села Зарічя. Туй, у Зарічю, він ся потрудив скоро 45 років. За даякый час став благочинным (деканом) кумнятського церковного округа. Од року 1867 був архидияконом Угочанського округа. У родині о. Василя Фірцака и Терезії (у дівоцтві – Гаджега), дівки благочинного (декана) кумнятського ся родило (ищи у Худлєві) двоє дітей – дочка Марія и сын Юлій (1836–1912) – єден из самых авторітетных церковных ієрархів у карпатських русинів – єпископ Мукачевської єпархії Юлій Фірцак (єп. од року 1891).

Ушытку тоту інформацію за род Фірцаків начеряли сьме из публикацій редактора «Листка» Є. Фенцика, котрый, набізувно, добрі знав ся на деталях біографій своїх родаків и через цілой своє життя всокотив теплі взаимины из єдным из славных священників из роду Фірцаків о. Василієм.

13 БАЙЗА, Е. Литературна діяльність греко-католического священника Евгения Фенцика (до 100 р. из дня смерти 5 децембра 1903 р.). Часть II. *Іп: Русинський світ. Ruszin világ.* – Budapest. – Річник II. Число 5 (фебруар 2004), с. 6-7.

14 MAROSI, I., MAROSI, A. A. Bendász-Hagyatéksorozat 4: A történeti Munkácsi Görögkatolikus Egyházmegye papí névtára. МАРОШИ, І., МАРОШИ А. Спадщина Бендаса 4: Іменний довідник священників історичної Мукачівської Грекокатолицької Єпархії.– Beregszász – Берегове, 2023, с. 251, 259.

Первый матеріал – некролог о. В. Фірцака – находиме у журналі «Листокъ» за 15. (27.) марта 1887 рока¹⁵. Смерть о. Василя Фірцака (умер 7. (19.) марта) справила сильное враженіа на Є. Фенцика. Зато він рішив майшироко поінформовати читателів за житія о. Василя Фірцака. Їго біографічна стаття під назвов «Василій Фирцакъ. 1809–1887» вказала ся у далшому числі «Листка»¹⁶, а тыж він ї загнав до Львова, де ї напечатала новинка «Слово»¹⁷. Автор затаює родинні узы из о. Василям Фірцаком, межи тым емоційна лексика провказує читателю теплі одношеня, котрі были межи нима:

«...сообщили мы печальную вѣсть, что всѣми нами глубоко уважаемого и сердечно любимаго батюшки Василя Фирцака нѣтъ болѣе, что его вырвала изъ круга нашего – изъ любовныхъ объятій нашихъ неумолимая смерть» (с. 105).

Дале Є. Фенцик пише за заслугы о. Василя Фірцака на ниві християнської виховы своїхъ прихожан, але тыж у справі будованя нового сельського храма (церквы Святого Духа, 1881):

«...предпринялъ онъ высокую цѣль: привести прихожанъ своихъ къ Христу. Въ томъ направленіи потрудился онъ здѣсь около 45 лѣтъ и труды его увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Въ цѣлой широкой епархіи мукачевской нѣтъ такой общины, въ которой жители дышали бы такимъ глубоко-религіознымъ чувствомъ, якъ въ Зарѣчѣ. Зарѣчане охотно жертвуютъ на богоугодныи цѣли, ходятъ прилѣжно на богомоліе, любятъ и почитаютъ духовныхъ путево-дителей своихъ и построили при руководствѣ своего духовного отца храмъ, которому подобный едва найдется въ цѣлой епархіи мукачевской. Розумѣется, что религіозное чувство розвивалъ въ своихъ прихожанахъ о. Василій Фирцакъ прежде всего своимъ примѣромъ. Онъ въ совершеніи богослуженія являлся всегда ревнымъ, в проповѣданіи слова божьяго неутомимымъ, къ нищимъ – сочувствительнымъ, къ всѣмъ – челоуѣколюбивымъ. Его домъ былъ не только образцемъ гостепріимства, но пріютомъ и прибѣжищемъ нищихъ. А добрыи дѣла творилъ онъ не для того, чтобы похвастатись ними, но про ихъ внутреннюю цѣну» (с. 2).

Акурат стаття Є. Фенцика за о. Василя Фирцака (у Листку» и «Слові») є надійним жерелом інформацій за родину о. Василя Фір-

15 *Позирай:* Листокъ, 1887, Нрѣ 6., 15. (27.) марта, с. 96.

16 Е. Ф. Василій Фирцакъ. 1809–1887. *Ін:* Листокъ, 1887, Нрѣ 7., 1. (13.) апрѣля, с. 105–107.

17 Е. Ф. О. Василій Фирцакъ (Посмертное воспоминаніе). *Ін:* Слово. – Львів, 1887, Ч. 35–36, с. 2.

цака. Фенцик пригадав цілої земной житя о. Василя, але написав тыж за ёго дітей, він пише:

«Рукоположень онъ въ пресвітеры 1834 года въ Пряшевѣ тог-
дашнимъ епископомъ пряшевскимъ Григоріємъ Тарковичемъ
и сейчасъ опредѣленъ былъ приходникомъ въ Худлѣвѣ. Здѣсь
родилась дочь его Марія и сынъ Юлій, нынѣшній общелюбимый
протопресвітер мукачевского капитула. Лишь короткое время
оставался онъ въ Худлѣвѣ, ибо вскорѣ назначенъ былъ приход-
скимъ священникомъ въ Зарѣчѣ и благочиннымъ кумнятского
церк. округа» (с. 2).

Можеме курто резумовати: Мати писателя Анна Фенцик (1827–1880) походить из поважного сященичого роду Петра Фірцака и Анны (Поп). У році 1843 (як шістнадцятьрочна) вона ся оддала за Андрея Фенцика, скоро по тому высяченого грекокатолицького сященика. Будучому епископу Ю. Фірцаку вона ся приходила стрыйнов. Выдтак о. Євгеній Фенцик єп. Юлію Фірцаку ся приходив братом (стрийчаником). Коли Анна Фенцик умерла, родина Фенциків жила у с. Вышній Шард (Широке). Видав, поховали ї акурат на вышнѣшардовському цвинтарі (де уж были могилы дакілко її дітей). По десяти роках коло неї поховали її мужа Андрея.

СЕСТРЫ И БРАТОВЕ ЄВГЕНІЯ

Родина Фенциків была многодітнов. Кілко дітей было у родині о. Андрея и Анны Фенцик, за вто раз не маєме повной інформації. Даякі курті відомости подає нам сам Є. Фенцик у своєму стихові «На братской могилѣ» (Свѣтъ, 1867, № 17). Стих (поету было 23 roky) має автобіографічний характер и сповіщає за селський цвинтарь (у рідному селі Вышній Шард), де на осінь він навщивив могилы двох своїх братів – Корнелія, котрый умер уж як хлопець школьного віка, и Андрея, котрый, як ся угадує из контекста стиха, умер нараз по народженю:

Ты жил, учился, Корнелій,
Узнал, что живот;
А тебя, Андрей любезный,
Ребёнком облил мстительной
Смерти зимный пот.

Ты сплатил уж долг Корнелій,
Перебыл печаль;
Н[о] оставил нас печальных
В жалости, веригах стальных –
Сам улетіл вдаль!

Ты, Андрей, не знал бід земных
Ты мыслить не знал,
Дух твой, как стон груди ніжною
Утонул в дали лазурной,
Там пред Богом стал!

Дух ваш там, милые братья,
Гді печали ніт;
Я над могилой холодной,
Гді ваш прах, душею больною
Зрю печальный світ.

Могила братів легко дає ся однайти: як пише поет, їх поховали «при церкви» (деревляній церкви – В. П.). Межи тым, як пише автор, суть там, на сільському цвинтарю, лем дві могили... А де третій їх брат? – риторично звiдає поет и дає отвіт, – Третій їх брат похований у с. Мала Мартинка, де колись вни жили:

Да, я здісь душой смятенной
Горьки слезы лью;
И не вижу братьев милых,
Они смотрят с звiзд небесных
На бiдну землю.

Не вижу; при церкви только
Два гроба стоят;
А я, обняв крест приглавный,
Прижал его к груди страстной,
Мысля: это брат.

Дві могили, но гді третья,
Гді третій брат мой?
Ах, Корнелій, ето, первой,
Тлієт при церкви Мартинской
В тишині святой.

Там меж дикими горами
Спочивает он;
Місяц озарил могилу,

Піснь поёт єму умильну
Вітра жалкий стон!

Далші інформації находиме у тексті некролога Є. Фенцика. На час смерти писателя у 1903 році были живі пятеро ёго менших братів и сестер: Анна Фенцик (1850–1906; в одданю Мешко), Ірина Фенцик (1859–1915; в одданю Чорба), Єлена Фенцик (1863–1911; в одданю Гомічко), о. Андрей Фенцик (1866–1926), котрый ся оженив на Юліані Легезі, и Емілія Фенцик.

Интересно, што у родині Фенциків двоє дітваків были покрещені на імня «Андрей». Первый Андрей умер, выдав, новорожденным. Єден из далших (последних) дітваків у родині тыж дістав крестное імня Андрей. Сесь, другый, Андрей Фенцик став священником, а ёго сын Стефан Фенцик (1892–1946), тыж священник, став извістным общественным и політичным діятелём Підкарпатської Руси¹⁸.

Годно быти, же акурат «другый» Андрей Фенцик є тым май-молодшым братом писателя, котрому поет Євгеній Фенцик веновав стих під назвов «Наймолодшому брату». Оригінал того стиха ся стратив. До нас дійшов лем переклад того стиха (під псевдонімом «Владимір»), потовмачений на галицько-руський языковый варіант од анонімного товмача, што го опубліковала львівська новинка «Учитель» у 1871 році. Ниже подаєме сесь стих в оригіналі и без покуртань:

НАЙМОЛОДШОМУ БРАТУ

Молодое сердце красне,
Якъ весна весела, мила –
Будь же вѣчно чисте, ясне,
Якъ надѣя бѣлокрыла!

Не лети вѣ гулянки виръ,
Там неволя и ненастье –
Най тебе голубить миръ,
Тѣлько вѣ мирѣ рай и счастье!

За тобою сонъ легенькій,
Предъ тобою шляхъ широкий –
О, будь вѣчно молоденькій,
Братчику мѣй ясноокій!

18 БЕНДАС, Д. Пам'яті Стефана Фенцика (1892–1946) /З українського языка на русинський потовмачила М. Лявинець. *Ін: Русинський альманах* 2017. Будапешт, 2018, с.115-118.

Тыж традиційно у русинських історичних публікаціях помежи братове Є. Фенцика пригадує ся имня священника и художника Петра Фенцика – вітця художника Корнелія Фенцика (14.07.1856 – 1897)¹⁹, але сесь вопрос требує додаточного изученя архівных матеріалів.

ЄВГЕНІЙ ФЕНЦИК

Писатель Євгеній Фенцик родив ся у селі Мала Мартинка 5 октовбра 1844 рока. Отець и мати старали ся выховати дітей у народнім духу. Як писав єден из Фенциковых біографів Павел Федор, «Его родители происходили изъ старыхъ русскихъ [русинських – В. П.] фамилий и это во многомъ опредѣлило и склонности ребенка. Въ кругу своей семьи онъ уже былъ патриотомъ»²⁰.

Основну школу Є. Фенцик скончив у свому селі. Гімназію (вусям класів) выходив в Ужгороді и Сатмарі (днесь Сату Маре, Румунія). Ужгородська гімназія на тот час мала лем шість класів. До семого класа вна была підвишена лем у році 1856²¹. Так же послідный (ци, годно быти, два послідні гімназіалні роки) Фенцику ся прийшло выховати у Сатмарі.

Интерес до теологічного образования привів го до Відня. Туй у Централній грекокатолицькій семінарії при Віденському універзітеті він ся учив у роках 1865–1868. Сесе были роки політичної трансформації Австрійської державы, вытвореня у 1867 році дуалістичной монархії – Австро-Мадярщины. Лібералні реформы на ранішній етапі тых трансформацій 1860-х років помагали еманципації славянських народів у державі. Културні рухы у Відні, де были репрезентовані скоро вшиткі славянські народы Австрійської

19 *Позирай* хоть лем статью: ЛЯВИНЕЦ, М. Корнелій Фенцик: до 150-рочя из дня рожденія. *Ин:* Русинський альманах 2006 / Составителі: А. Лявинец, М. Лявинец, С. Лявинец. – [Будапешт, 2006], с. 80-81.

20 ФЕДОРЪ, П. Очерки карпаторусской литературы со второй половины XIX столѣтія / Изданіе Культурно-Просвѣтительнаго Общества имени Александра Духновича въ Ужгородѣ. Выпускъ 56. – Ужгородъ: Типографія Г. Миравчика, 1929, с. 47.

21 ЯНОВИЧЪ, П. И. Корреспонденція, Унгварь 6. (18.) декабря. *Ин:* Церковная газета, въ пользу Восточно-каѳолической церкви... – Будинь, 1856, № 39, 20. декабря (1. генваря 1857), с. 310-311.

держави, поступно випестовали ідею єдноти межі вшиткыма славянськыма народами. Сесі ідеї заінтересовали молодого Фенцика. Він ся заохотив славістиком, навщивляв лекції познатого словенського австрійського славіста Франца Міклошича. (На лекціях у Міклошича він ся познакомив из галицькым студентом Богданом Дідицькым – будучым редактором многих галицькых видань русофілського направеня). Туй ся у нёму збудив інтерес до красной літературы. Євгеній зачав писати стихи.

Помежи Фенцикові познаємники був Михайло Федорович Раєвський – російський священник на дипломатичній службі²². Видав, акурат він був тов особов (як пригадовав А. Волошин, котрый дашто чув од Фенцика за тоту історію, – «один русский князь»), котра ся причинила до одміны студента третёго рочника богословія Є. Фенцика грошима (25 золотых) за єден из ёго стихів²³. Ищи як студент Фенцик у 1867 році зачав заганяти свої стихи до редакції первой русинської новинки «Свѣтъ», котра акурат у тому році зачала виходити в Ужгороді.

У році 1869 Є. Фенцик був высычений на грекокатолицького попа. Скоро по тому ишов служити до села Богаревиця (мад. Faluska; Бережська жупа; днесь Берегівський раён Закарпатської обл.). У селі Богаревиця стояла стара деревяна церков, де и служив Є. Фенцик до середини 1871 рока.

В архівах Петербурга ся сохраниявут два письма Є. Фенцика, написані о. М. Раєвському до Відня. Из письма од 14 мая 1869 рока, котре він загнав из с. «Богеревица» (акурат так написано!), дознаєме ся, же Фенцик попує («рукоположенъ во пресвитеры») у тому селі. Тыж курто він пише за свій сімейный став. Ниже подаєме письмо без покуртань²⁴:

22 **Раєвський М. Ф.** (1811–1884) – священник, поважна постава в історії російської дипломатії. У роках 1842–1884 був настоятелём російської посольської церкви у Відні. Общественный діятель славянофілського направеня. В Австрійській державі сповняв функції заграничного контрагента російських Славянських комітетів. Выдтак, посередствовав межі Славянськыма комітетами у Росії и культурныма діятелями славянських земель: спомагав фінансами а тыж російськов поліграфієв общественні організації, редакції часописів, націоналну моложаву и студентів, способив ширеня ідей славянофілства, агітовав новинарів-русофілів заганяти свої кореспонденції у славянські одділы російських новинок «Русская беседа», «День» и др. Інформовав російські державні інституції за славянське двиганя в Австрійський державі.

23 **ВОЛОШИН, А.** Евгений А. Фенцик (*1844. +1903.). *Іп:* Листокъ, 1903, Нръ 23. и 24., 15. декабря / Отвѣтственный редакторъ сего номера Никонъ Фенцикъ, с. 258.

24 Сесе письмо у Петербургу виявив о.Константин (Тимофесв). Дякуєме му за возможность опубліковати текст письма.

Христось воскресє!

Богеревица Мая 14. 1869

Любезнѣйшій батюшка!

Извините, что я такъ довѣренно пишу къ Вамъ, но я тотъ самый, который былъ какъ семинаристъ, и я убѣжденъ, что Вы это благосклонно пріймете. Я слава Богу уже рукоположенъ во пресвитеры и увы до сихъ еще обрытъ и остриженъ, но мы надѣмся на Господа, что эта окаянная западня бритва уже не долго будетъ дѣлать съ насъ чубаковъ.

Я женился на Маріи Васовчиковой, дочери одного ревнаго русскаго православнымъ духомъ обдареннаго священника; фамилія его вышла изъ Россіи, принадлежитъ фамиліи Василчевъ, которая здѣсь въ Венгріи теченіемъ времени перемѣнилась въ Васовчики.

Я посылаю Вамъ любезнѣйшій батюшка свою фотографію вмѣстѣ съ супругою, надѣясь, что вы это благосклонно пріймете, какъ знакъ моей къ Вамъ преданности.

Радъ бы знать, есть-ли у Васъ теперь любезнѣйшій батюшка требникъ, литургиконъ да часословъ [въ] 8-ую долю московскаго изданія, – ибо ужасъ какія у насъ богослужебныя книги, – я хотѣлъ бы ихъ на свою часть приобрѣсти²⁵, для того любилъ бы знать и цѣну ихъ.

Не забываютъ обо мнѣ во своихъ молитвахъ.

Прощайте, весь Вашъ

Евгеній Андр. Фенцикъ,

священникъ.

У 1871 році містні люде по селах Богаревиця, Воловиця и Комловш (днесь Хмільник) зачали выказовали неспокойность. И то зато, як писав Є. Фенцик²⁶, бо церковна адміністрація Мукачевської єпархії статус матірної церкви у тів парохії приділила селу Кивяждь (днесь Кам'янське), а далші три церкви у селах Богаревиця, Воловиця и Комловш ставали філіалками матірної церкви. Влада тримала за підбурюючу особу молодого попа Фенцика, а ужгородська мадярськоязычна газета «Ung» опублікувала критичну замітку. Є. Фенцик из честів боронив свою репутацію на сторонках

25 На тому письмі на білому полі о. М. Ф. Расвський записав простов церузов курту фразу: «Послалъ требникъ, служебникъ и часословъ».

26 ФЕНЦИКЪ, Е. А. Изъ подъ Бескида: Корреспонденція. In: Новый Свѣтъ, 1871, № 17, с. 3-4.

новинки «Новый Свѣтъ». Скоро по тому, кедь ся изрушило місто попа у с. Богаревиця, церковна адміністрація приділила Є. Фенцика на новой місто попованя.

У 1871–1872 роках Є. Фенцик служив у селі Буковець на Бережській Верховині (Бережська жупа, днесь Мукачевський раён). В ужгородській новинці «Новый Свѣтъ», де він заганяв свої кореспонденції, Фенцик ся підписовав як «администраторъ Буковецкій»²⁷.

Туй яло бы сочасному читателю пояснити статус «адміністратора» у грекокатолицькій церкви. Як писав авторитетный знатель традицій грекокатолицької церкви о. Анатолій Кралицький (1835–1894), духовенство ся розділяє на три розряды: парох, адміністратор и капелан. Далє він розясняв:

«Затем уж следует приходское духовенство, разделяющееся на три разряда: парохов, администраторов и капелланов (сотрудников). Здесь различие только то, что парох – постоянный пастырь известного прихода, администратор – временный, а сотрудник – без всякого служебного срока»²⁸.

То значит, што молодого священника Є. Фенцика поклали у Буковець адміністратором – лем дочасным попом. Буковець – бідной верховинської село, што ся испрятало межи горами Пікуй, Остра и Рівна на пути из Жденієва до Ужжа. Але акурат туй він найшов душевний спокій и не без іронії подяковав єпископу С. Панковичу («Преосвященному») за то, же го приділив до Буковця:

«... я благодарю Божіє провидѣніє, что позволило мнѣ опредѣлѣти мѣсто по моему вожделѣнію. Буковець – не лгу, если скажу – есть наилучшій приход для мѣня. Здѣсь мало чиновственныхъ занятій; для того могу я свободно предатися любимымъ мною литературнымъ занятіямъ. Правда, я далеко отъ людей, но мнѣ уже наскучало видѣти коварное лицемѣріє многихъ, – впрочемъ, этотъ недостатокъ изобильно выполняетъ здѣсь созерцаніє красной природы и великолѣпія Божіяго міра. Если взгляну на нашъ Русскій Бескидъ, онъ восхищаетъ меня, онъ воспаляетъ воображеніє мое и наполняетъ сладкимъ вдохновеніємъ грудь мою. Верховина, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлаетъ меня поэтомъ! Как же не благодарити мнѣ Божіє провидѣ-

27 Там же..., с. 4.

28 [КРАЛИЦЬКИЙ, А., СІЛВАЙ, И.]. О современном положении Русских в Угрии. *Ін:* А. КРАЛИЦЬКИЙ. Князь Лаборець: Выбрані твори / вшорили: В. Падык, М. Павліч. – Пряшів, 2020, с. 314.

ніе и нашего Преосвященнаго, который, чтобъ дати мнѣ досужное время для литературныхъ занятій и чтобъ вселити милый жаръ вдохновенія во грудь мою, назначилъ меня на такъ живописное мѣсто.

Что же касается доходовъ, они, правда, довольно скудны, но однако довольны для того, чтобъ одинъ молодой, еще великаго семейства не имѣющій человѣкъ изъ дня на день прожилъ. А роскошамъ предаватися и не намѣренъ. Когда же умножатся выдатки, тогда, надѣюсь, и доходы нѣкимъ путемъ увеличатся. Для того нѣтъ чого печалиться...»²⁹.

Статус Є. Фенцика ся поміняв, коли церковна адміністрація Мукачевської єпархії іменовала го на пароха села Дусино (Бережська жупа; днесь Мукачевський раён). Туй він («парох Дусинскій») служив од 1873 до 1882 рока. По неповних десяти роках єпархіальна влада Мукачевської єпархії іменовала о. Є. Фенцика «въ пароха въ Порошково»³⁰ (Ужанська жупа, днесь Ужгородський раён). Туй из родинів він перебував у роках 1883–1894. Аж на-конець далші скоро девять років (апріль 1894 – децембер 1902) Є. Фенцик служив у селі Великий Раковець (Угочанська жупа, днесь Хустський раён). У році 1896 Є. Фенцика вибрали членом розширеного Засідання консисторії Мукачевської єпархії³¹. Послідний рік свого життя Є. Фенцик як «приходскій священникъ» (парох) служив у с. Горінчево (*мадяр.* Herincse, Мараморошська жупа, днесь Хустський раён).

У послідні роки життя Є. Фенцик тяжко хворів; він ся бідкав, же хворота заважає му редаговати журнал «Листокъ». Як ся признавав, «все это произошло по тяжелой болѣзни расширения сердца, которой уже отъ двухъ годовъ страдаю»³². Умер 5 децембра (подля старого календаря – 22 новембра) 1903 рока.

Некролог, напечатаний на обкладинці децембрового числа часописа «Листокъ» (число вийшло 15 децембра), інформовав читателів и читателёк за тоту смутну новину:

29 ФЕНЦИКЪ, Е. А. Изъ подъ Бескида: Корреспонденція. *Іп:* Новый Свѣтъ, 1871, № 17, с. 4.

30 Распоряженіе єпархіального правительства. *Іп:* Карпатъ, 1882, 11. число, 29-го (11-го) марта, с. 3.

31 Новости, смѣсь. *Іп:* Листокъ, 1896, № 3.

32 ФЕНЦИК, Е. Духовно-литературный журналъ «Листокъ» на 1904. годъ. *Іп:* Листокъ, 1903, Нрѣ 22., 15. ноябрю, с. 1-2.

«ЕВГЕНІЙ ФЕНЦИКЪ
отвѣтственный редакторъ-издатель «Листка»
22-го ноября скончался.

Неумолимая смерть не пощадила его, тяжкая его болѣзнь, которой страдалъ отъ двухъ годовъ, уничтожила силы его и бого-бойно приобщившись св. Тайнъ, 22-го дня минувшаго мѣсяца у 3 часы по полудню умеръ»³³.

Некрологъ постфактум курто інформовав за погріб писателя, котрый ся одбыв 7 децембра (подля старого календаря – 24 новембра) «на горинчовскомъ общомъ кладбищѣ» и на котрый прийшла навала людей:

«Погребеніе кончалъ О. Іоаннъ Васковъ тит. каноникъ съ больше священниками, бесѣду прощальную сказалъ О. Викторъ Тегзе, парохъ быстрианскій. Коло могилы его заплакали его дѣти, вѣрники и знакоміи, но заплакалъ и весь угро-русскій народъ, который о свѣтлой личности покойнаго всегда долженъ памятити»³⁴.

Некрологъ вміщав тыж увідоменя, котре у переддень погреба поширила родина спочилого и у котрому вдова Є. Фенцика Марія Фенцик (1849–1931, у дівочтві Васовчик) так од себе, як од цілої родини сповістила за смерть «незабвеннаго мужа, лучшаго отца и дѣда, любимаго брата и сродника Евгенія Фенцика, гр. кат. пароха горинчовскаго, скончавшагося ... на 60 году жизни и 35-омъ супружества и священства»³⁵.

Смерть вітця, діда, брата, зятя, шовгѣра оплаковала велика родина Фенциків. Межи прочым, як пригадовав єден из Фенциковыхъ потомків Ендре Байза, Є. Фенцик «из свойов супругов Марійов Васовчик жив примірным родинным животом, воспитуючи 13 дітей»³⁶. На час смерти писателя, як за того сповіщає некролог Є. Фенцика, было у них десятеро дітей и десятеро внуків: 1) сын Нікон и невістка Єлисавета, їх сын Александр, 2) дочка Ксенія и зять Емілій Ференчик, їх діти Елена и Єлисавета, 3) дочка Ольга и зять Емілій Штейфан, їх діти: Августин, Андрея, Ольга, Магдалена, Валерія, 4) сын Язон, 5) дочка Євфемія и зять Емерік Фанкович, 6) дочка

33 [Некролог Є. Фенцика]. *Лл*: Листокъ, 1903, Нръ 23. и 24., 15. декабря / Отвѣтственный редакторъ сего номера Никонъ Фенцикъ, перва сторона обкладинки.

34 Там же, друга сторона обкладинки.

35 Там же.

36 БАЙЗА, Е. Литературна діяльність греко-католического священника Евгенія Фенцика..., с. 8.

Александра, вдова по Василю Калошу, 7) дочка Євгенія и зять Євгеній Петрашович, їх діти Ольга и Марцел, 8) дочка Віра, 9) дочка Анізія, 10) дочка Єлисавета.

На горінчовському цвинтарі могила писателя Є. Фенцика ся не сохранила. Днесь уж ніхто из старожителів села не пам'ятає ані на тоту славу особність русинської будительської інтелігенції, ані на місто, де на цвинтарі був гроб їх грекокатолицького священика. А од часу, коли по війні село перейшло на православну віру, інтерес селян до своєї грекокатолицької минувшости цілком ся вивітрив. Муровану грекокатолицьку церкву св. арх. Михаїла (поставлену у році 1882), у котрів служив Є. Фенцик, селська влада 1.03.1962 року издояняла из реєстрації и приспособила собі під склад. У 1884 році церкву порозбирали на цеглу³⁷. Тота інформація доста резонує из завітами славних будителів, котрі виростили на ідеї Є. Фенцика бути хосенним своему народу:

«Е. Фенцикъ былъ плодovitымъ писателемъ, ревнымъ дѣятелемъ нашимъ, который принималъ дѣятельное участіе въ духовной и литературно-просвѣтительной жизни угро-русского народа. Прото покойный оставилъ по себѣ прекрасную память. Глубокую ученность и благожелательность его дѣятельности, неутомимое его трудолюбіе еще и противники его намѣреній должны признать, тай и признали.

Е. Ф. вполне заслужилъ отъ насъ, чтобы мы сохранили его память! Да останется меже нами его свѣтлая, богатая душа и по смерти его.

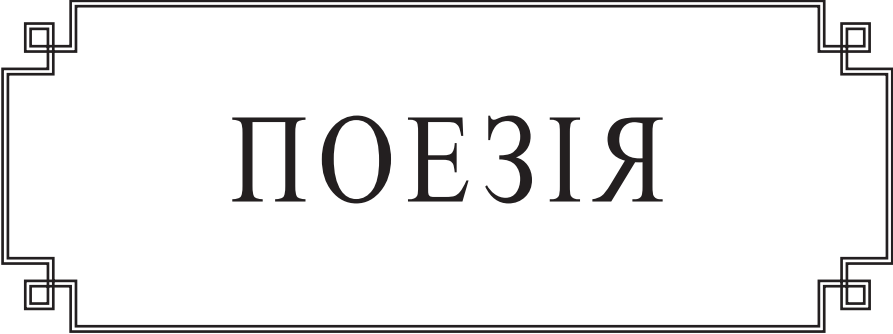
Тѣлу же его да будетъ земля легка!

Авг. Волошинъ»³⁸.

*Доц. Мгр. Валерій Падяк,
кандидат філологічних наук*

37 Тоту інформацію начерпали саме из видання: СИРОХМАН, М. Церкви України – Закарпаття..., с. 402.

38 ВОЛОШИН, А. Евгеній А. Фенцикъ (*1844. +1903.)... , с. 259.

ПОЕЗІЯ

ПРИВѢТСТВОВАНИЕ.

Здравствуй Русь матушка мила,
Здравствуй русская земля,
Здравствуй славная семья
Коя себя въ ней вселила.

Здравствуй Унгъ, Землинь гористый
Здравствуй прелестный Шаришъ,
Здравствуй древно-русскій Шпишъ,
Здравствуй Берегъ дубравистый!

Услышь и ты гласъ дружескій,
Мараморышъ чудный край,
Угоча волшебный рай,
Услышьте зовъ чисто русскій!

Внемлите русскому слову:
Русь воскресла, стала жить,
Ночь — хотѣвшая сгубить
Насъ, — исчезла, слава Богу.

Ужъ свѣтитъ лучемъ пріятнымъ
И намъ солнца яркій свѣтъ,
Хотя ужъ тысяча лѣтъ,
Объяла насъ тьма сномъ смертнымъ.

**Стихи, опубліковані на сторонах новинок
«Свѣтъ» и «Новый Свѣтъ»
(друга половка 1860-х – зачаток 1870-х рр.)**

ПРИВІТСТВОВАНІЄ

Здраствуй, Русь, матушка мила,
Здраствуй, русская земля,
Здраствуй, славная семья,
Коя себя в ней вселила.

Здраствуй, Унг, Землин гористый,
Здраствуй, прелестный Шариш,
Здраствуй, древно-русский Спиш¹,
Здраствуй, Берег дубравистый!

Услыш и ты глас дружеский,
Мараморыш – чудный край,
Угоча – волшебный рай,
Услыште зов чисто русский!

Внемлите русскому слову:
Русь воскресла, стала жить,
Ноч, хотівшая сгубить
Нас, исчезла, слава Богу.

Уж світит лучём приятным
И нам солнца яркий світ,
Хотя уж тысяча літ,
Объяла нас тьма сном смертным.

Стала русской синя Тиса,
Как то было в древній час,
И там русский слышен глас,
Гді мчит кристальна Ториса.

Слава и тебі, Боржава,
Окрестность твоя не спит,
Все юной жизнью кипит
И вокруг тебя, Ондава.

1 **Спиш** – в авторському оригіналі було так: «Шпиш» (зазначка вишорителя).

Здравствуй, быстрая Тересвя,
Славный Попрад, Талабор,
Здравствуй, из прелестных гор
Текущій Гернат да Топля!

Здравствуйте, волны Лаборца,
Унг – слава Ужанская,
Латорица чистая,
Питьё бережского горца!

Здравствуй, наш народ любезный,
Русскіе братья, друзья,
Милая родина вся,
Приими наш поклон сердечный.

Пришёл час, родные братья,
Уже узнали себя,
За народность борются,
Раскрыв друг другу объятья.

Бог поможет нам, недужным,
Верх истина должна взять,
Прославится наша мать
Блеском живота чудесным.

Братья, надежда на Бога,
Он могуч, чтоб спасти нас,
Настанет блаженный час
И для русского народа!

Бодрствуйте, не унывайте!
Просвітиться надо нам;
Чтоб ссыскати світа храм,
Всеvyšняго умоляйте!

ГРІШНИК

Я был сын твой, Боже вічний,
Ты свою мні ласку дал,
Добродітелей небесный
Луч в ділах моїх сверкал.

Я любил самое Добро
И, счастливцев, был любим,
Я блажен был бесконечно
Сам Бог был другом моим.

Но увы! демон коварный –
Людам от начала враг,
Ум прельстил – и дух мой дряхлый
В бездну пороков затяг.

И пал я с высоты ясной,
С ангела демоном стал,
Проиграв блеск ласки вышней,
Горе грешника узнал.

Душу теперь яд терзает,
Сердце мучит гадкость, срам,
Ум мой рассудок теряет,
Низок я, узнаю сам.

Я невольник, пленник ада,
Я мятежник, враг небес,
Я пагубного член стада,
Презрін, как ничтожный пес.

Гляньте, вот отцеубійца
Отчаянно мчится в смерть,
Тім, что в пучину стремится,
Мыслит свой порок стереть.

Что гріхом другим, не знаєт,
Всевышняго образит,
В вічної пропасти искаєт
Против гніва вірный щит.

Ах, таков и я, безумец!
Я в ужасный гріх упал,
Чтоб глубше утонуть, мні льстец,
Демон дружбы, руку дал.

И теперь как звірь лукавый,
Как гадкий презрінный вор,
То грішу необузданный,
То презрін, потуплю взор.

Ніт во сердці гадком світа,
Изник ласки Божьей луч,
В нем похоти плоти світа,
Чорт имієт к нему ключ.

Ніт наклонности к святому,
Там страсть, демон властелин,
Сердцу от гріха гадкому
Он приказуєт один.

Сли взгляну в свою внутренность,
Сам отвращаюсь себя,
Пред мною страшная вічність,
Муки жгучаго огня.

Здісь совість нещадно гложет
Дух грустью мучимый мой,
Ад в виді страшном пылаєт,
Пред омраченной душой.

Ніт уж благосклонной твари,
Все презріл, оскорбил я,
Друзья мні врагами стали...
Боже, помилуй меня!

МИР

Все непостоянно в світі,
Відь все изміняєтсѧ:
Днесь блажен ты, завтра с нуждой
Ужасною борєшся.

Днесь в колыбели умильной
Леліють мечты тебя,
Завтра, друг мой, обольщен ты,
Пустость та развалится.

Днесь сладость любви чувствуєш
При груди милой своей,
Вот завтра уж изміняєт
Пламенной страсти твоей.

И все так непостоянно,
Вірь мні, лестен цілий світ,
В нем все суєта, братец мой,
Вірь мні: в нем блаженства ніт.

Ніт постоянства [по]д небом,
Правда лиш на небесах,
Блажен, кто питаєт віру
Кріпкую да Божий страх.

Віра святая с любовью
Ублажает земного,
Надежда на вічність жизни
Радует дух бідного.

В ИССТУПЛЕНІЇ

Между стінами запертый,
Влеку жизнь пустую я,
Чуть не задохнись, мні тісно
Мні тяжёла жизнь сія.

Пылкое воображенье
Тухнет души молодой,
Сны волшебные исчезли,
Исчез мечт прелестных рой!

Дни минувшие когда-то
Лиш, как тінь, явятся мні,
Любуюсь прошлым блаженством,
Как картинами во сні.

Любуюсь... сердце вдруг тронет
Чувство давно милое,
Кров взволнуется, грудь пламя
Наполнит блаженное.

Ах, она, как ангел Божий
В ніжной прелести своей,
Как призрак часов полночных,
Как дух пред душой моєй!

И манит меня так ніжно
На дрожащу грудь свою,
Силой лобзаній пламенных
Возбудит жизнь дремлющу.

И опять кипит пламенно
В жилах молодая кров,
С неба чёрного скинулся
Сумрачный жалости кров.

Жить хочет юное сердце,
Жить с дівой прелестною,
Кая пламень чувств погасших
Зажгла мні в ноч темную.

Но вот что? .. какой бред снова
Вкрался в мысли юныя,
Мысля, что мечты исчезли,
Внов с бреднями борюся...

ГРУСТЬ В ЧУЖИНІ

Грустна мысль мучит, терзает
Душу томную мою:
Умереть здісь и расстаться
Вічно с землей родною.

Ужасно мыслить мні на то,
Чтоб вік здісь пресікся мой,
Чтоб никто не стер пот смертный
С чела ніжною рукой.

Чтоб дерн отчизны любимой
Прах не крыл холодный мой,
Чтоб в чужой земли провел я
Свой бесчувственный покой.

Ах! ніт ніт, – того изнести
Душа не могла б моя,
Гроб земли родной да кроет
Мощи безжизненные.

Там на берегі Тересвли
В объятї прелестных гор,

Гді прелесть дикої природи
Манит любопытний взор.

Гді журчанье ріки томной,
Шелест вікових дубов,
Грудь столь чудесно трогає!...
Выразить то ніту слов.

Там в той долині безмолвной
При играющих волнах,
В лоні землі столь любимой,
Да спочиваєт мой прах.

Крест одинокий с березы
Гроб німий покажет мой,
В тіні хладной смутной ивы
Покрит зеленой травой.

Там, в той тишині чудесной
Буду спочивати я,
Там, ночью при луні блідной
Друг мой посітит меня.

Придет милая дівица
И, впавши на темный гроб,
Грустною полна печалью,
Подопрет руками лоб.

Черты блідныя сердечну
Боль показывают ея,
Глаза черные струями
Льют слезы горячія.

Вдруг объемлет крест холодный,
Смотрит в гористую даль,
Столб вітра колышет вітви,
Усугубляет печаль.

Вот из-за вершин восходит
Ночей царица луна,
Вид страдательной дівицы
Осеребряет она.

И вздохнет тяжело діва,
Грудь взволнует горький жаль;

Шепча ніжну молитву,
Смягчає свою печаль.

Как призрак часов полночных,
Как сторож німь гробов,
Бдит она, плачет, сітує,
Про у[т]раченну любов...

И так будет сердце вірно,
В которм жить буду я,
Гді и по смерти останет
Святою память моя.

С которм, хотя б расстался
Я, вірно будет ко мні,
Посітит когда-то гроб мой
В таинственной тишині.

Спочивати в чужом краю
Душа не могла б моя,
Гроб родной земли да кроєт
Кості безжизненныя.

МОЯ ТОСКА

Что то, что печалью грустной
Вполні обьяло меня?
Почто зловіщей заботой
Страдає душа моя?

Солнце радостно сіяєт,
Голубый небесный свод,
Ніт, ето не разганяєт
Моїх зловіщих забот.

Солнца луч не нам сіяєт,
Он світит нашим врагам,
Русское небо темнієт,
Вот тучи несутся там.

Прийдет час – русских не станет
На угро-русской земли,
Жизнь народна здісь увянет..
Вот что грустно, больно мні.

ОСЕНЬ

Ты внов здісь, осень уныла,
Внов трогаєш нас!
Опять здісь сивыя тучи,
Которы солнца жар жгучій
Утолили враз.

Вот чудесное карканье
Птиц отшельных внов!
Снова видим стройны ряды,
Слышим идущей громады
Піснь, прощальный зов.

Уж не видно насікомых,
Скрыла їх земля,
Гді-то бється еще мушка,
Окостеніла недужна,
Полумертвая.

Дунул дыханьем пагубным
Угрюмый мороз –
Ніт больше душистых цвітов,
Которы пестріли літом,
Ніт царственных роз.

И листья мертво спадают
Из сухих вітвей,
Природа наряд теряет,
Вянет, бліднієт, желтієт
В жалости своей.

Естество² уже ложилось
На покойный сон,
Над ним свод мрачный сітуєт,
Плачет да печально выєт
Вітра грустный стон.

Что тіснит сердце так странно
Осінней порой?
Жизнь будто вянет умильно,
Чувства ощущают тайно
Волшебный покой.

2 Естество – туй у значеню «природа» (зазначка вишорителя).

Жизнь к смерти явится близко
В сей холодный час,
Грудь за животом стремится,
Гибель бо с природой бьется,
И страшает нас.

Все таки унылость мила
Лелієт дух мой,
Авось, что в сей час родился
Иль с ідеалом встрітися
Осінней порой.

Велика твоя премудрость,
Всемогуцій Бог!
Ты устроїл части літа,
Чтоб каждый прелестью світа
Любоваться мог.

НА БРАТСКОЙ МОГИЛІ

Жизнь коротка, смерть зовет нас
На долгий покой,
Вы прожили жизнь ту, братья,
Впали в смертныя объяття,
Покрыты землёй!

Ты жил, учился, Корнелій,
Узнал, что живот;
А тебя, Андрей любезный,
Ребёнком облил мстительной
Смерти зимный пот.

Ты сплатил уж долг, Корнелій,
Перебыл печаль,
Но оставил нас, печальных
В жалости, веригах стальных –
Сам улетіл вдаль!

Ты, Андрей, не знал бід земных,
Ты мыслить не знал,
Дух твой, как стон груди ніжной,
Утонул в дали лазурной,
Там пред Богом стал!

Дух ваш там, милые братья,
Гді печали ніт,
Я над могилой холодной,
Гді ваш прах, душею больно́й
Зрю печальный світ.

Ноч настала, тиш вселилась
Над бідной землѐй,
Вся природа спит покойно,
Бдящих грудь тіснится тайно
В жалости німой.

Все покрыла блідным світом
Ночная луна,
Что я над братской могилой,
Сітую душой унылой,
Узнала она.

И осенній вітр играет,
Грустен его свист;
При его акордах смутных
Спадает с деревьев грустных
Пожелтілый лист.

То все стройно съединится
С томною душой,
И составит піснь безмолвну,
Миром лестным неслыханну,
В груди молодой.

Да, я здісь душой смятенной
Горьки слезы лью
И не вижу братьев милых,
Они смотрят с звїзд небесных
На бідну землю.

Не вижу; при церкви только
Два гроба стоят,
А я, обняв крест приглавный,
Прижал его к груди страстной,
Мысля: это брат.

Дві могилы, но гді третья,
Гді третій брат мой?

Ах, Корнелій, етот – первой –
Тлієт при церкви Мартинской
В тишині святой.

Там меж дикими горами
Спочиваєт он,
Місяц озарил могилу,
Піснь поєт єму умильну
Вітра жалкий стон!

Прощайте, милые братья!
Простите меня,
Молитесь вышнему Богу
За душу мою убогу –
Да спасусь и я!

Прощайте, милые братья!
Ето братский глас,
Увидимся концем мира,
А до тіх пор ангел мира
Да сторожит вас!

ВЮГИ, МЯТЕЛЬ, ЗНОЙ

Вюги, мятель, зной да стужу
Про тебя изношу я,
Про тебя и ад на драку
Вызову, любимая.

Пусть манит меня прелестью
Мир, не слідную єму,
Внішное єго блаженство
Гнусно сердцу доброму.

Світ сулит почесть, богатство,
Вірьте, мні не надо їх,
Я свой рай ссыскать надіюсь
В любви во глазах твоїх.

Пусть со нуждою печальной
Надо будет драться мні,
Все изношу, все претерплю,
Горе внутрь да вражду вні.

Лиш ты будь вірна да вірна
Другой опасности ніт,
Для меня любовь твоя все:
Почесть, клад да цілий світ.

Но сли б я етот клад, друг мой,
Потерял чрез обман твой,
О, тогда все потерял бы,
Славу, честь да весь покой!

БЫЛ СЧАСТЛИВ И Я...

Был счастлив и я когда-то,
Дітський вік забот не знал,
Он в невинности прелестной
Дух малютки колыхал.

Как мило было веснушки³
Привітствовать красный час,
Слышать ласточки, зозулі –
Сердцу столь приемный глас!

Строить мельницы забавны
На дождевом ручейкі,
Гнаться за мотыльком пестрым
По плінительном лужкі.

Радость была из гнізда птиц
Полунагих выбрать,
А когда прижала к груди
Младенца милая мать...

Но пронесся вік блаженный
Я подрос, принял разум,
И стала тіснить грудь юну
Куча беспокойных дум.

Счастьє, как сон, улетіло,
Невинность гріх замінял;
Скоро, [т]о правда, я юным
Счастьє свое потерял!

3 Веснушка – туй у значеню «весна» (зазначка вишорителя).

Я уж минувшности живу,
Как будет в старые дни!
Иль то каждый так ласкает
Літа дітскія свої?

СВИДАНИЕ

Прощай, милая дівушка,
Прощай, вірний ангел мой!
Воротясь, украшу сердце,
Словно алмазом, тобой.
Так сказал жених невісті,
Грудь ея к сердцу прижав
И ея алыя губки
Пламенно обціловав.
Кристална слеза блестала
В дівичьїх жгучих глазах,
Из волнующейся груди
Сорвался тяжёлый «ах!».
И вспрыгнул юноша милый,
Сіл на лихаго коня,
«До свиданья», – крикнул грустно⁴,
Помчался, как молнія.
На крыльці стоїт Людмила,
Смотрит в чудесную даль:
Там летит любезный всадник,
Сердце ей тіснит печаль.
Еще раз взглянет уныло,
Еще раз взмахнет рукой,
Уж не виден... дівя грустно
Входит в свой німой покой.

Меж горами да лісами
Мчится Арсеній один,
Вот и луна выползнула
Из-за дремлющих вершин.
Вечерняя мгла ложилась
На окресность тихую,
Світ луны озарил блідно

4 В оригіналі было напечатаной так: «гнустно». Видав, туй проскочила печатна хыба, котру сьме виправили (азначка вишорителя).

Всю дальность гористую.
Развалины древніх замков,
Как память древніх віков,
Что-то странное внушают,
Выразить то ніту слов.
Все волшебнo, все безмолвно –
Вірний лик ночного сна,
Безмолвіє прерываєт
Однозвучный шаг коня.
Всадник наш во страстном умі
Таит сладкія мечты,
Они дух его леліють
Ликом ніжної красоти.
Он вінчається с Людмилой
Лобзаєт губки, чело,
Брака вид изображаєт,
И кто знаєт еше что...
Меж такими то мечтами
Чуть замітил в один миг,
Конь заржал пред воротами –
Он в мечтах домой достиг.

Время тихо миновало,
Жар палил любящих грудь,
Наконец прибыл час жданный,
Брачный люд пустился в путь.
Арсеній с пламенным сердцем
Скакал на лихом кони,
Черты его улыбались,
Счастьем сіяли они.
На пути со праздным судном
Старуха встрітила їх,
Вот заяц пробіг, сова вдруг
Гугнула с руин на них.
Меж людьми пронесся шепот:
«Ето все зловіщій знак:
Боже дай, чтобы счастлив был
Наших милых господ брак!»
«Ето уж послідній замок
Я сейчас в єя стогнах...⁵
Цт! что то? – Людмила рвется

5 Стогна (устар.) – площадь, пространство (зазначка вишорителя).

В похитителя руках!
«Подожди, злодій лукавий», –
Арсеній, как лев, вскричал,
Вот выстріл – безбожник лютой
От свинца жениха пал.
Но в борбі своєї смертельной
Вор діву к собі прижал
И в єя страждущую грудь
Вонзил мстительный кинжал.
Прискакал жених несчастный –
На жертву блідну взглянул,
«Будь счастлив» – одно лобзанье...
Дух в ефірі потонул.
Под руинами в долині
Стоит могила німа,
К ней порой кто-то приходит,
Как всходит блідна луна.
Станет, как призрак полночный,
Кинется на темный гроб...
Ето Арсеній тоскуєт
Про свой несчастливый рок.

БДІНІЄ

Уж полноч, я не сплю еще,
Все покоится кругом;
Все тихо, все таинственно,
Все объято сладким сном.

Ето, словно царство мертвых,
Покоя вічнаго вид:
Человік здісь чрез одну ноч –
Там чрез столітія спит.

Уж полноч, почто не сплю я,
Почто блудит мысль моя?
Пусть будет, відь час настанет –
Буду почивать и я!

ВІЧНОСТЬ

Представте собі с алмаза
Скалу – до свода небес,
Єй буря да гром ужасный
Єще вреда не нанес.

К той горі стремит орлёнок,
Чтобы єё расклевать,
Чтобы скалу ту алмазну
Вполні в пыл переділять.

Время, чрез коє орел той
Ету скалу раздробит,
Внемлите: вот тоє время
Лиш один с вічности миг!

К НЕЙ

Темная тоска томила
Душу страстную мою,
Грудь желала да тужила,
Тая праздность грустную.

Время цвітенья прибыло,
И сердца природный цвіт
Искал солнышка уныло,
Но медлил желанный світ.

Тьма полночна окружила
Вялое чувство любви;
Унылость обворожила
Всі движенія мої.

Но возшёл світ вожелінный,
Явилась, дівушка, ты,
И меня плінил твой ніжный
Зрак неземной красоты.

Тьму сердечную рассіял
Луч твоїх полночных глаз,
Унылость развлек, развіял
Твой взор, твой волшебный глас.

Улыбка твоя, друг милый,
Как неба ведренный свод;
Грудь твоя, словно сніг білий,
Мрамор – стран каррарских плод.

Ах, вспомни, красная діва,
Как я признался, когда
Ты дівственно закрасніла,
Сказала тихонько: «да».

Ах, вспомни миг той блаженный
Среді живописных гор,
Мні сжимал грудь зрак твой блідный,
Твой невинный страстный взор.

Вспомни, когда я прощался
При блідной луні с тобой,
Ручка в руки как дрожала,
Глаза блеснули слезой.

Вспомни поцілуй той страстный...
Вспомни діва всё, да – всё!
Будь счастлива! Друг твой вірный
Лиш то хотіл бы одно.

НА РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

С нами Бог.

Твердая зима свиріпствовала,
Древа – иней, пол – мороз обліг,
В высоті громада звїзд блистала,
На землі сверкал кристальный сніг.

Растворился свод небес лазурный,
В нем прелестно піл небесный хор,
Ангелов огонь кружил пурпурный,
Радостью сіял їх світлый взор.

И раждался глас небес высоких:
«Богу слава, людям земным – мир»,
Глас достиг той дна пучин глубоких,
Взволновал рай, ад да цілый мир.

И святые ангелы літали,
Кружились вокруг віфлеємских гор,
И акорды пісни їх звучали,
Скалы тронул їх небесный хор.

Гді причина пісни сей умильной?
Почему мир торжествует весь,
Что трепещет ад в боязни сильной?
Мір спасается – ад гибнет днесь.

В Віфлеємі, в пещері сумрачной,
В яслях грудной младенец лежит,
При нем мила мать любовью страстной,
Муж один, будто б отец стоит.

Той младенец – Господин вселенной,
Той младенец – всемогущій Бог!
Хоть Он был от вічности бездонной,
Днесь зачал быть, чтоб нас спасти мог!

Да, Он был, когда віков не было,
Чрез Него и вічность стала быть,
Безначальный днесь принял начало,
Чтоб от скверны нас гріхов омыть.

Из любви к нам Господь бесконечный
В яслях бідных ищет приют,
Вот: Кого не мог обнять мир цілый,
Тому скоты днесь ночлег дают!

Во вселенной, Кто не мог вміститься,
В чоловіка плоть вмістился Той;
С бесконченостью авось простился,
Иль оставил трон небесный Свой?

Ніт, Он – Господь той же бесконечный,
Той же вічный неизмірний Он,
Днесь принял плоть, но как Бог – Он вічный,
Вся вселенна – Єго Божий трон!

Взглянь на небо, в небі Он притомен,
Взглянь в бездну, Он там, гді моря дно,
Юг и сівер, запад да восток в Нем,
Все созданье чудно їм полно!

Їм полно все, Он все обнімає,
Тварь обняти Єго не може вся;
Неба, трона Он не оставляє,
Все таки спит в яслях, як дитя.

Вот, что ум слабой понять не может,
Изяснить, что смертным не дано,
Высота, что недоступна, кроєт,
Глубины сей неизмірно дно!

Вот пред чим дух гордости смирится,
Пред чим укротит дыханье грудь,
Пред чим сущность наша изумится,
Глаза слезы умиления льют!

Но то так – піснь ангелов віщає,
Об том свідітьсвует звїзда,
Бого-дитя мати грудью питає,
Єму зимна, как и нам, зима.

Бог Сын в плоти – счастья совершилось,
Что Отец во раю обіщал:
Пророчеств начало исполнилось,
Откупитель человеком стал!

Веселись, счастливая вселенна,
Веселись, человеческий род,
Без границ любов благаго Бога:
Вот примеш внов пропадший живот.

Трепещи ад, власть твоя минует,
Воплотился побідитель твой –
Он верегі скованных разорвет,
Потрет голову твою ногой.

Невірныє, из сна просыпайте,
Преступите темноты порог,
Съединитесь с церковью, узнайте,
Убідитесь, яко с нами Бог!

ЗИМА

Отдала уж дух природа,
С груди ей вырвался он,
Відь осінняго свист вітра
Был ея послідній стон.
Все затихло, все спокойно,
Відь молва там, гді живот,
На землі мороз явился,
Ето смерти зимный пот.
Все, что видиш, жестко, хрупко:
Замерз пол, ріка, да пруд;
Вот е[т]ак-то костенієт
Мертвеца поблідший труп.
Сніг покрыл прозрачным кровом
Бездушный природы храм,
Саван так кроєт біленький
Мертваго холодный стан.
И затмился свод небесный,
Завы[ва]єт вітра стон:
Ето скорбь да вопль родственных,
Ето похоронный звон.
Схоронен уж труп природы,
На нем тяжкий сніг лежит,
Ніт тревоги в царстві смерти,
Небо да земля молчит.
В темноті, как нощ настанет,
Світят звізды над землею:
Так зажигаєм лампады
Над могилою любой.
И луна блідна, уныла
Всходит на небесный свод:
Так посіщаєт миленька
Милаго любимый гроб!

Все, что видиш, пусто, зимно
Кладбище, все естество,
Над сим кладбищем пространным
Грустит человечество.
Грустит, бо зима угрюма
Представляет смерть ему:
Будьто б сказала и сим днем
Ближе ты к сну вічному.

Сли грустиш, друг мой, зимою,
Вспомни, что придет весна:
Послі смерти воскресєньє
Представляет нам она!

КОРЬЯТОВИЧ

(епос)

I.

Гді нікогда ріка Мутная
Порывистый катила вал,
Гді чародій Волхов, скитаясь,
Старинный Славенск основал,
Гді днесь из Ильмена истекши,
Волхов зміїтсь полосой,
Князь Рюрик гді, с Варяг пришедши,
Воздвиг свой княжеский престол,
Там над рікою черніют башні,
Діла старыя – часто страшны –
Хранит тіх башн пасмурный лоб –
Там видно древній Новгород⁶.

Над Новым-городом, бывало,
Парил чудесной славы дух,
Сли имя «Новгород» звучало,
Сей час кланялся враг и друг,
Стогны его крыло боярство,
Палаты, бархат да алмаз,
Купцы здісь слыли про богатство,
Бессилен был здісь царский глас.
Здісь было віче, гді свободно
Заговорить всім было вольно,
Гді, сли ударили в набат,
Всяк гражданин стал за булат.

6 «На сѣверѣ при рѣкѣ Мутной – говоритъ русскій народный мифъ – жилъ чародѣй Волховъ, который обращался во крокодила и пожиралъ людей; его чорти понесли въ адъ, но нечестивые зачали чтить его какъ бога и совершали на могилѣ его тризну; отъ него получила рѣка Мутная имя Волховъ, онъ основалъ Славенскъ, который пошле названъ Дѣтинцемъ, далѣе Новгородомъ» (заметка С. Фенцика).

Из етой-то старой столицы
Варяго-русского князя,
Из града-матери-царицы,
Которой Русь кланялась вся,
От етих башн угрюмо чорных –
Тіх достопамятных руїн,
От етих вод волшебством полных,
От віча славных развалин:
Из етого то міста славы
Кинул нас рок в святы Карпаты,
Из Руси, из отечества
Привел нас славный князь сюда.

Во Новом-городі великом,
Княжил Корьята храбрый сын.
Во русском царстві исполинском
Не было вітязя над ним;
Князь Корьятович слыл далеко,
На всем востоці был знаком,
Всё замітило княже око,
Рука ж разила, словно гром:
От всіх волхов был он мудрійший,
Всіх вітязей был он храбрійший,
Он лучший был всіх матерей,
Благородніе всіх людей.

Корьята сын был добросердый,
Брат вірный подданным своїм;
И дружиной своей усердной
Был убожаем, был любим.
Он был дух мщенья оскорбленных,
К преступникам был милостив,
Он был отец вдов, сирот бідных,
Весь Новгород был їм счастлив:
Князя всі люди почитали,
На Руси всей превозношали,
Ибо он Бога чтил, как мог,
Его любил народ и Бог.

Но люди часто забывают
Дар благодітелей своїх,
Они добро злым отдают,
Не зря на труд, заслуги їх.

Народ худой, неблагодарный
За водку жизнь продать готов,
Его сманит злодій коварный,
И он оставит вождя зов:
 И Новгород неблагодарный
 Забыл князя діла преславны;
 В біді оставил он того,
 Кто был хранителем его.

Пред Новым городом великим
Стоїт уже враждебна рать,
Сын Коріята с полком диким
Спішит уж ей противустать.
Вот Ольгерд выступает с полку,
Меч обнажив, провозгласил:
«Сюда, кто хочет дать головку,
Сюда, кому уж світ не мил».
 И вот летит сын Коріята,
 Так мчится молнія крылата,
 Летит – пред Ольгердом же стал
 И обнажил дамаску сталь.

Виділи ль вы, когда лев с тигром
Пускаются в смертельный бой?
Виділи ль вы, когда с гранітом
Ратует вихрь, огонь громовой?
Лев, тигр – ревет, а буря – вост,
Земля же под грозой дрожит,
Когтями пол звірь лютой роет,
А гром стрілою бьет об граніт.
 Так дрался Корьятович храбрый
 Да Ольгерд, родственник коварный:
 Їх драка, словно вихрь да гром,
 Бой бешенного тигра с львом.

Сошлись соперники – без чувства
Легли, разбившись, коні їх;
Они уже [п]ішком дерутся,
Но вот и сабли визг затих:
Уж поламались мечи стальные,
Уже стоїт кулачный бой,
Уж Корьятовича враг страстный
Притис к земли своей ногой.

Но вітязь встал и ярым сміхом
Кинул врагом ужасным гнівом,
И Ольгерд, как наг бросил князь,
По шею в землю-мать погряз.

Теперь стал он молить об жизни,
Наш князь помиловал его,
Но не смирился враг отчизны,
Лиш месть кипіла у него.

Коварством, ласкою притворной
Успіл он разділить людей,
Толпа ж зміною позорной
Платит за труд своїх вождей.
И Нова-города часть больша
Да нам всегда враждебна Польша
Примкнула к Ольгерду врагу,
Благому змінив князю.

Под Новым городом стан ратный:
Князь Корьятович с дружиной;
«Град разрушим неблагодарный», –
Звучал глас вірных громовой.
«Ніт, дружина моя, ты вірна,
Не благородно так творить,
Нам Новгород всё мать, хоть грішна,
Не благородно мать убить.
Ніт, мать убить, с братьями драться
Неможно нам, любезны братья,
Вы будьте вірными князю,
Я ж оставляю Русь святу».

Так говорил князь благородный,
Слезой облилися глаза,
Прощаться стал душою скорбной,
И дружина рыдала вся.
«Сли ты пойдеш – и мы с тобою,
Ничто – вірь – не разлучит нас,
Мы должны жить твоей судьбою,
Твой рок – наш рок, великий князь!».
«Спасибо вам, друзья любезны,
Вы вырвали мой дух из бездны,
Спасибо вам за сю любовь,
За вірности милійший зов.

II.

Прощаніє Коріятовича и єго дружини с Новгородом

Вокруг Новагорода стараго
Шум, тревога да набата звон,
Под стінами полк кричить народа:
«Проч с тіраном, проч, да [с]гинет он!

Наш князь – сын великий Коріята,
Мы не знаєм другаго князя,
Жизнь дадимте за него, ребята,
Бросимтесь в січ, храбрыє друзья!»

«Ніт, бояре со братьями, драться, –
Отвічал князь, – непристойно нам,
Братской крови здісь не проливаться,
Я рішився, я попущу сам.

Вот на башнях знамена тірана,
Большей частью князем он узнан,
Сердце жжёт моє ужасна рана:
Из наслідства я судьбой изгнан!

Я лишен отечества святого,
Ніт мні міста на землі родной,
На всей Руси ніт одного крова,
Гді б нашёл князь приютный покой.

Кто блаженства желал бы народа,
Той изгнан, той послідній біглец,
В чужину ведет того дорога,
На ком княжеский блистал вінец.

И теперь прощай, моя отчизна,
Прощай, любима святая Русь!
Будь счастлива Россія прелестна,
Я уйду, авось – не ворочусь!

Ах, прощай, колыбель Руссов храбрых,
Прощай, стародавний Новгород,
Прощай, свідитель событий славных,
Прощай, прощай, русский мой народ!

Боже добрый, будь Руси хранитель,
Дай ей в нужді ангелов своїх,
Будь в войні врагов ея смиритель,
Да исчезнут, да не станет їх.

А ты, Ольгерд, самозванец лестный,
Чрез кого я в чужину брошен,
Ты мой сродник, коварный, нечестный –
Будь прокля..., – ніт – будь благословен!

Судьба Новгорода старого
От сего дня во твоїх руках:
Будь – батюшка, будь – отец народа,
Будь врагам святой Россіи – страх!

Вірные люди мої, прощайте,
Прощай, храбра дружина моя,
Долги граждан точно исполняйте,
И когда-то вспомните меня!

Я иду проч, я вас оставляю,
Дайте обняться в послідній раз,
Проч туда, проч к батюшкі Дунаю...
На долгий, авось – на вічный час!»

И поднялся шум во храбром полку:
«С князем добрым не растаться нам,
Мы ділим твою судьбину горьку,
Гді идеш лиш – мы повсюду там!»

«Люд мой, прийми глас благодаренья, –
Отвѣчал князь, – за сію любов,
Ты слегчил моє тяжкое бремя,
Грудь стісненна легче дышет внов.

И теперь прощай еще раз, край мой,
Можно, вічно – родину, прощай!
Мы уйдем к брегам Тисы кристальной,
Там составим новый русский край.

Там в живописном лоні Карпатов
Будет кружить нас святой покой,
Там в краю том счастливом, богатом,
Прославит Бог народ вірный свій».

III.

Двинулся с дружиной князь храброй,
Всіх сорок тысяч удальцов,
Направил путь к Тисі кристальной,
Чтоб там посіять русску кров.
Шли удальцы, как львы младає,
Как рой ушедших вірных пчёл,
Шли, как на ловлю волки злые,
Туда, гді Корьятович шёл.
Взор їх из вні хранил весельє,
Лиш внутрь тоска томила сердце,
Про Русь святу грустила грудь,
Да грусть обременяла путь.

Куда прошел стан Новгородский,
Везді кланялися ему,
Ливонский орден, король польский
Прислали золото князю.
Галицкий князь с любовью братской
Привітствовал богатырей,
Вожатых дал, чтоб в подкарпатской
Край повели любых гостей.
От Ильмена до Подкарпата
Без обнаженія булата,
Побідою был наших путь –
Гордилась богатырска грудь.

Прибыл наш князь к Тисі кристальной
В Карпатов живописный край,
Король венгерский, Людвиг храбрый,
Всіх русских с честію принял.
Князю дал он Мукачев древній,
А русских поселил вокрут,
Чтобы хранил его русс кріпкий,
Чтоб был ему искренній друг.
Князь основал здісь Русь вторую,
Вселил здісь русов річ святую,
И рус в Карпатах был счастлив,
Пока был Корьятович жив.

У подошвы горы чернецкой,
Гді град Мукачево лежал,
Жил змій величины чудесной,
Людей который пожирал.

Князь шёл верхом, один скакая,
Шёл под чернецкою горой,
И вот змій, тихо выползая,
Кинулся вдруг к нему стрілою.
 Но обнажился меч булатный,
 И пал на землю мертв змій гадкий,
 Хоть уж обвился вкруг коня,
 Хоть отворил пасть на князя.

На місті том, гді змій рукою
Князя счастливо был убит,
Во благодарность, в славу Богу
Создал князь православный скит.
В скит, монастырь тот поселил он
Нісколько скромных чернецов,
Чтоб братство навсегда хранило
Святую віру, дух отцов.
 Тот монастырь и днесь віщаєт,
 Когда звон в храм людей сзывает,
 Про время древне — древній час
 Напоминає звона глас.

И предки стали жить, как дома,
У них был князь да свой закон,
У них цвіла здісь жизнь народна,
Грудь русска не спущала стон.
Чужая власть, чужее племя
Не угнетало наш народ,
С весельем шло да мчалось время
За годом шёл, катился год.
 Русь юная была счастлива,
 Єё мать слава озарила;
 В ней дух народный не угас,
 Пока жил Корьятович князь.

Но, увы, русских рок жестокой
Повёл в Подолію князя,
И там в боротьбі со шляхтой польской
Поникла храбрая глава.
Со всіх сторон обьят врагами,
На ліво, право сік врагов.
Поляк лежал пред ним толпами,
Ранил мертвых, сам был здоров.

Но – горе – час настал печальный,
Летит стріла – и лоб вінчанный
Пробит язвительной стрілой,
Глаза покрылись вічної мглой.

Уж Корьятовича ніт больше,
Народ без вождя, без отца,
Он мог бы жить, цвісти, но что же –
Над ним жестокая судьба.
Бояре, старшины народа
Кинули віру, древній нрав,
С ними ушла свята свобода,
Язык же кладом черні стал.

Но Бог живет, и есть надежда –
Обоймет слава нас, мать ніжна,
Внов зазвучит, как в древній час,
И во палатах русский глас.

БЕСКИД⁷

Над Бескидом мгла темніла
В мглi той злобны[й] дух блудил;
Адский пар его дыханья
Всю окрестность заразил.
Сли гдi-то явился ніжный
Світ во мглi полночной той,
Его утушить потщался
Темной бездны демон злой.
И стоял Бескид без жизни,
Мир блистал – Бескид черніл,
В нем, как в полусні, шаталась
Громада бездушных тіл.
Вік прошел, взышла денница
От востока на Бескид,
Пусть дух бісится пагубный,
Она все-таки блесит.
За денницею утренней
Солнце пошлет нам восток,

7 «Подъ Бескидомъ надо понимать не только хребетъ Карпатовъ, но цѣлую угорскую Русь» (заяначка Є. Фенцика).

Чтоб рассіяв тьму смертельно,
Прекратив коварства прок,
Осінило ярким світом
Демона пагубный взор,
Чтоб блеснул луч просвіщенья
Из верхов Карпатских гор.
Чтоб под ангелов крыльями
И Бескид раз світлим стал,
Чтобы той світ сынов Руси
Пищею наук питал.

ЧАС

На колокольні угрюмо
Пробило полночный час,
Грудь мою холодно, странно
Стіснил той глубокий глас.

Дожду ли слышать другой раз
Звон часов полночный той
Иль он прозвучал на віки,
Покрыт минувшаго мглой?

Прозвучал – не воротится,
Его не дождать уж мні,
Он в минувшности кружится,
Неизмірной пучині.

Что проглотала та бездна,
То не воротится внов,
Уничтожится, исчезнет,
Как в пустыні легкий зов.

Время, раз минувшее, уж
Не приколдовать назад:
Так гласит закон природы,
Так Богом созданный ряд.

К КАРПАТАМ

Здравствуйте, Карпаты темны,
Гді скитаться вічно нам,
Здравствуй для небесной славы
Естеством созданный храм!

Вы мать русскаго народа,
Он давно ссет вашу грудь,
Будь погода, будь невзгода
Вы лиш, Вы его приют!

Вы всегда ті, величавы
Лик ваш сердца, ум плінит,
Ваш наряд – густы дубравы,
Гром, смиряющий гранит.

Красны Вы, как сніг вінчаєт,
Словно саван, кроєт Вас,
Как мятель бішенна выєт,
Раздаєт свой бурный глас.

Когда в ярости безумной
Глыбы котятся с верхов,
Вдруг тихо – в дебрі безмолвной
Смерти лик царствует внов.

Красны Вы, когда веснушка
Объяла окрєность гор,
Как внов видиш луч солнышка,
Слышиш птиц радостный хор.

Когда цвітов ароматом
Стогны ваших дебрь полны,
Как травой, словно бархатом,
Ландышем устланны Вы!

Величавы Вы, как тучи
Полк бурливый Вас обнял,
Когда перуны летучи
Сбиваются с ваших скал.

Когда молнії блєск ясный
Ярко озаряєт Вас,

Когда гром в грози ненастной
Раздаст гремящий глас.

Величавы Вы, как ночью
Спочивает тварь земна,
И когда по звiздном своду
Блiдная скользит луна.

Когда в лiпотi створенiй
Божество явится нам,
Когда дух наш, восхищенный,
Так стремится к небесам.

Когда над спящей землею
Бдит естество⁸, вiрна мать,
Когда тайной тишиною
Ваш волшебный круг обьят!

Нiт у нас палат блестящих –
У русских один здiсь храм,
Его из стихiй собственных
Естество создало нам.

Нiт у нас театров свiтлых,
Наше зрiлище – Бескид,
На верхах его побiдных
Художества лик блесит.

Стой гордо, наша палата –
Карпатов чудесный край,
Мы без сокровищ, без злата,
Ты наш клад, театр и рай!

Да раскроет над тобою
Русских генiй свой покров,
Да хранит вiру святую
Племя русских прадилов.

Чтоб в чертоги славы вiчної
И Карпат вступити мог,
Чтоб узнал мир изумленный,
Что велик наш русский Бог!

8 Естество – туй у значенню «природа» (зазначка вишорителя).

НА СМЕРТЬ МИХАИЛА Ф. МУДРАГО

(посвящается его скорбящей невесті)

Что живот – той клад безцінный,
По которм так дрожим?
Н[е] барыш ли неизвістный,
Кой нельзя назвать своїм?
 Да, живот – игра невірна,
 Днеська твой он, завтра ніт,
 Днеська видиш білий світ,
 Завтра над тобой ноч смертна.

И тебя достиг, друг милый,
Юным смерти черный вал,
Ты играл цвітущей силой,
Тщетно, жизнь ты проиграл.

Ты прелестно цвіл, весною,
Так цвітет природа вся,
Рай открылся пред тобою,
Он манил, плінял тебя!
 Ніжной дівицы святая
 Страсть пылала за тобой,
 Ты сыскал здісь еден⁹ свой,
 Ты жил сред земнаго рая.

Со тобой волшебной силой
Был связан живот да мир,
Все таки тебя, друг милый,
Рок нещадный похитил.

Может ли гордиться проком
Диких дебрь віковий дуб?
Может ли боротья с громом
Грозных скал желізна грудь?
 Может ли нікто ручаться,
 Что не высохнет моря дно?
 Что, как видиш естество,
 В миг истліню не предастся?
Что то, что не разрывает
Рок, судьбы жестокий зов,
Сли юноша умирает,
Сли разорвется любов?

9 Еден («Эдэнь»), авадь Едем – райські кущі (зазначка вишорителя).

Приступил к тебе уж страшной
Смерти черной вострой,
Уж сверкал палаш ужасный
Над недужной головой,
Грудь хрипела уж смертельно,
Уж облил холодный пот,
Твой побледший желтый лоб,
Пред тобой уж все темнело:
И в минутах сих последних
Вспомнил ты друзей своих,
Помянул нас, отдаленных,
Дружеский послал нам стих.

Вкруг тебя мать слезы лила,
Тосковал старый отец,
Девича, невеста мила,
Брачный растерзал венец,
Поцалуями дышала,
Дух задерживала твой,
И с отчаянной душой
Руки белые ломала...
Ты все видел, чул любезный
Борьбу, скорбь в груди хранил, —
Жить желал ты... мир прелестный
Умирающим столь мил!

Ты заснул — полночна келья
Приняла твой зимный прах,
В ней не найдешь ты веселья,
Там владит вечный мрак.
Девичу свою любезну
Не прижмешь к груди своей,
Не услышишь, сли чудесно
Будет петь соловей.
Между верными друзьями
Не развеселишься ты,
Ты простился вечно с нами,
Ты жилец могильной тьмы.

Ты оставил жизнь прелестну,
Но с нею и много бид;
Ты в сыру вселился землю,
В ней забот, печали нит.

Клевета, обман, коварство
Не взволнуют там тебя,
Всіх извісна там судьба,
Відь покойно смерти царство.
Бідних там не утискаєт
Богачов, тиранов власть,
Меньшинства не унижаєт
Большинства побідна часть!

Почивай, друг мой любезный,
Да парит мир над тобой,
С ангелов толпой небесной
Дух да радується твоей!

Вічно да хранит німая
Тишина твоей темный гроб,
Да живет от рода в род
Память здісь твоя святая!
И теперь прощай на віки!
Будь блажен во жизни той;
Час прийде... на берегах Леты
Вірно зустрічуся с тобой!

В ЧУЖИНІ

Тихое село оставил,
Гді білієт отчий дом,
В чужину пошѐл юноша –
В чужині скитался он.

Уж знаком єму блеск світа,
В Лондоні, в Парижі жил,
Первый раз плінял его мир,
Но лиш скоро наскучил.

Тихим вечером случайно
К красному попал селу,
Дітский вік, родна деревня
Представилась там єму.

Лай собак, скотов мычанье
Услышал здалека он,
В воздухі благоговійно
Прозвучал вечерній звон.

Чувство странное, святое
Овладело странником:
Он блажен был, видь подумал
На своих, на отчий дом.

Не стереть той образ с сердца,
Кой век дитский начертал,
Мило то тебе вспомнута,
Что ты как дитя делал.

БЫЛ У МЕНЯ СОН...

Был у меня сон прелестный,
Я лишь етим сном дышал,
Но скоро пропал, ушел он,
Я пустым, я мертвым стал.

Юные жизни мечтания,
Первая свята любовь
Прошли, да без наслаждения,
На них уж забвения кров.

Я – дерево, которое уж
Принесло, но худый плод,
Я – высохшая былинка,
Потерявшая живот.

Сердце ноет да желает...
В груди уж волнения нит,
Я проиграл легкоумно
Юности дражайший цвет.

Воротись, сон мой прелестный,
Воротись, моя любовь!
Пусть любя страдаю снова,
Пусть обманываюсь вновь!

СОН И ДЕЙТЕЛЪТЕЛНОСТЬ

Мні снілось, будто б Алена
На катафалкі німом,
Безжизненная лежала,
Со блідным зимным челом.

Я ужасной скорбью полный,
Верг на милу мертву взгляд,
Приступил к ней, чтоб любезну
Еще раз облобызать.

Лобызая, я проснулся,
Что чую – кім я любим,
Алены жгучія губки
Прилипли к устам моім.

МОНАСТЫРЬ АРКАДІОН¹⁰

Красна ты, свята свобода,
Мир пліняєш красотой,
Рок счастлив того народа,
Кто храним твоей рукой.
Взор твой добротой сіяет,
Грудь твоя хранит любовь,
Глас твой світло украшает
Волею твоіх сынов.

Пред тобой трепещет рабство,
Вольный меч в твоіх руках,
Пред ним падает во прах
Злобное тиранов царство.

За свободы знамя билась
Кажется, вселенна вся,
В брань отчаянну пустилась
Нынѣ храбра Кандія¹¹.

10 «Монастырь Аркадіонъ на островѣ Кандіи разрушенъ 9. ноября 1866.» (зазначка Є. Фенцика).

11 Аркадійський православний монастирь на острові Крит (стара назва: Кандія) у 1866 році став символом боротьби греків острова за свою незалежність од Османської імперії (зазначка вишорителя).

Горсть¹² елінов с всей державой
Бьется за свободу днесь:
Храбры то страдают с славой,
То поют побідну піснь.
Турки села зажигают,
Ріжут женщин, стариков,
Оскверняют вірну кров –
Греки бодро умирают.

Поле, полное врагами,
Вкруг все истребил огонь,
Ціл стоїт лиш над полями
Монастырь Аркадіон.
Діти, дівицы младыя
Робко приютились в нем,
Їх хранят башні святыя
Пред убійством и огнем.
Дух отчаянья терзает
Сердца їх с надеждою,
Грудь печальну, робкую
Каждый шорох, шум сжимает.

На стінах святых угрюмо
Храбра молодеж стоїт,
Ділами поважно, умно
Дімакопулос рядит.
Между башнями святыми
Воцарилась тишина,
Только стопами тяжкими
Нарушается она.
Взор мужчин всіх зло віщает
Смерть, отчаяніє жен;
На молитву кличет звон,
Каждый с страхом вперед взирает.

К нам полк кріпкий турков мчится, –
Крикнул Ксандос с лівых стін,
Вдруг поганскія полчища –
Нам – смерть, дівам – срамна плінь!

12 В оригіналі було напечатаной так: «гость». Видав, туй проскочила печатна хыба, котру сьме виправили (зазначка вишорителя).

Умрем за святу свободу, –
Закричав весь гарнізон, –
Чтоб елінському народу
Честь принес Аркадіон!
В гаремах не будем вянуть, –
Прозвучав весь женский глас, –
Відь смерть пощадит и нас,
Здїсь у женщин мужская грудь!

Издалека гул глубокий,
Приближается к стінам,
Вот уж голос труб далекий
Различити можно там.
Вдруг со грохотом ужасным
Раздастся пушки гром,
Ядра свищут гласом страшным,
Враг біжит со всіх сторон.
Коні ржут, свинцы літають,
Меч звенит, пули вижжат,
Барабаны вдруг стучат,
«Аллаг», – тысячи зывають.

Погане уж под стінами, –
Крикнул Кувос с правых стін,
Ну, к ружью! Відь здїсь над нами
Гектора, Ахілла тїнь!
Мужи ружья наряжают,
Женщины смолу варят,
Діти камні собирають,
Вожді совіты ладят.
Зачнемте во имя Бога!
Все кипит с большим огнем,
Треск, стон, вопль слышиш кругом,
Враг біжит – живет свобода!

Отражен и второй приступ,
Третій начинается,
Пушка выет, бомбы свищут,
Вдруг картечі сыплются,
Уж скрипят, уж гнутся врата,
Стіны развалиются,
С них толпа врагов космата,
Храбро проч сбивается.

Вні крик «Аллах» раздається,
Внутри зов «Ісус» звучит,
Шпага, меч стучит, звенит,
Здiсь и там струей кров льється.

Жены кипят с смолою,
С башнь на главу льют врагам,
Дiвы храброю душою
Камні брасывают там.
Кров пылает монастыря,
Все обнял большой огонь,
Так пылала древня Троя,
Так священный Илiон!
Гибель, гибель, все пропало,
Льется враг со всіх сторон
С ярости блiднiет он,
А на башнях все устало.

Со крестом в руках явился
Вдруг игумен Гавриiл
На нем полосой крутился
Золотый спитрахиль.
За ним иноки ступают,
Каждый умереть готов,
В ряды ратников ставают,
На его отцовский зов!
Старцы, дiти со слезами,
Вперли взор на неба свод,
Всiх облил холодный пот,
Взоры блiдностью устланы.

С крышки¹³ бревна вниз спадают,
Пламя бьется до небес,
Свод валится, звоны тают,
Дом дрожит, пылает весь!
Вот и врата уж разбиты,
Чернцы заставляют вход,
Пользы нiт с святой защиты,
Входит уж поганский род.
Иноки лежат во крови,
Пал игумен Гавриiл,
Он Создателя славил,
Во своем послiднем словi.

13 Крышка – туй у значеню рос. «крыша», русин. «стріха» (азначка вишорителя).

«Смерть дяврам», – ревет да мчиться
Мусульманов дикий рой,
Кров потоками струится
Окаянною рукой.
Жены бьются, діти плачут,
Старцы Богу молятся,
Одні душу отдавают,
Другі, как львы, борются.
Все пропало, силі злобной
Противиться уж нельзя,
Амазоны и мужья
Пали уж в боротьбі упорной.

Со побідным криком мчатся
Турки в двор да в Божий дом,
Вдруг ужасно раздається
Мир потрясающій гром;

Стіны, трупы, камні, люди...
Вмісті в высоту летят,
Смерть повсюду – в страсі турки
Вот мішаються, біжат.
Герої святой свободы
Взорвали священный дом –
Сам покрыл собою он
Защищавших, єго стогны¹⁴.

Землю ноч покрыла тайна
Темным трауром своїм,
Герої спят уж покойно,
Вольностью грезится їм.
Спочивайте, діти славы,
Прах ваш ангелы хранят,
Діла ваши величавы
Славу Грєції гласят.
Вы за віру, за свободу
Положили жизнь свою,
Совершили должность всю,
Мир, покой страдальцев гробу!

14 **Стогна** (устар.) – площадь, пространство (зазначка вишорителя).

К УГОРСКОЙ РУСИ

Ты печальна, мать родная,
Тусклый твой волшебный взгляд,
Рвется грудь твоя святая,
Очи струї слез ронят!

Но почто грустиш, матушка,
Відь блага твоя земля,
Лик твой красный, как веснушка¹⁵,
Житницы твої поля.

Твой святой лоб украшает
Живописных гор вінок,
Над горами же сверкает
В алой юности восток!

В воздухі твоєм здоровом
Жизнь румяная парит,
Стан твой лучезарным кровом,
Вешнею парчой обвит.

Ты прелестна, ты чудесна,
Грудь пліняєш ты красой,
Почему ж грустиш, мать ніжна?
Взор почто печален твой?

«Ах, как не грустит мні, бідной,
Я – мать, да без сыновей,
Во семьї моєй собственной
Ніт моїх родных дітей.

Сыновья стыдятся мною,
Не хотят матушку знать,
Чорною хулят душою,
Бьют, бранят родную мать.

Омраченныє, не знают
Добродітелей моїх,
Мать родную унижают –
С тім чернят себя самих.

15 **Веснушка** – туй у значеню «весна» (зазначка вишорителя).

Осліпленніє, не видят
Ніжної красоти моєї,
Мать свою – ах – ненавидят,
Как же не смутиться ей?»

Не грусти, матушка мила,
Всходит уж желанный день,
Вот заря всё озарила,
Уж біжит ночная тень!

Мрак как скоро пронесется,
Вдруг узнают всі тебя,
В ясной ліпоті явится
Прелесть, нрав, краса твоя.

Діти, синовья с любовью
Взглянут на родную мать,
Мило будет всей душою
Их к святой груди прижать!

И теперь не плач, родная,
Сыновей своїх зови,
Пусть услышат, просыная,
Глас родительской любви.

Пусть зарею осіненний
Милый взор увидят твой,
И красой пліненны ніжною,
Вічно сольются с тобой.

НЕСЧАСТНЫ ДА...

Несчастливы да печальны мы,
Несчастен біден наш народ,
Відь мы самі губим себя,
Туманим свой небесный свод.
У нас вина, сли русский звук
Промолвил рот невинный твой,
У нас смертельный гріх, сли ты
Славишься милой родиной.
У нас и русскіє – о, стыд –
Чужую боготворят річ,

Против себя сами дают
Судьбі самоубійний меч.
У нас, презрів природи глас –
Сам русский Русь святую хулит,
У нас пустым тщеславієм
Народный дух ранен убит.
Коли услышим русску піснь,
Душа у нас не задрожит,
Народа русскаго хвала,
Грудь нашу не воспламенит.
При звуці пісен, слов чужих
Приходим в иступленье мы,
Враждебных полны мы начал,
У нас чужіє сны, мечты!
Такой народ не может жить,
Бесславно умереть ему,
Такой народ не должен жить,
На сміх презрініє всему.
Такой народ не будет жить,
Ни сліду не оставит он,
И вість о нем исчезнет, как
В пустыні колокола звон.

КО ГРУДНОМУ МЛАДЕНЦУ

Не знаєш забот угрюмых,
Мысль без кручины твоя,
К каждому смієшся мило,
Непорочноє дитя.

Ангелы леліют ніжно
Душу чистую твою,
Ты пліняєш дух сильнійший
Немощію дітскою.

Ангел! лиш теперь счастлив ты,
Відь теперь не знаєш світ;
Как скоро мыслить зачнеш уж –
Счастья да блаженства ніт.

Будет ли твоя будущность
Цвість, как юная весна,
Иль будет пуста, угрюма,
Как холодная зима?

Можно, славу, честь, блаженство
Рок тобі доставит твой,
Можно, будеш в жизнь бороться
Со ужасною судьбой?

Не знать. Будущности темной
Занавіс открыть нельзя;
Рости, позже – вірь, надійся
Любезнійшеє дитя!

К НЕВІРНОМУ

Еще грудь дрожит печальна,
Еще бьется сердце в мні...
О, любовь моя несчастна,
Ты лик милый в лестном сні!

Да чувствую: кров кружится,
Пламень в сердці все горит,
Вірна грудь больно тісниться,
Страсть любви все еще бдит.

Ты забыл меня измінник,
Ты лгал, обольстил меня,
Ты лжи, обманов наперсник,
Тебі радость – грусть моя?

Ты діву слабу, невину
Игрушкой своей избрал,
Ты сгубил жизнь, надежд полну,
Вонзил в грудь єя кинжал.

Не тужи, грудь обольщенна,
Не ропщи, выстальный глас,
Сон был страсть твоя умильна,
Сон прошёл – уж встати час!

Будь щаслив, невірний друг мой,
Будь щаслив, другу любя,
Вспомни, що душею страстною
Єще все люблю тебе!

Ты невірним став ко груди,
Гді схоронен образ твій,
Хоча ти – другою невільник...
Ты во мні, ты вічно мой!

В НОЯБРІ

Грустно, мрачно над землею,
Дол, верх обняла тоска,
Над природою пустою
Печаляться небеса.

Сонце хмара ховають,
Землю омрачив туман,
Вітри жалостно стогнають,
Ключ морозом окован.

Листя жовтіє без чуття
Покояться на землі,
Столби дерев'єв да кущів
Тьмою чорніють в ширині.

Скоти, пташки сумно ходять,
Всё печаль кружить німа,
Вітри холод с гор наводять –
Принаближається зима.

«Гді моє благоє літо?
Гді прелестная весна?
Все ушло; слабое тіло
Ищет уж покою, сна.

Гді перелестныя надії?
Гді солодкія мрії?
Я без життя, без одягу,
Лист пожолк, поля – пусті!

Грустно вспомнить мні, недужной,
Милу молодость свою,
Грустно знать, что жизни юной
Больше уж не догоню».

Вот почто тужит природа,
Вот почто печально всё,
Время мечт ушло и снова
Уж не вернется оно.

Как осінній лик природы,
Словно так слабой старик:
Вспоминая дітски годы,
Про минувшее тужит.

ЧТО НАЙЗИМНІЄ

Здись декабрь, уж всё холодно,
Зимен воздух да вода,
Зимно в комнаті да в полі,
Здись уж вьюги, здись зима.

Любопытны ли вы, братья,
То узнать – что найзимній?
От чего кров, дух замерзнет,
Что дрожать велит, как змій?

Найзимній – внимайте братья –
Сердце тіх из нас людей,
Кої днесь сміються злобно
Над народностью своей.

В ПОТЕМКАХ

Ноч темна, вкруг тьма густая,
Ничего не видит глаз,
На меня какой-то трепет
Сей ночной наводит час.

Призраки в явленьях страшных,
Пред слабой парят душой,
Уши будто бы слышали
Демонов нечистый вой.

В хаосі том, первобытном,
Не така була ли тьма?
Не подобно ли плясала
В ней злых ангелов толпа?

Не таков ли ад сумрачный?
Не така ли смерть черна?
Відь в нем демоны царствуют,
А в могил[і] – вічна тьма.

ПІСНЬ О ПІСНИ

Прийми мой привіт сердечный
Пісней ніжних, милый світ,
Вні тебя в жизни суєтної
Радости, веселья ніт.
Счастьє только там явится,
Гді весела піснь поється,
Среди сих житейских бід.

Да, для сердца піснь отрадна,
Если чист в ней звуков строй,
Сли пловет умильно, ладно,
Если сольется с душой;
Ибо всё лиш там покойно,
Гді одна мысль, гді всё стройно,
Гді муж дух один с женой.

Піснь трогает, піснь пліняєт,
Сли пловет из сердца глас,
К ніжности сли выбираєш
И способный тихий час;
Ибо то вліяєт сильно,
Что из чувства, что умильно,
Что в пору застанет нас.

Піснь везді сопровождает
Человіческий живот,
Веселит да утішаєт
Средь мучительных забот:
До смерти от дня рожденья,
Жизни улегчаєт бремя,
Прохлаждает знойный пот.

Сли грудной ребёнок плачет,
Замолчит при пісні он,
Піснью мать укладывает,
Єго на отрадний сон;
При звуках пісни умильной
Во колыбели невинно,
Сладко засыпает он.

Уж подрос мальчик любезный,
Різко скачет по лугам,
Птичьей пісни глас чудесный
Дух его пліняет там:
Піснь слышал в домі отцовским,
Піснь гудит в полі просторном, –
Наконец – поёт и сам.

Вік прошёл, настало время,
Младенец юношей стал,
Грудь тіснится, сердце бьется
Он покой свой потерял;
Но явится піснь отрадна,
Прохлаждается та рана,
Улегчается печаль.

Вот поёт младая діва,
Дрожит єя чистый глас,
Она с чувства, с сердца піла
И к тому в наилучший глас;
И нашла отзыв та пісня,
Нею дівица прелестна,
Тронула, плінила враз.

Много хлопоты иміет
В домі заботлива мать,
Ходит, ділаєт, радієт,
Чтобы был повсюду ряд;
При ділі поёт умильно –
Всё стоит готово, чинно,
Повсюду наилучший лад.

И старик недужный, сірый
Любит пісню стройную,
Відь в ней отраженну вірно
Видит молодость свою.

Ніт, мой вік не воротится
В сердці грусть свята явиться,
Про юність минувшую.

Силен глас пісни церковной,
Силу ту чувствует грудь,
Он звучит, – и грішник злобный
На добрый приходит путь;
«С нами Бог» как пронесется,
Иль «Христос Воскрес» поется,
В восторгі трепещет люд.

Птицы піснью привітствуют,
Юныя веснушки час,
Дубравы вдруг отражают
Єстества веселый час:
Гудит да звучит ліс, поле,
Чувство странное святое
Чудесно волнуєт нас.

И так піснь одушевляет,
Украшает єстество,
Піснь живот наш наслаждает,
Дійствует на сердца дно;
Для того пойте, ребята,
Чтоб исчезла грусть проклята,
Чтоб житьє весело шло!

РУССКИЙ НАРОД

От вод сівера холодных,
Гді сверкает вічний лёд,
До берегов Евксина теплых,
Гді всегда весна живёт,
От волшебных стран Карпата
До окресностей Урала –
Повсюду русский народ.

Гді волни Тисы катятся,
Дон Иванович¹⁶ плывет,
Гді Дніпр, Онега струятся,
Мать Волга судна несет,
Вкруг Ладого, вкруг Азова,
Вкруг Казані да вкруг Львова
Везді наш народ живет.

Восьму часть цілаго мира
Управляет русский глас,
Шар солнечнаго світила
Не заходит лиш у нас:
Сли світ сходит над Карпатом –
Вечеріет над Уралом,
А в Камчаткі ночный час.

Храбрый наш народ да славный,
Відь «Слава» и наша мать:
Русскому смерти нещадной
Игрушка противостать,
На сівері, на востокі,
На западі да на югі
Знакома русская рать.

Цареград дрожал пред нами,
Как Аскольд, Дір пред ним стал.
Как под русскими суднами
Закипіл воспорский вал¹⁷.
Как позже Олег жестокий
Жёг в імперії широкой,
Дань пока цар Лев не дал.

Мы чрез віка отражали
Татарских грабителей,
И Європу защищали
От алтайских дикарей,

16 **Дон Иванович** – сесе слово Є. Фенцик застачив зазначков, котру не дає ся прочитати зато, бо єдиной число новинки, котре сьме однайшли в архівах, докус заляте тіпографськов фарбов (*зазначка вишорителя*).

17 «Какъ Аскольдъ и Диръ, князи варяго-русскіе, стали подъ Константинополемъ, то испуганные греки вынесли ризу пресвятой Богоматери изъ влахернской церкви, и поя: “Взбранной воеводѣ побѣдителная”, погрузили ее въ море, сейчасъ настала ужасная буря и разсѣяла судна русскія. Тогда былъ патріархомъ Фотій» (*зазначка Є. Фенцика*).

Пока Димитрій той Донский
Весь изнищил полк монгольский
Сред Куликовых полей.

Кто б не знал нічто о Січи,
О російських козаках,
Которых кровавы січи
Краї превращали в прах,
На Варшаву, Штамбул гордый,
На дики татарски орды
Наводили вічний страх?

Дорошенько, Тарас Бульба,
Хмельницкий везді знаком,
В руках їх сабля да пуля
Разили, как жгучій гром;
Они ляшню ужасали,
В страшных пытках умирали,
За Русь, да за свой закон.

А Єрмак, той вітязь славный,
Кто силой сто казаков
Край занял Сибирі хладной –
До восточных берегов;
И в его груди той храброй,
Пылкостью пылала страстной
Русска віра, русска кров!

А Петр, кто в Россіи мрачной
Создал просвіщеня храм,
Пред ним в битві под Пултавой
Пал сіверный великан;¹⁸
Дух его мир изумляет
Дипломатов ужасает,
Его мнимый тайный план.

Иль Сув[о]ров лев той грозный
Кто, как страшный Ганнібал,
Вмиг алпійскою дорогой
Под кичливым Римом стал;
Кого дерзкіе походы
Изумляли всі народы,
Не был русский генерал?

18 «Карл XII, король Шведскій» (зазначка Є. Фенцика).

Русские спасли Европу
Когда в ней Наполеон
Раздавал по произволу
Временщикам царский трон,
Но Москва как запылала –
Покрыла свободы заря
Европейский небосклон.

А в Крымі кто сражался
С цілою Європою,
И отнюдь не покорялся
Пред огромной силою?
И там россияне сами
Дива, чуда совершали
За славу да честь свою.

Но кто б мог всі діла славы
Русскаго народа счесть?
Они будут величавы
Пока в мирі люди єсть;
Блеск суетны[й] раз затмится,
Тогда вполні обнажится
Русска слава, русска честь.

Не забыв о ділах древніх,
Будь смирен, русский народ!
По мракі, по тучах темных
Чист станет небесный свод;
Клеветы храм разорится,
Русь святая возвысится –
Будет слыть от рода в род!

В УЄДИНЕНІЇ

Не тревожит дух унылый
Стук карет да людский глум,
Не манит мой взор счастливый
Мира блеск, суетный шум.

Я оставил – Богу слава –
Пышный град да шумный мир,

Гді зла роскош царствовала,
Гді люд демону служил.

Вкруг мене деревня тиха,
Горы, хладные ліса,
Ніт здісь коварства, лиха,
Здісь покой да тишина.

Здісь не слышен стук коляски,
Только серны робкий шаг,
Вмісто шума, вмісто пляски
Вітр гудит по деревьях.

Біднаго искуства ніт,
Здісь великоліпно всё,
Пачкунов пустой рукою
Не спорчено естество.

Вмісто роскоши злотворной,
Здісь царствует простота,
Естества красой узорной
Прибирается она.

Здісь народ молится Богу,
Не чтоб демону служил,
Все в деревні ближе к небу,
Демонов наслідство – мир.

Я счастлив, живя в деревні,
Взглядывая Божий світ,
В мирі, как на бурном морі,
Счастья да покоя ніт.

ПОЛНОЧНОЄ ВИДІНІЄ

Настал час тайный, час полночный,
Покойно спит всё, что живёт,
Лиш я один томлюсь, бессонный,
Среди громадой мечт, забот.

Вні в воздухі ночные духи
Рядят, плясая хоровод,
И раздают волшебны звуки
Русалки у журчащих вод.

Чую стук! Окошко отворилось,
И входит круг прелестных дів;
Мні в голові все закружилось
Я столбом стал, оціпеніл.

Воздушный стан тіх дів полночных
Прозрачн[о]й дымкой был обвит;
Глаза їх жгли; в странах восточных
Жар солнца словно так палит.

Улыбкой ніжною да лукавою
Сіяли алыя уста,
Взор полон был святой отвагой,
Грудь трепетала, как волна.

Всі прелести красы небесной
Со доблестью сдружились здісь,
Орлиный взгляд – с любовью ніжною,
Гроза – с улыбкою небес.

При звуках емпірейской¹⁹ пісни
Дівицы обьяли меня,
И ножки двинулись чудесны,
Плясали, в воздухі летя.

Из пляски сей обвороженной
Вдруг вымоталася одна:
Дала мні крест тройной греческой,
Промовив віція слова:

«Вот знак побіды над врагами
Свято-крест Русь спасет святу,
Сам Бог вам друг, всё небо с Вами,
Пока вы служите кресту».

И внов явилась дівка ина
С маслинной віточкой в рукі,
«Лиш мир спасет Русь», – говорила,
Любов да мир вручала мні.

Явилась снова дівка третья,
Желізный якорь был у ней,
«Не бойсь, – сказала, – Русь не вмерла,
Уже пора воскреснуть ей».

19 Емпірейскій (од *франц.* Empire) – імперський.

Пришла четверта дівка с лихой,
И в грудь вдохнула мні огонь:
«Труби, жги над толпой сонливой –
Авось, скорій исчезнет сон».

И на конец явилась с царским
Вінцем на голові одна,
И дівушку в оковах тяжких
Вела перед собой она.

Та дівушка была прелестній
Всіх дів, которых виділ світ,
На небі, здісь, во всей вселенні –
Клянусь – подобной дівы ніт.

Восточный лик єя черт ніжних
Живою блідністю сял,
В глазах єя полночно-темных
Сверкала страсть, огонь, печаль.

Улыбкой скорбной усміхались
Єя розовыя уста,
Сквозь тучи – сли над ней собрались –
Так світит грустная луна.

Дівственна грудь дышала чувством,
Как сніг, біліла сквозь покров,
И мрамор, сділанный искусством,
Клянусь, не может быть таков.

Бархатна шея, ручки, ноги,
Да тьма рассыпанных кудрей,
Тоненький нос, радушны брови,
Лик ангельской вміняли єй.

Лазурна лента обнімала
Воздушно-гибкий стан єя,
На ленті той зарей сіяла
Златая надпись: «Русь свята».

Взор скромный дівушки скованной
Растаивал грудь, дух плінял,
Какой-то силой непонятной
Обворожил, околдовал.

Вінчанная, обняв невольну,
Сказала: «Ты свободна, доч»;
Разбилась ціп и Русь – уж вольну –
Оставив, всі исчезли проч.

И «Русь свята» ко мні садилась,
Лаская с ніжністю меня,
Дрожащим гласом говорила:
«Не странно ль это для тебя?

Ті дівы – генії всей Руси,
Оні хранителі мої,
Но уж распались рабски узы,
И їх не надо, вот ушли.

Но я останусь здісь с тобою,
И враг уж не разлучит нас,
Ты мой в несчастью, в мирі, в бою,
Одно мы, друг, на вічний час».

И так сказав, воздушны ручки
Вкруг шеї оплела моєї,
Я чул, как рвалась грудь, жгли губки...
Но вставши, уж не виділ ей.

С тіх пор она тайком со мною,
Внушает милыя мечты,
С тіх пор о ней я много пою,
С тіх пор взаєм влюблены мы.

К РАБОТІ, РУСС

Народы под ярмом стогнали,
Не было вольно думать їм,
Всяк произвол гражданской власти
Был їм закон, был їми чтим.

Множество в пыли простиралось
Пред чоловіком [у] штанах;
Один гайдук навел, бывало,
На всю деревню трепет, страх.

Признаться в том, что нікто русский,
Был в небо вопіюцій гріх,
Заговорить народным словом
Вызвало стыд, вызвало сміх.

Но вік прошёл и дух свободы
Пронесся над цілою землёй:
Всі мы узнали, что мы люди,
Власть сдалась волі віковой.

И вот теперь мы всі свободны,
Свобода обнимает нас;
Признаться вольно, что ты – русский,
Не запрещён уж русский глас.

Судьба, рок нашего народа
Уж в наших собственных руках:
Не сміют уж враги грозить нам,
Хотя бревно мы їм в глазах.

Теперь от нас самых зависит,
Хотим ли жить, иль умереть,
Мы можем уж избрать по волі:
Пред нами жизнь, пред нами смерть.

Не будет гнет маляр причиной,
Сли черна смерть обоймет нас,
Лиш мы дадим отвѣт пред миром,
Сли здісь замолкнет русский глас.

И вірен будет суд потомков,
Сли скажут нікогда о нас:
«Здісь жил народ пустый, лінивый,
Не жил – проспал столь долгий час».

И для того к работі, братья,
Пора, пора к работі, русс!
Вставайте уж из сна глубока,
Разбейте ціп духовных уз.

НЕ СТРАШИСЬ, МАТЬ...

Не страшись, мать – Русь святая,
Жий в надєжді, вірний люд,
Над тобой, зарєй сіяя,
Лучи рассвіта встають.

Запада минулась слава,
Днешній час не їх, не наш,
Будущность же вірно – наша,
Тщетно ропщєт злобный глас.

Відь у нас повсюду, братья,
Дітьми славы полон мир,
Нам со всіх сторон обьяття,
А врагам – смертельный пир.

С нами віры клик небесный,
Вышній Бог помощник нам,
Ибо меч наш – крест всечестный,
Сила ж – мирский дух врагам.

Небо вострит ум наш кроткий,
Нами правит неба зов,
Свят, бо подвиг наш народный
Побуждєньє нам, любов.

Нам програть нельзя, ребята,
Нам нельзя не побідить;
Не печальтесь, русски братья,
Русь, конечно, будет жить.

Не убойся, Русь святая,
Не страшися наш народ,
Блеснет нам заря золотая –
Закипит и здісь живот.

ЖИВУ, НО ЖИЗНЬ...

Живу, но жизнь моя кончится,
Конец єя могила-гроб,
И блаженство моє умчится,
Когда мні смерть на мысль прийдёт.

Да, смерть-могила разлучает
С милійшими друзьями нас,
Все блаженство нам разоряет
Холодной смерти грозный глас.

Не так, не так – смерть съед[и]няет
С любовью вічної нас с Христом:
Он милых нам внов представляет,
Сли ходим лиш его путьём.

По смерти съединимся вічно,
Со всіми, кої любят нас,
И блаженство то бесконечно,
Не нарушит могильный глас.

Не лъзя²⁰ благодарить, как должно,
Тебя, неисказанно добрый Бог,
Твоей десниці всё возможно,
Ты рек – и к жизни смерть порог.

ПОЛЯ, ДОЛИНЫ, ЛІС....

Поля, долины, ліс да горы
Густою мглой туман обнял,
Такой туман кружит народы,
Такой туман на нас упал.

Но солнце всходит, світят лучи –
Рассіян уж туман густой;
Взойдет ли нам заря восточна,
Чтобы разгнать мрак віковой?

ЗДРАВСТВУЙ, ЛУГ ДА...

Здравствуй, луг да ліс зеленый,
Здравствуй, пісня соловья;
Здравствуйте, птички веселы
Да душистыя поля!

20 **Не лъзя** – туй у значеню «не дарит ся». В орігіналі было напечатаной так: «Не нельзя». Видав, туй проскочила печатна хыба, котру сьме виправили (*азначка вишорителя*).

Здрастуй, голубой свод неба,
Здрастуй, різвий ручей;
Здрастуй, теплота блаженна,
Ароматний вітерок.

Спочивавшая природа
Встала уж с глибока сна,
Єстество воскресло с гроба:
Здрастуй, милая весна!

Єстество проснулось, встало,
Вот везді кипит живот,
С жизни нам досталось мало:
Жить чуть-чуть стал наш народ.

За весной настанет літо
И окріпнет єстество;
Наша жизнь блеснет ли світло
Иль здісь опустієт всё?

Здісь весна – друзья, к работі,
Утро здісь – к работі, русс!
Чтоб стала скалой на морі
Навсегда Карпатска Русь.

НОЧ ВІКОВАЯ УБЫВАЄТ

Ноч віковая убывает,
Зарділся уж святыи восток,
Заря Карпаты осіняєт,
Господства тьмы кончился срок:
Вставай из сна, вставай к работі,
Спіши во храм науки, русс!
Спіши, но лиш по той дорогі,
Гді русский дух, гді свой парус.

Настало время – діти славы
Узнали род да мать свою,
Русь-матушку обლობызали,
Обняв любовью семью всю.
Вставай из сна, вставай к работі,
Свіши к самосознанью, русс!

Спіши, но лиш по той дорогі,
Гді русский дух, гді свой парус.

Явился світ, и вот народы
Узнали истину и лож,
Узнали ціну той свободы,
Которой крест – святой сторож.
Вставай из сна, вставай к работі,
Спіши к свободі, правді, русс,
Спіши, но лиш по той дорогі,
Гді русский дух, гді свой парус.

МЫСЛИ

Был час, когда меня не было,
Дух мой не размышлял,
Из персти Бог создал мні тіло,
И тілу душу дал.
Из ничего стал я бессмертным,
Владыкою тварей,
В широком мирі стал я первый
Славной вселенны всей.

Но гордость низвела в погибель,
В ничто, во прах меня,
Бог был мой справедливый мститель –
Внов смертным стался я.
С счастливаго стался несчастный,
С земли владыки – персть,
Меня страшит роком ужасным
Неизбіжима смерть.

Я есмь, живу да размышляю,
Днесь – да, но завтра – ніт;
Я здісь, но гді мні быть – не знаю,
Прожив нісколько літ.
Я знал многих, они здісь жили,
Меж нами, как и я,
Но вот они уже всі сгнили,
Всіх скрыла уж земля.

Всі равны мы – и я погибну.
Исчезну, словно дым,
И я вселюся в землю зимну,
Во слід животным злым.
И обо мні скажут когда-то:
Он жил – єго уж ніт,
Земная слава, клад – всё благо,
Лиш призрак етот світ!

Но ніт, возможно ли, чтоб дух мой
Исчез и стал ничім?
Возможно ли судьбой так сумной
Уничтожиться всім?
Ніт-ніт, нельзя – во мні дух Божий,
И как природа вся
Весной воскреснет – в свой час тоже
Воскресну снова я.

НАД ВЕРШИНАМИ...

Над вершинами Бескида
Носится густой туман,
Днесь в єго руках побіда –
Світ веригами скован.

Світ в неволі. Господствует
Сам туман с ночью тьмой;
Добрый люд єму жертвует
Счастієм, бытьєм, собой.

Пронесися, зла погода,
Исчезни, густая мгла,
Проч с небес святого свода,
Пагубоносная тьма!

Воссіяй, златое солнце,
Засвіти небесный світ,
Мрачно без тебя оконце,
Без тебя ни жизни ніт.

УЛЕТАЄТ БЫСТРО...

Улетает, быстро мчится
Мила молодость моя:
Трудь пустою становится,
Сердце спит, кров без огня.
Уж ушли дни чувств прелестных,
В развалинах всі мечты,
Ніт уже надежд небесных,
Юны улетіли сны.

Дни поезії чудесной
Проскользнули, как призрак,
Днесь жизни пустой, мятежной
Вкруг меня виднієт знак.
Груз забот да трудов бремя
Истощают жизнь мою,
Однозвучно идет время,
Не мечтаю, не пою.

Воротись, счастлива младость –
Дни цвітуція весны!
С вами чей приїдет радость
Да обманчивые сны.
Ніт, нельзя – минувшесть злая,
Скрыла тот бесцінний клад,
Відь денница золотая
В вечер не взойдет назад.

Современный стихъ.

Изъ Угорской Руси.

Тучи обняли Карпаты,
Изъ всѣхъ темнѣетъ странъ;
Вижу: черная, крылата
Мчится Гибель прямо къ намъ...

Вопли, стоны слышны всюду,
Русь отчаянья полна,
И испуганному люду
Жизнь наскучила больна.

Старый бытъ перевернулся,
Всё на выворотъ пошло:
Добродѣтель стала гнусна,
Милымъ сдѣлалось зло.

Воздухъ ядомъ наполнился,
Людь дышать не смѣетъ ужъ;
Пропасть бѣдствій, золь взвалилось
На младу, немощну Русь!

На бывало-отчей нивѣ
Съ скорбію стоитъ мужикъ,
Очи слёзы наполнили,
Грудь сжимается, дрожить.

Лѣтское, счастливо время
Вспомнулъ съ горемъ въ сердца онъ,
Грудь когда не жало бремя,
Не давилъ лукавый сонъ, —

На разцѣтшемъ отчемъ полѣ
Мотыльковъ когда ловилъ,
И впряженныхъ по загоу
Въ плугъ шесть воликовъ гонилъ, —

Въ праздничный день, пріодѣтый.
Въ храмъ когда шель нивой сей,
И когда съ любимой дѣвой
Пѣснь родну спѣвалъ по ней.

Это всё, какъ тынь исчезло,
Улетѣло, какъ приракъ;

**Стихи, опубліковані на сторонах
новинок «Карпатъ» и «Слово»
(друга половинка 1870-х – зачаток 1880-х рр.)**

КО СТОРОЖАМ СІОНА

Слуги истины вставайте,
Киньте проч бездільный сон,
Для борьбы приготавлийте,
Слова всемогущій гром.

Огнь борьбы давно уж тлієт,
Лжи пророки всі на нас,
Злоба в серці їх бліднієт,
Пламень истины угас.

Вот, смотрите, как прельщают
Наш простосердечный люд,
Иль евреям отдают
Вірних добро и приют.

Тайно, явно раздается
Лжи пагубноносный глас,
Первый выстріл поднесется,
Слуги истины, на вас.

Не дремлите ж, просыпайте,
Подвиг ваш велик и свят,
Відь что Бог вам ввірил – знайте:
Віру взять от вас хотят.

Разоряйте громом правды
Капища разврата, лжи,
Чтоб обманщики коварны
В них опоры не нашли.

Создайте храмы світа,
Наставляйте в них народ;
Річ огнем любви согріта,
Вірний будет вам оплот.

Мира тьма не будет в силах
Побідить коварно вас;

Лож нигда не побідила
Истины небесный глас.

Сміло в бой святой ступайте,
Сзади вам нельзя остатъ,
Лиш на Бога уповайте,
Он наострит вам булат.

Слуги истины, внимайте,
Бросьте проч безділья сон,
Чтоб вступить в бой, наряжайте
Правды всемогущій гром.

18. марта 1876.

ВИДІНІЄ²¹

На брѣгах Дуная я виділ видіньє,
К Дунаю сходилась вселенная вся,
Как вихр, как гул бури, как моря волненьє,
Шуміла, двигаясь народна толпá.

На лівой сторóні комуна стояла,
А с ней лібералов темечная тьма;
Толпá франкмасонов в всё гóрло кричала:
«Проч с Богом»... «свободі настала пора»!

А горсть вірующих на правой сторóні
Смирено прижались к святому кресту,
В чертахъ їх отвага, святой огонь во взорі,
Борются готовы за віру святу.

«Проч с вірой... с попáми, – кричат лібералы, –
Розгнать мы сошлись біготство²² и тьму,
Небылицей полно уж нас забавляли,
К ружью! Перебієм біготщину всю».

21 Надголос у тексті стиха проставив сам автор Є.Фенцик. Як мож видіти, поетичний надголос не усе ся избігає из надголосом граматичным (двИгаясь – двигАясь; услышал – услышАл). Межи тым, ритмічна організація стиха усе є бездоганнов. Натяк автора (проставлений надголос) дає розумення, як треба декламовати ёго поезію.

22 **Біготство** (из *франц.* bigot) – лицемірство, фалошность, гамішество (*зазначка вишорителя*).

Поднялся крик страшный, ружья загремили,
Пушѣк заревѣл ужасающій глас,
Пред дымом глаза мнѣ, как ночь, затемнили,
И я ничего не мог видѣть чрез час.

Но вдруг услышал я раз тысяч треск грома,
Блеск молніи вился подобно змійм,
Затѣм же раздался глас бурѣ и стона,
Казалось: Бог грозный ратует здѣсь Сам.

Но нѣсколько позже гроза пролетѣла,
Час милый окрѣстность всю очаровал,
На вѣдренном сводѣ зажглося свѣтило,
Весь Божий мир жить, веселиться начал.

На полі сраженья в сіяніі алом
Явилось знаменье спасенія – Крест;
Кому́ну, масонов и всіх лібералов
Изнищила вічно Всеvyšняго мечь.

С крестомъ показался и храмъ превосходный,
В немъ звон исполинскій мир цілый сзывал,
Востокъ, югъ и западъ, и сѣвер холодный
На звон той ко храму сходѣться начал.

Сошлись народы из цілаго мира,
И храмъ окружили изъ всіхъ сторонъ,
И ета тьма вірныхъ колѣна склонила
И Богу за помощъ сложила поклон.

«Забыли вы, діти, – сказалъ гласъ небесный, –
«Что церковъ не можетъ весь адъ одолѣть,
Она основанна на скалѣ чудесной,
И скала та вічна – в ней брэннаго нѣт.

Сли церковъ и віру врагѣ оскорбляютъ,
Вамъ духомъ не должно за это упасть,
Блескъ внішній они тѣмъ хотя нарушаютъ,
Но бытъ ей не тронетъ ни адская власть».

А церковъ и віра, какъ прежде бывало,
Стоятъ незыбленно на твѣрдой скалѣ;
Не стало комуны, ни лжелібераловъ,
А Богу, какъ прежде, кланяются всі.

22. марта 1876.

ПРОРИЦАНІЄ

На праздник кровавый сошлись народы,
От полков пестрієт страдалец Балкан,
Смотрите, как грозны герої свободы,
Смотрите, как болен, как бліден тиран.

Зачался суд крови, преданье востока,
Вот місяц двурогій ратуєт и крест.
На помощь там Аллу²³ зовут и пророка,
Побідно поют здісь Спасителю піснь.

Ужасно лютится борьба роковая,
Повсюду огонь, кров, отчаянья глас,
Но місяц бліднієт, как бы догорая,
Вот єдва світлієт, вот вполні угас.

Смотрите, окресность [та] как величава,
Бунчук, полумісяц на віки исчез,
Крылата летает побіда и слава,
На радость смінились страданія днесь.

Царьград и Едырне²⁴ и Солунь богатый,
Попрали османов свиріпство и лєсть,
Вот мечты и башні, и царски палаты
Уже украшает трираменный крест.

Во храмі Софії кресты воздвижены,
Свободы побіду празднуєт днесь мир,
Слышите, как громко побідное пінье
И как благовонно куренье кадил.

Вот блаженства слезы, смотрите, как льются,
С-под освобожденных сто тысяч рісниц;
Коліна пред Богом, смотрите, как гнутся,
И рай [во] восторгі, как падают ниц.

На радость востока смотрите народы,
Вот как убігает за море тиран,
Днесь знамя спасенья и прапор свободы
Вот как украшает свободный Балкан.

23 Алла – русин. Алах, рос. Аллах (азначка вишорителя).

24 Едырне, авадь Адріанополь (днесь Едірне) – варош на сіверо-западі європейської частини Турції, важний політичний и воєнський центр Османської імперії (азначка вишорителя).

НАШЕМУ ВІКУ

Не было ничего в вселенні,
Что было – было все «ничто»,
Во праздної и ничтожной бездні
Одно носилось Божество.
Но грянул голос всемогущій
Пал быт ничтожества не сущій;
Явился мир – ожило всё.

А наш злосчастный вік віщає,
Что вічен мир, что Бога ніт!
Бог – сила естества! – глашає,
Бог – ето вот сам вічный світ.
Творца тварь уж не узнаває;
Себя тот вічным представляє,
Кто чуть прожил нісколько літ.

Не так, не так, пророки віка,
Скажите, что такое мир?
Не сума ли всіх тварей світа –
Земных тіл и небес світил!?
Сли я не вічен – то ни ета,
Вчера наставшая комета...
Тогда, створен, не вічен мир.

А если етот мир не вічен,
Тогда створить кто мог его?
«Ничто» відь лиш «ничто» раждає,
Я без причины б лиш «ничто»!
Бог молвил; голос всемогущій –
Пал быт ничтожества не сущій,
Явился мир – ожило всё.

Не естества жаждуща сила,
Да и не мир – великий Бог,
Как мир, результат жизни мира
И Он быть вічным бы не мог.
Он все зиждет и наполняє,
Его ж ничто не обнимає,
Независим от мира Бог!

Смирися, вік прогреса дивный,
Смирись, кичливый человек,
Не думай, что ум твой всесильный,
Что силы выше ума ніт.

Сли Божью правду попираєш,
Увы, как горько заблуждаєш,
Увы, как жалок ты, наш вік!

Вік девятнадцатый віщає,
Что духа ніт, все – вещество!
В собі ж – о стыд – не узнаєт
Небесной искры Божества.
Ум и свободу боготворит,
Не видя, что оні исходят
От духа, не от вещества.

Хоть вещество дива творит:
Пар груз везет, а телеграм
В минуту цілый мир проходит,
За полюсы, за океан...
Хоть чудно вещество, но что же,
Ни мыслить, ни хотіть не может –
Єму духовный дар не дан.

А я сужу и размышляю,
Вселенной правит разум мой,
Я єтот дар не обрітаю
Нигді – под солнцем, под луной.
Дар Божественный, дар духовный,
Вот єтім Богу я подобный,
Я – дух, я – жизнь, не прах пустой.

А вік прогреса скотам темным
Уподобить желает нас,
Бо відь души невещественной
Нигді не видит брєнный глаз.
Вот «я» своє не узнаєт
Кичливый ум, сли презираєт
Небесный світ, небесный глас!

С душой и вічность отрицает,
Наш веществу преданный вік,
И єтім – стыд – проповідаєт,
Что скота хужє человек;
Скот без сознанья умираєт,
Єго в час жизни не смущает,
Что смерть нельзя преодоліть.

А я все вижу, мні так грустно,
Что нікогда не буду я;
Часом затмієт ум и чувство,
Что так страшна судьба моя.
Когда б дух мой не был бессмертный,
Я бы проклял тот угол земный,
Гді білий світ увиділ я.

Но я живу, я мышлю, хочу,
Я духом управляю мир,
Такого гроба не нахожу,
Чтоб духа быт уничтожил!
Когда тварь вся лиш измінится
И червь в ничто не претворится –
Возможность, чтоб мой дух не жил!?

Гордись, вінець творенья дивный,
Гордись, смиренный человек,
Для воли, ума – гроб бессильный,
Для них могилы, смерти ніт.
Под небом все перемінится,
А дух твой ціл переселится
Во вічний бесконечный вік.

Внимай вік обмана, вік мира,
Есть вышнє существо, есть Бог!
Который бросил в путь світила,
И мир лиш Он создати мог.
Тебі дал власть владіть вселенной,
Дал волю, ум, дал дух бессмертный...
Ему служить – твой первый долг.

СЛАВЯНАМ

Велики вы, народы Славы,
Конца земли славянской ніт,
Вам юг, восток и сівер хладный
Как хозяевам шлет привіт.

Часть восьмую цілаго мира
Вы называете своєю;

Вам гимн²⁵ поет плещуща ліра:
Тринадцать смежных вам морей²⁶.

Європа, коль очнувшись, вспомнит,
Что сотня міліонів вас,
В преділах всіх невольнo дрогнет,
Предвидя рок свой в нікий час...

Да, Вы велики и численны
И все ж – увы, бесславны – срам!
Свою вы славу, честь безопасно
К чужим бросаете стопам.

В произведеніях духовных
тевтонов, турок и мадьяр
Сколь часто видиш труд огромный,
Кой быт свой с рук славянских взял.

Своим умом вы и мечтами
Чужи лелієте сердца,
Чужіє лбы красит вінцами
Славян искусная рука.

Вы за чужих в смертельной брани
Кров проливаете свою
И силою славянской длани
Вы лавр чужим жнете в бою.

Ковать для вас самих оковы
Вы пом[а]гаете врагам,
За кров, за вірность, пот кровавый
Презріньє, ціп – награда вам!

Вас сто мильёнов; правда ль это
Иль это лож – издевка лиш?
Ужель народ наибольший світа
Смішон и сир, и раб, и нищ?..

Да, вы презрінны и бесславны,
Вас бьет десница Божья всіх,
Над вами бо лежит издавна
Сугуба клятва, двойный гріх.

25 В оригіналі было так: «имнѣ» (зазначка вишорителя).

26 «Адриатическое, Эгейское, Черное, Азовское, Каспійское, Японское, Охотское, Берингское, Сѣверное Ледовитое, Бѣлое, Восточное, съ заливами Ботническимъ и Финскимъ» (зазначка С. Фенцика).

Вы позабыли, что вы братья,
Оставили отцовский дом,
Расторгли братскія объятя,
Всяк стал ходить своїм путём.

Словінцы, чехи и поляки
Отдільный снарядили храм,
Болгаре, сербы и словаки
Распреділились тут и там.

Но ніт, не лиш разъєдинились –
Вы часто стали враждовать,
Сердца вам злобой наполнились,
Колола брата братска рать.

А мати Слава зарыдала
Над трупами своїх дітей,
Слеза єя на вас упала –
Она вас жжет до днешних дней.

От стін Візантії великой
Прибыл к вам благовістья глас,
Он был ваш щит, он был вам силой,
Но не остался он у вас.

Часть вас забыла, что с Востока
Блеснул ей откровенья світ,
Сорвала ризу ту с слуг Бога,
Кирил которой был одіт.

И треском бубнов заглушила
Дом Божий, вмісто внятных слов,
Язык латынью замінила,
Взяла от чад Христову кров!

Восточный обряд, річ матерню –
Оплот народных ваших прав –
Изгнали с церкви вы надменно,
И стал вам чужд ваш древній храм.

Любов вы братску расторгнули,
Церквей с одной сділали пять,
Враг сіть поставил – вы шагнули,
Днесь легко вас к стіні прижать.

Вы ограблены, поруганы,
Вы в мастерску попали сїть;
У вас ландтаги и органы –
Лиш ничего роднаго нїт.

И всі усилія Востока,
С которым пресїкли вы связь,
Спасть чуть могут вас от потопа,
Который хлынул уж на вас!

Придет ли час святой, завітный,
Придет ли вожделинный час,
Когда – в дом собранных прадїдный –
Любов согріет братска вас?

Когда, узнав, что всі вы братья,
Узнав очаг изрытый свой,
Друг другу броситесь в объятя
В глазах с веселія слезой?

Когда названія: болгаре,
Хорваты, сербы, чех, поляк,
Уступят общему: славяне –
И съединится с братом брат.

Придет ли час благословенный,
Придет ли тот блаженный час,
Когда во церкви ограбленной
Внов зазвучит славянский глас.

Когда одеждою Кирила
Облечете внов Божїх слуг,
Когда небес могуча сила
Вам возвратит ваш древнїй дух.

Когда, съискав чад заблудивших,
Возвеселится церков-мать,
Простит дїтей, єё гонивших,
И станет к сердцу прижимать?

Когда придет тот час счастливый
И еті збудутся мечты,
Тогда ваш блеск не будет мнимый,
И будете велики вы!

11(23) ноября 1878.

ПЛЕВНА

Привіт вам, димящи от крови окопы,
Восторгом и грустью дышущій привіт,
Из-за вас славянам блеснул луч свободы,
Под вами Росії спит гордость и цвіт!

Неволя, злодійство літ пятьсот держали
Под страхом кинжала Болгарію всю,
Но Россы насилья злу ціп разорвали –
Ты виділа, Плевна, їх в страшном бою...

Ты виділа, братья с какою отвагой
Бросались за братьев на штыки в огонь,
Весь мир был тронутый великою драмой –
Одни пара[з]іты плескали в ладонь.

Да, русска кров лилась, а Запад злорадно
Глумился, плясал, освіщая окна,
Забыв, что под Плевной, как Фенікс внезапно
Опять обновится славянска мечта.

Мы виділи, Плевна, от крови геройской
Как рділи за братьев редуты твої,
И как умирало родное нам войско,
Чтоб смертью привести в жизнь желанья свої.

Вот рыцарский подвиг – подобного діла
Пока на страницах історії ніт,
Так дійствуєт с братской любовію віра,
Которой дух русский так страстно согріт.

Любов ко славянству – печальна, младая –
Явилася лично в солдатских рядах,
И Плевна вдруг пала, и Росс, побіжда,
Навел до Стамбула панику и страх.

Смотрите: так долго різавший христьянство
Сам в крови, без жизни лежит бусурман,
Євреї, безвіры прельстились ужасно,
Час освобожденья пробил для славян.

Паденіє Плевны – о, славное діло!
Под Плевною варвар разбит не один.
Здись Русь благородством весь мир одоліла,
Здись нову епоху начал славянин.

Защитники турок, язычники новы,
Єврейска Європа разбита тут вся;
Тут с ног христіанских сорвались оковы
И правды, свободы зарділась заря.

Вы, счастье которы свое основали
На лжи, на руинах блаженства других,
Права миллионов насильно попрали,
О вспомните Плевну, хоть только на миг.

Вы, чтоб жил другой, снести коім не угодно,
Которым днесь соблазн славянский язык,
От Плевны учитесь, что все то непрочно,
К чему ваш дух гордый издавна привык.

А вы, претерпівши, но днесь уж свободны,
Родные славяне Балканской земли,
Сли вспомн[и]те Плевну, пред прахом холодным
Жертв вашей свободы простритесь в пыли.

Здравствуйте с свободой, но не забывайте,
Что многие братья до сих пор рабы,
Брат вам как помог, так вы сим помагайте,
Скорій чтоб свершились славянски мечты.

Славянски народы, рабы и свободны,
Кріпите друг другу вы братску любов,
Воздать вы Россіи иначе не годны
За жертву, за братску пролитую кров.

Привіт вам, плевнянски холмы и окопы,
Восторгом, признаньем дышущій привіт,
Кресту и славянству, народам всім сродным —
В вселенні днесь міста дрожайшого ніт.

1(13) декабря 1878.

НІГІЛІСТАМ

Для Руси настал великий
Роковый, завітный час:
Вічнаго она Владыки
Призывной узнала глас.

Стало ясно ей, родимой,
Что завіт той Богом дан,
Чтоб хранила всею силой
Крест Христов, семью славян.

И, покорная призванью,
Русь блюдет святой завіт
Словом и могучей дланью,
Как долг чести, как обіт.

Відь она одна святая
Препятствует, чтоб злой мир,
Во церквах крест попирая,
Знамя лжи не водружил.

Лиш она одна родима
За славян на каждый час
Поднимает всею силой
Защитительный свой глас.

За семью, за чад Христовых
И в ближайшиє года
Жертвовала жизнью, кровью,
Жертвовала всім она.

Недруги Христа, славянства
За святой подвиг єя
Загоріли злобой адской,
Стали в ряд против нея.

И теперь бесстыдной ложью
Пугают трусливый мир,
Рать против Руси безбожну
Собирают с адских сил,

Чтоб её, державу світа,
Разрушить и разорить,
Чтоб славян держать под гнетом,
Чтоб храм лжи соорудить.

Темный мир, он враг востоку,
Он свої строит діла,
Чести долг постичь высокий
Бренному ему нельзя.

Для того он и враждует,
Шлет на Русь злословье, рать,
Мы враги – дружить не будем,
Світу с тьмой в союз не стать.

Но и вы, родные діти
Матери Руси святой,
Ставите коварны сіти
Святотатственной рукой...

Уж и вас прельстил мир ложью,
В руки впхал вам злой кинжал,
Чтоб вы матери безбожно
В грудь направили удар...

И вы колете жестоко,
Что плекала вас, ту грудь,
А враги сміються збоку,
Піснь побідную поют.

Сожаління вы достойны,
Кукла в вражбїх вы руках,
Он, злой враг, на Русь которой,
Без труда наводит страх.

Вы от Бога оділились,
Вы повстали на Христа,
От врагов вы научились,
Что Бог, віра – все мечта.

Все святое, все родное
Чім живет и жила Русь,
Вы уродливой ногою
Попирати стали уж.

Ніт, вы не сыны народа
Русскаго, он чужд для вас,
Росс забыть не мог бы Бога,
Русским свят небесный глас.

Задушив в себї зов правды.
Вы взялися за кинжал,
Вам убійства порок смрадний
К грїшной цілі средством стал.

Средство ціль чтоб освящала,
Русь того не узнает:
Вас же, героев кинжала,
В горі сердца проклянет.

И заслужите вы клятву,
Мать, что изречет на вас,
В вашей відь груди исчахлой
Братства, чести долг угас.

Растерзать иль изувічить
Хочете вы мать свою,
И сділать калікой вічної
Сто мильённую семью.

Вы требуете свободы,
И с револьвером в руках,
На своїх, на мать – уроды!
Смерть наводите и страх.

Да, у вас свобода, воля,
Лиш кто б слушать вас не стал,
На того уж честь и долю
Наточили вы кинжал.

Вот вам ваших діл картина,
Страшна, гнусная она,
Но все ж вірна и подлинна,
Відь с подлинника снята.

Вы защитники народа,
Но он знать не хочет вас,
Вас выбросила природа,
Вас клянёт живущій глас!

Русь свята и все славянство,
Вся родимая семья,
Изъявила громко, гласно,
Что вы всі враги єя.

Вот что голосит вам в горі
Из ущелія Карпат,
О родной скорбя недоли,
Все ж – по племени ваш брат.

Ах, услыште глас правдивый,
Грішны бросьте проч мечты,
Відь Руси умом и силой
Пользовать могли бы вы.

Стыд чрез вас, чтоб враг коварный
Моч славянства истощал,
Русской чтоб рукою власной
Русь святую ослаблял.

Вспомните: что Русь призванье
Выполнить сли б не могла,
Сли б кресту и всім славянам
Плод живой не принесла,

То тому виной-причиной
Были бы ужасной вы:
Ваш умысел нечестивый,
Ваши глупыя мечты.

А сли крест и Русь, как чаєм,
Побідит – відь «с нами Бог!» –
Память ваша не престанет
Проклинаться с рода в род.

И теперь во раскаяньї
Растерзанною душой
Приближайтесь к печальной,
Больной матери родной.

И простит сынов мать мила,
И к груди своей прижмет,
К той груди, что поранили
Їх кинжал и пистолет.

И возьмемся всі за діло
Силой общею младою,
И в креста священной сіни
Процвітет весь мир родной.

19 апрѣля 1879.

ИСТОЧНИК

В тіні лісов, в глуши безлюдной
С гранітної щели под горой
Слезит источник беззвучно,
Блестя кристальною влагой.

Подальше уж журчит, играет,
Катясь по пестрым камешкам,
Сміється, різвиться, плясает,
И рад чему – не знаєт сам.

Вот там в долині живописной
Пловет уж тише наш ручей,
Єго берегов цвіты душисты
Пліняють красою своєю.

Обворожен, течет помалу,
Предавшись сладостным мечтам,
То вдруг, очнувшись, как бывало,
Журчит, играет по камням.

Вот он, ручей, там на равнині
Рікою большою, широкою стал,
Кораблі здісь носить уж в силі
Єго могучій, зыбкий вал.

Весь он серъёзен, величаво
Катятся волны здісь єго,
Журчанье, різвость – всё пропало,
Днесь єто уж не для него.

В дни ведренны так тиха, гладка
Єго спокойная струя,
Во зеркалі єго так сладко
Сміються ясны небеса.

Но грозныя как скоро тучи
Обоймут небосклон вокруг,
И забушует вихр летучій
Ріка зашевелится вдруг,

Она покрывается волнами,
Надінет вся угрюмый вид,
Рассвиріпілыми струями
Бушует, бісится, кипит.

И лиш когда гроза притихла,
И чище стал небесный свод,
Когда дыханье бури, вихра
Смиряется, перестаёт,

Расходятся и страшны волны,
Стает любезным грозный вал,
Теперь тот кроток и довольный,
Что прежде так свиріпствовал.

И вся ріка внов величаво
Назначенный свертает путь,
Пловет покойно к берегу славы,
Гді наміряет отдохнуть.

И приближаясь к океану,
Все тише, тише ток єя,
Пока вдруг течь не перестанет,
Не поглотится морем вся.

Єя не стало – вот, пропала,
Окончила здісь жизнь свою,
Єя теченье, игры, славу
Уничтожило море всю.

Но ніт, она живет там в морі
Дыханьем, жизнью с ним одной,
В бездонной глубині, просторі
Путь вічно совершает свой.

Уж не такая ли жизнь наша?
Родимся тайно в тишині,
В час дитства скачем и играєм
И рады бабочкам, весні...

Приходит младость и пліняет
Грудь нашу чувство, красота,
А сердце поет, ждет, желает,
Предается снам и мечтам.

Но час пловет и дни проходят,
Вот юноша уж мужем стал,
Живет серьёзно, відь заботам
Мечты в добычу передал.

Порой житейскія невзгоды
Волнуют ум и грудь его,
К трудам труды приходят новы,
Затмится ясноє чело...

С судьбой борется он игривой –
Ах, как прекрасен он в боротьбі,
Когда в груди – огонь, в мышцах – сила,
Отвага, смілость на челі.

Когда среди грозы ужасной
Стоит один с мечем в руках,
Когда пред пастью смерти страшной
Не хочет знать, что робость, страх.

Но краще муж, когда он чуєт,
Что силен, побідил врага,
И все ж пред Вічным в рабском духі
Поникнет гордая глава...

Відь час и так придет, пр[о]мчится,
Когда? – єдва замітит сам,
Вот дряхлым, тихим становится
Вдруг пред тобою океан!

И полетит в духовно море
Дух к вічности стремящій твой,
Жить в низміримом просторі
С Ним, Вічным, жизнію одной.

1(13) іюня 1879.

РОДИМЫМ

Послі долгаго безділля,
Діти Славы, и для вас
Указало провидінье
Діланья завітный час.

Сотні літ, тисячеліття
Пролетіли чередой,
И вы не могли пред світом
«Славой» заблестіть родной.

Жили вы без чувств, без жизни,
Поділенные кругом,
И родной очаг отчизны
Был вам чужд и незнаком.

Братское, родное чувство
Не теплило вашу грудь,
Спали вы – все было пусто,
Не могли же вы проснуть.

Вдруг завіял жизни геній
Алая блесла заря,
И сознания, пробужденья
Жданная пришла пора.

Как на розги мах волшебной
С сна попросыпали вы,
Стали жизнью жить семейной
Славы юные сыны.

Убідитесь, что вы братья,
Что одна у всіх вас мать,
Киньтесь друг другу в объятья
Чтоб нельзя вас разорвать.

Для своей чтоб низкой ціли
Обратить вас враг не мог,
Чтоб вы раз уже успіли
Выполнить семейный долг.

Чтоб любов, єдинство, воля
Сильным сділали ваш глас,
Чтоб играть могли вы ролю,
Что назначена для вас.

Ділайте, пока дух свіжіий,
А в груди пока огонь,
Пыл, мечты пока в вас ті же,
Что развіяли ваш сон.

Ділайте всі солідарно,
Брату да поможет брат,
Славы сын неблагодарный,
Кто останется назад.

Час настал, соединяйтесь,
Дух да будет в вас один,
Сли ваш час минул, то знайте,
Что кончил роль славянин.

Час приходит и минает,
С ним ідеї, мысли, дух,
Віка дух сли ин настанет,
Слава мать ослабнет вдруг.

Иль не видите вы вражду,
Что так ратует на вас,
Что хватается хоть за что,
Чтоб ваш род пропал, угас?

Вмісто віры, что началом
Сділать хочет атеизм,
Космополітизмом вялым
Охладить патріотизм.

Вот идеї днешні: їми
Мысль ума и сердца глас,
Божий страх, любов к родимым
Задавить хотят у вас.

А сли еті хитры сіті
Одоліют, побідят,
Діло ваше – чей, на віки
Отодвинется назад.

Ділайте, пока єсть время
Чтоб вам враг не упредил,
Чтоб єдинство, родство, племя,
Чтоб самих вас не сгубил.

Недруги дух ваш, дух віка
Выграбят уж для себя
И скорій предстанут світу
Вкупі, как одна семья.

А сли ціль свою достигли,
Съєдинились прежде вас,
Будут ділать с цілой силы,
Чтоб дух віка – ваш – угас.

Вызовут вопросы новы,
Небывалыє на світ,
Зділают перевороты
Днесь, каких и в мысли ніт.

Новы, громкія ідеї,
Мир плінят, плінят и вас,
Річ пойдет о них, слабїє
Станет в вас семейна связь.

Всі пойдут, всі будут гнаться
За ідеєю млодой
И забвенію предастся
Мысль, что огонь зажгла святой.

И настанет тьма ночная,
Все обоймет сон глубок,
И семья славян родная
Будет нести прежній рок.

Будет жить, вся поділенна,
Брата знать не будет брат,
Оглянется и вселенна,
Єй отечества не даст.

Во своєй землі родимой
Будем чужестранцем жить,
И врага цілям строптивым,
Гибели своєй служить.

Вот что видит впредь роднаго
Сына Славы зоркий глаз,
Что открыл єму вот – слово!
Он, Всевідушій, для нас.

Для того, пока согрїто
Сердце за родимых бьет,
Работайте, Славы діти,
Сміло бросьтесь вперед.

Ділайте и просвіщайтесь,
Духом изумляйте мир,
Племя, жизнь свою спасайте,
Киньте проч чужой кумир.

Слава тезоименита
Блеском чтоб покрыла вас,
Для семьи – чтоб столь великой –
Раз настал уж лучший час.

11 (23) сентября 1879.

НА 1-ОЕ ЯНВАРЯ 1880.

Вот полночь, пробило двенадцатый час,
И спать не могу я от дум и волненья,
В деревні пітуший разносится глас
И вітер печально бушует по дебрям.

Деревья вкруг гнутся, їх жалостный стон
Всю душу, весь быт²⁷ мні так жмет и терзает,
Вой, шум чрезвычайный спасительный сон
От глаз утомленных все проч отганяет.

В семействі стихійном великий мертвец –
Над годом усопшим сітує природа!
Вот вырвался стон из миллиардов сердец:
Послідній «прощай» для минувшаго года.

Для похорон пышных вселенная вся
Собрала под солнцем, что лучше и краше,
И с небом во всем сревновала²⁸ земля,
Чтоб сділать траурный обряд побогаче.

Вот небо зажегло миллиарды світил,
Земля нарядилась в траурну одежду,
Деревья трещали, вітр стонал, вопил,
Труп сопровождая в минувшости бездну.

Год прошлый скончался, не стало его,
Он не возвратится – исчез он навіки,
И я в час полночный пишу некролог,
Чтоб вспомнили о нем потомки, їх діти.

27 **Быт** – жизнь (зазначка вишорителя).

28 **Сревновати** (ся), авадь: «сореєновати (ся)», т.зн. "міряти ся" (зазначка вишорителя).

Узріл он ноч темну в таинственный час,
По дебрям лютілась метелица, вьюга,
Рожденье пітуший полунощный глас
Разнес по земному пространству повсюду.

В сей мир родился от течен[і]я часа,
От неизмінимых законов природы;
И стал царствовать он; вселенная вся
К нему обратила надежныя взоры.

И Русь ограбленна, коліни склоня,
К нему простирала иссохшия руки,
И ждала она, вся надеждой полна –
Отрады не было для страждущей груди.

Лиш слова родного просила она,
От матери милой всосанного слова,
Что первый раз чула, сперва прорекла,
Которым училась молиться Богу.

И ей отказали, и стали давить,
Что в дитстві твердила – ті милыі звуки;
Русь вся обомліла и стала грустить,
И ломать – от горя – иссохшия руки.

Пусть тужит – сказали – пощады здісь ніт,
Свою річ заведем и в церков, и в школу;
Річ русска не смієт явиться на світ,
И міста нигді ніт народному слову.

И хліба просила Карпатская Русь –
Лиш ломоть насущного чорного хліба,
И хоть работала, трудилася – уж
В лохмотьї трясется голодна и бліда.

При душечкі теплої, что было у ней
Забрали євреї, налоги, фіскалы
И с голым ребенком, из избы своєї
В морозі далеко в чужой мир отгнали.

И тянется тихо, не знает куда,
От голода, стужи уж еле ступает;
А все ж без роптанья: что божья судьба
Рішила, свой жребій геройски сношает.

Вот что нам дал ныні скончавшийся год –
Не знал он пощады, скупой и жестокий,
Служил он неправді, грабил наш народ,
И горе рассіял повсюду широко.

Чистенький он воздух Руси помішал
С міазмами ужасов, ссор и безвірья,
И в руки глупцов он впхаль острый кинжал,
Чтоб різали рану на собственном тілі.

И Русь знедужала, нашлися сыны,
Что западу служит їх совість нечиста;
Привесть в жизнь, что чают предательски сны
Пособієм брато- и царе-убийства.

Но пусть мир враждует – Он вічний хранит
Свой новый Израиль от злобных слуг ада;
И вір[и]м, что промысл Єго – тот граніт,
Об кой сокрушатся їх козні и слава.

Лети год несчастный, проч скрыйся от нас
В минувшести мрачну бездонную бездну;
Чей, сли ты отойдеш, увидит наш глаз
Картину в будущем от сей веселійшу.

Но ты уж в могилі – год новый идет,
Торжественной полноч оділась одеждой,
Світила, тебя что провадили в гроб,
Год новый встрічают сіяньем чудесным.

Чу! вихрь уж бісится, то радостный клик,
Деревья падут, то пальбы гул слышится,
Заря уж мерцает, темна ноч біжит,
Земля в світ, а небо в румянец рядится.

Здраствуй, день новорожденный,
Будь привітствован у нас,
Взор боязнью и надеждой
Стереж[е]т твой віщій глас.

Что принес ты нам, скажи-ка,
Радость ли иль внов печаль,
Правда ли иль сила дика –
Что девізом ты избрал?

Русь обругана днесь снова
К небу взор возносит свой,
И родного просит слова,
Сердцем всім, всею душой.

Просит прав человеческих,
Что природа ей дала,
И что силы ніт вселенной,
Чтоб правильно взять могла.

И котория однако
Рвут, грабят, берут враги,
Силою, то лестью всякой,
Только чтоб они взяли.

Просит отчєє наслідство,
Что в души хранит своєю,
С жизнью в ней, что слилось тісно,
Без чего ніт жизни в ней.

Просит воодушевлєнья,
Ревности своїм сынам,
Чтоб без страха и сомнінья
Ділали отпор врагам.

Чтоб из гнуснаго потворства,
Из-за собственных выгод,
В жертву грабежей, воровства
Свой не отдали народ.

Долгу чести, чтоб готовы
Были жертвовать собой,
Льсти чтоб расторгли оковы
Мужественною рукой.

Боже, дай Руси согласье,
Дай ей мысль и дух один,
Чтоб в Тебі превознеслася
Каждым дієвїєм своїм.

Дай [є]й віры клад безцінний,
Чтоб хранила Твой завіт,
Жизнью чтоб духовной, світлой
Озарила темный світ.

Дай Руси земные плоды,
Угобзи поля ея;
Чтоб, не заботясь о плоти,
Духом пить могла Тебя.

Дай, чтоб духом съединилась
Вся свята, родная Русь,
В братских чтоб сношеньях жили
Дністр, Прут и Карпатска глуш.

Лжи уничтожи пророков,
Вздор что сіют и разврат,
И снабди Русь зорким оком,
Чтоб узнала, что хотят.

Водрузи знаменье віры
В каждой родственной души,
Чтоб в ея святы преділы
Темны толки не вошли.

Дай, чтоб Русь родну, велику
Крест трираменный хранил,
Чтоб народ наш крестной силой
Всіх врагов уничтожил.

Віры жизнь пока духовна
Будет мирно цвисть у нас,
Власть невидима, верховна
Защитит нас каждый час.

Відь сли віра, церков божья
Должна чрез всі віка жить,
Будет жить и Русь, котора
Церков божию хранит.

Вот какою мыслью должны
Мы вступить в грядущій год,
И спасет десница божья
Русь младу, ея народ.

Сестры и родные братья,
Вся родимая семья!
Скоро – друг другу в объятья,
Пусть вас видит вся земля.

Вот Он вічний, всемогутій
Отворил небесный свод,
И сулит любящим лучшу
Будущность в грядущій год.

БЕРЕЖСКОЙ РУССКОЙ МОЛОДЕЖИ²⁹

Спасибо вам, родные братья,
За ваш сердечный русский глас;
Свидітель он, что дух в Карпатах
Народный вполні не угас.

Из ваших строк мні стало ясно,
Что дорога вам Русь свята,
И что той огонь дают напрасно,
Что в вас любовь к Руси зажгла.

Вы не Владимира³⁰ почтили,
Відь он не заслужил того,
Вы дух и мысль ту усвоили,
Что вдохновляет грудь его.

Та мысль, как утро, молодая,
Всеобъемлюща, как ефір,
Жизнь віра ей дала святая,
Моч Бог дает и русский мир.

От ней боится дух модерный
И дітище его – разврат,
Трепещут всі, что силой скверной
Гнетут народы и дают.

Мир грішный еще не бісился
С такою силой, как теперь,
Он лжет, клеветает и лютится,
Чтоб запереть нам правды дверь.

29 «Почтившей автора сего стихотворенія благожеланіями въ день его Ангела» (зазначка Є. Фенцика).

30 «Владимірь» – літературный псевдонім Є. Фенцика (зазначка вишорителя).

О, сколько лжи разбрасывает
Что день в печати злобный мир,
Гді все святоє попираєт
И превозносит свой кумир.

Он храм создал своему богу –
Матерьялізму и страстям,
И жрет³¹ єму, что звет свободой:
Необузданность, алчность, срам.

Біжит, гді нужда одоліла
С помощной будто бы рукой,
И за лохмотье, ломоть хліба
Берет спасенье и покой.

Христовых слуг и церков Божью
Он презирает и грабит,
Сердца дітей питаєт ложью,
И прозелитов рвет, манит.

Жидов и толпы паразитов
Он приобріл своїм цілям,
И еті гонят адской силой
Всіх, что не служат їх богам.

Весь запад стонет и не смієт
Бросить перчатку «гшефтам» їх,
Бог позабыт, народ пустієт,
Зов чести, истины утих!

Лиш Русь святая не струсила,
За Бога смерть готова снєсть,
Грудь дышит вірой, в мышці – сила
В рукі же трираменный крест.

И так стоит, на брань готова,
С отвагой и открытым лбом,
Дословно мститель – Ангел Бога,
С пламенным взором и мечом.

И мир, противнаго что слова
Нигді своєй лжи не встрічал,
Кричит на Русь, как пес на слона,
Тім храбрость чтоб проуказал.

31 Жрет (од старослав. «жрѣти») – у значеню «служити» (зазначка вишорителя)..

Мы терпим днесь, но придет время,
Когда правдивый вспыхнет гнів,
И раздавим зміїно сімя,
Что разняло свой мерзкий зів.

День подвига мы ожидаем
С молитвой, бдіньєм и постом,
В ум молнью світа собираем,
В десницу же – разящій гром.

Вы видите, что только вірой
Живет и дышет наш народ,
Из ревности что беспримірно
Отдал он Богу труд и плод.

Он «тля что тлит» не собирает,
Матерьялізм не для него,
Жизнь духа он днесь сохраняет,
И в етом будущность его.

Відь из его приготовленья
Не трудно будет угадать,
Когда приспїет время мщенья,
Чьє знамя побідит и рать.

Весь мир утонет в бурном морі
Матерьялізма и страстей,
А Русь останет на просторі
С духовной жизнію своєю.

И разженет світ духа чистый,
Что собралась – густую мглу,
И луч востока золотистый
Дойдет и в западну страну.

Вот от чего уж днесь боится
Наемник ада – злобный мир;
Вот от чего на Русь так злится
И изо всіх бісится сил.

Толпу наемных нігілістов
Послал в преділы он єя,
Что разглашают вздор нечистый,
Жгут, нападают на царя.

В сусіднем Галичі успіл он
Семейну распрю водворить,
И тім рассік народно тіло,
Запутал просвіщеня нить.

А нашу Русь он Подкарпатску
До половини умертвил,
И уж с болізни встать опасной
У ней єдва ли хватит сил.

Відь вся она гола, замліла,
Послідню тряпку здерли с ней,
Взяли послідній ломоть хліба
Тяжбы, фіскалы, тьмы єврей.

Но чтоб и рассказать не сміла
Причины горести своєї,
Исчерпывают звірства міры –
Язык прадідный рвут от ней.

Уж только віры голос Божий
Больной развеселяет дух,
Но и сей глас ослаблен ложью,
Что разглашают втай и вслух.

Русь Угорска ошеломлена,
Єя шаг каждый – промах, бред,
Єй яд дают – она покорна:
Берет, благодарит и пьет...

Она в неволі оробіла,
Страх смертний овладіл єю,
И пхається в зів крокодила,
Чтобы спасти в нем жизнь свою.

И днесь, когда єя забыли
Друзья, родные и сыны,
Своей симпатії не скрыли,
Любов к ней заявили вы.

Ах, это знак многозначущій,
Восхитительный, славный знак.
Вы – молодеж и вік грядущій
Бог в ваших положил руках!

Уж, вижу: Русь выздоровієт,
За то ручается ваш дух:
Он жизни сімена развієт
По вашим дебрям, долам вкруг.

И будет жить народ убогий,
Отечество окріпнет всё;
Відь, сли народ недужный, голый,
Печально, бідно и оно.

Приготовляйтесь к работі,
Что перестала – ждет на вас;
Русь рвется, чуть в письмі и слові
Родимой річи милый глас.

Ах, жертвуйте ей всім – собою
Христова вся, как вы, она,
Крест защищает жизнью, кровью,
С крестом судьба у ней одна.

За подвиг свой не ожидайте
Рукоплесканій и похвал,
Вас будут гнать – не забывайте,
Что правду мир издавна гнал.

Но сердце будет вам покойно,
Грудь счастье наполнит и мир,
Какой тому доступен только,
Кто должность чести исполнил.

Спасибо вам еще раз с сердца,
Спасибо русское, друзья:
Зов бескорыстный груди честной
Тронул, развеселил меня.

Я восхищен, что лютни братской
Тронули струны вашу грудь,
Чей близок час, когда Карпатски
Соколы громче запоют.

4(16) января 1880.

СОВРЕМЕННЫЙ СТИХ

Тучи обняли Карпаты,
Изо всіх темнієт стран;
Вижу: черная, крылата
Мчится Гибель прямо к нам...

Воплі, стоны слышны всюду,
Русь отчаянья полна,
И испуганному люду
Жизнь наскучила больна.

Старый быт³² перевернулся,
Всё навыворот пошло
Добродитель стала гнусна,
Милым сдѣлалось зло.

Воздух ядом наполнился,
Люд дышать не смієт уж;
Пропасть бѣдствій, зол взвалил[а]сь
На младу, немощну Русь!

На бывало-отчей ниві
С скорбію стоит мужик,
Очи слёзы наполнили,
Грудь сжимается, дрожит.

Дѣтское, счастливо время
Вспомнил с горем в сердці он,
Грудь когда не жало бремя,
Не давил лукавый сон.

На расцвітшем отчем полі
Мотыльков когда ловил,
И, впряженных по загону
В плуг, шесть воликов гонил.

В праздничный день, приодѣтый,
В храм когда шѣл нивой сей,
И когда с любимой дѣвой
Піснь родну співал по ней.

Ето всё, как тѣнь, исчезло,
Улетѣло, как призрак;

32 **Быт** – туй у значеню «житя» (зазначка вишорителя).

На отцевской ниві днеська
«Бовты»³³ Ицковы стоят.

По коврам єя зеленым
Різвится єврейчат рой,
Гуси ходят по загонам,
Кормятся єя травой.

Тісно было, – «коблик» зерна
Взял от Ицка он взаєм,
А за зерно «парха» скверный
Взял и грунт и отчій дом...

И теперь отцевски внуки –
Так рішила зла судьба –
Посох нищенский взяв в руки,
Разошлись кто куда...

Право не препятствовало
Выгнать їх из хижи – ніт
Всі бо за жидами стали,
Днесь настал жидовский світ.

Тучи обняли Карпаты,
Изо всіх темнієт стран;
Вижу: черная, крылата
Мчится Гибель прямо к нам...

И мужик вздохнул, из сердца
Вывался тяжелый стон,
Вдруг по всім окрестным дебрям
Загуділ унылый звон.

В церков звет – днесь воскресенье
Колокола тихий зглас,
Люд стекается к обідни,
Но, увы, как мало нас!

Там одни идут на «россказ»³⁴,
Так веліл «солгабиров»³⁵,
А других прислуга «грофска»
Гонит на «рахунок» в двор.

33 **Бовты** – «лавки» (зазначка Є. Фенцика).

34 **Россказ** – «рапортъ» (зазначка Є. Фенцика).

35 **Солгабиров** – «уѣздный голова» (зазначка Є. Фенцика).

Третій писарю там в корчмі
Подать потову платят,
А четверты – голы, босы
Дома на печи лежат!

Нехристы орют по полю,
А в селі шумят, кричат,
В скверную свою торговлю
Православный люд манят!

А модерные поганцы,
«Благородные» паны,
Радуются, что пропали
Времена «біготства»³⁶, тьмы...

В службы час курят, полюют,
Работают внутрь и вон,
Злятся, что еще все чуют
Колокола тихий звон.

Церков їм не нужна божья,
Їм юродство – правды глас,
Всі они без віры – что же?
Так найлучше жить у нас!

Край наш, словно Палестина,
Иль поганский древній Рим,
Тьма безвір'я овладіла
И жидовски «гшефты» їм...

Тучи обняли Карпаты,
Изо всіх темнієт стран;
Вижу: черная, крылата
Мчится Гибель, прямо к нам...

Гді тот, кто поможет горю,
Кто спасет несчастный люд?
Гді, кто отстранит недолю,
Гді тот дух, та храбра грудь?

Чей ті русскіє студенты,
Что перед десятком літ

36 **Біготство** (из *франц.* bigot) – лицемірство, фалошность, гамішство (зазначка вишорителя).

На священнически деньги
Получили знання світ?

Ах, они одно с врагами,
За платёж ничтожный всі
Под враждебный прапор стали
Напротив своей семьи.

Нами днесь они стыдятся,
Мать забыли уж свою,
Презирают в час несчастья
Поруганную семью...

За улыбку, «пански» ласки
Горбятся пред злым врагом,
Мыслят, ділают по «пански» –
Лжи, безвірю бьют челом.

Иль Русь ті спасут больную,
Что потворствуют врагам,
Добры быть хотят повсюду,
Потакают тут и там?

Из-за собственной выгоды,
Что ведут люд в темну ноч,
Что его права, свободу
Без борьбы бросили проч.

За титул, позорну славу,
За пустійшее ничто
В торг пустили и продажу,
Что лиш мило сердцу – всё...

Что с корысти допустили,
Чтоб весь ад налег на нас,
Чтоб изгнал родну річ с жизни,
Обессилил віры глас.

Иль нас ті спасут, которым
Страшно русский звук проречь,
Русским что стыдятся словом,
Что своя чужа їм реч?

Ніт, – от етіх всіх спасенья
Вірно не дождається нам,

А, увы, днесь руль правленья
Ввірил рок таким рукам.

Тучи обняли Карпаты,
Изо всіх темнієт стран...
Вижу: черная, крылата
Мчится Гибель прямо к нам...

Так ужели все пропало?
Ніт надежды уж для нас?
Имя русское и славу
Ніт, кто бы меж нами спас?

Что к утесистым Карпатам
Приковала нас судьба –
Просыпайтесь, русски братья,
С вялого вставайте сна!

Демонов своїх свиріпых
Отвязал с ціпей злый ад,
Еті уж кинули сіті:
Ловят, мучат, бьют, грабят,

Вас безчестят, унижают,
Соблазняют темный люд,
Жизнь духовну убивают,
Дух народный жмут, гнетут.

И все это та же сила,
Тот же творит темный ад,
Он и вас, и Русь, и віру
С світа проч стереть бы рад.

Тот же темный дух крамолы
Топчет вас и люд гнетет,
Вводит дух свой в жизнь и в школы,
Что нам мило, рвет – берет.

Нам нельзя прийти к согласью,
К общности с сей силой – ніт!
Не мыслимо, чтоб сошлася
Гді-то вмісті тьма и світ.

Всё несут ті аду в жертву:
Віру, Бога, Русь и честь,

Ада ціль что низку, скверну
Помогают в жизнь привести.

Что кланяются покорно,
Низко горбятся пред ним:
Ловят каждый знак и слово,
Лгут ему хвалебный гимн.

Чада русскаго народа!
Спасть Русь можете лиш вы,
Бог рішил, так и природа,
Вы Ёй всё, Ёя сыны!

Защищайте мать родную,
Стойте за Ёя права,
Жертвуйте Ёй всім, собою,
Вам родная Мать она!

Бросьте страх, притворство гнусно,
Всё, что низко, бросьте проч,
Ласки вражьи вам не нужны,
Чтоб семьи родной помоч.

Станьте на дорогу пряму,
Выберите чести путь,
Вірьте: истина и право
В лжи не должны утонуть.

И почитит вас совість ваша,
Отдаст честь сам гордый враг,
А Он, Мощный, сіті вражьи
Разобьет десницей в прах.

И окріпнет Русь больная,
Дільной жизнью будет жить,
И свобода золотая
Будет Ёй сіять, світить.

Разлетятся тучи черны,
Улыбнется стар Карпат;
Осінит світ доли, горы –
И заплачет темный ад!

4(16) апрѣля 1880.

КОГДА ЗАБОТЫ...

Когда заботы не тиснили душу,
В дни юности, в дни милые весны,
О будущности я бывало сужу
И погружаюсь в смѣлые мечты.

Вся будущность моя так величава,
Блаженство, счастье, рай передо мной!
Вокруг меня довольствіе и слава,
Хожу устланной розами стезой.

Но час минул, и сны остались снами,
И всі, как дым, развіялись мечты,
Надежда гинет, счастье, блеск пропали,
А на пути терновые кусты...

Жизнь однозвучна, тяжела и вяла,
Мечты смѣнились бременем забот,
Плѣнительная сила дум пропала
И тучи обняли небес лазурный свод...

БЫВАЛО И ДНЕСЬ

Вы прошли, прелестныя картины,
Улетѣл ты, мечт сладчайший час,
Как природа пред зимой унылой,
Весь остыл я, сердца жар угас...

Придет час, воскреснет внов природа,
Все, что мертво, будет снова жить,
Чей, тогда и жар священный снова
В охладѣлой груди возгорит...

Нѣтъ, угасший огонь уж грѣть не может,
Грудь зимна пылать не будет уж,
Никогда в вечерній час не взойдет
Твой, денница, світозарный луч...

Нр. 2.

Унгваръ, 1885. 15. (27.) октября.

Выходить
1-го и 15-го числа
каждаго мѣсяца
въ объемѣ
одного печатнаго
листа.

ЛИСТОКЪ.

ДУХОВНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЬ.

Подписная цѣна:
На годъ 4 гульд.
На 1/2 года 2 " "
На 1/4 " 1 " "
Подписку и разныя
статьи адресовати
слѣдуетъ редактору
въ Порошково.
(Póroskó Ungmegye).

Отвѣтственный Редакторъ: **Евгеній Фенцикъ.**

Нашимъ читателямъ.

Привѣтъ Вамъ теплѣйшій сердечные братья,
Съ души и изъ сердца парящій привѣтъ!
Благополучіе и братски объятья,
Здоровье и радость и множество лѣтъ!

Вы стали подъ знамя „Листка“ Вамъ рѣднаго,
И Онъ днесь другой разъ доходитъ до Васъ;
По Божіей волѣ вотъ видимся снова,
Но — жаль — что такъ мало собралось насъ!

Да, правда, насъ мало; но цѣль благородна
Крѣпить насъ: нашъ подвигъ великій и святъ,
Какая утѣха свѣтити народу,
За Бога, за вѣру, за правду стаять!

За Бога, Котораго черни крикъ грязной
Съ высокаго неба прогнать бы хотѣлъ;
За вѣру Христову, что съ яростью страшной
Нашъ вѣкъ такъ упорно хулити умѣлъ.

За мать каволическу церковь святую;
За обрядъ восточный, языкъ нашъ родной;
За милу отчизну, за братью родную,
Что истины алчетъ и правды живой.

**Стихи, опубликовані на сторонах
новинки «Листокъ»
(1885–1903)**

НА РУИНАХ НЕВИЧАНСКАГО ЗАМКА

Гді ты? Гді поділась
Слава древняя?
Скрылась, улетіла...
Тінь невірная!
Ты цвіла когда-то,
Вот что нам твердят
Ети развалины.
Воскресни опять!

21. мая 1884.

КРЕСТ

Сготовлен с древа Он секирой,
Дебелой плотника рукой,
С любви распят на нем невинно
Страдалец первый и святой.

Вкопан Он в землю на Голгофі
И внов найден – мир обновил:
Он душу, сердце, мысль и волю
Любви и правді научил.

Мир воздвигал себѣ на память
Ряд пирамид и статуй тьму,
Днесь оперы, театры ставят,
Чтоб еру прославить свою.

А Бог в ничтожном углі мира
Лиш кусник древа водрузил,
И тим статуї, піраміды,
Театры, оперы затмил.

НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ

Привіт Вам тепліший, сердечные братя,
С души и из сердца парящий привіт!
Благополучіє и братски объяття,
Здоровье и радость, и множество літ!

Вы стали под знамя «Листка» Вам родного,
И Он днесь другой раз³⁷ доходит до Вас,
По Божіей волі вот видимся снова,
Но – жаль – что так мало собралось нас!

Да, правда, нас мало, но ціль благородна
Кріпит нас; наш подвиг великий и свят:
Какая утіха світити народу,
За Бога, за віру, за правду стоять!

За Бога, котораго черни крик грязной
С високаго неба прогнать бы хотіл,
За віру Христову, что с яростью страшной
Наш вік так упорно хулити уміл.

За мать кафолическу церков святую,
За обряд восточный, язык наш родной,
За милу отчизну, за братью родную,
Что истины алчет и правды живой.

За бідный народ наш – обдертый, голодный,
Что так придавила злосчастна судьба,
Который так рвется в объятіях злобных
Поганцев – євреєв, гонящих Христа!

За ті полунагія дідовски внучки,
Что босыя ходят суровой зимой,
Что протягивают иссохшия ручки
За кусником хліба, за ряндой пустой!

Ціль наша вот в очи сама так и бьется,
Надеждою дышет, как юна весна,
Сходитесь под знамя, високо что вьется,
Вставайте к работі от вял[а]го сна!

И если народ наш не умрет, останет,
Сли віра и правда укріпнут у нас,

37 Иде за друге число нового часописа "Листокъ" (1885–1903), котрый зачав выдавати Є. Фенцик.

Род русский в Карпатах цвісти коли зачнет,
Блаженство и радость вселятся во Вас?!

О, ето была бы завидная доля,
В сердцах мы носили б утіху, восторг.
К работі! На нивы заросшаго поля!
Подчищивать, сіять! Поможет нам Бог!

**ПРЕОСВЯЩЕННОМУ ІОАННУ от ПАСТЕЛЬ,
ЕПИСКОПУ МУКАЧЕВСКОМУ, ПО ПОВОДУ
ПРАЗДНОВАНІЯ ДНЯ ЕГО АНГЕЛА
(В знак сыновней преданности и любви. 1886.)**

Днесь у Тебя семейный праздник:
День имянин Твоїх, Отец!
И вот сыны несут Тебѣ в дар
Любов – дражайший клад сердец.

Какой пылаєш к ним, Родитель,
Таку несут Тебѣ любов,
Пускай она осчастливляет
Тебя Отца – и нас Сынов.

Пускай она Тебя заставит
Сынам своїм, народу жить,
Пускай нам даст счастливую долю
Тебя цінить, благодарить...

И в сладости любви сей чистой
Да съединит Он – Вічний – нас,
Чтоб мы с Тобой, а Ты жил с нами
Счастливый долгий, долгий час...

«ХРИСТОС ВОСКРЕС!»³⁸

«Христос воскрес!», родные братья,
Се днесь семейный наш привіт,
С ним радость наполняет хату,
Гді прозвучал, там смутку ніт.

38 «Отрывокъ изъ одного давнѣйшаго стихотворенія» (зазначка Є. Фенцика).

Всі верхи, доли, глуш Карпата
Днесь отражают етот клик,
По нем днесь узнает брат брата,
Он в душу из души проник.

«Христос воскрес!» – привіт чудесный.
Надежду, віру и любов
Содержит нашу етот ніжний,
А все ж могучій Божий зов.

Спаситель встал и етім явно
Всему Он миру доказал,
Что Сам Он Тот, Кого издавна
Творец вселенні обіщав.

«Христос воскрес!» – днесь етім кликом
Привітствуются лиш у нас,
И ето знак, что в сердці чистом
Мы сохранили віры глас.

«Христос воскрес!» – жизнь побідила
И тлініє, и смерть, и ад,
И нас страшит їх мнима сила
Лиш перстью дух пока объят,

Но мир, когда настанет новый,
И клятву скинет проч земля,
Прервутся ада всі оковы
И дрогнет сила смерти вся.

«Христос воскрес!», о, слиб восстала
С сна подкарпатская семья:
Для нас бы жизнь нова настала –
Счастлива, славна – вижу я...

Но вот уж обнялися діти,
Восторгом очи їх горят:
Сердца їх счастиєм согріты,
И веселится стар Карпат...

МОЇМ ЗЕМЛЯКАМ, НА НОВЫЙ ГОД

О, много терпиш ты, оставленный люд!
И голод, и нагость, и стыд, и презренье,
Карпаты: дол, дебрі – твой древній приют,
Тоскуя, смотрят на твое опустинье.

И увы, язвам всім, твое что жгут тіло,
Стыдаясь, признайся: причиной ты сам
И мраку, что солнце разгнать не успіло,
И горю, что блудит по блдым чертам.

И церков, и школа світ сіют науки,
Но ты презираєш живительный луч,
Во школі ты видиш лиш напасть и муки
И тупо гуляєш в мглі мрака и туч.

И церкви Христовой глас милый, родимый
Уж трогает слабо здичалую грудь,
Учителі, причты тебі уж не милы,
Любви и довірья напрасно ищут.

Своім ты не віриш и горбишься гнусно,
Лжеш и лицеміриш, при зустрічі с чужим,
В тебі отупіли честь, ніжняя чувства,
Ніт цілі високой пред взором твоім.

И хоть об одном ты чрез всю жизнь хлопочешь,
Чтоб жити – и ореш, и сієш, и жнешь,
Но, увы, учиться, трезвиться не хочеш,
И грош свой кровавый євреям несеш.

И ходиш в лохмотью, и голодом млієш,
Вот уж развалилась хижинка твоя,
И вижу: издали свод неба темнієт,
И с гибелью черной близится гроза.

Настал уж час новый – к работі, к работі!
Учися, трезвися, отсталый народ,
Чтоб гибель минула, ищи, что высоко,
И с мыслью и цілю ступь в будущій год!

Лиш грязная корчмы, когда опустіют,
А церкви и школы всі будут полны,
Когда грудь высоки ідеї согріють,
Счастливо и с честью жить будеш и ты.

1-ое янвр. 1890.

**РАДОСТНЫЕ ЗВУКИ ПО ПОВОДУ
НАИМЕНОВАНИЯ ЕГО В.[ысоко] ПР.[еосвящен-
ства] о. ЮЛИЯ ФІРЦАКА В ЄПИСКОПЫ МУКА-
ЧЕВСКИЕ**

Померкло... закрылся луч солнца над нами,
На сіды Карпаты пал туман густой:
Мы осиротіли, руки заламали
И ждали рассвіта – зороньки златой.

Не долго мы ждали – и стало світати,
Румяненьким світом зарділся восток:
Туман нелюдимый зачал убывати,
И к нам улыбнулся гонящий нас рок.

Пошла вожделинна новостъ по Карпатам:
Что батюшка Царь наш избрал нам отца,
И что сей Отец – Ты; Ты славой богатый,
Кого так желают всі наши сердца.

В Твоєм назначенїи и царская воля,
И наше желанье сходственны, одни,
Се знак, что и нам усміхнулась уж доля,
Что взойдут и нам уж веселые дни.

Прийди, не медли же, мы нетерпеливо,
Раскрывши объятья, родной, ждем Тебя,
Чтоб счастье Карпаты скорій осінило,
Чтоб в день превратилась утрення заря!

Прийди, наставляй нас, веди нас к спасенью
Мы жаждем и алчем истины святой,
Ты наш, и мы знаєм, что ко назначенью
Вести Ты нас будеш родимой стезей!

И мы – вірь, Отец наш – будем благодарны:
Цвітами устелим дорогу Твою,
Любовью обовьем лоб Твой увінчанный,
Составим счастливую, любящую семью.

Всі бывши невзгоды исчезнут, минутся,
И возвеселится о чадіх Отец,
А чада во славі Отца вознесутся,
И свіют родному признанья вінец.

Живи нам в здоровью, спокойно и мило,
Да даст Бог, Твоей чтоб опытной рукой
Народ угро-русский сдѣлался счастливым,
А Ты чтоб то зріл с умиленья слезой!

**СТИХ В ЧЕСТЬ ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА
ЮЛИЯ ФІРЦАКА, ЄПИСКОПА МУКАЧЕВСЬКАГО,
ПО ПОВОДУ ЕГО ХИРОТОНІЇ ВО АРХІЄРЕЙ-
СКИЙ САН, ПОСЛІДОВАВШЕЙ В НЕДІЛЮ
ЦВІТОНОСНУЮ Т. Г.**

Днесь прийняв Ти помазаньє
В сан святигельскій, Отец!
Бог, як Аарону в дни оны
Возложил Тебѣ вінець.

Радуйся, Мукачев древній!
Веселись душою всей!
Дни печали уж минули –
У тебя Архієрей.

Ты давно грустиш и стонеш,
Не слагал ты траур свой.
Брось теперь єго! Одійся
Торжественною парчой!

Пастырь твой відь тот, кого так
Вожделіла грудь твоя,
Тот, к кому так рвалось сердце,
Так душа просила вся.

Да, Он Тот, Он твой, отнынѣ
Не разлучит вас ничто:
Твой жених, твоя надежда,
Будущность твоя и всё!

Радуйся и Ты, Владыко,
Зря своїх весельє чад,
Обоюдна привязанность –
Счастія вірнійший знак!

Он, Всевышній, что в владыку
Днеська помазал Тебя,

Что услышал наши вздохи,
Люди что хранит своя,

Даст Тебѣ премудрость, силу,
Чтоб Ты вырвал нас из бѣд,
Чтоб вел к счастью и спасенью,
Проливал меж нами свѣт.

Ах, какая будет радость
Для Тебя и чад твоих,
Если, вырвав из невзгоды,
К блаженству поведеш их!

Имя твое будет в славі
Жити в нас от рода в род,
Никогда Ты не забудет
Угро-русский твой народ.

Ах, прийди скорій к нам, Отче,
С нетерпѣньем ждем Тебя,
Молим Бога, чтоб счастливо
С нами жизнь плыла твоя!

Чтоб в дітях имѣл Ты радость,
Мы ж оплот и щит в Тебѣ:
Здѣсь чтоб жили мы в довольстві,
В небѣ ж веселились всі!

Слава нашему Владыкѣ!
Архипастырю хвала!
Слава русскому народу!
Всім нам многая літа!

**ПРИВІТСТВОВАНІЄ ПРЕОСВЯЩЕННАГО
ЮЛІЯ, ЄПИСКОПА МУКАЧЕВСЬКАГО,
В ЧАС ВСТУПЛЕНІЯ ЄГО В УПРАВЛЕНІЄ ЄПАРХІСЬ**

Привіт Тебѣ, Архієрею!
Отдавна жданный наш Отец!
Прийми от чад своїх духовных
Любов – найкрасший цвіт сердец!

Да будет жизнь твоя счастлива,
Благополучен скипетр твой,
Дай Бог, чтоб Ты гордился нами,
Мы ж чтоб славились Тобой!

А сли минет нісколько годов,
Дай Бог, чтоб с радостью Ты зріл,
Как твой народ, теперь презрінный,
Честь, славу, счастье приобріл.

Чтоб виділ Ты там просвіщенье,
Гді днесь царит незнанье, тьма,
Там честь, гді было потупленье,
Богатство, гді днесь нищета!

И чтоб вся ета переміна,
Отец, сділалася Тобой,
И чтоб, в восторгі Ты отцевском,
Народ счастливым виділ свой.

Привіт Тебі, Архієрею!
Отдавна жданный наш Отец!
Прийми от чад своїх духовных
Любов – найкрасший цвіт сердец!

НАШИМ ДІЛАТЕЛЯМ

Всё живущее – к работі!
Гді лиш русска плоть и дух!
В летаргической дремоті
Цвисть родной не будет круг!
Тім, что все бездільничаєм,
Діло наше все не в прок,
Вот пустієм, пропадаєм...
Ето ліни вірный рок.
Что безділье наше сильно –
Для того здісь мало нас;
Сон и лінь уничтожили
Уж многих поважный глас.
Бог труждающимся внемлет,
Їм предаст лінивый род,
Мы ж в бездільї спим и дремлем,
Не стремимся наперед!

Про беспечность в людском сонмі
Єдва не послідны мы,
В вік один исчезнем вполні,
Как призрак пустой мечты.
Все живущее – к работі!
Гді лиш русска плоть и дух!
В летаргической дремоті
Цвість не будет русский круг!

ТРЁМ СВЯТИТЕЛЯМ

Там, над Каппадокією далёкой,
Тысяч шестьсот літ назад
Расстелился мрак глубокий –
Разлютился темный ад.
Ідолы Олімпа грозны
Только что разбились в прах
И Христова віра розой
Зацвіла на їх слідах.
Арій єресью безумной
Омрачил восточный мир,
Яд его науки чумной
Многих душ с дороги збил.
Почитати стался тварью,
Боже, Сын совічний Твой,
Мир создал, кто кріпкой дланью –
Всемогущею рукой.
Вічний, кто и вездісущій,
Воплотился ради нас,
Кто Отцу єдиносущный,
В власти ч[ь]й пространство, час...
Арієм. Того, прельщенний
Весь почти тогдашній мир,
Сверг из высоты небесной,
Умалил, уничижил.
Тьма повстала, расстелилась,
Омрачилась вся земля,
Жизнь духовна охладилась,
Завязалась борьба.

Но несчастье, гдѣ наибольше,
Близок там всесильный Бог,
Он поставил три світила,
Что озарили восток:
В Назіанзі стал світити
Світ – Григорій Богослов,
А в Кессарії Василій
Поражал єретиков,
В Антіохії, в Царьграді
Златоустый Іоанн
Усмирял и в всем разгарі
К Богу направлял граждан.
И озарилась вселенна
Світом истины святой,
Прояснилась твердь небесна
Лазуревой красотой.
Безначально Божье Слово
У людей, как испокон,
Снова, как во время оно,
Заняло свой Божий трон.
А все это – ваше діло,
Три святители Христа,
Всю вселенну обновили
Ваши златыя уста:
Небоявленный Василій!
И Григорій Богослов,
Вы останетесь велики
В церкви – до конец віков.
А ты, Златоуст предивный,
Что за правду ратовал,
Кто, как мечем, річью сильной
Пороки, гріх поражал.
В Антіохії порочною,
Кто бунт людский утишил,
А в Візантії роскошной
Гнів царицы возбудил,
Царь кого за слово правды
В заточеніє сослал,
Кто в Кукузі и в Команах
Мучился и пострадал.

Видя ум, заслуги ваши,
Древній мир спорити стал,
Кто с вас больший, кто с вас старше?
Місто перво кто занял?
Я не знаю, кто с вас первый,
У Христа вы всі – одно,
Прославим же с вами вьєдно
Всі Христово Божество.
Відь и днесь, как в время оно,
Многи отреклись Христа,
Видя, становится больно,
Как душа людей пуста!
Помагай и днесь Василій,
И Григорій Богослов,
Вражьїх, чтоб спастись насилій,
Приобрість Христа любов.
Поощряй нас словом Божьїм,
Златоусте, помагай!
Миру утонуть во вражьїх
Ухищренїях не дай.
И настанет время ново,
Віра воссіяет внов
На отцевско ваше слово,
Вдохновенный ваш призыв.
И Христос Бог прославится,
В всіх сердцах воздвигнет трон,
Истиною озарится
Наш п[а]смурный небосклон.
Вірно потекут народы
Всі спасенія стезой,
Всяка тварь и вся природа
Снищет счастье и покой.

Відь велики вы и славны,
Вами просвітілся мир,
Вами враг погран коварный –
Вік спасенья наступил.

**ПОЗДРАВЛЕНІЄ ЄГО СВЯТІЙШЕСТВУ
ЛЬВУ XIII-МУ,
КОТОРОЄ БЫЛО ПРОДЕКЛАМИРОВАНО НА
ПРАЗДНЕСТВІ, УСТРОЄННОМ В ДУХОВНОЙ
СЕМИНАРІЇ УНГВАРСКОЙ ПО ПОВОДУ ЄГО
25-ЛІТНЯГО ЮБІЛЕЯ**

Бог создал вселенну, а в етой вселенні,
В безмірном пространстві крутится земля,
Земля украшена долами, зеленью,
Горами, лісами покрита она.
В лісах раздаются прелестныя пісні,
Горлиц воркованье, трелі соловьев,
Долины устлали душистыє цвіты,
Среди них змійтєся сребристый ручей.
Множество животных, полезных растений,
Небесны світила, дебрь, горы, поля –
Все ждет хозяина, сулит наслажденье:
И вечера сумрак, и утра заря.
И шестый настал день, и с ним появилась
Чета чоловіков, творенья вінец,
В них духов и плоти мир соединился
И благоволил в них небесный Отец.
И рай насадил їм прекрасный, роскошный,
Чтоб блаженствовали во віки віков,
Чтоб в рай той ввели всіх будущих потомков,
Чтоб всіх ублажала в нем Божья любовь.
Вот первая церков! Свята и счастлива,
В ней блаженствовали, не зная про грїх,
Не знали там смерти, не было страданій,
Весело плыла жизнь средь счастья, утїх.
Но, увы, блаженству сей церкви маленькой
Позавидовал наш отчаянный враг,
Прельстив прародителей лестью пекельной –
И пали! Їх счастье обрушилось в прах.
И первые люди в грїховной неволи
Волей и неволей оставили рай,
И стали блудити во горькой недоли,
Судьбою їх стала смерть, рабство, печаль.
И род чоловічий под дьявольским игом
Чрез тысячалїтїя страдал и стонал,
И в етїх мученьях, во рабстві сем длинном,
Забывши за Бога, гиб и утопал.

Однако Отец наш всегда милосердый –
Діла рук своїх не оставил отнюд,
Создал для вас ладью, которая над бездной
Носилась – спасала отчаянный люд.
Ладья та спасенья в всемірном потопі
Над морской пучиной спокойно плыла,
Вні ей все погигло, а тіх, что на лоні
Єя находились, хранила, спасла.
Ладья та – єсть церков, она там несется
Над бурной пучиной житейских невзгод;
Арій, Македой, Несторій бісятся –
Она же спокойно все дальше плывёт.
Чудесно задачу свою выполняет,
Спасает, кто руку протягует к ней:
Ведет, научает, мольбой охраняет,
К души прижимает любимых дітей.
На этой ладї днесь стоїт преспокойно
Опытный и мудрый старик – рулевой,
Он бурь не боїтся, закален Он в бою,
Ты єто «Світ с Неба» – Отец Лев святой.
Літ двадцать и пять днесь, как правиш ты нами,
Как церков храниш ты от хищных звірей,
Невіров, масонов, от раціоналов,
От свобододумных внутренних червей.
Смотрите, как ада полчища бісятся,
Как слышен треск ружья и скрежет зубов,
А старец Лев мирно, любовью віщая,
Вот как отбивает атаки врагов.
И церков спокойно пловет, как бывало,
На бурного моря свиріпых волнах:
В борбї супостаты копыа поламали,
Смирен и утомлен исконный наш враг.
И будет ладья та плысти и нада[л]ше,
И врата адова ей не повредят,
И будет строїти спасеніє наше,
И лопнет кичливый в борбї супостат.

Радуйся, Отец блаженный,
Старец Лев, небесный луч,
Друг Христов, пастырь вселенной
И служитель Божїх слуг!
Ах, прими от нас сыновній,

Поздравляючий привіт,
Управляй ладью церковной
Еще много-много літ.
И твоей рукой опытной
Направляй к спасенью нас,
И мы будем непрерывно
Слушати твой отчий глас.
Веселися, Лев святійший!
Бог да в жизни дасть твоей,
Что так ждеш – еще узріти
Съединеніє церквей.
Разширу[й] дрожащи руки,
И дітей благослови,
Тіх, что не знают разлуки,
К сердцу бьющему прижми.
И настанет день прекрасный:
Божественна благодать
Озарит лучем мир ясным –
Віра процвітет опять.

ЖИЗНЬ ПУСТА...

Жизнь пуста, жизнь однозвучна,
Для чего ты мні дана,
Для чего на грусть, томленье
Вічно ты осуждена?

Грудь пуста, как степі юга,
Вянет в ней послідній цвіт,
Кое-гді єсть лист зеленый,
Но и в том уж жизни ніт.

Сзади мир надежд прелестных,
Он, как молнія, исчез,
А мечты надежды – горе
Льстили прежде, льстят и днесь.

Будет ли конец томленью,
Наполнится ль ета грудь,
Иль в напрасном ожиданьи
Окончу туземный путь.

Дусино, 12.07 (30.06.) 1876

ПРОЗА

Нищіе духомъ.

(Разсказъ.)

› Не надѣйтесь на князи
ваши, въ нихже нѣсть спа-
сенія !«

Въ селѣ Заломахъ готовились для освященія новой церкви. Старенькая деревянная церковь на только обветшала, что въ ней уже трудно было совершати Богослуженіе. Заломляне видѣли это и уже сами приходили на мысль, что нужно сооружати новую церковь. Что соорудити деревянную церковь не дозволитьъ духовное начальство, о томъ Заломляне знали; но и сами прекрасно поняли, что лучше создати Богу

НИЩІЄ ДУХОМ¹

Повість

Не надѣйтесь на князи ваши,
въ нихже нѣсть спасенія!

В селі Заломах готовилися для освященія новой церкви. Старенькая деревянная церковь натоолько обветшала, что в ней уже трудно было совершати богослуженіе. Заломляне виділи ето и уже сами приходили на мысль, что нужно сооруджати новую церковь. Что соорудити деревянную церковь не дозволит духовное начальство – о том заломляне знали, но и сами прекрасно поняли, что лучше создать Богу храм из твердаго матерьяла – из камня, чтобы он был прочным, чім строити деревянное зданіе, которое скоріе ветшает и портится и так, если и не теперешнім жителям, но внукам или правнукам їх придет внов занятися строеніем церкви. Заломы было село великое, числящее около 3000 душ; и так жителі уже и стыдалися, что у них обветшала деревянная церковь, когда по всей окрестности красуются білокаменные храмы с жестью покрытыми колокольнями, верхи которых так и блестят в лучах світозарнаго солнца.

Пред двадцати годами о. Коломан Gyertyánfi внушил своїм прихожанам мысль, чтобы они построили, в славу Божию, великолѣпное зданіе. План сготовил вармедьскій² инженер³; он оказался великолѣпным. Епархіальное начальство не могло не дати согласія на строеніе по сему плану; оно виділо, что зданіе по сему плану выйдет прекрасное,

1 Язык первопечатного текста повѣсти «Нищіе духом» (вна ся печатала у журналі «Листокъ» на продовження у роках 1891 – 1895) мож означити як «язычіе», авадь «традиційный карпаторуський языкъ» XIX столітя. Зачим доднесь сесь твір нигда ся не перевыдавав, у новому выданю (про сочасного русиньского читателя!) сесь архаічний язык передали сьме у транслітерації русиньсков кирилков. Веце за основы «язычія», правилла и проблемы транслітерації тестів, писаных в «язычію», *позирай*: додаток «Прінципы транслітерації творів С. Фенцика, писаных язычіем», с. 387 (*зазначка вишорителя* – В. П.).

2 **Вармедьскій** (одведеня од *мадьяр.* «vármegye» = *русин.* «вармедь», *лат.* «comitatus») – комітатський. **Комітат**, авадь вармедь – адміністративно-територіальний округ в Угорському корольстві (*зазначка вишорителя* – В. П.).

3 В оригіналі было напечатаной так: «инжинеръ». Видав, туй проскочила хыба, котру сьме виправили (*зазначка вишорителя* – В. П.).

которое послужит украшением для всей епархии; однако оно не пропустило примитити, что осуществление сего плана очень обременительно для прихожан, ибо 50 000 гульденов – не бездарица; для чего он одобряется лишь в том случае, если прихожане проукажут, из чего намеряют покрывать эти огромные издержки.

О. Коломан созвал громаду и предложил ей решение епархиального начальства. Многие испугались.

– Тады кедь продаме и жены и діти, та ищи не збереме таку суму⁴, – сказали они.

– Вы малодушны, – отвечал о. Коломан. – Правда, для создания такой церкви требуется много грошей и труда, но не забывайте, что все получаем от Бога, и так всім, что имієм, должны жертвовать для славы Божией. Бог силен сторицею нагородити ваши труды и ваши издержки. А даліє, не стыд ли для заломлян, что у них ніт церкви? Смотрите, возлюбленные, на ваших соседей: в каждом селе прекрасныя каменные церкви, лиш заломляне оставили от других людей! Жителям наибольшего, найбогатішого села некуда сойтися и помолитися Богу! Не стыд ли это для заломлян?

– Правда-правда, Пан Превелебнійший, тай мы хочеме будовать церквов, єднако могла бы быти и меньша.

– Та ты пядью хочеш міряти дар твой Богу? Не стыдно ли тебї, Олексю?

– Айбо, коли сьме не годны.

– Тебї так видится, Олексю. Село – не сирота; если єсть кріпкая воля, она все переможет. Заломы в цілой вармеді – найславнійшее село, и так и найславнійшую церкву должно иміти. Посмотри, Олексю, – о. Коломан развернул план, – что то за будинок! Спереди дві башні, як в Марія-Повчи и в Унгварі, по бокам єще пять меньших башен! Что за село будут Заломы, если в середині села будет красоватися такая церкво! Всі селяне будут больше чести и больше уваги иміти. А какую заслугу приобрящут у Бога!

– Сесе вшитко правда, айбо где взяти нам 50 000 золотых?

– Та что ты думаєш, Олексю? Нам не сей час нужна вся сія сума, а через 10-15 літ лиш можно что-то сділати.

– Прийдеме всі на біду.

4 Хотя повесть написана язычієм, літературні особы из русинської етнічної сполочности (жителі села) туй усе бесідуват по русинськы. Є. Фенцик у первопечатному тексті сякі фрагменты русинської бесіды передав у транслітерації – російськов кирилков. Зачим нове перевыдання є націленою на сочасного русинського читателя, правописаня сих конструкторів привели сьме (транслітеровали сьме) – у міру возможности – русинськов кирилков (*зазначка вишорителя* – В. П.).

– Не бойтесь, я вам расскажу, из чего можете сготовити гроші. У вас обширна толока; не почувствуете, если от толоки оторвется 20 югров земли. Сію землю не трудно будет общею силою нагноити, поорати, засіяти, обкопати – єдним словом, обробити. Если Бог даст благодать, из земли можете иміти ежегодно около 1000 золотых доходку. Крім того, фурманка, денники придут вам без платы; попрошу пана Домбокi – камень и дерево даст вам в честь или за дешевую цену – за работу. Кое-что подарует Его Величество царь, а кое-что – славная міністерія; и так дом Божий с помощью Божиєю и добрых людей сготовится. И вы будете иміти славу у людей и заслугу у Бога.

Громада согласилась. Єй стало ясно, что 50 000 золотых для цілаго села не так великая сума, как они воображали. О. Коломан Gyertyánfi переслал єпархіальному начальству объяснение о том, из чего возьмут заломляне деньги для так великолiпного зданія. Постройка началась. Старосты (*кураторы*)⁵ прежде всего отправились к поміщику Домбокi с челобитней⁶, чтобы благоизволил дати їм для постройки церкви камня. Г. Домбокi не мог отказати – он находился в приязни с о. Gyertyánfi; кроме того, Заломы было великое село, числящее около 200 избирателей; не мог же он прервати хорошия сношения с таким значительным числом вотизирующих⁷ людей.

– Хорошо, можете возити камень; однако, если мнi нужна будет ваша помощь, буду рассчитывать на вас. Вы – село великое, у вас много подвозчиков; думаю, не откажете перевезти находящиеся в лісі моем дубовыя дуги на станцію желiзной дороги. В хорошем алдомаші и пакликах⁸, разумеется, не будет недостатка.

Старосты не возражали ничего, но г. Домбокi замiтил по выражению лица їх, что предложение его произвело на них не особенно приятное дiйствие. В лісі находилось около 3000 метров дуг; доставка

5 **У круглых скобках** (-): Доста часто у текстах своїх творiв автор Є. Фенцик при словах, значеня котрых читатель мiг не порозуміти авадь порозуміти зле, давав у круглых скобках поясненя тых слiв. Суть то подля языка троякі глосы (поясненя): 1) **по російськы**, приміром: лейбик (*камзол*); кметь (*крѣпостный*); кальга (*камин*); 2) **по русинськы**, приміром: пономарь (*церковник*), гонт (*шингла*); 3) **по мадярськы**, приміром: каторга (*gályarabság*), ссуда (*kölcsön*), кутила (*dőszőlő*). Зачим иде за авторський текст, рассудили сьме лишити сєсі глосы-поясненя; подаєме їх у круглых скобках курсiвом (*зазначка вишорителя* – В. П.).

6 **Челобитня** – из *російськ.* «челобитная» (*зазначка вишорителя* – В. П.).

7 **Вотизирующий** – од слова «вота» – голос избирателя; «вотизовати», авадь «вотизовати» – голосовати на когось (*зазначка вишорителя* – В. П.).

8 **Паклик** (*русин.*) – *російськ.* «пакетик», «пачка». Годно быти, же у сєму контексті иде за паклик догану (*зазначка вишорителя* – В. П.).

їх на залізничну станцію могла вынести, по крайній мірі, 1500 гульденів. «Немножко дорого за камень», – подумали старости.

– Доставка моїх дуг на залізничну станцію, – продолжал г. Домбокі, – придет селу по ничему⁹. Моя каменоломня находится недалеко от железнодорожной станции, вам необходимо идти по камню через мой лес, и так все равно: идете ли с порожними повозками или наберете в лесу на повозки дуг и перевезете на место назначения. Кроме камня, для церкви нужно вам будет и деревянного матерьяла; если сделаете мне услугу, и в дереве не откажу вам.

– Мы знаем, что пан великоможный ласкавы; мы не можем жить без их милости.

Г. Домбокі налял старостам по рюмочки водки, которую они и выпили на здоровье пана великоможного.

Дуги зачали доставляться на станцию, а из каменоломни привозили камень для церкви. Известняк получали заломляне тоже от г. Домбокі и выжигали его дома. В лесу для верха храма тоже не отказал им помещик. Но за то кончили ему заломляне почти всю полевую работу безвозмездно. И так заломляне оказались настоящими кметями (*крѣпостными людьми*) г. Домбокі. Правда, что и он с своей стороны не оказывался скупым: весь материал, который нужен был для постройки церкви, давал он безвозмездно; великодушье его простиралось до того, что он не возбранял заломлянам выгонять даже скот в его лес, а в реку ловить рыбу и раки; разумеется так, чтобы из сей ловли снабжали и его барский стол.

Г. Домбокі был мелкий помещик, как говорится «*hét szilvafás földes úr*»¹⁰, но вследствие сделки с заломлянами состояние его росло не по дням, а по часам. Через несколько лет он так обогатился, что в состоянии был купить поместье разорившегося соседнего помещика Бодзаші, состоящее из дворца, господских зданий и 1000 югеров земли, за 100 000 гульденов.

Таким способом сделался г. Домбокі крупным землевладельцем; получил виральный голос на вармедских собраниях и приобрел большое уважение среди вармедской знати.

Основание матерьяльного благосостояния г. Домбокі было положено, а вместе с тем и перспектива на будущую карьеру представлялась для

9 Придет селу по ничему – стилистична грешка; то значит, же «выйдет селу скоро задарь» (замечка виорителя – В. П.).

10 *Hét szilvafás földes úr* (мадьяр.); правильной написания: «*Hétszilvafás földesúr*» – дословно: «землепан, што має лем сім сливовых дерев». Є то насмішлива прозивка художного землепана (хоснує ся помежи трансільванські мадьяры) (замечка виорителя – В. П.).

него очень радужною. Г. Домбокі не без оснований рассуждал: «Для чего бы я не мог статися сеймовым депутатом? В вармеді меня уважают, я нахожуся в приятельских отношениях с февішпаном¹¹ – відь не должен же он забыть, что сколько раз он нуждался в деньгах, мой бумажник всегда был к его услугам. Нисколькоми тысячами он и в настоящее время должен мні. Между такими обстоятельствами невозможно предполагати, чтобы он противился моеї кандидації. Разуміється, я выступлю с правительственною программой. На успіх могу рассчитывать уже по той причині, ибо наибольшее село Заломы и душею, и тілом принадлежит мні. Впрочем, мужики по всей окрестности считают меня «добрым паном». Конечно, к тому нужна была неповседневная хитрость, чтобы приобрести расположение мужиков. Заломы – мої, а другія села вірно пойдут по приміру заломлян. Затрудненіє нахожу єдинственно в том, каким способом выступити кандідатом сеймоваго депутата. Не стану же я сам сунути себя в кандідаты; а другому кому-нибудь єдва прийдет в голову, чтобы меня кандідовал. Впрочем, для полного успіха и того еще недостаточно, чтоб какой-то пріватный человек стал меня кандідовати; найприличніє будет, если моя кандидація выйдет от вармедьскаго избирательнаго комітета.

Отец Коломан бессомнінно войдет в состав єтого комітета; он очень много мог бы сділати в мою пользу. Необходимо как-то ловко внушити єму, что я непременно жєлаю быти сеймовым депутатом. Что он, узнав о моем задушевном желаніи, напружит всі силы, чтобы осуществити єго – о том не может быти ни малійшаго сомнінія. Рука руку моєт.

О. Коломан Gyertyánfi происходил почти из-межи крестьян. Правда, отец єго был дяком в Козодоях, но все житє-бытє єго не отличалось от крестьянскаго. Жил он в соломою крытой крестьянской хижині (в сороковых годах еще таковы были дяковні!), ходил в холошнях и гуні, обувал лапті и заходился с на мужицкий лад приготовленными блюдами. От мужиков отличался он только тім, что співал на кліросі, носил с собою часословец – с єтой книжкой он никогда не расставался; он обыкновенно брал єе с собой и тогда, когда шел в поле на работу и надівал вверх сорочки лейбик (*камзол*) из темно-синяго сукна. Он был благочестивый старик и, несмотря на свое убожество, чувствовался довольным, ибо высокопарных мечт и желаній у него не существовало. Калманка (такое имя, которое, впрочем, было беспримірно у русских, дал он своєму сыну по приміру своего кума, ліснаго сторожа, у кого

11 **Февішпан** (мадяр. *főispán*) – голова вармеді, комітата; російськ. «губернатор» (зазначка вишорителя – В. П.).

тоже был сын – очень красивый мальчик Коломан), сына, обучал он сам грамоті.

Мальчику шло на ум, для чего отец и отвез его в сосідный городок, гді он с хорошим успіхом окончил нормальныя школы. Отцу не доставало средств, чтобы продолжати образование своего сына; но Коломан изо всіх сил рвался за наукой. Он не желал заниматься чорной работой, не хотіл ходити в лаптях и холошнях, а хотіл статися паном. Отец принужден был отвезти его в город, гді он у одного стряпчего получил приспособленіе: замітал комнаты, чистил сапоги, носил бумаги на почту; словом, отправлял роль камердінера, за что получал квартиру и кое-какое содержаніе. Коломан исполнял совістно свої обязанности, его не конфузило то обстоятельство, что он выполняет очень унизительную работу; напротив, его одушевляла мысль, что он все-таки добьется ціли – сділається паном. Когда Коломан поступил в четвертый гімназіческий клас, он получил уже «віктуальную¹² кондіцію» – уділял первоначальныє уроки дітям одного богатого купца и получал за это полное содержаніе. Это было уже не унизительное занятіе, а такое, которое вполні соотвітствовало его студенческому характеру. Когда Коломан сділался слушателем седьмого-восьмого гімназіческаго класа, тогда было уже у него и порядочное содержаніе, и всегда водились и кое-какія деньжонки, получаємыя за уроки, уділяємыє тупоумым баричам.

Еті уроки доставили Коломану возможность познакомиться с знатнїйшими кругами общества; одна семья рекомендовала Коломана другой, о нем говорили только с похвалою; да должно признатися: он уміл презентоватися, так что с перваго взгляда ділал на встрітившагося с ним приятное впечатлініе. Он был високаго атлетическаго роста, с приятными мужественными чертами, чорными волосами, которые придавали лицу его тім больше білизны, и с большими темно-синіми мечтательными глазами. В обращенїи присвоил он легкость и непри-нужденность, готовность к услугам и так рідкое в наше время смиреніе. Он обладал неподражаємою способностью развлекати компанію; гді он появился, там не сміла показатися и тінь скуки; вслїдствіе сего свойства он везді был вожденным гостем. Ловкость свою врацатися в компаніи приобріл он, между прочим, тім, что давал уроки сыну діректора театра, который снабдил его карточкой на свободный вход в театр, и так Коломан бывал ежедневно в театрі. Крім сего, очень любил занима-

12 Віктуальний – русин. «стравовый», «їстиво» (зазначка вишорителя – В. П.).

тися мадярскою¹³ літературой, перечитал лучшія сочиненія всіх совре-
менных мадярских белетристов. Разуміється, що прочитаними, осо-
бенно понравившимися єму фразами воспользовался в данное время в
компанії. Дошло до того, що он даже сам составлял мадярськіє стихи и
декламовал їх в компаніях. В театрі присвоил способность хорошаго
представленія; в звучном голосі его дышало чувство и страсть, и так
бывали случаї, когда он всю компанію приводил в восторг – объяв-
леніям признательности, аплодісентам не было конца. Одним словом,
Коломан был празднуемый молодой человек.

Нельзя того сказати о Коломані, чтобы он презирал своїх родите-
лей; он искренно любил їх и был їм благодарный; однако, находясь еже-
дневно в сообществі с баричами и превозносимый богатыми и знат-
ными барышнями, он вжился в етот круг и мало-помалу стал почитати
себя чім-то высшим, чім он в самом ділі был. Он зачал почитати себя,
по крайней мірі, таким паном, как ті, которым он давал уроки и над ко-
торыми его настолько превозносили. Не станем удивлятися, что между
такими обстоятельствами Коломан как-то скрывал свое происхождение
и єму очень не нравилось, что фамілія его – Грабовчак. (Тогда он был
еще Грабовчак, а не Gertyánfi). Он пристал бы уже тогда переименити
свою фамілію, однако не хотіл обидіти своего старика-отца, да и не знал
тому способ.

Окончив гімназический курс, Коломан Грабовчак был воспринят в
клір и сдїлался слушателем богословія. Отец его крїпко настаивал на
том, чтобы сын его сдїлался священником. Коломан не противился отцу;
відь он от дїтства того именно и желал, чтобы сдїлаться священником.
Он еще как мальчик часто бывал в домі своего приходскаго священника;
єму нравился и его образ жизни, и почеть, [с] которою относились к
нему прихожане, а особенно не могло стертися с памяти мальчика, ког-
да приходский священник одівался в блестящія ризы и совершал бого-
служеніе. Невинная душа мальчика полюбила священническое служеніе,
и его что-то інстинктивно влекло, чтобы он тоже сдїлался совершителем
такого високаго служенія. Никогда не чувствовал Коломан бόльшую
радость, как того дня, когда он первый раз облекся в талар; єму так
казалось, что теперъ осуществились всі его задушевные мечты. Он мог

13 Туй и дале у первопечатному тексті повісті находиме двоякою написанія етноніма
«мадяр», а тыж одведень од того слова, приміром: «мадяр» – «мадьяр»; «по ма-
дярски» – «по мадьярски»; «мадярский» – «мадьярский» и др. У першім варіанті иде
за приближену гу живій бесіді русинів орфографічно-орфоепічну норму, у другім –
норму, характерну про російський язык. Зачим не иде за авторський стил, розсудили
сьме лишити лем приближенный гу живій бесіді русинів варіант, як от: «мадяр», по
мадярски» и т.д. (зазначка вишорителя – В. П.).

бы сділатися служителем алтаря по сердцу Іисуса Христа, єсли бы тог-
дашня семінарская жизнь тому поспішествовала. Но, увы, в то время
віял такой вітр, который, хотя и не заморозил, но значительно охладил
всі благородные порывы его души. Много говорилось о том, что наш
русский календарь отжил свой вік, что нужно-де принять календарь
Григоріанский, что наш восточный обряд тоже не годится для настоя-
щаго віка прогреса, необходимо его скоротити, что св. посты – выдумка
монахов, что соблюденіє їх – между кальвиністами и другими инослав-
ными народами, соприкасанія с которыми избігнути нельзя, – чисто не-
возможно и проч. Подобные толки, происходящіє свыше и разносимые
людьми высокопоставленными, не могли не производить на Коломана
превратнаго впечатлінія.

Он любил все, что родное; отец его уміл вкоренити в его ніжном
сердці привязанность к Богу и церкви, єму были дорогі всі родные обы-
чаї, всі обряды и установленія церкви; он інстинктивно привязывался
к ним. Но объяснить єму всі єті обряды, указать на їх возвышенность,
на їх превосходство над всім, что когда-нибудь подпало под суд и чув-
ства человечества, было нікому! Інстинктивная привязанность его ко
всему родному осталась інстинктивною, не сділалась сознательною, не
основывалась на незыблемых доказательствах, не была облечена в на-
учную форму. И так не чудо, что она не могла противустати противо-
положным толкам, раздававшимся так из уст міродательных лиц, как
в повсєдневных разговорах. Коломан был привязан к своей родині; но
он желал и попаніти; он во что бы то ни стало хотіл быть паном. Жити,
как его отец – работати от рана до вечера и при всім єтом ходити в
лаптях, їсти по мужицки и не дружити с панами – єму казалось катор-
гой (*gályarabság*), а не жизнью. Но он зачал мало-помалу понимать и
то, что єсли он слишком станет дорожити своей родиной, єсли будет
привязыватися к воспоминаніям своего дїтства, єсли станет не то за-
щищати русский календарь, обряды, посты и иныя милыя єму вещи, а
только проронит гді-то чувствам своїм соотвітствующее слово, то єто
может повредить єму и отдалит его от вожденной ціли. Для того Ко-
ломан Грабовчак сдавал в себї всі воспоминанія невиннаго дїтства, вся-
кое удовольствіє, происходящее из того, єсли погрузился в свої благо-
родныя душевныя мечты; отогнал от себя всякую чувствительность и
ступил рішительно на дорогу, которая долженствовала привести его к
ціли, шествуя по которой, он должен был сділатися паном.

Прежде всего, рішил он, что в разговорі – изъємши необходимости –
нікогда не проронит русское слово, даліє предпринял, что в вопросах,
касающихся календаря, постов и обрядов церкви ни пред кім не объявит

свого мнінія; но чтобы представить себя кандидатом на панство, зачал он лихорадочную діяльність на літературном полі, разуміється на ма-
дярском літературном полі; о том, что нужно бы развивати свою родную
русскую письменность и образоватися в том языкі, на котором когда-то
должен будет проповідати слово Божіе и совершати богослуженіе, Ко-
ломан Грабовчак и не думал. Вмісто того, выписал дюжину мадярских
газет и романов и вполні передался чтенію їх. Неодолга зачал он писати
стишки, відь еще как гімназіст декламовал на сходках свої вірши, кото-
рые – он ето хорошо помнил – производили восторг во слушателях. Труд
свой представлял он семінарскому самообразовательному кружку, и по-
слі ніскольких похвальных отзывов осмілился пересылати произведенія
своей ліры в редакції для напечатанія; нікоторые вірши его дійствитель-
но и появились в печаті – под псевдонімом «Gyertyánfi». Под мадярскіе
вірши как-то трудно было ему подписыватися своїм настоящим русским
именем. Впрочем, он имя свое еще как гімназіст стал ненавидіти; теперь
же просто гнушался їм, ибо воображал, что оно будет для него прегра-
дой в его карьері.

Богословскими науками Коломан занимался очень мало. Приліж-
ное чтеніе газет, вроді «Pesti Napló» и модных романов, в конці концов
убідили его, что богословіе и не наука в строгом значеніи етого слова.
Богословскіе учителя по причині ограниченности своїх знаній или, вір-
нійше, по причині небрежнаго выполненія своей высокой должности,
не могли разуверити его в его ошибочном убіжденіи. Впрочем, задачи
он всегда знал; відь ему достаточно было раз прочитати шкабелум¹⁴,
чтобы он остался в его памяти, но ко всему изученному матерьялу от-
носился очень скептически. Когда был на третьем богословском курсі,
он настолько поддался уже всосанному из жидовских газет світскому
духу, что, если бы не боялся опечалити своего престарілаго отца и если
бы не жаліл о потерянном, по его убіжденіи, в семінарії времени, то
непремінно переменял бы духовное званіе на какую-то світскую долж-
ность. Сділати ето, однако, не рішил и стал заниматься мыслью – возна-
градити себя, по крайней мірі, выбором супруги из світскаго сословія.

В сосідстві Козодоев находился небольшой городок Козицы; в
етом городкі жил окружный новтарош Гейза¹⁵ Ньюзов, который слыл
богачем (в самом ділі у него находились какіе-то девять-десять тысяч
гульденов). Люди говорили, что еті деньги приобріл он так, что когда
собирал подать, а у бідняков нечим было платити, он покупал от них

14 **Шкабелум** (лат. skabellum, маляр. skabellum, російськ. скабеллум) – туй у значеню
«урок», «конспект» (зазначка вишорителя – В. П.).

15 **Гейза** (маляр. Geiza) – малярської чоловічої імня (зазначка вишорителя – В. П.).

мелкий скот за бесцінок, но оставлял у них для вскормленія. Подать однако не выплачивал сей час; рестанція осталась рестанцією до тих пор, пока скот вырос и был продан на торгі. Таким образом понаскуповал он значительное число рогатого скота. Когда цена на рогатый скот подскочила, он веліл вести на торг, гді и продавал его. Барышем поділился с бідняками. Рестанцію виплатил. А чистый барыш поміщал в сберегательную касу.

У господина Ньюзова была лиш одна доч, Луйза – прекрасное созданіє с біленьким овальным личиком, голубыми глазками, лебединой шеєю, богатыми русыми волосами, стройным гибким станом и пискливым голосом. Луйза считалась хорошей партією. С части для того, ибо была єдинственная доч; слідовательно все богатство Ньюзова принадлежало ей; из части же для того, ибо вармедьскій віцішпан¹⁶ был єя уйком; да и при міністерстві релігії и народнаго просвіщенія находился какой-то отдаленный родак. И так были виды и на протекцію. Коломан Грабовчак не мог не быти знакомым с красавицей, жившею в его сосідстві. Он зачал взвішувати всі обстоятельства: прежде всего богатство, затім родню и протекцію, наконец – красоту и другія свойства Луйзы и нашёл, что, в конці концов, она – превосходная невіста. Препятствіє для брака находил только в том, что священники, иміющіє полдюжину дочерей, будут косо смотріти, что он выбрал не поповну, а цивільную дівушку. Правда, нужно будет заплатити тысячагульденовую кавцію в пользу священническаго вдовиче-сиротскаго фонда, но на ето хватит из вкладных книжечек г. Ньюзова. А может быти, и отпустят, как ето случилось уже не раз; наше єпархіальное начальство – милостиво.

Окончив богословскія студії Коломан Грабовчак стал ухаживати за Луйзою Ньюзов. Красивая внешность, ловкое обращеніє, краснорічивыя бесіды, превыспренный образ мыслей, воздушныє замки, построенныє в воображенії молодаго человека на счёт будущности, не могли не произвести на Луйзу очарывающаго впечатлінія. Когда Коломан замітил, что Луйза к нему не равнодушна, одного прекраснаго сентябрьскаго вечера, при сіянії полнаго місяца, в тіни фруктовых деревьев сділал он ей предложеніє. Луйза чуть замітным голосом произнесла свое «да», рішающее судьбу обоіх. Неодолга попросил Коломан руку Луйзы от єя родителей.

Г. Ньюзов не отказал, замітил только, что фамілія его – Грабовчак – звучит очень по московски, что с такою фамілією в настоящее время

16 **Віцішпан** (мадар. *vicispán*) – русин. «віцішпан»; російськ. «вице-губернатор» – заступаця управителя комітата, вармеді (зазначка вишорителя – В. П.).

восторженного патріотизма трудно будет добитися до чого-нибудь; что, слідовательно, необходимо перемінити её на Gyertyánfi; відь ето и так его псевдонім, извѣстный по всему широкому отечеству. Коломан отдал полную справедливость вышесказанным словам, приобіщав, что он непременно перемініт свою фамілію на Gyertyánfi, однако не хотіл бы показатися к своему отцу неблагодарным и огорчити его послідніе дни. Г. Ньюзов настаивал на своем. «Как ето возможно, – думал он про себя, – чтоб я, приглашая гостей на свадьбу, напечатал на зазывных карточках, что я, Ньюзов – Древняя мадярская фамілія! – выдаю единственную доч свою за Грабовчака! Пфуй! Не быти сему!

– Вы сдѣлали бы, милый Коломан, и для меня, и для Луйзы большое удовольствіе, если бы переміна вашей фаміліи послідовала еще прежде свадьбы. Я так думаю, что ваш старик-отец на такіе пустяки не обратит вниманія. И, в концѣ концов, поступите благоразумно, если имя, которое служит вам поміхой в вашей карьерѣ, переміните на благозвучное.

– Поговорю об етом с моім отцем, – сказал Коломан, – и если только ето окажется возможным, будьте увѣрены, что я с удовольствіем исполню ваше желаніе, которое уже от нѣскольких лѣт вмѣстѣ и мое желаніе.

– И так, ты женишься сыноньку, – сказал одного вечера отец Коломану, – най бы было, кобы только не брал себѣ в супруги доч нехриста. Та нѣ ли достаточно красивых русских дѣвушек?

– Но со другою я не мог бы быти счастливым.

– Один Бог знает, сын мой, будеш ли и с етой счастливым! – сказал старик и тяжѣлый вздох вырвался из его груди.

– Батюшка! Для моего будущаго счастья необходимо, чтобы я имя Грабовчак, которое многим очи колет, перемінил на мадярское Gyertyánfi; ето відь одно и то же.

– Так! Тебѣ стыдно носить имя твоего отца?

– Нѣт, батюшка, но я желал бы, чтобы и Вы писались Gyertyánfi.

– Я!? С ума ты сошѣл?! Будь ты, сын мой, – Gyertyánfi, но я дни свої доживу тѣм, чѣм был; ты сдѣлался паном, ну и, естественно, что хочеш прервати всякую связь с своїми простыми предками! Для того я тебя воспитал, чтобы ты отвергся своего отца? И старик залялся горькими слезами.

Через двѣ недѣли старик упокоился.

Коломан остался независимым господином своїх поступков. По указанію своего будущаго тестя подал он челобитню в министерство с 50 крайцаровою гербовой бумагой, в которой просил разрѣшеніе перемініти свою фамілію на мадярскую.

Разрѣшеніе скоро послѣдовало и Грабовчак сдѣлался Gyertyánfi.

Желаніє г. Ньюзова исполнилось, а Коломан по своєї духовной нищєті не нашєл для себя во всей етой работі ничего унижительноґо.

Теперь уже ничего не препятствовало свадьбі. Она и сбылася с великолїпным торжеством. Но и обошлася она очень дорого. Господин Ньюзов слыл богачем (ибо на бїдной угорской Руси, если кто насбирал себя два-три тысяча, тот уже и богач), и так хотїл праздновати свадьбу, как говорится, на весь мир. Приглашена была вся вармедьская знать, были и нїкоторые духовные достойники. Конечно, г. Ньюзов устроил такую славную свадьбу не только для того, чтобы їсти, пити и танцовать, но и из других расчєтов. У нас протекціи, по большей части, отыскиваются между стаканами, на пиршествах. Если какое-то высокопоставленное лицо в чьєм-то домі с увольствием забавлялось, провело время хорошо, то и протекция готова – все члены этого дома могут рассчитывать на его благоволение и заступничество. Разумеется, что сдїлати хороший день таким лицам, от которых можеш что-то ожидать, стоит очень дорого; но всегда есть надежда, что издержки вернутся с процентами.

Не станем описывать подробно, какую свадьбу устроил г. Ньюзов; достаточно замїтити, что вина были превосходны, даже в шампаньєрі не было недостатка, блюда были взысканныя, стол был завален всякаго рода лакомствами, наряд невесты стоил нїсколько сот гульденов, музыка была безупречная; само собою разумеется, что свадебный народ, не изъємши и высокопоставленных мирских и духовных достойников, находился в самом лучшем юморі. Не чудо, что между такими обстоятельствами пир продолжался через цїлых три дня; да и послї трєх дней находились такіє, которые бы радушно остались и дальше пировати, если бы благоразумнїйшие не сознали, что из сего довольно было только, и не зачали раскланиваться с домашніми.

Послї свадьбы Коломан Gyertyánfi по принятому в высших кругах обыкновенію предпринял с своєю молоденькою супругой отправиться путешествовати. Для путешествія нужны были опять деньги; г. Ньюзов не смїл отказати, пошєл в сберегательную кассу, вынял 1000 гульденов и отдал їх своему зятю с тїм однако объявлением, что етї деньги составляют приданое Луйзы и так не слїдует истратити їх понапрасному, но нужно в Будапешті, куда молодые наміряют отправиться, покупати мебель, столовый прибор и прочія нужныя для домостроєнія вещи. Коломан очень обрадовался; в глазах его тысячка составляла великую сумму. «Гдї бы я мог даже видїти, – подумал он, – в одной купкї только денег, если бы я женился на какой-то поповнї?

Путешествіє было предпринято. Молоденькая чета чувствовала себя счастливой; не даром же первыя неділі послі брака называются медовыми неділями. В Будапешті Коломан с своєю Луйзой остановился не в готелі, но у одного родственника г. Ньюзова, который состоял секретарем при міністерстві релігії и народнаго просвіщенія. Ето сдѣлано не из расчетов сбереженія, но, главным образом, для того, чтобы познакомиться с вліятельными людьми, могущими оказати Коломану в свое время покровительство. Ожиданіє не обмануло господина Gyertyáñfi – у родственника своєї супруги, міністерскаго секретаря, в самом ділі сошѣлся он с нѣкоторыми вліятельными особами. Он, между прочим, много разговаривал с ними о житї-бытї наших «русначков», предложил цѣлые планы, по каким намірен он поступати как священник, чтобы вывести їх из теперішняго коснінія, возбудити в них горячій патріотизм и сдѣлати їх настоящими мадярами. «Русский народ до тѣх пор, – выразил он свою душевную мысль, – не вымотается из своего полудикаго состоянія, пока не сдѣлается настоящим мадярским. Образованіє возможно-де лиш на отечественном языкѣ.

– Вы хотіли сказати, – отозвался міністерскій совѣтник Юрій Бабеску, родом румун, – образованіє с успѣхом возможно лиш на родном, материнском языкѣ.

– Да как же на родном языкѣ, когда в Угорщинѣ во всѣх школах учат лиш на отечественном – мадярском языкѣ?

– Ну, и для того в образованіи преуспѣвает лиш один мадярскій народ; а русскіе, словаки, румыны, сербы не могут стати с мадярами на одном и том же уровнѣ просвіщенія. Ну, что скажете вы о ваших русских? Образованы они?

– Нѣтъ, они отстали, ибо не знают по мадярски!

– Нѣтъ, не для того отстали, что не знают по мадярски; но для того, ибо не обучивают їх на родном ѣм языкѣ, а силятся учить їх на таком языкѣ, котораго они не понимают. Представте себѣ, возможен ли успѣх, если учитель говорит своѣм ученикам на чужом языкѣ; сколько ему усилія, сколько времени нужно для того, чтобы дати ученикам поразумѣти то, о чѣм говорит; о том уже и говорить не стану, что и при всѣх усиліях, при всѣй прилежности своєї не удастся ему обьяснити ученикам своѣм все то, что желает и что ѣм знати необходимо!

– Но прежде нужно їх обучити мадярскому языку.

– Да, нужно бы, если бы ето так легко сдѣлати, как сказати. Но вообразите, что вы чрез восем годов обучались в гимназіях латинскому языку, а однако не знаете говорить по латински; как же можно требовати от сельскаго мальчика, чтобы он сей час, как вступит во школу, научился

по мадярски! Відь ето невозможно! Если же до тіх пор не приобретіт никаких знаній, пока не будет знати по мадярски, ибо знанія предлагаются ему токмо на мадярском языкѣ, то, значит, он вовсе не приобретіт никаких знаній и выйдет из школы таким же невеждой, каким и вшѣл во школу. Вот для чего в наших школах нѣт успѣха. Бѣдных дѣтей не просвѣщают, а обучают їх одному мадярскому языку. Из всего етого рѣшительно не научатся ничему и, в концѣ концов, ни по мадярски не знают.

– Ето все вина наших учителей.

– Не защищаю я учителей, но главная бѣда в том, что в наших школах хотят учить языку, а не знаніям!

– Ваше благородіе, я в самом ділі удивляюся, что точно в Будапешті встрѣтился с человеком подобных воззреній!

– Пусть ето вас, молодой друг, не удивляет; и в Будапешті есть еще люди, которые не расстались с истиной!

Когда г. Gyertyánfi остался один с своїм родственником, то послѣдній сказал ему:

– Чтобы тебя г. Бабеску не свел с хорошаго пути! Ето – дакороман¹⁷, на котораго в Будапешті всѣ смотрят с ненавистью. Он, хотя и міністерскій совѣтник, но не имѣет никакого вліянія.

– Не бойтесь, дорогой шурин, я закален в своїх убѣжденіях! Меня не так легко поколебати!

Коломан Gyertyánfi остался еще нѣсколько дней в Будапешті, осмотрѣл знаменитости города и стал покупать мебель, столовой прибор, разныя бездѣлицы, и через два-три дня растратил полученныя от Г. Ньюзова деньги, так что едва хватило ему на обратную дорогу.

Послѣ своего возвращенія из столицы (*főváros*), Коломан Gyertyánfi стал готовитися к рукоположенію. Не долго было ждати: Преосвященный опредѣлил время для рукоположенія іереевъ в рождественном постѣ. Но г. Gyertyánfi, кромѣ извещенія о сем опредѣленіи, получил вмѣстѣ еще и другую записку, в которой воззывался, чтобы кавцію, состоящую из 1000 гульденовъ, еще прежде сплатил епархіальным фондам. (В угро-русских¹⁸ епархіях, как извѣстно, если кто берет в супруги несвященническую доч, обязуется заплатити в пользу фонда священнических вдов и сирот извѣстную кавцію).

17 **Дакороман** – етнонім на означенія румынського населення на територіях на сівер од Дуная (*зазначка вишорителя* – В. П.).

18 Туй и дале по тексту етнонім «**угро-русс**» а тыж одведеня «**угро-русский**», котрі автор хоснуе у сѣму и других творах на означенія етнічної ідентичности містного русинського населенія и пише сякі слова акурат через дефіс, усягде будеме подавати подля норм сочасного русинського языка, то значит писати ведно: «угрорусс», «угрорусский» (*зазначка вишорителя* – В. П.).

Ето немножко встревожило г. Gyertyánfi; он так думал, что если не вся кавція, то, по крайней мірі, одна часть ея ему отпустится. Он начал обращаться то к одному, то ко другому вліятельному лицу и просити покровительства по етому ділу. По етому поводу даже явились было голоса, что кавція отжила свой вік, что ея вовсе не нужно, что нужно-де снести сіє, свободі брака противящееся «преждепотопное» узаконеніє. Сторонники г. Ньюзова произвели такую агітацію, что кавція едва ли не была снесена и только усиленному дієствованію добросовістных людей удалось задержать её.

Но г. Gyertyánfi все-таки удалось выхлопотати, что ему подана отсрочка. Ету отсрочку просил он не для того, будто не мог сей час заплатити кавцію, а для того, ибо все еще надіялся, что она и, в конці концов, не будет заплачена.

И так главное препятствіє рукоположенія было отстранено и г. Gyertyánfi пред праздником рождества Христова был рукоположен в ієреї. Послі рукоположенія Преосвященный опредѣлил его в админістраторы Зарваницы – прихода, находящагося в захолустях гор. Конечно, отцу Gyertyánfi было не по вкусу идти в Зарваницу, но ділати было нечего: другаго прихода на тот час не было в упраздненіи; но и иначе: молодым священникам не очень-то допускается выбирать в приходах. Получив рішеніє Преосвященнаго, о. Gyertyánfi прежде всего отправился осмотріти свой новый приход. Была весна, сніг таял, когда о. Gyertyánfi вступил в ущелья гор; на каждых 50–60 шагах встрічал он бішеные ручейки, катившіеся с вершин гор. Ето довольно не то удивляло, но забавляло отца Gyertyánfi. Наконец, долина сдѣлалась очень узенькою, дорога с одной стороны оказалась врѣзанною в покатость горы, а с другою стороны зіяла ужасающая пропасть, на дні которой бішено прыгал от таянія снігов разлутившийся поток. На обѣих сторонах вперались в небо огромныя зеленіющія елі. Но вот ущелье сдѣлалось шире, заиграло солнце и по покатостям гор среди ліса показались небольшія поляны; еще нѣсколько метров ходу – и предстали оку по верхам гор разбросанныя, соломой крытыя, небілєнныя, бідныя хижины. Но вот засіял и золотой тираменный крест и в живописной долині возлі ручейка, на небольшом холмику явилась в візантійско-русском стилі сооруженная деревянная церков с тремя куполами, между которыми середній купол был высшій двух боковых. Церков была огорожена плетнем, пред входными дверями ея красовались дві віковыя липы, под сїнію которых скромно скрывалась звонница (*колокольня*) и недавно сготовленный каменный крест с изображенієм Распятаго. Недалеко от церкви, но уже не на холмі, а близъ поточка стоял скромный деревянный приходскій

домик с обветшалой гонтовой крышей и с господарскими зданиями, крытыми соломой. Приходский домик был разделен синами на две части. В одной части находилась «світлиця» с побочною комнаткою. Это было помещеніе для пана-отца¹⁹ с его семьею. В другой части находилась «челядняя хижа» для прислуги. В ту пору, когда о. Gyertyánfi вошёл в свою будущую квартиру, все находилось в довольно опущенном, так сказать, разваленном состояніи.

– Та як могли вы допустити фару²⁰ до такого розвалитися грозящого состоянія? – запитав о. Gyertyánfi сбіглихся поспостріти свого нового панотця своїх будущих прихожан.

– Ба, панцю, – отозвался пономарь (церковник), – сесе уже старый будинок, а мы убогі, грошей не є на реперачку.

– Тадь я лиш не буду жити в таком хліві.

– Ба, панцю, у нас недалеко біла глина, та мы замастиме та вибілиме.

– Что? Біла глина?! Та я буду в глиной вымазаной хыжі жити?

– Та дотеперішній паны отці якось могли и в такой хыжі жити.

– Что было, то минулося. Я не для того кончил школы, чтобы в ряндавой, пооблупованной хыжі жил. А гді ваш куратор?

– Як бачу, анде иде. – Куратор в самом ділі пришел.

– Ну, кураторе, – обратился к нему о. Gyertyánfi, – негоразд. Як вижу, вы все фарське запустили. Через один місяць должно быть все поправлено и выхарено, иначе не прийду в Зарваницу.

– Мы замастиме и вибілиме білов глинов. Боже сохрани, чтобы сесе остало сак.

– Чей, вы удуріли, кураторе? Та де вы чули, чтобы фары білов глинов білили?

– Коли мы, прошу ласки, так убогі, тай извести (*вапна*) не можно найти туй близко!

19 **Пан-отец** (из *русин.* панотець) – у первопечатному тексті повісті находиме три варіанти написаня адсёго слова в «язычію»: «пань отець», «пань-отець» и «пань Отець». У російськім языку слова «панотець» не є; намісто нёго у російській православній традиції ся хоснує слово «батьюшка». Видав, С. Фенцик ся наміряв не хосновати незрозумительной про русинів слово «батьюшка», зато до текста завів традиційной про русинів-вірників слово «панотець», штоправда не уніфіковав написаня того слова. У сёму виданю правописаня того двокорінного слова привели сьме до норм сочасной орфографічної норми російського языка – пишеме через дефіс («пан-отец»). Выдтак, у тів части текста, котру мож означити як русинська народна бесіда, сесе слово пише ся односно до норми русинської орфографії, то значит ведно («панотець», «панотця» *вок.* «панотче», айбо *множ.* «паны отці») (*зазначка вишорителя* – В. П.).

20 **Фара** (*церк.*) – хыжа про священника (*зазначка вишорителя* – В. П.).

– Та видите, кураторе, я лиш не пушу з себе сміх, що моя хыжа білою глиною білена; тепер того уже нигде ніт на білом світі.

– Та что же будеме робити?

– Что? Прежде всего вы должны покрыти фару новыми гонтами; бо, видите, течет. Во-вторых, вы должны купить кальгу (*камин*), должны пригласить столяра, чтобы зготовил новыі двері и окна и чтобы поставил новый падімент. Когда все сіе готово будет, должны дати знова поваковати и красенько выбілити. Відь я не введу свою супругу, привыкшую ко всяким удобствам, в такой простацький дом. Крім сего, кураторе, у вас и хлівы не в порядку. Все течет, стіны згнили, помост діравый. Что вы думаете? Чей, я поміщу в такое цуря свой скот? Солому з хлівов вы должны здерти и покрыти хлівы гонтами (*шинглами*), все красно обмастити и дати в хлівы новый помост. Когда все сіе будет готово, непременно должны вы обгородити двор, огород (*керттик*), а то не городиною (*плетнем*), а непременно паланком (*досками*). Когда все сіе будет готово, а оно должно быти готово в один місяць, тогда отправите за мною сорок возов, чтобы перевезти моі вещи. Ну, розумієте, кураторе?

– Розумлю, панотець, айбо я и сам не знаю, як сесе вшитко докончити.

– То не моя жура. Того лиш не будете пожадати, чтобы ваш духовник жил в простацькой кучі. Ну, най вас Бог благословит, будьте здоровы!

О. Gyertyánfi сіл на свою повозку и поїхал. Дорогою был он весьма печален; ему очень не понравилась Зарваница. «Господи, – думал он про себя, – та человек для того учится шістнадцатъ літ, для того посвящает свою молодость трудам и лишеніям, для того жертвуют родители его посліднім грошом, чтобы наконец очутился в Зарваниці! Чего я буду тут ділати? А особенно, какое впечатлініе сділает на мою Луйзу ето неприступное, нелюдимое місто? Ни приступа – дебрі непроходимья, ни квартиры, ни общества. Словно, живым похоронен. Ніт с кім даже заговорити! Еті отсталые, обдертые русначки не стоют того, чтобы взглянути на них; а мні придется провести между етіми дикарями моі молодья літа! Ну пусть же нікто говорит про завидную священническую долю! Здісь разві то утішаєт, что моі медовые годы пройдут в самом ділі романтично – далеко от світской молвы...».

Вот какое впечатлініе сділала Зарваница на о. Gyertyánfi. Но и жители Зарваницы, в свою очередь, не очень обрадовались своему новому душпастырю.

– Ой, сесе якісь дуже гонорный панотець... Прежніі паны отці не добаговали, чим їм білити фару, и на гадку їм не приходило ставити новый

падiмент, новiї дверi и облаки... Та что мы теперь почнеме? Тады хыба и дiти продаме, та и тогда не будеме годны вшитко выполнити, что панотець розказал... Уже чтось лиш учиниме, знаю, не завiсят цiлу громаду.

Назначенный срок минул; одного прекрасного утра явились в Козицах, гдi при своем тестi находился о. Gyertyánfi, бiдныя повозки жителей Зарваницы. Люди в широкополых шляпах, с длинными волосами, блiдыми щеками, в толстых рубашках и узеньких портках сдiлали не очень-то приятноe впечатлiнiе на молоденькую супругу Коломана Gyertyánfi.

– Боже мой! – воскликнула она, – неужелi мнi нужно будет жити между етiми дикарями? Коломан, что ты задумал? Неправда ли, мы не пойдeм в Зарваницу?

– Бог с тобой, дорогая моя, тебi нiт дiла с етiми людьми; пусть они будут себi, какими iх Бог создал. Не обращай на них вниманiя! А идти-то в Зарваницу мы должны; так как в настоящее время нiт надежды на другое помiщенiе.

– Да как же я буду жити в обществi таких полулюдей? Я привыкла обращаться в обществi iнтелiгентном, а в Зарваницi не с кiм будет и заговорити!

– А со мной?!

– С тобой, разумеется, приятно мнi поговорити, но жити все-таки скучно будет без всякаго общества.

– Но у нас будут сосiды; мы часто будем у них, а они у нас...

– Да, к тому будем ходити и в город на празднества, маялисы²¹, концерты, балы, да и в театр, не правда ли?

– Да-да, будем ходити, если хватит средств и времени.

– Для чего бы не хватило средств; видь ты – священник, у тебя будут доходы; а времени для чего бы не хватило, видь у тебя будут поденщики, которые докончат всю работу?

– Не заботься ты, дорогая, о таких пустяках! Мы проживем себi счастливо, будем блаженствовать.

– Но я никак не могу сдружитися с етiми полулюдьми; смотри-ка, Коломан, какiе они грязныe, неуклюжiе!

– Мы будем цiвiлiзовати iх. Увидиш, они не будут такiе грязныe, они скинут етi шляпы, обмiняють iх на мадярскiя, надiнут сапоги и реклики²²,

21 **Маялис**, авадь маялес, маялиш (русин.) – російськ. «прогулка на природе», «маёвка» (зазначка вишорителя – В. П.).

22 **Реклик** (русин.) – иншак: рехлик; російськ. «пиджак», «жакет» (зазначка вишорителя – В. П.).

и ты привыкнеш к ним. Посмотри-ка, между ними есть настоящіє красавцы, только одіж обезобразывает їх!

К бесідующим приблизился один из зарваницких жителей. Почтительно поклонился и поціловал у Коломана и его супруги руку. Отец Gyertyánfi узнал в нем куратора.

– Ну, что за новость, кураторе? Вы прийшли, но готова ли фара, выполнили ли Вы мої приказанія?

– Тадь, панотець, як мож было, та измагали сьме ся.

– Выбілена фара?

– Выбілена.

– А новый падімент готов?

– Готов, поправилисьме, панотець.

– А двор, загорода обгорожены?

– Обгорожены, панотець.

– Горазд, кураторе; як вижу, вы порядочный человек.

– Кедь дашто еше недолажено так, як бы треба, та доладиме. Бо, видите, панотець, без Вас мы не знали, як было бы на вашу дяку.

– Ну, миркуйте, кураторе, дабы есте не заганыбили ся! А теперь накладуйте на возы! Каждый должен будет оддати в мої руки то, что взял. Кедь дашто згубит или стратит, то заплатит. Я назначу себі всі вещи, кто что взял. «Слушайте, честніі люде, – обратился о. Gyertyánfi к селянам, – сокотіте все, что вам передастся, ибо все должны будете на місті передати опять в мої руки так, як тут я передаю вам! Шкоду заплатите».

И о. Gyertyánfi зачал передавати своїм будущим прихожанам всі свої вещи, точно записывая все, что кому передал.

Зарваничане с удивленієм осматривали мебель, посуду, господарскіє снаряды, чудную породу рогатаго скота, свиней, даже кур.

Г. Ньюзов, в самом ділі, снабдил свою доч всім, что необходимо для домостроенія, а снабдил не скупо, но по господски.

Когда повозки были нагружены, Луйза со слезами распрощалась со своїми родителями, садилась вмісті с своїм супругом в бричку, в которую впряжены были превосходныя гнідыя лошаді, и весь караван тронулся в путь.

На пути не приключилося ничего замічательнаго, разві что Луйза при виді каждого ручейка восторгалась живописностью окрестности. Но вступив в узенькія долины и овраги, окрестность показалась ей уже слишком романтической; сердце ея сжалось и зачала чувствовать, что ей, будто бы тісно. Когда же показались бідненькія избушки Зарваницы и увиділа опущенный приходский дом, огороженный бідным плетнем,

когда увиділа соломой крытыя, невымащенныя, небіленныя господарскія зданія, залялась горькими слезами.

— Та куда ты меня привез, Коломан? Разві я в таком нелюдимом місті, в такой квартирі могу жити? Я здісь умру!

В Зарваниці, в самом ділі, все наводило на душу уныніє. Мужикія избушки находились всі без изъятія в жалком состояніи и свидѣтельство-вали о крайнем убожествѣ жителей. Даже самая церков, хотя и носила на себѣ великолепіє русско-византійскаго стиля, представляла что-то опу-стѣлое: трираменныя кресты на куполах храма стояли криво, из крыші так и висѣли полусогнутыя гонты, окна храма, по большей части, были выбиты и вітер так и дул насквозь; деревянныя стѣны кое-гдѣ погнили, а протесы так спорохнавіли, что сподом даже кошки и собаки могли влізти в церков. Приходскій дом в опустѣніи не отличался от церкви. Поправка, о которой говорил куратор, была так незначительна, что еѣ и замѣтити было невозможно.

— Та что вы ділали, кураторе, — обратился о. Gyertyánfi грозно к церковному старостѣ. — Та я буду у вас, перебачте (*извините*), в свинсь-ком хлѣві жити? Відь тут никакой поправки нѣт, кромѣ того, что большій діры замазаны білою глиной!

— Та что я знав чинити, панотець? Тут в селі ніякого майстра нѣт; а я сам, сказати правду, до поправки панських домов не много умію. Пореперовав бы я свою хижину.

— Та відь я вас вопрошал: готово ли все, а вы отвѣчали, что готово.

— По нашему, панотець, готово. Хыжа не течет, помащена, выбіле-на, падімент заплата, двор и сад огорожены и хлѣвы не текут. А по пан-ському вырепаровати мы не знаѣме. Слава Богу, панотець теперь межи нами, та най велят, что еще робити!

— Что робити!? Та у других людей такі фары!? Та вы не видѣли, ку-раторе, в яких будинках живут священники? Около Мукачова и Унгвара посюду прекрасныя фары, а вы свою кучу выбілили білою глиной, а діравый падімент заплатали буковыми помостинами! Та где у вас ро-зум, кураторе? Теперь что ділати? Я в такой кучѣ не буду жити. Село должно своєму священнику дати порядочную квартиру.

— Та что будеме чинити?

— Что? Та нужно наладити шинглы (*гонты*), доски, известь, послѣ стокмити мастров и обновити весь будинок, чтобы в нем можно было жити.

— Ба, панцю, коли у нас из сего нич не є!

— Мусит быти; за гроші все будет.

— Ба, та тото и біда, бо грошей не є!

– Розвержем на газдов. Каждый заплатит, что на него припадет – и гроші будут.

– Не знаю, что скаже на сесе громада.

– Что мні до громады? А порядочный фарский будинок должен в селі быти!

О. Gyertyánfi оставил куратора и, обратясь ко своей супругі, сказал:

– Не смутись, Луйза, приходский дом неодога будет обновлен, так, что и не узнаеш его!

– А до тіх пор как нам жити в етой канурі²³?

– Немножко притерпим, жизнь будет тім інтересніе, однообразіе скучно.

– Благодарю я тебя за такую інтересность, когда негді жити!

– Та відь жити есть гді, только не так роскошно, как ты ето себї представляла!

– Ну, я никогда не думала, что священники и в таких канурах живут; мні казалось, что священническая жизнь – самая завидна. Ну, скажи ты мні, прошу я тебя, куда я поміщу здісь свої вещи? Відь необходимо, что-бы у нас были, по крайней мірі, три-четыре комнаты: спальня, уборная, столовая, гостинная; да відь и тебї нужна какая-то комнатка, в которой бы кончил с прихожанами свої офіціальныя діла.

– Оно так бы слідовало, но если сразу невозможно нам иміти четырех комнат, то будем довольны и двумя. Спальня послужит вмісті и уборной, а столовая будет и гостинной; а я свої офіціальныя діла с прихожанами буду кончити тоже в столовой.

– Что?! Чтобы мні в столовую – да, по твоєму, вмісті и в гостинную – входили еті грязныя люди!?

– Что же сділаем, дорогая моя, если ніт, то ніт!?

– Что ділати? И тебя нужно учить? Не стыдно ли тебї? Та вот я скажу, чего ділати: до тіх пор, пока не будет готово новое приходское зданіе, необходимо прирубить к етой канурі еше дві комнаты.

– Хорошо, прирубим; только люди будут недоумівати, для чего нам четыре комнаты, когда нас всего лиш двоє.

– Пусть себї недоумівают; разві еті дикарі иміют представленія о том, как живут порядочныя люди?!

– А теперь чего ділати, куда помістим свої вещи?

– Я думаю, никуда не поміщати. Та відь, ради Бога, видиш, что

23 **Канура** – туй и дале правильной написаня: «конура». Причинов хыбного написаня было не в ушиткому доброй знатя автором російського языка (зазначка вишорителя – В. П.).

ето настоящая мужицкая изба. Как я могу помістити в ней свої дорогія меблі? Відь здісь все испортится!

– На повозках однако лиш не будут стояти; помістим їх хотя бы на чердакі (*поді*).

– Боже мой, Боже мой, куда ты привез меня, Коломан?

– Я так думаю, необходимо поснимати наши вещи с повозок, иначе может пойти дождь и мы понесем немалый убыток.

– Хорошо, ділай, как знаєш; если ввел меня в это безвыходное положеніє, надіюсь, сумієш и вывести меня из него!

Дорогія меблі и другія вещи были сняты с повозок и, по большей части, поміщены на чердакі. В комнаты были внесены только три постелі, два стола, два шіфона, один діван и нісколько стульєв. Кухня была тоже снабжена необходимою посудой.

Когда все кое-как было розміщено, выдала Луйза кухаркі приказ, чтобы сготовила ужин, а мужа попросила, чтобы неоткладно занялся перестройкой приходскаго дома. О. Gyertyánfi ни в чем не хотіл отказати своєї супругушкі и вполні принял єя проєкт, что необходимо к приходскому дому прирубити єще дві комнаты. Но не говорил уже ничего своїм прихожанам, оставив все на другое, боліє благоприятное время.

Минуло нісколько неділь, в который час Луйза не переставала приводити своему супругу на память, что пора уже заняться перестройкой приходскаго дома. О. Gyertyánfi и не дремал; мало-помалу размышлял о способі, которым бы привести в исполненіє требованія своєї супруги. Біда была немалая. Ни в Зарваниці, ни в цілої окрестности не было никакого мастра²⁴, не было ни матерьяла под руками да, главное діло, не было денєг. Правда, и в Зарваниці строили хижины, но ті мастры, которые с тім занимались, были ненадежны. О. Gyertyánfi, а особенно его супруга никак не могли предполагати, чтобы ті верховинскіє мастры могли совершити требуємую на приходском домі поправку, желаніям модернаго мира соотвітственно. О. Gyertyánfi, вслідствие настаиванія своєї супругушки, поїхал в сосідный уїздный городок, но зачім в нем не было баумайстра²⁵, принужден был їхати в столичный город вармеді. Здісь нашел он баумайстра, но когда єтот услышал, что діло идет о прирубкѣ к старому приходскому дому, не схотіл дати никакого совѣта, пока не увидит ветхий приходский дом. Не было чего ділати, о. Gyertyánfi взял баумайстра с собой и потащал его на своєї повозкѣ в Зарваницу.

24 **Мастр** (-ы) – правильної написаня: «майстер» / «майстры» (*азначка вишорителя – В. П.*).

25 **Баумайстер** (из *німецьк.* Baumaister) – *русин.* «будователь»; *російськ.* «строитель» (*азначка вишорителя – В. П.*).

Луйза необыкновенно обрадовалась, когда увидела баумаистра. «Уже теперь что-то будет, – думала она себе, – не буду жити в сей канури». Она и не замедлила предложить баумаистру свои требования.

– Я желаю, – сказала она, – чтобы дом был перестроен современным требованиям соответственно. Необходимо прирубить, по крайней мере, три комнаты: столовую, гостинную и канцелярию; но необходим и погреб (*пивница*), и запасная комната (*шпейс*). А перед домом не должны стоять эти свинские хливы, этот курятник; мне очень хотелось бы иметь на сем месте английский огород для цветов. Ах, я не могу жити без цветов! В середине огорода непременно устройте фонтан (*szökőkút*); здесь устроить это так легко; а мне причинит это большее удовольствие!

– Это все может быть устроено по вашему требованию, сударыня, токмо, разумеется, ко всему этому требуется много денег.

– Это пусть вас не затрудняет; я готова дать ссуду общине; а община должна устроить приходский дом и двор требованиям времени соответственно.

Баумаистер начертил великоличный план. Разумеется, что велел заплатить себе порядочно. О. Gyertyánfi, или лучше Луйза заплатила; но только в качестве ссуды (*kölcsön*), которую она дала общине. План начал приводиться в исполнение. К этому, разумеется, требовались мастера и материал; поденщиков давала община. Пока у Луйзы хватило денег, все шло, как нельзя лучше; но деньги стали убывать, а собрание с общины шло очень медленно; наконец, по причине убожества жителей – оказалось даже невозможным. И так план не мог привести в исполнение во всех своих великоличных размерах. Но о. Gyertyánfi и не настаивал дальше. Ему шло не о том, чтобы выполнить все подробности плана, но чтобы каким-то способом получить свои деньги, которые расточил на постройку и которые ссудил своим прихожанам. Приход был биден и не доставлял почти никаких доходов; деньги супруги были растрчены, получить их обратно оказалось затруднительным. Необходимость заставила о. Gyertyánfi прибегать к крутым мерам. Екзекуции были в повседневном обороте. Жители стали проявлять неудовольствие, стали роптать на своего душпастыря. Огорчение дошло до того, что прихожане наотрез отказались исполнять свои обязанности относительно своего приходника. О. Gyertyánfi и к наименьшей мелочи принужден был прибегать о помощи к административной власти.

Состояние отца Gyertyánfi сделало невыносимым. Прихожане его не только не хотели выполнять свои обязанности, но написали жалобу к архиепископу против своего душпастыря. В жалобе своей навели они, что душпастырь отягощает их вполне ненужным бременем, что в испол-

ненії своїх душпастирських обов'язанностей не очень-то приліжен. Кончит утрєню «чопату»²⁶ – значит, скорачивает; из службы Божией оставляет цілыя части и проч.

Все это не смутило бы о. Gyertyánfi, если бы было из чего жити; но деньги супруги растратились то на будовлю, то на артікулы роскоши, да и не могли они вічно держати – прихожане сділались капризными, ничего не хотіли платити, даже адміністративным властям наскучило всегда возитися с жалобами о. Gyertyánfi, и так остатися в Зарваниці оказалось вполні невозможным.

– Какой ты беззаботливый, Коломан, – сказала одного дня мужу своєму Луйза, – у меня уже два місяца ніт кухарки, я должна сама готовить обід, как какая-то служанка! Не жаль тобі, Коломан, выдати свою супругу на такія муки?

– Я рад бы держати тобі кухарку, если бы это оказалось возможным; но, видиш, деньги растрчены на будовлю, прихожане из части вернули заём, из части же не выдереш от них ни ексекуцією; из прихода никаких доходов ніт: на какія же деньги могу я наняти тобі кухарку? Відь и та, что была, оставила нас для того, ибо не получала порядочно свою плату.

– Та что ты думаєш, Коломан? Разві я буду варити и печи!? О, я не для того вышла за тебя. Если ты мні муж, ты должен заботитися о том, чтобы у меня [была]²⁷ порядочная прислуга.

– Хорошо, но кто будет платити?

– Какой вопрос! Кто бы платил? Разуміється – ты.

– Но чім буду платити?

– Это уже твоя забота.

– В Зарваницах, дорогая моя, нечим платити кухаркі. Другія попадьї как-то сами варят и пекут, даже моют билье; для чего бы и ты не могла творити то же?

– Что-о-о? Ты сравняєш меня с прочими попадьями! Я от тебя сего не ожидала. – Луйза залялася слезами.

– И так, я вижу, что нам необходимо заботитися о другой приход. В Зарваниці твоім прихотям дозветворити²⁸ невозможно.

– Разуміється, нужно заботитися о другой приход. Вот уже два года,

26 **Чопатый** (русин.) – російськ. «кряжистый», «крепкий»; у переносному значеню: (ніж) чопатый – тупый; (служба) чопата – покуртана (зазначка вишорителя – В. П.).

27 **У квадратных скобках [-]**: Туй и дале по тексту додали сьме у квадратных скобках пролишеной автором слово (авадь часть слова), котрі хыблят подля смысла (зазначка вишорителя – В. П.).

28 **Дозветворити** – иде за лексему, характерну про традиційный карпатурський язык (так называне «язычіє»); російськ. «удовлетворить»; русин. «задоволити» (зазначка вишорителя – В. П.).

как мы в Зарваниці. В это время я и не жила; ніт, не жила, я находилась в изгнанні, в аресті.

– Но как нам добитися другаго поміщенія? Мы недавно здісь; у меня ніт покровителей, а, знати должно, без покровителей днесь у нас ничего не добьешся.

– Как, ніт покровителей? А моя будапештская родня?

– Конечно, Его Превосходительство міністерский совітник очень много мог бы сділати в нашу пользу. Но схочет ли?

– Как! Не схочет? Відь мой отец собственно и воспитал его. От него была бы цілая неблагодарность, если бы он отказал помочи нам в нашей нужді.

– Какой я глуп²⁹, мні между моїми хлопотами совсім вышло из головы, что у нас такой сильный покровитель. Да, сильной, ибо, между нами будь сказано, Его Преосвященство всегда иміет коє-какія ділішка в міністерстві народнаго просвіщенія, відь оттуда получает и субвенції; нельзя же ему противитися ходатайству так вліятельнаго в міністерстві лица. Ты – премудрая женщина, Луйза!

– А ты это так себѣ представлял, что я такая же глупенькая, как прочьї попадаѣ?

– И так, покровитель есть. Но что за польза, если упраздненнаго прихода ніт! Я не знаю, что себѣ хотят ті старые попы, что не умирают?

– Упраздненнаго прихода ніт, говориш ты! А Заломы?

– Заломы, это первокласный приход. Такой приход не дается молоденьким священникам.

– Не дается! А покровитель для чего? Відь точно для того и есть покровителі, чтобы исходатайствовали что-то хорошее. Видиш, для получения Зарваницы не нужны покровителі.

– Но я как-то не смію упоминати про Заломы.

– Какой ты скромненький! Но, видиш, у скромнаго жебрака порожня тайстра.

– Правда, відь в наше время стаются такіа чудеса, что молоденькіе священники получают хорошіе приходы.

– А у тебя, хотя ты и молод, заслуги есть; відь ты слывеш горячим патріотом!

– Конечно, ты права, с скромностью в нынішнее время не дойдеш далеко. Будь, что будет – буду просити Заломы.

– И получиш, – сказала рішительным тоном Луйза.

29 **Какой я глуп** – стилістична хыба; має бути так: «как я глуп» (зазначка вишорителя – В. П.).

– Но еще одно затруднение: Заломы находятся под патронатом. Заполнение этого прихода зависит от министра финансов.

– Тем лучше для тебя, – сказала Луйза. – Нашему покровителю тем легче будет ходатайствовать о нас.

Неодолга после сего разговора о. Gyertyánfi явился у Преосвященного и подал челобитную, в которой просил назначить себя приходским священником в Заломы.

– Заломы – первоклассный приход, – сказал Преосвященный. – Нит сомнения, что его будут просить и старейшие, и заслуженнейшие священники; сказать правду, Вы еще очень молод, ваши годы не находятся в пропорции с Заломами; но ведь и Вы – священник, просить и Вам свободно.

«Это не великое утешение, – подумал себе о. Gyertyánfi, – но ничего, если б только Преосвященный отослал и мою просьбу в министерство финансов, а он, верно, отошлет, о том уже позаботится наш покровитель».

От Преосвященного о. Gyertyánfi отправился прямо ко своему тестю-новтарошу Ньюзову и оба вместе поехали в Будапешт.

Его Превосходительство министерский советник принял своих сродников и своего благодетеля очень любезно. Благому человеку явились слезы в очах, когда увидел пред собою того, в доме которого провел свое беззаботное детство.

– Какому счастливому случаю должен я приписать, – начал министерский советник, – что вижу Вас, дорогой благодетель, в своем доме? Знаю, что Вы всегда были привязаны ко мне, но однако Вы, должно быть, по важным делам приехали в Будапешт и, разумеется, как добрый сродник минутку посвятили и мне.

– Мы прямо к тебе, и то с просьбой.

– Неужели с просьбой? Приказывайте, и я считаю себя обязанностью, если это от меня зависит, исполнить Ваше приказание!

– Мы пришли просить ходатайства. Вот детей моих епископ всадил в Зарваницу. Бедные дети влекут злостные дни свои в таком месте, в какое никогда и не ступит порядочный человек. Не достаточно того, что вовсе никаких доходов нит; но, в буквальном смысле, никому сказать одно слово. Пока приданого моей дочери хватило, до тех пор кое-как вегетовали; а днесь, когда доч свои деньги растратила на обновление приходского дома в Зарванице, нит чего їсти.

– Как же помочь горю?

– Как? Та иначе невозможно, только перейти на другой, лучший приход.

– А есть такой приход?

– Да есть. Это Заломы, находящиеся под патронатом министерства финансов. Именно для того мы и приехали, чтобы попросить тебя быть ходатаем моих детей, где следует в этом деле.

– С большим удовольствием. Видь Господин Gyertyánfi слывет хорошим патриотом. Ходатайствовать о таких людях приятно.

– Но здесь нужно бы ходатайствовать на двух местах: пред епископом и пред министром финансов.

– Это для меня вовсе не затруднительно. Епископ часто приходит ко мне. Знаете, у него свои хлопоты: он не перестает просить субвенции. Конечно, я очень много могу сделать в его деле, да я уже и не раз сделал ему большую услугу. Была бы черная неблагодарность с его стороны, если бы он не исполнил мое первое прошение. Что же касается министра финансов, то это мне личный друг.

– И так мы можем надеяться, что получим Заломы?

– Без всякого сомнения.

– Ах, если бы этого помог мне достигнуть Господь Бог, – произнес торжественно о. Gyertyánfi, – то не было бы человека счастливее меня!

– Но чтобы успех был несомненный, то хорошо будет представиться Его Высокопревосходительству министру финансов. Думаю, он завтра принимает.

– Но схочет ли он принять меня?

– Это уже моя забота.

Родные разговаривали еще о других, повседневных делах, не имеющих никакого отношения с Заломами.

Другого дня о. Gyertyánfi, хорошо выбратый³⁰, одетый в талар, отправился в сопровождении своего покровителя в министерство финансов. Хотя челобитчиков было много, о. Gyertyánfi, по ходатайству своего покровителя, недолго был принят.

– Имя честь представить Вашему Высокопревосходительству преподобного господина Коломана Gyertyánfi, – начал свою речь министр[ский] советник, – одного из самых славнейших греко-католических священников.

– Я о Вас очень много хорошего слышал, – сказал Его В[ысоко]превосходительство, обратясь к о. Gyertyánfi, – не правда ли, Вы кое-когда помещаете в белетристических журналах свои стихотворения?

– Усилиюсь и своими слабыми произведениями обогащать нашу письменность.

– Конечно, это каждому истинному патриоту должно быть очень

30 **Выбратый** (російськ. «одетый») – сесе слово одведеной од глагола «брати» («брати на ся парадной шатя») (зазначка вишорителя – В. П.).

приятно, если люди инородного языка настолько присваивают мадярскую річ, что могут даже обогащать нашу літературу. Вот Петевфі был родом тоже словак, что однако не мішаєт ему быть первым мадярским поэтом.

– Не только Петевфі, но почти всі выдаючієся мадярськіє писателі принадлежат, по большей части, инородным народностям, – сказал наивно о. Gyertyánfi.

– Есть и между мадярами хорошие писателі, наприм[ір] Арань, – сказал сухо міністер. – Но Вы замічателен человек и по той причині, ибо перемінили свою фамілію на мадярскую. Как называлась прежде ваша фамілія?

– Грабовчак, – сказал красніа о. Gyertyánfi, который как-то інстинктивно чувствовал, что переміна фаміліі не очень-то похвальное діло.

– Грабовчак, Грабовчак, – сказал задумаясь Єго В[ысоко]превосходительство, – відь и Грабовчак может быть хорошим патриотом. Вот и моя німецкая фамілія не мішаєт мні быть хорошим сыном отечества. Знаєте, между нами будь сказано, переміна фаміліі означает что-то вроде зміны своїм предкам; а кто змінил своему отцу, тот является ненадежным человеком во всіх предпріятіях.

– Но, Ваше В[ысоко]превосходительство, у нас подозривают патриотизм всякаго, фамілія котораго звучит не по мадярски, – сказал смущенно о. Gyertyánfi, щеки котораго залялись багровым цвѣтом.

– Стало быти и мой, – сказал с удивленіем міністер. – Ваши патриотическія чувства послі прочтенія ваших прекрасных стихов ни пред кім не могут подлежати ни малійшему сомніію. Но какую новость принесли Вы из ваших прекрасных живописных окресностей?

– Я пришёл с покорнѣйшим прошеніем к Вашему Высокопревосходительству.

– С каким прошеніем?– спросил весело міністер, котораго стало забавляти замішательство своего посітителя.

– Я пришёл смиренно просити Ваше Высокопревосходительство, извольте милостивѣйше назначити меня в приходскіє священники в приход Заломы, находящійся под патронатом высокой государственной казны.

– А будет ли Вас кандідовати Преосвященный?

– Я того навѣрно сказать не могу; но, так думаю, Єго Преосвященство не станет противитися волі Вашего Высокопревосходительства?

– Знаєте что, друг мой. Вы – бесспорно заслуженный человек; в нынѣшних обстоятельствах нам необходимы такіє люди, как Вы. Вы очень удовлетворительно засвидѣтельствовали о своей непоколебимой преданности к мадярской ідеі; даже во своем рвеніі зашли немножко

далеко. Я вполні оціняю ваші заслуги. Постарайтеся тільки придбати розположеніє Преосвященнаго; ибо без его согласія, при всій преданности своєї к Вам, я не буду в состояннї исполнити ваше прошеніє!

– Итак, мало надежды на Заломы, – произнес о. Gyertyánfi, оставив кабинет міністра.

– Напротив, – возразил міністерский совітник, – відь вы вполні придбали розположеніє міністра.

– Мні кажется, что ніт: ему не нравится, что я переіменил фамілію на мадярскую.

– Какой вы наивный, дорогой сродник! Міністр подшучивал с вами. Иль вы не замітили из его глаз, как все это ему нравится?

– Для чего же и он не переіменит свою фамілію на мадярскую?

– Это другое діло. Он происходит из древняго знатнаго рода. Если бы он переіменил свою фамілію, то пресік бы связь со всіми своіми історическими предками; ваши предки, напротив, не отличались ничім замічательным, и так не стоит труда приліпяться к ним.

О. Gyertyánfi не отвічал, ему сжала сердце мысль, что отец его, хотя и не был каким-то выдающимся ділателем, все-таки был честным человеком, чувствовал и думал возвышенно, ибо сам перетерпівал недостатки, отнял кусник от своего рта и обращал его для воспитанія своего сына... Того сына, который отказался от него, бросил имя его. Пред воображеніем его мелькнули посліднія минуты жизни его родителя, и он вполні сознал всю низость своего поступка, почувствовал, как он неблагодарен, и очи его наполнились слезами. Но он скоро очнулся из своего раздумья и сказал:

– Но хотя бы Его Высокопревосходительство и благоволил ко мні, не думаю, чтобы Преосвященный вложил меня в кандідацію.

– Это уже моя забота.

– Ах, если бы Вы, Ваше Высокородіє, могли придбати мні розположеніє Преосвященнаго, я никогда не забыл бы вашего благодіянія и был бы в вік благодарным!

– Я думаю, что не нужно увіряти Вас в моем розположеннї к Вам; а я все сділаю, слышите ли? Все сділаю, чтобы Вы достигли цілі; и ніт сомнінія, что мої хлопоты увінчаются полным успіхом. Между нами будь сказано, у Преосвященнаго очень много ділішек в міністерстві релігій и культа, и он очень часто прибїгает к моім услугам. Если он не схочет вложить Вас в кандідацію на Заломы, тогда и я сумею, что ділати... ну, sapienti pauca³¹!

31 **Sapienti pauca** (лат.) – «Розумный ся здогадає» (зазначка вишорителя – В. П.).

Так розговоривая сродники прибули домою и обо всем подробно рассказали г. Ньюзову. Очи послідняго заблестіли радістю. Он был вполні убіжден, что Заломы непременно достанутся его зятю.

Послідовал пир, как прилично, послі благополучнаго оконченія діла.

Челобитчики не задерживались долго в Будапешті, а отправилися домою.

На обратном пути повернул г. Ньюзов к Преосвященному.

– Ну, что за новость в Козицах? – спросил владыка г. Ньюзова, как только увиділ его пред собой. – Зима свиріпа, должно быти, она нанесла великий вред виноградникам.

– Ніт, Ваше Преосвященство, – начал г. Ньюзов, – по крайней мірі, я еще не находил обмерзнутой лозы. Наши виноградники прикрыты от сівера высокими горами, їх не коснется сіверная стужа.

– Это очень утішительно для меня; я считал свой виноградник уже погибшим. Но прошу, садітеся!

– Еще бы! Відь виноградник Вашего Преосвященства находится на самом лучшем місті. Туда никаким образом не может проникнути сіверный вітер.

– Но почва уже истощала. Не правда ли?

– Конечно, не вредило бы прибавити немножко навозу.

– А ето мні так не под рукою.

– Преосвященный! Вам нужно только приказати и все будет точно исполнено.

– В самом ділі, Вы, господин Ньюзов, могли бы оказати мні большую услугу; там у жителей найдется достаточно излишняго навозу: позаботьтеся, чтобы [навоз на] виноградник мой был завезен, а счеты свої предложите мні!

– С большим удовольствіем. Для меня будет очень утішительно, что мог оказати Вашему Преосвященству хотя так ничтожную услугу.

– Ну, а как живется вашим дітям, там в Зарваниці?

– Ах, Ваше Преосвященство, у моіх дітей, в самом ділі, незавидная доля. Ето настоящая Сібірь.

– Ну-ну, молодые люди не могут сей час ожидать чего-то очень хорошаго.

– Но, помилуйте, Ваше Преосвященство; если священнику прийдется жити в таких містах, как Зарваница, то уже лучше совсім и не искати священническаго сана. Вірьте, Ваше Преосвященство, я предпочитаю быти желізнодорожным сторожем, чім приходским священником в Зарваниці. У желізнодорожнаго сторожа и плата лучша, да он и не

отрізан от общества порядочных людей. В Зарваниці растратила моя доч все своє приданое на поправки приходскаго дома и хозяйственных зданій; а днесь для того, ибо мой зять пожадаєт своє и жаєт получитьи свої деньги, восстали против него всі прихожане и отказались исполняти свої обязанности. Бідныя мої діти и состояніє своє растратили, и признательности никакой ніт!

– Извиніте, господин Ньюзов; зять ваш не во всем прав: он взялся за такія поправки, которыя совсім излишны. В Зарваниці должно было жити скромно, а не строити воздушные замки. Разуміється, если человек гонится за непостижимыми мечтами, тогда Зарваницких доходов окажется мало. Кто рішився быти священником, тот должен предварительно сдружитися с мыслью, что он может очутитися в Зарваниці – да еще и на чужом місті. Нельзя же оставить и бідных жителей Зарваницы без священника.

– Вполні справедливо, Ваше Преосвященство. Но если один всесторонне образованный молодой священник перебудет два года в таком заточеніи, то это для него уж слишком достаточно.

– Это зависит от обстоятельств. Нельзя же зарваничан обременяти тім, чтобы они каждого года возились с попами. Но если молодой священник в самом ділі заслужился, и если ему невозможно дальше остатися в том же приході, а главное діло, если есть другое соотвѣтствующее поміщеніє, то я, разуміється, не стану принуждати его провести вік свой в заточеніи.

– Я так думаю, Ваше Преосвященство, что мой зять не из послідних людей. Он привел в порядок приходскія зданія в Зарваниці, курс окончил с превосходным успіхом; да имя его извѣстно по всій Угорщині. Своіми літературными трудами он озарил славой нашу єпархію.

– Конечно, о. Gyertyánfi – даровитый человек; но жители Зарваницы жалуются на него: что он обременяет їх излишніми издержками, что не очень-то прилежно исполняет свої душпастьрскія обязанности. Богослуженіє отправляет с сокращеніями. В етіх жалобах есть доля справедливости; а на всяк случай замічательно то, что он сділался ненавистным своєю пастві, не умієт хорошо обращаться с народом.

– В Зарваниці каждый порядочный человек волей-неволей должен прийти в столкновение с жителями. Відь это полулюди, которым кажется излишнім то, что необходимо для всякаго порядочнаго человека. Иль не нужно было привести в порядок обветшалыя и развалитися грозящія приходскія зданія? А кто должен нести издержки поправки? Разві приходский священник? Моя доч дала ссуду (*позичку*) общині. А теперь, разві не требовати обратно своїх денег, а оставить їх

верховинцам, а? Я кріпко убіжжен, что в сем ділі зять мой заслужил похвалы – не порицанія.

– Приходскія зданія нужно было привести в порядок; ето вполні справедливо. Но сділання в Зарваниці роскошныя прирубки, кажется, вполні излишні, разъярити из-за них народ, по моему, неблагоприятно. Как можно с успіхом душпастврствовать, если душпаствра всі ненавидят?

– Я и сам так думаю, что мой зять не может дальше остатися в Зарваниці.

– Гді же пойдет?

– Я осміляюсь просити Ваше Преосвященство, извольте определити его в Заломы!

– В Заломы?! Но відь Заломы єдва ли не наилучшее поміщеніє в моей єпархії. Ваш зять еще слишком молод для того, чтобы быти приходским священником в Заломах.

– Осміляюсь замітити, Ваше Преосвященство, что вік – ето не заслуга. Єсть люди, которые долго живут, но зато не дїлают ничего, что могло бы иміти какую-нибудь цену и что заслужило бы на признательность.

– Но Вы, кажется, забыли, что Заломами распоряжаюсь не я: Заломы состоят под патронатом міністерства фінансов.

– Я ето очень хорошо знаю; однако єпископ – ето господин в своєї єпархії; и в ней ничего не может постановитися против его воли.

– Ошибаетесь, государь мой, в міністеріях не церемонятся, а распоряжают вполні самостоятельно.

– Уж я позабочусь о том, чтобы в міністерії діло шло хорошо; только о том осміляюсь спросити, не будет ли ето против волі Вашего Преосвященства?

Преосвященный нахмурил брови и сділал нїсколько шагов взад и вперед.

– Скажите Вы мні, государь мой, – сказал он наконец, обратясь к господину Ньюзову, – какое впечатлініє сділаєт ето на подвідомственное мні духовенство, если я вашего зятя буду кандідовати на первостепенный приход Заломы?

– О кандідації Вашего Преосвященства никто не будет знати; а о том всі очень хорошо знают, что міністерство сділаєт то, что схочет. Не станет же Преосвященный заводити споры с міністерством из-за пустяков.

– И Вы так думаете, что міністерство непременно вашего зятя хочет назначити в Заломы?

– Я в том убіжжен.

– Увидим, будущее известно одному Богу.

– Но я пришел покорно просить Ваше Преосвященство, – г. Ньюзов приложился к руці Преосвященнаго, – не противитися счастию моїх дітей.

– Счастию ваших дітей противитися я не буду; но у меня відь есть и больше сынов, которых тоже нельзя бросить на произвол судьбы. Будьте спокоен, ожидайте с упованієм, что рішит Провидініе! С своей стороны, я увіряю Вас, что я – ваш друг.

Господин Ньюзов оставил Преосвященнаго с большими надеждами на успіх. Зять его тоже хотіл было явитися пред владыкою с челобитней, но г. Ньюзов удержал его, чтобы теперь безмірным докучанієм не испортити діло. У него в голові созріл план на счет будущаго діеіствованія в сем отношеніи. Вернувшись домой, он сей час занялся ділом. Прежде всего позаботился о том, чтобы снабдити достаточным количеством навоза владычій виноградник. Когда навоз был вывезен, отрепортовал он в смиреннійшем тоні, что порученіе Єго Преосвященства точно исполнено и что виноградник снабжен навозом и первыя весеннія работы исправно окончены. Вмісті доложил он, что считал бы себя очень счастливым, если бы Єго Преосвященство принял от него ету мелоч как свидітельство его безграничной сыновней преданности и если бы не затруднялся никакими хлопотами по етому ділу. Неодолга получил владыка увідомленіе от міністерскаго совітника из Будапешта, что хлопоты его по извѣстному ділу – есть надежда – увінчаются полным успіхом. К сему увідомленію присовокуплена записочка, в которой міністерскій совітник священника Коломана Gyertyánfi рекомендує высокому вниманію Єго Преосвященства.

Преосвященный очутился в очень затруднительном положеніи. Он очень хорошо понял, куда клонится и небывалая готовность к услугам г. Ньюзова, и увідомленіе, особенно записочка міністерскаго совітника. Долго разгадывал он о том, как ето возможно предложить так молодаго человека на первостепенный приход; ето відь справедливо вызовет огорченіе среди подвідомственнаго духовенства, но и наконец – заключил Преосвященный свої умствованія – я не могу противитися требованію так высокопоставленных лиц! Конечно, я не желаю того, чтобы Gyertyánfi достался в Заломы, но предложить его гді-то на посліднеє місто все-таки можно. Если его назначат, ето будет не моя вина; відь не я назначил. Послі нѣсколько неділь послідовало назначеніе о. Gyertyánfi в приходскіе священники в Заломы. Между духовенством произвело оно чуть не революцію. Даже были случаї, что нѣкоторые из священников наговорили Преосвященному грубостей, для

чого були приведені консісторією к отвічательности. Преосвященный в виду всего этого объявил, что он не виноват, он-де не именовал о. Gyertyánfi в Заломы, а с министерством из-за таких пустяков он не станет заводить споры.

О. Gyertyánfi не обращал внимания на неудовольствие своих собратьев. Он торжествовал и стал приготовляться к занятию нового помещения. Получив презенту и епископское наименование, он явился у благочинного с требованием, чтоб ввел его в новополученный приход. Благочинный и сам рад был сделаться приходником в Заломах, даже имел великие шансы на то, что желание его исполнится. По крайней мере, Преосвященный в свое время объявил ему, что его предложит на первое место, и так он считал несомненною свою победу. Итак, можно догадаться, с какою миною принял он отца Gyertyánfi.

– Вы счастливый человек, брат мой, – сказал он своему счастливому сопернику, – что Вы в молодости получили такой приход! Но скажите, Бога ради, как Вы могли перехитрить Преосвященного!

– И Вы, Ваше Высокопреподобие, так думаете, что Преосвященный был на моей стороне? Если бы на Заломы назначал приходников епископ, тогда, уверяю Вас, я никогда не приходил бы к Вам просить Вас, чтобы изволили завести меня в Заломы.

– Кто же был Вашим покровителем?

– Сам министр.

– А чем заслужили Вы расположение Его В[ысоко]превосходительства?

– Чем? Та ведь это, кажется, известно Вашему Высокопреподобию.

– А, помню, та ведь Вы – зять новтароша Ньюзова, а у этого господина есть в Будапеште связи.

– Очень сожалею, Ваше Высокопреподобие, что Вы в таком убеждении; ведь Вам должно быть известно, что в наше время связи не так много стоят; днесь токмо то приходит в расчёт, кто каков патриот.

– А вы – горячий патриот, не правда ли?

– Я так думаю, что Вашему Высокопреподобию не неизвестны мои стихотворения.

– Ваши мадарские стихи?

– Я так думаю, они дышат чистым патриотизмом.

– Да, Вы кричите, что вы – патриот! Но извините за искреннее слово: ваши стихи сделали на меня такое впечатление, будто Вы желаете обнародовать свой патриотизм и им похвастаться; словом, раскричать его повсюду и пред всеми.

– Ах, извините, Ваше Высокопреподобие! Вы судите обо мне весьма пессимистически. Напротив, стихи мои вызваны глубоким чувством

патріотизма. Иль Вашему В.[ысоко]преподобію неизвѣстно, что от избытка сердца уста глаголют?

– Я высказал Вам, молодой брат мой, мое глубокое убѣждение. И оно не безосновно. Видите, патріотизм происходит из любви ко своему народу, ко своей родинѣ. Вы родились от русскаго народа, ваш отец был бѣдный русскій дѣяк. Если бы вы в своихъ стихотвореніяхъ воспѣвали горе вашего угрорусскаго народа, если бы вы воодушевлялись симпатіями и любовью ко своей родинѣ, если бы вы воодушевляли своими стихотвореніями к благородному и полезному дѣйствованію свою же родину, тогда дѣятельность вашу я назвалъ бы патріотизмом; но когда вы воспѣваете чужіе обычаи, когда восторгаетесь славою и блескомъ в народѣ вашемъ незнакомыхъ вельмож, когда пишете на народу вашему непонятномъ языкѣ, тогда эта дѣятельность не можетъ быть названа патріотизмом, это просто крикливость, которою Вы ищете привлечь на себя вниманіе сильныхъ.

– Ну, я еще того ни от кого не слышал, что я – не патріот.

– Вникните в себя; совѣсть ваша скажетъ вамъ вполнѣ справедливо, дѣлаєте ли Вы из патріотизма или для суетной славы, или для того, чтобы заслужити расположеніе сильныхъ! Итак, господинъ міністръ наградилъ вашъ патріотизм, когда назначилъ васъ приходникомъ в Заломы?

– Конечно, и я вполнѣ увѣрен, что заслужилъ расположеніе Его Превосходительства.

– По моему мнѣнію, Его Превосходительству слѣдовало бы награждать не тѣх, которые измѣняютъ своей родинѣ, которые ступаютъ в чужій табор, которые дѣлаются ренегатами, а тѣх, которые всегда остались вѣрными своей народности, которые и между неблагопріятствующими обстоятельствами не перестали любить свое. Это – истинные патріоты, ибо они дѣйствуютъ в пользу тѣхъ жителей отечества, которые наибольше нуждаются в ихъ содѣйствіи и помощи. Итак, дорогой брат, Вы получили Заломы за вѣрши, за патріотизм?

– Получилъ – за что получилъ, это все равно; достаточно того, что Заломы мои и, Ваше Высокопреподобіе, будете такъ добры и введѣте меня в мой приходъ.

– С большимъ удовольствіемъ. Это вѣдь мой долгъ.

– Но я радъ бы сей часъ идти.

– Если того желаете, то пойдемъ.

И отецъ Дѣртянфі с г. благочиннымъ отправилися в Заломы.

Заломляне зараніе узнали, что в приходники їмъ назначенъ отецъ Дѣртянфі из Зарваницы. Не можно сказать, чтобы они с какимъ-то особеннымъ воодушевленіемъ приняли это назначеніе. Они часто встрѣчались в городѣ с жителями Зарваницы, и еті не с какою-то по-

хвалою отзывалися о своем душпастырі. Заломляне слышали, что о. Дьертянфі веліл построи́ти в Зарваниці вмісто скромнаго приходскаго дома не то порядочный дом, но ці́лый графский дворец, что для постройки этого дворца возвалил на прихожан непомірны́е налоги, что е́ті налоги истязывал немилосердно посредством е́кзекуції, что за требы взимал двойную плату, что, наконец, в богослуженіи не очень-то прилі́жен – отправляет «чопату» заутреню и літургію, в час отпіванія усопших оставляет половину приписанных в требники обрядов, что дружит с панами и готов предати їм на милость и немилость свою паству и проч. Конечно, это не все было вірно, но между тіми слухами находилась и своя доля правды. Впрочем, е́ті слухи, будь они справедливы или ніт, послужили поводом для того, что особа отца Дьертянфі уже *a priori*³² оказалась в Заломах не очень-то милою.

Прибыв в Заломы, благочинный веліл скликати громаду, чтобы представить їм іх будущаго душпастыря.

Прежде чім появиться пред лицом благочиннаго, заломляне, по своему обыкновенію, сошлись при корчмі.

– Ой, негоразд того, – зачал один старик, – в Заломах никогда не было е́ще «чопатой» службы, а сесь попик звык чопаті службы служить.

– Ой, мы не будеме и другі фары будовати, а сёму – так е́сьме чули – треба грофскі каштілі, – отозвался другой.

– Біда иде в село!

– Не пустім біду; агов, тадь мы платиме попа, та обы нам вергли на шею хоть яку біду?!

– Поговорю я з паном намістником: тадь овун сам ладився до нас, ачей, поможе нам стрясти біду.

Громада отправилася к приходскому дому.

– Просиме за ласку Пана Превелебнійшаго намістника, – зачал прежній старик, когда увиділ, что благочинный немножко отошёл в сторону и мог заговорити с ним сам-друг, – наша громада не хоче приимати сёго пана; тадь мы так думали, что они прийдуть до нас.

Около благочиннаго сошлось больше людей.

– Ой, мы іх хочеме; нам сёго пана не треба.

– Мы нигда не пойдемe за ним!

– Няй собі сидит там у Зарваниці!

– У нас нигда не было «чопатой» службы.

– Мы каштілі правити не будеме.

– Вы, братья, – сказал благочинный, – должны повиноватися Вашей верхности; верхность знает, кого вам определити в душпастырі.

32 *A priori* (лат.) – «од самого зачатку» (зазначка вишорителя – В. П.).

Если бы ваш парох поступовал с вами неправильно и несправедливо, то вы можете подати жалобу єпархіальному начальству; а тепер вы должны узнати Превелебнаго господина Коломана Дьєртянфі своїм душпас-тырем, должны его слухати, как діти отца; и должны приходящіє єму и єпархіальным начальством узаконенные доходки точно исплачевати. Днесь я не имію больше что сказати вам, а завтра приходіте в церков на службу Божию, и я представлю вам вашего новаго пароха!

О. Дьєртянфі знал о нерасположеніи заломлян, для того и не являлся между ними, чтобы не услышати от кого-то горькое слово.

Другаго дня отбылася Божественная літургія; была прочитана грамота Преосвященнаго, и отцу Дьєртянфі были переданы ключи церкви заломлянской.

Пришло перебиратися в Заломы. Переправа состоялась достаточно благополучно, хотя заломляне сначала и не очень-то спішили идти за своїм новым приходником.

Очутившись в Заломах, о. Дьєртянфі с супругушкою своєю зачали строити планы на счет будущаго їх житья-бытья.

– Ну, тепер, голубушка, – сказал о. Дьєртянфі, – думаю, конец нашим бідствиям. Можем обзавестися немножко лучше прежняго.

– Надіюсь, голубчик мой, ты не забудеш о том, что ты – приходник в Заломах. Заломы – это самый первый приход во всій окрестности; слідовательно, и нам самыми первыми слідует явитися между всею окрестною знатью.

– Прежде всего, нужно нам обзавестися дома. Я так думаю, что мебели наши, что столовый прибор, что образы, что ковры, что вся домашняя рухлядь (*butor*) безупречны. И вряд ли найдутся у кого-нибудь подобныя.

– Что ты, Коломан, сошёл ли ты с ума? И ты пристал бы етім тряпьем (*rongy*) наполнити наши комнаты!

– Я так думаю, дорогая, что подобное «тряпье» здісь ни у кого не найдеш.

– Но, Бога ради, да відь все это ветош! В Зарваниці все это долгое время стояло на поді. Крыша текла, все промочилось. Да відь днесь уже и не такая мода.

– Ах, друг мой, мы не в состояннї гнатися за модами! Для мод не хватит средств и в Заломах.

– Я ни в каком случаї не соглашусь быти посмішищем цілої окрестности.

– Ну, если так, то я велю обтянути наши мебели новою матеріей.

– А еще бы чего не придумал: обтяговати ветош новою матерією; не стыдно ли тобі, Коломан?

– Чего же ділати?

– Чего ділати? К етому не нужно никакой філософії. Нужно отпра- виться в Будапешт и купити новыя меблі, ковры и все, что необходимо для дома одного інтелігентнаго человека.

– Но відь ето невозможно; у нас ніт денег для таких не необходи- мых выдатков.

– Правда, настоящих денег ніт, но єсть Заломы. Из Заломов хватит. Я так думаю, тобі теперь никто не откажет в ссуді (*kölcsön*).

– Но я так думаю, что люди прибегают к ссуді токмо в необыкно- венных нуждах, а не чтобы купити какой-то диван, а особенно, если в нём не нуждаются.

– Что-о-о? Не нуждаются? Та ты согласишься на то, чтобы тебя ос- мияли? Твоя честь не стоит тобі дві-три сотки, которыя нужно бы вы- дати на мебель? Если ты, друг мой, не можеш помочи собі, то я уже сохранию твою честь: выпрошу от батюшки тобі на мебель.

– А с старою мебелью что сділаєм?

– Та відь и ету не бросим проч: гді-то займет місто во второстепен- ных комнатах.

– Голубушка моя, ты меня погубиш, но чего ділати – я согласен. Сознаюсь, что от первой репрезентації много зависит.

– Я не могла о тобі думать иначе! Я знаю, что ты – благоразумный человек.

– Но откуда взятьи денег?

– Я попробую попросити у своего отца, но на ето невеликая надеж- да; он, кажется, не располагает такою сумою, которая нам необходима на первое обзаведеніє.

– Гді же будем куповати еті меблі?

– Гді, какой вопрос? Разуміється, в Будапешті, а не в каком-то провінціальному городішкі.

– Но путешествіє, доставка мебели в Заломы опять-таки проглотит порядочную суму денег.

– Ну, что же ділати? Не спуститися же нам на честь корыстолю- бивых торговців. Если покупка состоится без покупателя, ніт сомнінія, что она выйдет в пользу продающаго. Но нам и без того необходимо отпра- виться в Будапешт; надіюсь, ты не окажешся таким бестолковым человеком, чтобы не поблагодарити господина міністра за Заломы.

– Конечно, ето была бы неблагодарность с моей стороны.

– Но представитися міністру нельзя в такой изношенной одежді, которая у нас теперь, благодаря Зарваниці.

- Разві и ты желала бы іхати со мной в Будапешт?
- Какой вопрос? Разві ты ручаєся, что твоя покупка будет нравиться и мні, если она состоится без меня?
- Слідовательно, для тебя тоже необходим новый наряд?
- Ах, ты, Коломан, днесь такой несносный! Неужелі тобі было бы не стыдно видіти свою супругу в каком-то безвкусном среднєвіковом наряді?
- Ну, хорошо, если уже так, то пойдем в город и закажем себi новья одежды!
- В городок? Я вполні не понимаю, что сділалося с тобою, Коломан! И ты согласился бы, чтобы я в провінціальном наряді появилась в Будапешті? Відь там всяк пальцем указовал бы на меня.
- Ну, а как же сготовити тебi здісь дома столичный наряд?
- Очень просто: переслати міру в Будапешт, а там уже знают, которая самая новійшая мода. Видиш, друг мой: что шіют тут дома у нас, в Будапешті то уже ветош, хотя бы шили сегодня.
- Но если мы станем готовить себi наряды в Будапешті, то и заломлянских доходов едва ли хватит нам для покритія наших нужд.
- Ех, Коломан, ты такой матеріаліст, тебi всегда одно в голові – деньги; а ето всегда должно быти у чоловіка второстепенное діло!
- Да, конечно, но без денег однако не будет ни новых нарядов, да не пойдется и в Будапешт.
- Я уже заботилася о том, чтобы были деньги.
- Неужелі твой батюшка размілосердовался над тобой?
- О, ніт дорогой мой; ето неприлично бы для нас обращаться за помощью; відь мы в Заломах; мы не должны нуждаться в деньгах; мы можем выжити из своєй чести.
- В дверях послышался несмілый стук.
- Войдіте! – отозвался о. Дьертянфі.
- Дверь отворилась и в[о]шл доволно опрятно одітый пузатый еврей. С лунообразным лицом, по которому виднілися рыжия веснушки, с ріденькой бородой, с толстою золотою цепью на жилеті и толстыми перстнями на руках.
- Я – Герман Розенцвайг, здішній землевладілец и содержатель гостиницы, пришл засвідітельствовати пану-отцу свое глубочайшее почтеніє.
- Очень радуюсь, господин Розенцвайг; надіюсь, мы как єдинственные образованные люди в селі будем почитати друг друга и будем жити в хорошем согласіи. Прошу садиться.
- Ну, а как нравится пану-отцу наше село?

– Я еще и сам не знаю, как оно мне нравится; должно быть, нравится, иначе я не пришёл бы сюда. Вы – давний обитатель в Заломах, Вы могли бы мне лучше сказать, что это за село.

– Ну, пан-отец, я так думаю, что в Заломах будет что крышити в молоко. Заломы – не Зарваница.

– А что это за народ в Заломах; мне кажется, что это не очень хорошие люди?

– Люди не подлы, но нужно с ними обращаться строго. Тоты руснаки такі, что если видят, что кто-то податливый, та не станут заботиться о нем; а если поступаешь с ними строго, тогда уже усилиются исполнять свои обязанности.

– Простый народ везді таков. Но, я буду знати, как с ними обходиться.

– Я от дитства живу в Заломах и очень хорошо знаю сих людей; я в всяких обстоятельствах рад послужити пану-отцу и так думаю, что, чего лиш захочете, все будет исполнено.

– А охотно сплачивают заломляне коблину³³?

– До сих пор сплачивали не очень-то охотно; но тому, кажется, та причина, ибо прежний пан-отец были очень мягкий.

– Ну, и я ненавижу возитися с простяками.

– Вам нужно только бирову³⁴ приказати; а если бы он не слушался, помельдовати пану солгабирову³⁵ (*уѣздный голова*) – и все будет точно исполнено.

– Знаете что, господин Розенцвайг; я не люблю иміти неприємности с людьми; что думаете, не было бы ли это хорошо, если бы я коблину передал Вам, а Вы бы избрали её с народа?

Очи Розенцвайга заблестали.

– Для чего ніт? Я с большим удовольствієм готов избавити пана-отца от всяких неприємностей. Я даже сей час готов Вам выплатити всю коблину.

– Теперь будет еще преждевременно; но я не проч от того, чтобы сдѣлати с Вами гешефт.

Луйза бросила на мужа сердитый взгляд.

– А сколько всей коблины в Заломах? – спросил Розенцвайг.

– Если бы всі сплатили, то дошло бы до 150 кобликов кукурузы. А что платят теперь за коблик кукурузы?

33 **Коблина** – натуральный полаток священнику (*засначка вишорителя* – В. П.).

34 **Биров** (*русин. бирів*) – староста села (*засначка вишорителя* – В. П.).

35 **Солгабиров** (*мадяр. szolgabirov*) – голова административного округа (*російськ. уезда, района*) (*засначка вишорителя* – В. П.).

– За готову кукурузу 5 гульденов за метрический центнер; но одного коблика никогда не достаточно для метрического центнера. Я сей час заплатил бы пану по четыре гульдена за коблик.

– Того мало; заплатите по пяти гульденам!

– Невозможно, вірьте, пан-отец, невозможно; коблина платится самым плохим зерном. Нужно будет пять-шесть мірок на метрический центнер. Вы не хотите, чтобы я потерял.

– Хорошо, я дам вам, господин Розенцвайг, коблик по четыре гульдена, но так, если Вы сами будете собирать коблину, и если теперь же выплатите мні за всі 150 кобликов.

– А если я не соберу 150 кобликов?

– До того мні ніт никакого діла: если не будет 150 кобликов – ваша біда; если же будет больше – ваш барыш; но мні кажется, что будет больше. Вы от каждого «газды» должны получить дві мірки кукурузы; а от каждого желяра³⁶ – одну мірку.

Єврей прекрасно знал, сколько в Заломах «газд» и сколько «желярей»: если он от каждого газды получит дві «мірки», а от каждого желяря по одной міркі кукурузы, то это гораздо превышит 150 кобликов.

– Ну, я готов!

Єврей посягнул в внутренній карман своего жилета и вытащил из него толстый бумажник, который растворив, вынул из него шесть синеньких соток и положил їх на стол.

– Возьміте, пан-отец, шестьсот гульденов; думаю, только приходит за 150 кобликов, считая по четыре гульдена на коблик!

Очи Луйзы засверкали от радости.

– Не нужно ли Вам, господин Розенцвайг, расписки?

– Для чего это? Я отдал свої деньги в священническія руки. Я думаю, это не послідній гешефт между нами.

– Послі хорошо сконченного діла не будет мішати выпити рюмочку коняку, не правда ли, господин Розенцвайг?

Отец Коломан посяг в кренец (*буфет*) и вынул бутылку трехзвѣдчатого коняку. Прежде выпил сам, а позже налил рюмочку и господину Розенцвайгу. Єврей выпил.

– Луйза, принеси что-то закусити! – Луйза принесла на стеклянном блюдечкі нісколько смокв и нісколько кусников пирожного (*sütemény*), что отцем Дьертянфі и євреєм было скоро истреблено.

– Надіюсь, пан-отец, – сказал єврей, закусывая, – мы всегда оста-

36 **Желяр** (*мадяр. zselar*) – безземельный (авадь малоземельный) селянин (*азначка вишорителя* – В. П.).

немся хорошие друзья. Если мы будем одной мысли, то так нам будет хорошо, что весь мир будет нам завидить!

– Я всегда жил в согласии с своими соседями.

– Так-то и хорошо. Видите, пан-отец, ваш предшественник всегда мучил воду; он во всяких обстоятельствах защищал хлопов. А хлопы – то свиньи; ему тем отблагодарили, что не хотели ему ни работать, ни доходы сплачевати; тоты хлопы – то такие неблагодарны, не имеют чести.

– Ах, меня уже учили хлопы. В Зарваниці хотели заставить меня жить в собачьей кануре. Когда же я стал сооружать соответствующий приходский дом, стали ходить к епископу и доносить на меня всякие небывалые вещи.

– Ну, видите, пан-отец, наши «простак» не заслужат того, чтобы защищать их и чтобы обходиться с ними гуманно.

– Видь не дурной то выдумал, что русин токмо печеный добрый!

– Они уже и против пана-отца бунтуют, хотя еще не могли иметь с вами никакого сношения.

– Проучу я их; будут они смиренны, как овцы.

– А я во всем буду пану-отцу помогать. Но я, чей, уже и слишком долго засиделся. Пора идти.

– Ну, благодарю Вас, господин Розенцвайг, за деньги; они пришли мне очень кстати; видь мне вместе с супругою необходимо на днях отправиться в Будапешт.

– А я благодарю пана-отца за оказанную мне честь и за прекрасную беседу; прошу не забывать, что я всегда, во всех обстоятельствах готов к вашим услугам!

Єврей Розенцвайг, глубоко кланяясь, оставил приходский дом.

– Ну, этот гой, – медитовал на пути господин Розенцвайг, – уже в моем кармані. Прекрасный гешефт: за 600 гульденов получу около 200 кобликов кукурузы! Цена кукурузы со дня на день поднимается. Нит сомніня, что вместо 600 получу, по крайней мере, 1200 гульденов. А над гоями буду иметь свободную руку. Кобы все такие попики, ах, как прекрасно жилося бы всем unserer Leut³⁷!

В свою очередь и о. Дьертянфі был убежден, что состряпал превосходную сделку. 600 гульденов! Прекрасные деньги. В Зарваницах я чрез три года не имел только дохода. Дурный еврей выплатил мне навперед коблину, а кто знает, сумеет ли он собрать с этих оборванцев все зерно. А если и соберет, мы уже знаем, каким зерном платится коблина. Кроме того, этот еврей всегда будет готов к моим услугам; а это очень замечатель-

37 Unserer Leut (німецьк.) – русин. «наші люди» (зазначка вишорителя – В. П.).

тельное обстоятельство; відь мы знаєм, что євреї по селам всемогущи, они суміють привести к концу, что захотят.

– Ну, супругушка, – сказав о. Дьєртянфі, обернись к Луйзі, – тепер уже можем їхати в Будапешт.

– Как? Відь прежде необходимо заказати новый туалет.

– Я думаю, достаточно будет заказати в Будапешті.

– Ніт, я ни за что не поїду, пока у меня не будет новый наряд. Не хочеш же меня выставити на посміх людям?

– Но, голубушка, как это возможно заказать с Заломов новый наряд в Будапешті? Положим, я закажу, а если не понравится, если не будет приготовлен по твоєму вкусу, что тогда?

– Я вполне довіряю будапештским модісткам; у них хороший вкус, они знают самую новійшую моду да позаботятся и о том, чтобы одежда стояла на тілі, как слідует.

Нечего было ділати. Дьєртянфі заказав супругі в Будапешті новый наряд, и то с тім приказом, чтобы он в восемь дней был непременно готов.

Когда наряд привезли, Луйза нетерпівливо открыла пакет; но какая была ся досада, когда она увиділа, что и матерія то очень повседневна, и работа не очень-то изящна, и не пристаєт к ся гибкой талії – да вообще сготовлено не очень-то богато!

– Еті будапештскія модістки думают, что нам, провінціалкам, можно какой-нибудь дранью заслепить очи!

– Ну, не говорил я тебї, что дома сготовят лучше, – сказал Дьєртянфі, – чего-же сділаєш теперь?

– Она непременно должна поправить всі погрішности.

– Да, модістка поправит, но скажи теперь, в каком платьї появишся в Будапешті?

– Путешествовати буду в своем провінціальном платьї, а как скоро появлюся в Будапешті, первое діло будет отправитися к модісткї, чтобы сей час исправила погрішности.

Луйза, хотя с досадой, должна была примиритися с своєю судьбою и отправитися в Будапешт в «провінціальном» платьї. На дорогі єё очень занимали путешествующіє. Она очень любила заключати знакомства, а здісь на каждом шагу представлялася к тому удобная случайность. Прибыв в Будапешт, послї поміщенія в готелї «Гунгарія», на берегу Дуная, отправилися наши путешественники к модісткї, чтобы поправить наряд. Желанію Луйзы, разумієтся, немедленно было довлетворено. Вечером о. Дьєртянфі повел супругу в оперу. Великоліпное электрическое освіщеніє, роскошныя украшенія, костюмы актеров и

півиц и особенно їх плінительные голоса произвели очаровывающее впечатлініє на Луйзу. Все видінное далеко превосходило єя воображеніє. Послі вкуснаго ужина в осліпительно-роскошном ресторані «Гунгарії» они ложилися спати. Другаго дня было предпринято осмотреніє замѣчательностей столицы. Прежде всего обошли на трамваї весь город, переплыли на пропелері нісколько раз Дунай, взлетіли по зубчатой желізной дорогі в Будин, осмотріли музей, картинную галерею, даже бібліотеку, побывали в звірином саду и в нікоторых увеселительных містностях столицы. Разуміється, что на каждом шагу покупалися нікоторыя безділицы, так что казна о. Дьертянфі мало-помалу все лучше и лучше истощалась. Наконец, приступлено к собственной цілі путешествія: была куплена мебельная гарнітура, нісколько новомодных матерій для нарядов; не забыто посітити и високаго сродника и отдать єму благодареніє за полученные Заломы. О. Дьертянфі намірял выразити и Єго Высокопревосходительству міністру свою глубочайшую благодарность, но сродник отсовітовал єму, взяв на себя долг поблагодарити г. міністра.

Минуло пять дней с тіх пор, как наши путешественники шлялися по Будапешті. Они бы побыли в столиці и дальше, но о. Дьертянфі с ужасом замітил, что казна єго єдва не вполні истощилась, что єдва хватит денег расплатитися с владільцем готеля и вернутися домой. Нечего было ділати, сділалося необходимым отправитися в обратный путь.

Луйзі особенно трудным показалося разлучитися с столицей. Расположившися в вагоні, предалася она своїм мечтам: «Как хорошо живетя людям в столиці! Тут совсім другий світ. Здісь при руках всі удобства жизни: если захочеш куда-нибудь поїхати, можеш пользоваться извощиком, трамваем, пропелером, пароходом, желізною дорогой. Если захочеш рассіятися, тебі представляют свої услуги несчѣтныя увеселительныя міста, театры, картинныя галереї, сады и проч. Наряды всякаго рода и качества рекомендуются на каждом шагу, и если закажеш, сготовляются в нісколько часов. Прислуга отлична, всяк знает свой долг и свое діло, вода сквозь водопроводы сама входит к тебі в комнату. Как мы отстали от всего єтого в наших захолустях, в наших деревнях! Мы и не живем, а вегетуєм, толкаєм как-то апатично день за днем. Возможно ли: видів однажды Будапешт и наслаждався³⁸ нісколько дней столичною жизнію, в хорошем расположенії духа вернутися в одну глухую деревню, гді, крім дебеливатых мужиков и крім вонючих жидов,

38 Видів... наслаждався – образчик хыбного словотвореня. Сякі дієприсловники (минулого часу) в російськім языку не єзістувут. Правильно буде писати так: «увидів... насладившись» (азначка вишорителя – В. П.).

ніт никакого другого умнаго существа, гді, в строгом смыслі слова, ніт ко кому произнести одного слова?».

– Коломан! – произнесла вдруг Луйза, – вымудруй каким-то способом, чтобы мы жили в Будапешті; мні очень наскучила уже ета деревенская жизнь!

– Что тебі пришло в ум, Луйза? Да как ето возможно?

– Как? Да відь ты писатель, разві ты не можеш выжити из літературы? Не можеш издавати газету? Відь у тебя талант; всі хвалят твої способности.

– И ты согласилася бы рисковати всею своею будущностью? Не о том думай, дорогая, ніт; но о том, что из 600 гульденов уже ніт ничего; едва хватит нам дойти домой! А еті 600 гульденов составляют весь наш годовый доход!

– Но Розенцвайг еще не здох. Я так думаю, что на нашу часть у него всегда будут деньги.

– Конечно будут, если будет коблина; но если коблины ніт, тогда, без сомнінія, не будет и денег.

– Ах, какой ты противный, Коломан; теперь, в час дороги, заниматься такими мелочами!

– Ніт, дорогая, ето не мелочи. Ты слишком требовательна. Настоящее путешествие могло остатися. Какая нужда была нам їхати в Будапешт? Мы могли обойтись без сей гарнітуры. У нас есть порядочная мебель. Не глупо ли весь годовый доход впхати в какой-то диван и в нісколько стульев, а послі нуждаться в самых необходимых вещах, даже в насущном хлібі?

– Ну, Коломан, я никогда не предполагала, что ты такой прозаик. Вот что ему приходит в голову – нуждаться в насущном хлібі! Ну, со знайся сам, не прозаично ли ето?

– Конечно, хліб – проза, но если без етой прозы жизнь невозможна! Гарнітуры, трамваї, хорошая прислуга, блестящіе наряды – ето, не спору, поезія; но без етой поезії, без сомнінія, проживеш; даже если у тебя толк и смысл, можеш быти довольным и счастливым.

– И так, ты меня считаеш бестолковой и бессмысленной женщиной! Благодарю за комплімент; однако я не ожидала от тебя такой грубости! И так, по твоему, всі люди бестолковы и бессмысленны, которые окружают себя удобствами жизни. Бессмысленны и бестолковы, которые изобріли желізныя дороги и трамваї; бессмысленны и бестолковы, которые сооружают дворцы и порядочныя жилья; бессмысленны и бестолковы, у коїх порядочная прислуга, которые одіваются прилично, которые обзавелися всім, что ділает жизнь приятною;

напротив, твої верховинцы, которые живут вмісті с скотом в избях, похожих на собачї кануры, ходят запачканы и обдерты, которые едят пишу, годную только для собак, которые ходят пішо и босо по трескучем морозі, которые не пользуются рішительно никакими удобствами жизни – еті полулюди – по твоєму, не правда ли, очень толковый и смысловый народ? Не стыдно ли тобі, Коломан?

– А все-таки еті, по твоєму – бестолковые верховинцы, если у них толк и смысл, я всегда настаиваю на своем: могут быть счастливіе, как любой барин. Счастьє и благополучіє не в том, чтобы блєстїти нарядами, чтобы иміти драгоцінныя меблі, ніт; счастье состоит в довольстві. Если человек доволен своєю судьбой, если у него ніт неисполнимых желаній, то он счастлив и в крестьянской избі; напротив, у кого неисполнимыя желанія, кто очень много виділ, кто все видінное їм хотіл бы иміти, а ето єму не удастся, тот не может считатися счастливым. Счастьє – ето довольство своєю судьбою.

– Конечно, ты намекаєш на меня.

– Не знаю, однако я увірен, что наше путешествие в Будапешт не послужит к нашему счастью. Видиш, дорогая Луйза, если бы ты не побывала в Будапешті, ты не знала бы о трамваях, о хорошей прислугі, о блестящих нарядах и меблях, об очаровательных театрах и операх и прочіих изобрітеніях современной цівілізації – и не объявила бы желанія жити в Будапешті, очевидно для того, ибо не надієшься в Заломах довлєтворити всім твоім желаніям, которых у тебя до сих пор не было.

– Но не жити так, как живут в Будапешті, ето и не жизнь.

– «Не жизнь!» Ето только фраза. Видиш, сколько людей обрїтаєтся в деревнях и в небольших городках; а они, однако, живут и чувствуются счастливыми.

– Разві ето жизнь? Ето настоящая вегетация.

– А все-таки большая часть людей живет такою «вегетациіною» жизнью.

– Ну, друг мой, я в том убіжденіи, что жизнь нужно сділати нам приятною.

– А я в том убіжденіи: не будь ты в Будапешті, тобі не приходили бы в голову неисполнимыя желанія и ты была бы гораздо счастливіе, ибо человек не станет желать, чего не виділ и о чем не знает.

Так разговоривая, пришли, наконец, наши путешественники в Заломы. Луйзі показались прєскверными бідныя хижины заломлянскія; даже приходский дом, занимающій самое выдающеєся мїсто в Заломах и походивший на барский дворец, и самая церков показались ничтожными зданіями.

– И я привязана к такому старосвітському місту, – произнесла со вздохом Луйза, – когда другіе люди живут в городах!

Отец Дьертянфі бросил на супругу горестью наполненный взгляд. В чертах его выразилась мучившая его мысль. Они выразительно говорили, что он потерял всякую надежду на счастливую будущность.

Гарнітура и прочія купленные в Будапешті безділушки neodолга прибыли, и о. Дьертянфі обзавел по «княжески» свою квартиру.

Однако домашняго мира не доставало. Новая мебель, бывало, припадет пылью, тогда Луйза жалуется на свою неуклюжую, глупую горничную.

– Боже-Боже, пока буду жити между сими медвідами! – звывкла говорити она и не переставала настаивати на том, чтобы у нея непременно была городская ученая горничная.

– Відь ето стыд, чтобы в домі не было способной прислуги! Постіль порядочно не постелит, я сама должна поправляти за ней, білье не выгладит, даже не знает, что такое уют, в комнатах пыль, паутина и всякий сор. О чистоті ніт ни малійшаго понятія. Ну, для чего же такая прислуга? Лучше быти без прислуги и ділати все самой. А разві у тебя есть кучер? Відь ето просто медвідь. Лошадей не выхолит, збруя всегда запачкана, даже поводов взяти в руки не уміет. А плати так, как порядочному кучеру, а съіст верховинец вдвое больше.

Такія бесіды велись почти ежедневно, так что отцу Дьертянфі сділалось, наконец, противно выслушивати їх. Чего было ділати? О. Дьертянфі, наконец, должен был уступить. Была выписана горничная из ближайшаго города, повариха и нянька из Спіша, а кучер взят от лошадей господина февішпана – один выслуживший гусарь.

Луйза восторжествовала, но торжество ея держало недолго. Новая прислуга никак не соотвітствовала ея требованіям. Прежде всего, ета ученая городская прислуга оказалась очень требовательной и не хотіла быти довольна такими блюдами, какими довольствовались «верховинскіе медвіді». Бывало, сварят фасолі, картофльєв, «чиру», кеселицы (*щи*) – и прислуга была очень довольна. Городская горничная, спішская нянька (*нѣмка*) никогда и не слышали о «чирі» и кеселиці. Їм нужен был на завтрак кофе, на обід – суп, мясо и галушки; на ужин – кусник жаренаго с картофлями или какой-то мельшпейс³⁹. А кучер по своему гусарскому правилу требовал на завтрак водки с солониной, на обід – суп, мясо или там гуляш, а на ужин опять что-то жирнаго и горькаго. Когда Луйза узнала, как требовательна ея прислуга, ужаснулась. А когда зачала приказывати, горничная не хотіла внести в кухню дров, ето, ска-

39 Мельшпейс (*нім. Mehlspeise*) – тісто (зазначка вишорителя – В. П.).

зала она, не мой долг; кухаркі не хотілося йти выдоити коровы, она відь обязана готовить кушанье с готовых веществ, а не йти к коровам; точно так и кучеру не хотілось внести воды в комнату, ибо он нанят к лошадям! В конці концов, самой госпожі оказалось необходимым йти по воду и доити коровы – при всей многочисленной прислугі. Токмо тепер увиділа Луйза, что все-таки лучше сладиш с сельскими медвідями, чім с ученою городскою прислугой.

Луйза не переставала возитися с своєю прислугой, которою она все боліе и боліе сдїлалася недовольною и что день все лучше объявляла о своем недовольстві.

О. Дьертянфі, в свою очередь, занялся своїми недоимками. Хотя Заломы были хорошим приходом, они, однако, далеко не соотвѣтствовали требованіям Луйзы. Коблину в первый год забрал Розенцвайг, урожай был невелик, а доходы за требы оказались так ничтожными, что їх не доставало даже на табак и на шпецерай⁴⁰. О. Дьертянфі очень удивлялся тому, что от своїх прихожан почти не получает никаких добровольных подаяній. Удивлятися однако тут было нечего; ето діло могло очень легко объяснитися, відь о. Дьертянфі прежде всего сам навязался заломлянам против їх воли, во-вторых, передал їх в руки єврея Розенцвайга, в-третьих, обходился с ними свысока, дружил с їх недоброжелателями, да и в отправленіи богослуженія являлся не очень-то исправным. Коє-когда оставлял цілыя части утрени, службы Божией, а на вечерні бывал очень рідко. Вообще, о. Дьертянфі очень любил бывать в гостях у всіх окрестных панчуков и из-за дружбы с ними часто забывал о своїх обязанностях.

Разуміється, все ето не могло укрѣпляти привязанности паствы к своему душпастирю. Прежде благоговійные жителі Заломов сдїлалися холодными к вірі. Стали обходить церков, при богослуженіи сдїлалось замѣтным, что церков не так полна, как бывало; повседневныя, закупныя службы сначала сдїлалися рідкими, а послі совсім прекратились. Похороны стали оказыватися очень простыми, панихіды служились рїже, а о парастасах не было и поминку. Разуміється, в всем етом потерпѣли прежде всего релігіозныя чувства прихожан, да потерпѣла и казна приходскаго священника. Но заломляне стали отказывать отцу Дьертянфі не токмо в добровольных приношеніях, но мало-помалу стали переставати исполнять и свої обязанности. Розенцвайг стал жаловатися, что коблину не платят, денники стали приходити поздно или вовсе не приходили; приходскія зданія нікому было содержать в порядкѣ, они

40 **Шпецерай** (из *німецьк.* spazieren) – иншак: «шпацірка» (зазначка вишорителя – В. П.).

стали вітшати; одним словом, Заломы потеряли свою прежню славу, сділались не тім, что были, а каким-то второ- или третьестепенным приходом.

Несмотря на все это, издержки у о. Дьертянфі не маліли. Луйза не прекращала своїх потребаній. У нея всегда должны были быти новые наряды соотвітственно потребаніям самых новейших мод; но необходимо было содержать и кухарку, ібо, по мнінію Луйзы, супруга не для того, чтобы жарилась в кухні; кромі кухарки, необходима была и горничная, и то не какая-то простая русская дівка, а выученная, которая была бы знакома с всіми тонкостями городской и барской жизни. Но Луйзі не хотілось садитися и на какой-то простой екипажі. Лошаді, коляска, упряж, даже и сам кучер должны были быти безупречны. Кромі всего этого, Бог дал діти; дітям нужны были кормилица, нянька, разнаго рода игрушки; да были уже и такія, которыя необходимо было давати во школу. Бывало, о. Дьертянфі просто боится от світлаго праздника Рождества Христова; ёлки и всякаго рода подарки то одному, то другому пану, приготавливати какіе Луйза была большая мастерица, проглотали порядочныя суммы. Но наибольше издержек стоили о. Дьертянфі устраиваемые порою вечера и угощенія. Луйза любила хвастатися своїми вечерами. К ней, бывало, сходится вся окрестная знать; вечерами ея не брезгали даже сосідніе поміщики и вармедьскіе достойники. Їли, пили, сыграли нисколько пьес на фортепьяно, коли-когда проплясали два-три танца, а послі, при веселом расположеніи духа, нисколько даже в полухмільном состояніи, обыкновенно занимались політикой. Будто бы от них зависіли судьбы цілых государств или даже цілых частей мира! Разуміється, что при таких політических преніях досталось бідным мадярским міністрам, бідному Коломану Тисі, Сапарі и прочим. Особенно бранилось все, что русское и славянское; даже на долю невинному угрорусскому народу досталась цілая буря брані: что, мол, лінив, что равнодушен ко всім гражданским происшествіям, что не восприимчив, что не дает мадярізоватися и так даліе. А вину всего этого стали приписывати греко-католическому духовенству и греческой релігії. И пошла вторая ругань – против греко-католическаго духовенства и греческаго обряда. Духовенство, дескать, придерживается древніх, уже отживших свой вік обычаев. Какая нужда, наприклад, в постах? Для чего это длинное богослуженіе? Какая нужда в етіх многочисленных праздниках? Народ-де в еті праздники призвычаивается только к ліні и пьянствованію! Но досталось обыкновенно достаточно и бідному Юліанскому календарю, который будто соотвітствует умственному развитію преждепотопных людей

и который служит главным препятствием того, что жителей Угорщины нельзя соляти в один народ. При сем разразились громы против попов, которые поддерживают такое антиділювіальное⁴¹ устройство. Если бы попы дышали патріотическими чувствами, то они уже давно сбросили бы эту ветошь и усиливались бы приводить все народы отечества к одним релігійным обычаям, и то тем, которые наилучше соответствуют направлению нынѣшняго вѣка, которые не препятствовали бы, но поддерживали бы развитие свободы мысли. Но часто раздавались голоса в теремах о. Дьертянфі вообще и против всякой віры и релігії, которая необходима была лишь до тех пор, пока народы переживали свой младенческий вѣк; теперь же, когда они достигли полного развития своих умственных способностей, они болѣе не нуждаются в такой руководительницѣ; они справятся уже с затрудненіями жизни посредством своего разума.

И весь этот вздор, все эти бесѣды раздавались в комнатах священника, у котораго не хватило достаточно смѣлости прекратить такіе назидательныя рѣчи, который принужден был с покорностью прислушиваться им или порою даже поддакивать таким оскорбительным для своего служения выходкам, при слышаніи которых приходили в раздраженіе и ярость все его благородныя чувства.

Конечно, такіе сходы и вечера, кромѣ того, что поддерживали пайташество между цивільными панами и отцем Дьертянфі, не могли имѣти никакой пользы; напротив, приносили отцу Дьертянфі положительный вред, ибо, во-первых, истощали его казну, во-вторых, уроняли его в глазах его собственной паствы, а главное, во-третьих, дѣлали из него в дѣлах его служенія, даже его віры и убѣжденій равнодушнаго человека.

Но о том, с каким почтеніем и какою любовью относится к нему его паства, о. Дьертянфі заботился очень мало. «Почтеніе этих полулюдей – теперь уже и о. Дьертянфі считал свою паству полулюдьми – для меня вполне равнодушно; я должен отправлять им богослуженіе, а они должны мнѣ платить; этим и кончатся все наши соотношенія». На перемену, которая происходила во внутренности его, он тоже не мог обратити надлежащаго вниманія. Эта перемена являлась не в один раз; он испугался бы даже мысли, что он когда-то сдѣлается невірком. Между тем, сомнѣнія с дня на день все болѣе входили в его душу и незаметно готовили путь к невірью. Быть может, эта перемена не обошла бы его вниманія, если бы он вел замкнутую, созерцательную жизнь, но среди житейскаго шума, между лихими друзьями в такой средѣ, гдѣ все

41 **Антиділювіальный** – допотопный. В оригиналѣ было напечатано так: «антедиувіальное». Видав, туй проскочила хыба, котру сьме виправили (*замѣтка вишорителя* – В. П.).

дышало індиферентізмом, о. Дьєртянфі не мог обращати достаточна-го внимания на то, что происходило в его внутренности. Он заботился боліе о своїх матеріальных нуждах, о расстройстві своих финансов. Что составляло, ежедневную потребность, то не могло ускользнути от его внимания; внутреннія діла не кажутся так близкими, приведеніе їх в порядок может потерпіти рассрочку; но без матерьяльных средств человек не может прожить ни один день.

О. Дьєртянфі с ужасом увиділ, что расходы его далеко превышают его доходы; замітил даже, что довіріє кредіторов к нему пошатнулось. Бывали случаї, что дівка без мяса вернулась из бойні, даже Розенцвайг сділался очень скупым и не хотіл его ссужати деньгами (*kölcsönadni*).

Между тім и семья отца Дьєртянфі размножалась, діти стали рости, сділалось необходимым везти їх во школу. А перемінити прежній образ жизни, скоротити выдатки оказалось просто невозможным. Окрестные паны слишком привыкли к дому отца Дьєртянфі, чтобы возможно было отділатися от них.

И так необходимым сділалось размышляти о каких-то посторон-ніх доходных источниках. Отцу Дьєртянфі прежде всего пришло на мысль, что відь он иміє талант; что его стихи когда-то принимались с восторгом. Не хорошо ли было бы попробовати счастья на літературном поприщи? Он стал перелистывати свої поетическія произведе-нія, исправил кое-что, даже занялся писати новые вірши. «Ніт сомнінія, благородная мадярская публика откликнется сочувствієм на мої произведения». В этой надежді напечатал он воззваніе к подписки на свої вірши: «Ifjukori Ábrándok» («*Мечты юности*»). Воззваніе было разослано; но минуло уже нісколько місяцев и подписка собиралась как-то очень вяло. О. Дьєртянфі думал себї: не подписуют, ибо не читали; если прочтут, то подписныя деньги так будут и сыпаться. И передал в тіпографію свої вірши. «Мечты юности» неодолга узріли світ, но подписныя деньги все-таки не очень-то сыпались. В конці концов о. Дьєртянфі очутился там, гдї был; едва мог расплатитися с тіпограф-чиком. «Я позабыл, что днесь переживаем мы эпоху матерьялізма; днесь люди не восхищаются ідеалізмом, днесь всі боготворят метал: как же мог я быти таким наивным, как мог предполагать, что люди будут восхищаться моїми «мечтами»? Лучше будет попробовати написать что-то реальное – о «церковно-політическом вопросі». И о. Дьєртянфі написал длинное рассужденіе и послал в один журнал, в котором кое-когда поміщались его вірши. Но, увы, ему и здісь не посчастливилось: в перепискї редакціи он вычитал, что рассужденіе его не годится для ліберальнаго журнала, ибо очень-то пахнет

«ультрамонтанізмом». «А, еті господа ожидают от меня, чтобы я написал диссертацию по началам модернаго лібералізма, чтобы я вооружился против церкви, против своей віры, против себя – ну, так далеко я еще не дошёл!»

Отца Дьертянфі очень огорчила эта неудача на літературном поприщі; но он, однако, не терял духа. Необходимым же сдѣлалось как-то помочь себѣ.

Одного дня гостили у о. Дьертянфі катастеріальныє⁴² чиновники. Зашла річ о затруднительных матеріальных обстоятельствах хозяина. Один из чиновников объявил мысль, что отцу Дьертянфі хорошо бы принять должность катастеріальнаго комісаря, которая совмѣстима с священническим служеніем и доставляет около двух тысячей гульденов ежегоднаго дохода. Зачѣм одна из таких должностей находилась незамѣщенной, о. Дьертянфі рѣшился хлопотать о полученіи такой должности. Челобитня была тотчас написана, и всі перспектѣвы были за тѣм, что она увѣнчается полным успѣхом. О. Дьертянфі был в хороших отношеніях со всею вармедскою знатію и посредством покровительства ея считал несомнѣнным, что добьется ціли. Однако вышло не так. В сосѣднем городкѣ проживал какой-то разоренный новтарош, находившійся в родственных связях с нѣкоторыми панами. Этот господин тоже добивался жалованья катастеріальнаго комісаря. О. Дьертянфі побывал у всіх высокопоставленных лиц, от которых можно было надѣяться какой-нибудь поддержки и с которыми он, как ему казалось, находился в ближайших отношеніях. Всѣ обѣщали ему свою поддержку, всі объявили ему рѣшительно, что ему слѣдует только подать свою челобитню – и діло готово. «Вы, святой отец, наш человек, – говорил отцу Дьертянфі февішпан. – Вы очень много заслужили около распространенія малярской ідеї, да мы очень много хороших часов провели у Вас: как же не поддержать Вас, когда Вы нуждаетесь нашей помощи?». Таким прелестным словам нельзя было не повѣрвати, и отец Дьертянфі считал несомнѣнным, что діла его неодолга поправятся; но каково было его удивленіе, когда в скором времени узнал, что так нетерпѣливо ожидаемую їм должность катастеріальнаго комісаря получил не он, а помянутый нами разоренный новтарош! «Нельзя не подать руку помощи этому человеку, – сказали в рѣшающем мѣстѣ, – вѣдь это плоть от плоти нашей, а он бѣдствует; поп имѣет свой приход, пусть живет из прихода. Его никто не заставляет играть роль барона». Как ни благоразумно было такое рѣшеніе, но отцу Дьертянфі показалось оно вопіюще несправедливо-

42 **Катастеріальный** (из русин. катастер, катастральный) – російськ. «кадастр», «кадастриальный» (зазначка вишорителя – В. П.).

стю. Єму предпочли одного разорившагося новтароша! «Какое может быть сравненіє между мною и етѣм кутилом? Ну, подождіте немножко, господа, если был я знал, каково ваше дружество, я и не обращал бы на вас вниманія! Відь ето вы сдѣлали из меня нищаго!»

Послі етой неудачи отцу Дьертянфі оказалось необходимым искать какого-то другаго доходнаго источника. Долго ломал он себѣ голову, но не мог добитися никакого толку. Одно занятіє, обіщавшее кое-какій доходок, казалось очень затруднительным, другое – унизительным, третье – опять столь ничтожным, что заняться їм не стоило труда.

Когда о. Дьертянфі так боролся с своїми мыслями, приходит к нему г. Домбокі. Как ни серчал он теперь на всѣх окрестных панов, но посѣщеніє господина Домбокі обрадовало его.

– Я очень рад, что не забыли обо мнѣ; другіє, кажется, забыли.

– Как забыли? Відь твой дом – настоящій постоялый двор, гдѣ можно поїсти, попити и услышати дружеское слово.

– Конечно, я люблю друзей своїх, отдал бы свою рубашку, чтобы развеселити їх; а когда я нахожусь в затруднительных обстоятельствах, всѣ забывают обо мнѣ. Иль ты не слышал?

– Я ничего не знаю.

– Ну, видиш, я затіял было сдѣлатися катастеріальным комісарем. Хорошо бы легким путем заслужити нѣсколько гульденов и помочь своему горю. Вся окрестная знать приобіщала мнѣ свою поддержку. Я считал діло готовым. И, наконец, выходит, что мої задушевныє друзья предпочли мнѣ одного разорившагося кутила! (*dőszölő*).

– Відь то-то и біда, что он разорился; если был он не разорился, то они не предпочли бы его тебѣ. Он какой-то далекий шурин февішпану, находится в сродственных связях с віцішпаном и другими славными людьми: как же было смотрѣти їм, что «кров» їх ходит оборвано и не имієт ни своего уголка, ни своего кусника хлѣба?

– Но відь етот человек не годен для того, чтобы довлетворити комісарской должности.

– Ето ничего; у нас, между нами будь сказано, не смотрят на то, годится ли кто-то к своему посту или нѣт. У нас руководит політика и посторонніє расчѣты. Вот и теперь приближается время выборов в сейм, а знаєш ли кого рекомендует февішпан? И не думал бы – опять-таки разорившагося туза, Бодзаші. Не забавно ли? Но я так думаю, что Єго Превосходительство ошибся в своїх расчѣтах. Відь выбор Бодзаші был бы свидѣтельством убожества для ціаго округа.

– То уже правда, что етѣ февішпаны не обращают никакого вниманія на гласность. Располагают во всѣм по своему произволу, будто бы

Угорщина и не конституційна держава. Того їм недостатньо, чтобы депутат принадлежал к правительственной партії; они силятся накинути избирателям даже какого-то своего родака – просто именуют сеймовых представителей.

– Для чего бы не именовали, если видят, что это їм удастся? Оно, бесспорно, так будет и при ближайшем выборе, если мы не окажем знаков жизни.

– Как же нам можно? Мы всі люди, зависящіе от милости сильных, как же нам противиться їх волі?

– Ну, для чего же тогда вся эта избирательная комедія?

– Для чего? Та вот для того, чтобы засвидетельствовать пред миром, что мы конституційная держава.

– Я тоже так думаю, что вся наша конституція сводится к тому, чтобы бросать пыль в глаза наивным людям. Если бы мы на ділі пользовались свободой выборов, наше правительство уже давно пошло бы в отставку; відь вся Угорщина озлоблена против правительства, а при выборах оно все-таки всегда получает большинство! Весь мир удивляется этому необыкновенію, а діло объясняется очень просто. Діло в том, что жители Угорщины еще не созрели для конституції. Их можно прельстить обещаніями и ласками, подкупить угощеніями, а если это не привело к ціли, утратить угрозами, а в конці концов – напустить на них жандармов или там солдат – и поставить на своем грубою силой.

– Конечно, наше правительство как раз взяло в руки власть, беззаботно господствует; в нашей парламентарной історії еще не было случая, чтобы выборы не пали в пользу правительства, а в Англії, Франції почти при каждом выборе оппозиція побіждает – и правительство должно уступить.

– Конечно, если избиратели не созрели, не знают своїх прав, а к услугам правительства должны стоять всі чиновники, вся аристокрація, все духовенство, если, кроме того, правительство не колебается пустить в ход даже грубую силу, тогда побіда непременно должна выпасть в его пользу. Думаю, уже и у нас уконстатірован выборочный комитет.

– Было слово о нем, но, кажется, діло еще не окончено. Между прочим, я так слышал, что в состав этого комитета войдеш и ты. Наш февішпан очень політичен и желает, чтобы в комитеті непременно было репрезентовано и греко-кат.[олическое] духовенство.

– Етому так и быть, відь здісь мы составляем большинство.

– Как член избирательного комитета, конечно, и ты будеш настаивать на кандидатуру Бодзаші?

– Для чего именно на кандидатуру Бодзаші?

– Ну, для того, ибо такая воля февішпана, – замітил с лукавою улыбкою Домбокі.

– Так думаєш? Ето разві для того, что исходатайствовав мні катастрофіальное комісарство?

– Конечно, ето была от него плохая політика; да відь у него сто способов, чтоб сділати тобі услугу.

– Ніт, он уже не может помочь моему горю. Кажется, будет лучше, если стану ходити на своїх ногах. Если бы я, наприклад, вошёл в состав избирательного комітета, я всіми силами настаивал бы на кандидатуре Домбокі.

– Ето мечта.

– Ніт, ето не мечта, я говорю серієзно. Мні не знаком у нас такий человек, кто иміл бы больше шансов на то, чтобы быть выбранным в сеймовые депутаты, как ты. Вопрос лишь в том, примеш ли ты кандидатуру или ніт.

– Если человека один округ почтит своим доверіем, тогда отклонить от себя такую честь было бы малодушием.

– В таком случае мы всё сділаем, чтобы наш благодітель Домбокі был нашим представителем. А достигнуть ціли, кажется, нам не будет очень трудно. Наш народ не позабыл о тіх благодіяніях, которыми ты не перестаєш осыпавати его. Я увірен, что если между народом пронесется имя «Домбокі», всі будут сыпаться под твой прапор. Если бы возможно повліяти на февішпана, чтобы избирательный комітет кандідовал тебя, діло, разумеется, пошло бы легче; но я увірен, что и без февішпана мы сділаем свое діло, разумеется, что немножко трудніе. Нам никаких разорившихся Бодзаші не надо.

– И так, ты положительно настаиваєш на том, чтоб я принял кандидатуру?

– Я даже считал бы тебя малодушным человеком, если бы ты отклонил её.

– Ну, хорошо; но если так, тогда ты как член избирательного комітета непременно будеш дієвувати, чтоб я был кандідован комітетом; ибо иначе я очень легко мог бы провалиться, а ето стоило бы, кромі стыда, и больших затрат.

– Я, друг мой, весь твой; мні знакома твоя благородная душа и никто не может заставить меня, чтобы я от тебя отказался.

– Ну, хорошо, а я – тоже весь твой. Я удивляюсь твоим личным качествам. И если Бог поможет мні достигнуть ціли, я теперь торжественно обещаю тобі, что твої заслуги для отечества будут высоко оці-

нены. Надіюсь, что, если ты бажаєш меня видіти сеймовым депутатом, возьмеш на себя и труд, чтобы привести в исполненіє свое желаніє.

– Конечно, я с большим удовольствієм буду твоім «кортешом»⁴³.

– Благодарю, друг! Теперь первое діло – позаботитися мні о том, чтобы ты непременно был выбран в члены избирательнаго комітета. Это зависит прямо от февішпана. У меня єсть средства повліяти на него.

Домбокі пробыл еще с час у о. Дьертянфі и при стакані вина пого- ворили еще кое-что о повседневных ділах.

Когда Домбокі отбыл, отец Дьертянфі сказал своей супруги:

– Кажется, Луйза, наконец и нам стало рассвітати. Не получил катастерьяльное комісарство – не біда; но, надіюсь, недолга поймаю большую рыбу.

– Какую рыбу?

– Та вот, я знаю, что Домбокі отдавна готовится в сеймовые депу- таты. Это его задушевная мечта.

– Какая же тебі из того польза?

– Какая польза, спрашиваєш? Очень великая польза! Из сеймоваго депутата сділається он, без сомнінія, февішпаном, или даже міністром.

– Та это будет польза для него.

– Ах, как ты не понимаєш, Луйза? Своім возвышенієм будет он одолжен мні.

– Что ж? Это тебя не освободит от твоіх долгов.

– Ах, какая ты противная днесь! Відь, если он будет февішпаном или даже міністром, у него будет сто способов помочи мні.

– Это все хорошо; но не придет ли помощь его слишком поздно? Мы відь теперь нуждаємся в помощи!

– Между нами будь сказано, я надіюсь даже на очень скорую по- мощь. Я буду кортешом господина Домбокі, а кортешство, как оно во- дится в наши дни, непременно доставляет значительныя выгоды.

– Внимай, чтоб тебя г. Домбокі не надул! Это відь достаточно смышленная лисица.

– Ну, я совсєм доволен своїм днешнім собесідованієм с г. Домбокі; я увірен, что от него будет нам великая польза.

Г. Домбокі, в свою очередь, очень довольным отбыл от отца Дьер- тянфі.

– Наконец, давныя мечты мої, – думал он себі, – зачинают прибли- жатися к исполненію. Если мні удастся сділатися сеймовым депутатом,

43 **Кортеш** (мадярськ. «kortes») – довірена особа кандідата у сейм (парламент); кортеш агітовав за свого кандідата; у шаторі свого кандідата гостив свій електорат (зазначка вишорителя – В. П.).

тогда должен бы я быть очень тупоумным, если б не вернулся из Будапешта с достоинством февішпана.

Между тім, избирательный комітет под председательством февішпана сформировался. Господин Домбокі и сам в[о]шѣл в состав этого комітета; да ему, по своїм сношеніям, оказалось нетрудным всунути в него и отца Дьертянфі.

Комітет этот на первом своем засіданії стал рассуждати о том, кого поставить в кандидаты сеймоваго депутата со стороны правительственной партіи. Никоторые члены комітета стояли за кандидатуру Бодзаші; но г. Бодзаші в последнее время много раз говорил против правительства и так в глазах многих членов комітета оказался не вполне заслуживающим довірія. Правда, г. Бодзаші офіціально объявлял, что он принадлежит к правительственной партіи; но если он немножко выпил и находился в радужном расположеніи духа, тогда бранил и ругал правительство, как мог. Г. Домбокі воспользовался этою слабостью своего противника и ему удалось увѣрити большинство членов комітета, что Бодзаші принадлежит к партіи независимых. Главным помощником господина Домбокі в распространеніи сих слухов был о. Дьертянфі. Бідный поп увлекся так далеко, что Бодзаші едва было не вызвал его на дуел. Крім сего, некоторые члены комітета, между ними и сам февішпан, находились в долгах у господина Домбокі; для чего не очень-то оказалось їм возможным противитися его кандидатурі, когда о. Дьертянфі рішительно объявил, что он, на всяк случай, и наперекор избирательному комітету будет стоять на стороні Домбокі, а отец Дьертянфі был не один, с ним соглашалось большинство комітета. Нечего было ділати, на комітетовом засіданії Бодзаші провалился, а Домбокі провозглашен сеймовым кандидатом правительственной партіи.

Узнав о случившемся, Бодзаші ожесточился и объявил, теперь публично, что все-таки не отступит, а попробует сдѣлаться депутатом с независимою програмою. И чтобы чім лучше обеспечить себѣ успіх и расположить в свою пользу русское населеніе, провозгласил, что будет всей душею поддерживать справедливыя требованія русских.

Послѣдовал общій переполох. Февішпан телеграфическим путем извѣстил будапештский центральный избирательный комітет, что не обойдется без борьбы, а борьба будет отчаянная – нужно будет, по крайней мірі, сто тысяч гульденов. Міністерство воззвало всі офіціальныя відомства, чтобы должностію своею считали всіми силами поддерживать правительственнаго кандидата; даже епископ, не без інструкції свыше, кріпко наложил духовенству, чтобы стіной стояло при господині Домбокі. И духовенство, и адміністративныє чиновники, и фінансы, и

корчмарі-жиды пришли в движеніє; каждый своїм способом усиловался убідити мужиков, чтобы отдавали свої голоса на Домбокі. Духовенство воспользовалось амвоном, уїздные начальники – угрозами, даже веліли арестовати нікоторых опасных «кортешов», жиды – попойками. Каждый усиловался расположити мужиков в свою пользу, каждый ругал своего противника и приписывал ему небывалыя наміренія и для достіженія їх небывалыя средства. Кортеші приходили в села обыкновенно с прапором своего кандідата, который и водружали гді-то на частном домі. Водруженіе прапора происходило торжественно – с увеселеніями и попойками.

Так и в Заломы поспішили прежде кортеші господина Бодзаші. На улиці собралось множество зевак. Среди сей праздної толпы кортеш вскочил на привезенную їм бочку с водкой и, держа в одной рукі прапор своего кандідата, а в другой фляшку с водкой, зачал приблизительно такую річ: «Панове, громадо! Приближаются выборы на ківета⁴⁴. Не є честнійшого пана, як пан Бодзаші. Пан Бодзаші любит простый народ: овун не раз веселился въєдно з вами, з вами пив и веселился. Єму усе на сердці ваша доля. Овун любив бы, абы сьте меньше порціи платили, абы сьте довган садили, абы сьте попам денники не робили и коблины не платили. Голосуйте на вашого доброго пана Бодзаші! Кєдь овун буде вам за ківета, увидите, буде вам легше. А кєдь єсьте удуріли, та голосуйте на того скупого Домбокі, котрый хотів бы загорнути цілый світ, котрый дружит не з вами, а з панами, котрый хоче, абы сьте и єму кєлчиги (*издержки*) заплатили, абы была порція бульша, абы сьте попам ищи бульшу коблину платили и по чотыри денники робили. Кто удурів, най голосує на Домбокі, а наш ківет – пан Бодзаші. Ельєн⁴⁵ Бодзаші!».

Выпившіє мужики из всего горла закричали: «Ельєн Бодзаші!» Послі чєго прапор Бодзаші был выставлен на одном частном домі.

Недолга послі сєго явились и кортеші господина Домбокі. Еті зашли уже прямо к о. Дьєртянфі. Приходский двор превратился в місто собранія гуляк. Кортеші господина Домбокі зачали ругати Бодзаші, рекомендовали голосовати на Домбокі, что єто, мол, добрый пан, который особенно заломлянам сділал много добра, отпустил їм бесплатно весь матерьял для созиданія церкви, не выгоняєт скот їх из пастбища, отдает їм землі и луга для половиннаго барыша и проч. «Єто добрый пан, – кончил кортеш, – примите єго прапор и голосуйте на него! Ельєн Домбокі!

– Ельєн Бодзаші! – грянуло с толпы.

– Что вы? Сошли ли вы с ума, добрые люди? – спросил о. Дьєртянфі.

44 **Ківет** (из *мадяр.* követ) – депутат, посланник сейма (*зачначка вишорителя* – В. П.).

45 **Ельєн!** (*мадяр.* Éljen!) – *русин.* Най жие!, Віват! (*зачначка вишорителя* – В. П.).

– За дерево и камень, что нам дав на церков, мы одплатили пану Домбокі чотыри раз фурманков, скот наш пасетя на его пастбищи не бесплатно; землі, что мы робиме з ним на сполок, стояли бы необроблені, коли бы мы їх не обробляли. Нам пан Домбокі не зділав ниякү услугу, а теперь хоче убульшити порцію и коблину; нам не треба такого ківета. Ельєн Бодзаші!

– Ельєн Бодзаші! – грянула толпа.

– Честні люде! Вас свели с пути. Пан Бодзаші не знаєт и себі помочи; видите, его імїніє продали с аукціона. Все умїньє пана Бодзаші состоит в том, что прекрасно выхыляет стклянки. Не стыдно ли было бы для заломлян, если бы у них был такий ківет! Пан Домбокі не хочет убольшити ни порцію, ни коблину, а хочет потрудитися для вашего блага. Пан Домбокі находится в чести и у високаго правительства, и у славной вармеді; пан Домбокі много добра может вам сділати. Я як ваш отец духовный совітую вам – кличте на пана Домбокі! Ельєн Домбокі!

Кромі кортешов господина Домбокі, никто не повторил еті слова.

– Ельєн! Кому «ельєн», а нам ніт! Вы, панотець, передали нас жидам, держите против своей віры з жидами и поганами, служите нам чопаті службы; перебачте, кедь теперь не будеме стояти з вами, а будеме стояти коло того, кто хочет помочи нашой біді – хочет уробити у пресвітлійшаго нашего царя, обы сьме меньше порції платили, обы нам свободно довган садити, обы жиды не забирали наши землі, обы пархи не сміялися над наших руськов віров, обы нам свободно было на вармедь по русски писати и свої діти по русски учити! Пан Бодзаші сесе ушитко нам пообіцяли; нам не треба другого ківета. Ельєн Бодзаші!

– Ельєн Бодзаші! – грянула толпа.

– Люде честні! – возразил отец Дьєртянфі. – Кто вам набил такія глупости в голову? Пан Бодзаші не может выхлопотати, чтобы вы довган садили, ибо из трафики наш край імїєт около 10-[ти] міліонов чистаго доходку. Скажіте, откуда бы можно взяти сії гроші, если бы вам позволили довган садити? И того не может пан Бодзаші выхлопотати, чтобы подать была меньша, ибо тогда не можно бы покрывати державныє выдатки. То все – лож, брехня! Кто вам такое наговорил, тот свел вас с прямаго пути. И того не выхлопочет вам пан Бодзаші, чтобы вы на вармедь по русски писали, ибо мы живем в угорском краю, в которм чиновственно должен употреблятися язык угорский. Віру вашу тут никому не свободно высмівати; пархи най держат свою віру, а вы – опять свою. А того, честні люде, должны вы признати, что дітей ваших нужно учити по мадярски, дабы и с мадярами говорити могли, и чинов-

ственный язык края розуміли. Пан Бодзаші в сих ділах вам ничего не поможет, а много может вам помочи пан Домбокі, ибо вы с ним живете, ибо каждого дня с ним сходитесь, ибо куда лиш попозираєте, все кругом принадлежит пану Домбокі, и вы без него обойтись не можете. Я як ваш отец духовный наминаю вас: приймите заставу пана Домбокі и закричіте всі со мною: «Ельєн Домбокі»!

– Ой, пане, того не дочекаєте, обы мы прияли заставу пана Домбокі. Пан Домбокі нас никус не шановав. Мы за каждую жердинку, за каждую травцю робиме пану Домбокі, як волы. Мы не достали од пана Домбокі ищи нигда нич задарь, а за вшитко платиме ёму учетверо. Най перебачать нам, мы мало выпили, айбо наш ківет – пан Бодзаші! Сесе славный пан, з нами їсть и пьє, з нами по нашому говорит, не потупляє нашу річ и нашу віру, даколи побывать и у нашой церкві и так заспівать «Господи помилуй», як хоть котрый русин.

– Я так гадаву собі, – отозвался кто-то из толпы, – что и службу бы ліпше одслужив, як вы, панотець.

– Та вы так слухаєте мене?

– За чопаті службы иншак не мож, – отозвался прежній голос.

– Тай за того, что пархам платиме коблину, – возразил другий.

– Ну, научу я вас!

– Пане, нам свободно выберати за ківета, кого самі хочеме. Ельєн Бодзаші!

– Ельєн Домбокі! – заревал отец Дьєртянфі с своїми кураторами и пономарями и, взяв из рук кортешов прапор Домбокі, веліл выставити его на домі пономаря.

Толпа приняла с негодованієм етот шаг своего душпастьєря.

Теперь о. Дьєртянфі ввел кортешов господина Домбокі в приходский дом, гді между стаканами шёл такой разговор:

– Ну, видите, господа, какой сюрприз приготовили нам заломляне!

– Я и не думал, что еті ни к чему не годящієся русначки окажут такое сопротивление, – сказал один из кортешов.

– Я сам того не надіялся, – возразил о. Дьєртянфі, – відь они всегда относились с довірієм к г. Домбокі. К тому, они не могут жити без него: скот їх пасется на его лугах, огріваються из его ліса, землі берут от него для посіва. Мні совершенно непонятно, откуда ето сопротивление.

– Повірите ли, батюшка, что ето москвофільская агітація?

– Я не предполагаю, гді бы тут взялись москвофілы?

– Гді? А благочинный! У того человека много русских книг, он читает даже русскія газеты. А всегда говорит, что русских дітей нужно

учити в школах по русски, и что русскіє иміют право писати на вармедь и в чиновства по русски.

– Ето уже такія привычки у старика.

– Но в Угорщині ето непозволительныя привычки. Что думаете, если бы на вармедь стали писати по русски, то всім чиновникам должно бы обучатися русскому письму! Такое думати да еще и говорити – відь ето настоящая изміна, оскорбленіє отечества!

– Да відь Вы не слышали, чтобы о. благочинный о таком говорил.

– Иль Вы не слышали, что наговорили нам еті полулюди, еті русины: они, мол, желают, чтобы дітей обучати в школах по русски и чтобы писати на вармедь тоже по русски. Откуда взяли еті дикарі такія мысли? В приході отца благочиннаго наговорили нам такія же глупости; а вы еще смієте защищати етого москаля!

– Я не защищаю, відь о. благочинный в самом ділі любит поговорити по русски, любит прочитати русскую газету; но, хотя мы почти ежедневно сходимся, я никогда не замітил, чтобы у него были предосудительныя начала; напротив, он всегда оказывается горячим патріотом.

– И так говорити по русски, читати русскія газеты, возмущати народ, чтобы писал свої челобитні по русски и чтобы требовал русских школ – все ето по вашему патріотизм?

– Вы приводите меня в замішательство! Однако я предлагаю вам не свої мысли. О. благочинный обыкновенно говорит, что наше угорское отечество токмо в том случаі может быть счастливым, сильным и непобідимым, если всі его граждане получают свої національныя права, если каждый гражданин отечества будет образоватися на своем родном языкі и если всім, во всіх случаях будет предоставлено право пользоваться своїм языком...

– Довольно, святыи отец, довольно; надіюсь, что вы не раздіяете такія начала; ето именно и есть измінническія начала. Подумайте, что было бы из мадярскаго народа, если бы всі граждане отечества стали руководитися подобными началами!

– Ей, что мы зачали подобный разговор? Нам відь идет о том, чтобы vybrати своїм представителем господина Домбокі!

– Конечно о том, но видите, святыи отец, нам мішают москвофілы. Я найбільше надіялся на ваших заломлян, а вот вышло, что они – наши главнійшие противники.

– Конечно, діло не пойдет так легко, как мы того надіялись.

– Господину Домбокі придет не в шутку отворити свой бумажник, если желает быти ківетом.

Когда в домі отця Дьертянфі шёл такой разговор, заломляне на улиці ділали своє діло.

– Люде честні, – сказал корчмарь, – пан Домбокi веліл повеселити-ся Вам, пейте, адде паленка; тут и цігары, можете и потанцовати собі!

– Ніт, арендашу, так не мож; мы паленку пана Домбокi не пьем, ёго цігары не хочеме и ёго музыку не слухаеме; у нас есьт свуй кiвет: «Ельєн Бодзаші!»

– Ци подурілі вы, люде? Та ци не видите, что и пан превелебный, и всі паны держат з паном Домбокi; та ци вы од всіх розумнійши?

– Мовчи, жиде, а дай паленки; дай за мої гроші, а Домбокiєву не давай, най пье сам!

Розенцвайг налил галбу паленки (тогда міряли еше галбами).

– Прийдіть хлопці, напейтеся!

Галба была сей час испразднена.

– Жиде! Дай другу... третью галбу!

Стол покryлся стклянками с паленкой. Заломляне не в шутку стали испраздняти їх. Алкогол стал обнаруживати свое дієвіє: одні ругались, другіє ціловались, третью стали заводити даже драки.

– Хлопці! – закричал один только что вшедший мужчина, – тадь Домбокiєва застава там висить на церковницковой (*пономарь*) хыжі!

– Де бы!

– Подьте, увидьте!

Нісколько охмілілых молодцов выпрыгнуло из корчмы.

– По правді (*дiйствительно*) того Домбокiєва застава.

– Ганьба! Стыд!

– Доу з нёв! Розмечеме, запалиме хыжу, – закричало вдруг нісколько голосов.

– Люде, майте розум! – успокоивал толпу корчмарь.

– Не просиме мы од тебе розума. Мовчи, пархо! Доу з Домбокiєвов завісов!

Охмілілая толпа устремилась к дому пономаря и спустя одну минуу прапор господина Домбокi был сброшен с дома и потоптан в грязі.

Господин благочинный, вїхав в село, точно в ту пору поравнялся с буйствующею толпой, когда ета так нецеремонно обходилаь с прапором господина Домбокi.

– Что Вы ділаєте, люде, – заговорил о. Кирил, – иль Вы того не знаєте, что ничію заставу збросити не свободно; а если Вы топчете єї в грязі, то просто совершаєте преступленіє?

– Ельєн Бодзаші! – завопили охмілілыє мужики.

– И я говорю: «Ельєн Бодзаші!», – сказал благочинный, – но, не-

смотря на ето, заставу другаго ругати не слѣдует, ибо ето составляет преступленіе, виновники котораго непременно будут наказаны.

– Ельєн Бодзаші! – заревѣли опять пьяные мужики.

В ето время кортеші господина Домбокѣ выходили на бричкі из двора отца Дьертянфі; встрѣтившись с отцем Кирилом, поклонились, главный же из них бросил на него злобный взгляд.

* * *

– Слава Иисусу Христу, – сказал о. Кирил, отворив дверь приѣмной комнаты отца Дьертянфі.

– Ах, какая новость видѣти Ваше Высокопреподобіе у нас; в самом ділі, я так думал, что, чей, негодуєте. Луйза! Войди, вот у нас неповсѣд-невный гость.

Луйза вошла из сосѣдней комнаты, легко поклонилась и сказала:

– Здравствуйте у нас, батюшка!

– Вы и не предполагаете, какое причиняете нам удовольствіе, что, наконец, рѣшились посѣтити наш скромный дом. Милости просим, извольте садитися. Нѣтъ сомнѣнія, утомились. Несносная жара.

– Ну, дорога недалеко; но, конечно, чрез гору немножко утомительна. Я пришѣл к Вам по ділу, – сказал. о. Кирил, садясь на диван, – знаете, теперь переживаем кортешский свѣтъ.

– А иначе, не правда ли, мы лишились бы счастья засвидѣтельствовать Вам тут у себя свое глубокое почтеніе.

– Конечно, виноват, что уже давно не был у Вас, красивая сосѣдка, но кто вспомнит о том, что я непрерывно завален ділами, тому вина покажется не так велика.

– Кто же у Вас «vivat», батюшка?

– Кто? Я рад бы избрати, сказать правду, какого-то нашего человека, который бы интересовался судьбою своего бѣднаго народа, но такого человека не имѣется. Что же ділати? Выберем Бодзаші; он хотя и не наш, но, по крайней мѣрѣ, всегда показывался благосклонным к нам, да и народ имѣет к нему симпатію.

– Помилуйте, господин благочинный, – сказал о. Дьертянфі, – гдѣ мы в состояніи бороться с правительством?

– Наибольшая наша ошибка состоит в том, что мы не доверяем себѣ; и для того так думаем, что кого ни накинута нам свыше, того должны и vybrати в свои представители. Я так думаю, что если мы имѣем право vybrати себѣ представителя, то выберем того, кого хотим; если же представителя навязуют нам чиновники, тогда мы не умѣем пользоваться своимъ правом. Не стыд ли ето для нас?

– Батюшка, хто би ни був нашим представителем, из того для русскаго народа невеликая выйдет польза, відь мы все-таки будем в меньшинстві. Для чего раздражати сильных мира сего?

– Ніт, друг мой; если бы мы иміли в сеймі, по крайній мірі, одного вірнаго представителя, то он заговорил бы о нас, предложил бы сейму наши обиды, наше беспримірное состояніе – и мир узнал бы о нас, узнал бы, что в Угорщині живет полуміліонный русский народ, который, несмотря на то, что всегда был вірным своему отечеству, что всі патріотическія должности свої примірно выполняет, живет в полудиком состояніи, ибо о просвіщеніи его никто не заботится, а заботятся лиш о том, чтобы он čím скоріе забыл свой язык и сдіался холодным к своей вірі.

– Мы, батюшка, не преміним теченіе діл.

– Но мы живем с нашего біднаго русскаго народа: он обрабатывает наши землі, платит нам, содержит нас. Мы его духовные путеводители и так мы должны прежде всіх позаботитися о его просвіщеніи и о его нуждах. Что наш народ косніет в невіжестві, что ничего не знает о своїх правах, что его каждый цундравый жид гнетет и преслідуєт – то все вопіющая улика против нас; відь все это было бы невозможно, если бы мы совістно выполняли свою просвітительную діяльність; итак, мы должны всі свої силы напружити, чтобы были своему народу полезными, чтобы вывести его из настоящаго отсталаго положенія и поставити его на уровні прочих образованных народов; если не выполним сей долг наш, имя наше останется поклеимлено пред цілым миром и на страницах історіи!

– Как вяжется все сіе с выбором сеймоваго представителя?

– Как? Это не очень трудно понять! Та вот, если мы станем выбирати представителя по своей волі, то тім засвідітельствуєм, что и мы иміем волю, слідовательно мы – не инертная маса; тім увидит и народ, что он все-таки пользуется какими там правами, да и выбранный представитель заговорит на сеймі о наших желаніях и, ніт сомнінія, что добьется чего-нибудь, ибо правда всегда останется правдою. Ігноріровати єя, и в конці концов, окажется невозможным.

– Повірьте, батюшка, что всі наши усилія ни к чему не приведут; нам наилучше ни во что не мішатися, невозможно відь против рожна прати.

– Вы меня не понимаете, друг мой; я того не говорю, чтобы датися на какіє там авантюры. Но мы должны тихо, хладнокровно, с достоинством защищати свої права, ибо кто не умієт защищати свої права, тот и не заслужит того, чтобы иміл какое-нибудь право. Для чего нам право избирания представителей, если мы не умієм пользоваться їм, если всегда выбираєм тіх, которых нам нікоторые кортеші навяжут?

– Но если станем противитися сим кортешам, то положеніє наше сділається єще хужим.

– А если предадимся волі сих кортешов, тогда в нісколько годов совсім не станет нас.

– Как не станет?

– Иль Вам неизвѣстно стремленіє ваших кортешов? Иль вы не видите, что здѣсь ходит о том, чтобы уничтожити и віру христіанскую, и вірующій народ? Иль вы не видите, что кто только ходит в штанах и в сюртукі – хвастается своїм невѣрієм? Иль вы видѣли, чтобы какой-то пан ходил в церков, исповѣдался и причащался? Если егі кортеші ваш народ лишат народности, если сділают єго равнодушным к вірі, что уже на многих мѣстах замѣчается, если вырвут из сердца єго віру, скажіте, для чего тогда священники? Мы токмо до тѣх пор нужны народу, пока он сохранил народность и віру свою, а послѣ никто не станет нуждаться в нас. Но я не говорю с єгоістической цілі; я крѣпко убѣжден, что народность и віра составляют єдинственное счастье нашего народа. Посмотрим, чѣм был бы наш народ без віры? Он ни в чем не различался бы от дикарей. Віра – єто єго цѣвілізація, єго просвѣщеніє, єго счастье и блаженство. Из віры черпает он всѣ возвышенныя ідеї, віра внушает єму быти терпѣливым, скромным, смиренным, благородным; віра – церков – служит єму как-бы театром, в котором он облагородняется. Церков наполняет єго сердце радостію. Если бы не праздник Рождества Христова, если бы не Світлое воскресеніє, у нашего мужика не было бы ни одной веселой минуточки. Віра – єто источник всѣх благ для угрорусса; а не должно забывати, что віра у нас неразлучима от народности, ибо, если мы перестали быти русскими, тогда перестали быти вірующими, тогда сділались самым отвратительным пролетаріатом на земном шарі. Нам нужны такіе представители, которые любят нашу віру, которые и сами запоют на кліросі и о которых можно предполагати, што будут защищати нашу церков и не будут выступать против наших інтересов. Такой именно госп. Бодзаші.

– Но видите, Ваше Высокопреподобіє, всѣ миродательныє круги – и правительство, и єпархіальная власть противны господину Бодзаші; да мы и сами видим, что он, кромѣ стклянок, ни к чему не годится.

– Конечно, госп. Бодзаші огорченный человек. Он ко всѣм на порядкѣ стоящим вопросам относится объективно и справедливо; он никогда не мог терпѣти несправедливости; никогда не мог терпѣти, чтобы кому-нибудь ділалася кривда, он всегда стоял при истинѣ и, поелику в єтом мирі, в котором царствует князь мира сего, он не мог добитися осуществленія своїх ідеалов; станем ли удивлятися тому, что душа єго

наполнилась горечью; ну и, чтобы затопить свое горе, станем ли удивляться, что он кое-когда выпил больше, чем это оказалось нужным? Таких людей в мире очень много, которые в вині усилюются отыскать улегченіє от гнітущих їх горестей. Что же касается правительства, оно в настоящем вопросі не может считаться миродательным для нас, ибо у него свої цілі, а ті цілі, как видно, направлены против наших інтересов – против нашей церкви и нашего родного языка. Єпархіальныя же власти принуждены покориться волі правителей, ибо-иначе не посылаются для них никакія милости свыше – ни субвенції, ни отличія.

– Как возможно Вам, благочинному, так говорити?

– Я прежде всего вірный слуга своей церкви и никогда не сдѣлаю такой шаг, который направлен против церкви; во-вторых, я вірный сын своего любезного отечества и своего народа и никогда не отважусь дѣйствовать в таком направленніи, которое считаю пагубоносным для отечества и для народа.

– Но интерес отечества точно того и требует, чтобы дѣйствовать в том направленніи, в котором дѣйствует правительство отечества.

– Чтобы голосовать на господина Домбокі, не правда ли? Наше угорское отечество состоит из многих народов, которые говорят различными языками и которые принадлежат к различным віроисповѣданіям. Несмотря на разность языка и віроисповѣданія, всі народы, живущіє в нашем отечестві, суть сыны отечества. Всі любят свое отечество и свою родину, всі одинаково платят податі, всі одинаково жертвуют жизнью, если требует безопасность отечества. Наши угроруссы там дрались в рядах Раковці, там боролись 1848-го года за свободу отечества! Отцы наши всегда были вірными своему прапору; измѣнника между ними никогда не было, ни одного. А посмотріте, любезный брат, посмотріте на наших угроруссов! Какія они сожалѣнія достойныя твари! Они живут в нищеті и бѣдности, нікому поднять їх матерьяльное благосостояніє, нікому їх научить ремеслам и земледѣлію, из котораго они живут, нікому їх просвѣщать на родном языкі! Мадярскому языку они наскоро научиться не могут, а на своем русским языкі обучати їх считается єдва ли не преступленієм – государственною измѣною. Возможно ли, чтобы при таких обстоятельствах они просвѣщались и шли наперед с прочими народами отечества? Не осуждены ли они, еті вірныє сыны отечества, на темноту, на отсталость, на истребленіє? Ибо днесь, кто не просвѣщается, тот и пропал. Ну, и может ли быть счастливым отечество, если угроруссы, если и другія народности, которыя, впрочем, составляют большинство в нашем отечестві, обречены на такую печальную

судьбу – на исчезновение? Отечество наше токмо в том случаї может быть счастливо и велико, если оно всіх вірных сынов своїх, будь они какой-нибудь народности, с одинаковою любовью прижмет к своей родительской груди, если всім застрахует одинаковыя права. Если народы нашего отечества будут иміти возможность одинаково просвіщаться, если всім будут на ділі уділены одинаковыя права, если всі будут чувствовать себя дома, тогда угорское отечество будет счастливо и велико, тогда и врата адова⁴⁶ не одоліют нас. Так, друг мой, всі мы діти нашего угорскаго отечества, ко всім равным образом должно относиться отечество, всі мы равномерно должны чувствоватися довольными; вот в чем состоит благополучіе отечества!

– Это відь так и єсть. Всі мы можем преуспівати. Кто причиной тому, что угроруссы косніют в невіжестві и отсталости? Они сами виноваты – не заслуживают жизни.

– Прошу Вас, брат мой, не изрекайте на самого себя такой строгий суд! Видите, сами ли Вы причиною тому, что, хотя Вы – угрорусс, хотя отец Ваш был русским дяком, Вы однако не усилюетесь писати по русски, а пишете мадярскія вірши? У Вас талант, Вас обдарил Бог блестящими дарованіями, а вы вмісто того, чтобы просвіщать свой русский народ, из котораго Вы произошли, вмісто того, чтобы образовати свою родную річ, которою первый раз заговорили, вмісто того, чтобы обогащати свою родимую літературу, которая очень убога и нуждается в діятелях – вмісто всего єтого вы пишете мадярскіе вірши, которыя мадярам не нужны, обогащаете мадярскую літературу, которая и без того достаточно богата и не нуждается в ваших услугах. На полі угрорусской письменности Вы могли бы были замічательным человеком, а в мадярской літературі Вы являетесь шарлатаном; несмотря на все єто, вы, однако, пишете мадярскіе вірши! Знаете ли Вы, для чего Вы єто ділаєте? Если не знаете, то я Вам скажу: Вы так думаете, что вашими віршами приносите многоцінную жертву на престол отечества. В самом же ділі вірши ваши не приносят отечеству никакой пользы, відь у маляр єсть писателі – и много извістнейшіе и, признайтесь, омного талантливіе Вас. Между тім, если бы Вы таланты Ваши посвятили на обогащеніе своей родимой угрорусской літературы, Вы могли бы пособствовать к возвышенію уровня своей родной письменности, могли бы подійствовать к изнятію своего угрорусскаго народа из настоящего закоснілія, к просвіщенію єго – и тім принесли бы Вы омного большую

46 **Врата адова** (біблійне) – символічний образ сил діавола (зазначка вишорителя – В. П.).

пользу своєму угорському отечеству. Знаєте ли, как смотрят многіе люди на вашу настоящую діятельность? Общее мнѣніе так рассуждает, что Вы сдѣлались мадярским писателем, чтобы удостоитися признательности и подаяній свѣше; чтобы приобрѣсти и отличія, и жирныя помѣщенія, чтобы застраховати себѣ беззаботную жизнь. Люди так говорят; конечно, таким бесѣдам я не придаю серьѣзнаго значенія, но, извините, на вид ваше дотеперішнее дѣйствованіе, кажется, будто-бы оправдывает такое предположеніе.

– Но я протестую против такого предположенія. Я дѣйствую из пасіи, потому, ибо мнѣ так дѣйствовать приносит удовольствіе.

– Очень хорошо, но не должно забывать и о том, что из-за удовольствія не слѣдует жертвовать общественною пользою; не слѣдует жертвовать своимъ народомъ и хорошо понятыми интересами своего отечества.

– Я не понимаю, Ваше Высокопреподобіе, в какой связи находится все это с нашимъ избирательнымъ движеніемъ?

– Связь отыскати не будетъ трудно. Вот, милый друг, писателю мадярскихъ віршей совсѣмъ природно давати свой голосъ на г. Домбокі; напротивъ, если бы Вы писали стихи по русски, то, я увѣрен, вы держали бы со мной и с вашими прихожанами, и отдали бы свой голосъ на г. Бодзаші.

– А какая будетъ Вашему В[ысоко]преподобию польза изъ того, если будете на сторонѣ Бодзаші? Дѣлайте, чего хотите, а я увѣрен, что нашимъ представителемъ все-таки будетъ г. Домбокі.

– Какая будетъ польза? Если бы мы побѣдили, то польза [была] бы несомнѣнно велика, ибо г. Бодзаші вполнѣ нашъ человекъ. Онъ любитъ нашъ отсталый, но честный народъ, чрезъ всю жизнь свою симпатизовалъ с нами, помагалъ, чѣмъ могъ – и намъ, священникамъ, и нашимъ прихожанамъ, а главное, онъ глубоко религіозенъ и отъ всей души ненавидитъ настоящее анти-религіозное направленіе. А если не побѣдимъ, то и в томъ случаѣ выиграемъ, ибо засвидѣтельствуемъ предъ миромъ, что мы любимъ свое, что мы изъ всей силы отстаиваемъ свои права и боремся за христіанскія ідеи.

– Но, видите, Ваше В[ысоко]пр[еподо]біе, такъ дѣлати, какъ Вы дѣлаєте, не опортунно⁴⁷; Вы губите и себя, и свой народъ.

– Если не опортунно, то значитъ – честно. А честность и характеръ я, с своей части, не промѣняю ни на какія выгоды. Кто дѣйствуетъ изъ опортунныхъ видовъ, тотъ, извините, почтенный братъ, дѣйствуетъ не для того, ибо убѣжденъ в справедливости дѣла, за которое борется, а дѣйствуетъ, ибо изъ того ожидаетъ какую-то пользу; значитъ, дѣйствуетъ нечестно. Вотъ

47 **Опортунно** – туй у значенію «благоразумно», «розважно», «подля інтересівъ власти» (зазначка вишорителя – В. П.).

в том наша и біда, что мы переживаем такой період, когда всі гонятся за выгодами. Чтобы достигнути свої еґоїстическія цілі, часто бросают и самое святійшее діло в жертву, а чтобы дати красивый колорит своїм дієвствам, говорят, что дієвствуют опортунно.

– Стало быти, благоразуміє – ето вполні ненужная вещь; поступати по правилам благоразумія – ето не честно!

– Поступати благоразумно – ето не нечестно, но жертвовати священными обяанностями для того, чтобы избігнути неприємностей или чтобы достигнути каких-то еґоїстических выгод, – ето рішительно нечестно. Мало сего, такий человек, который из-за опортунных видов жертвует своїми обяанностями, который долг чести приносит в жертву, обыкновенно тіряет уваженіє и тіх, в пользу которых он ето сділал, и очень рідко достигает того, чего ожидает. Увіряю Вас, милый друг, что Домбокi окажется неблагодарным.

– И так Ваше В[ысоко]пр[еподо]біє жєлаєте притянути меня на сторону г. Бодзаші; к сожаленію, я не могу довлетворити Вашему желанію, ибо я уже отдал свое слово господину Домбокi.

– Ніт, я не так наївен, чтобы льстил себя надеждою приобрести Вас; однако я желал объяснить Вам діло.

Между тім, Луйза накрыла стол, принесла кофе, жареного цыплєнка, блинов (*lepény*) и фруктов; а господин о. Дьєртянфі⁴⁸ заботился о хорошее вино.

При столі шел разговор об обыденных вещах, в котором участвовала и Луйза.

Пока о. благочинный забавлялся у о. Дьєртянфі, пред корчмой происходило настоящее слідство. Кортеші господина Домбокi, замітив что прапор їх там лежит в болоті, сей час зачали отыскивати виновника – поругателя прапора.

Если был єврей-корчмарь замітил, кто бросил прапор в болото, то діло пошло бы иначе; но єврей не замітил виновников. Он слышал токмо, что люди сговориваются скинути прапор с дома, на котором он был вывішен.

Кортеші назначили собі имена заговорщиков.

Другого дня явились в село жандармы и попроварили заговорщиков и еще нїкоторых первїйших людей в окружный суд, а там, до разбиранія діла, помістили в слідчем аресті.

Ето уже такая тактика, что тіх, которые кажутся опасными для правительственной стороны, на время выборов ділают безвредными.

48 В оріґіналі было напечатаной иншакой прозвище – «Домбокi». Видав, туй проскочила хыба, котру сьме виправили подля контекста (*зазначка вишорителя* – В. П.).

Господин Домбокi, услышав о происшествiях в Заломах, сконфузилися и стал считати своє діло сомнительным. До сих пор израсходовал он немного денег. «Для чего тратити деньгi, – думал он собі, – відь я и без громадных растрат поставлю на своем и буду выбран в кiвета. – Но теперь стал размышляти иначе. – Без растрат не обойдется. Но что, а если распропащу все состояніє свое, а пользы из того не будет никакой? Відь у нас на Угорщині єсть множество таких приміров, что выборы и богачам дали в руки нищенский посох. Ех, конечно дали, но ті богачі не принадлежали к правительственной партіi! Правительство сумієт поддерживать своїх кандiдатов».

Когда госп. Домбокi так разбирал своє положеніє, вдруг отворилась дверь и вступил к нему один из его кортешов.

– Ну, что за новость? – спросил г. Домбокi.

– Новости не очень-то хорошия: заломляне стали всі до одного на сторону господина Бодзаші.

– Неблагодарный народ!

– Даже заставу вашу кинули в болото!

– Неужелі? Ах, за ето поплатятся пред судом!

– Но теперь не совітно будет тягати їх по судам. Тім только еще больше утратите свою популярность. Заломляне – ето вожаки всей окрестности; за ними пойдут всі; я так думаю: была бы большая ошибка дразнити їх.

– Чего же станем ділати?

– Во что бы то ни стало нужно приобрести їх.

– Как же приобрести, если не хотят?

– Как? Деньгами. Не думаю, чтобы между мужиками нашелся челоvік, который бы мог устояти искушенію взяти за голос по пяткі.

– Но ето будет стоить очень дорого.

– Так что ж, здісь не должно жаліти денєг, если хочеме поставити на своем. Центральный избирательный комітет и так позаботится о деньгах.

– Но кто возьмет на себя роль раздавати мужикам деньгi?

– Кто? Думаю о. Дьертянфі не откажет нам в етом. Ему найловче поговорити сам-на-сам с своїми мужиками.

– Но ето немножко щекотливое діло.

– Щекотливо или нiт – о том не рассуждайте, а давайте денєг, ибо иначе все пропало!

Г. Домбокi, почесав затылок, вынул из бумажника тысячу гульденов и передал своему вірному кортешу, и то с тім порученієм, чтобы с помощью отца Дьертянфі усиловался приобрести чім больше голосов.

– Не будет ли этого мало, – отозвался кортеш, – відь нікоторые голоса будут стояти очень дорого, – додав он лукаво.

– Я так думаю, – возразил г. Домбокi, – тысяча гульденов – довольно для заломлян, а прочіi пойдут за заломлянами. Впрочем, если нужно будет больше, то будет и больше. Господином Домбокi совсiм овладiло желанiе сдiлатися кiветом, на минуту не жалiл даже и денег.

Кортеш, взяв деньги, отправился прямо к отцу Дьертянфi, который точно раздумывал о своем незавидном материальном положенiи и искал способа, чтобы вымотатися из еврейских когтей.

– Здравствуйте, батюшка! Вот я к Вам с просьбою: сдiлайте милость, примiте от меня нiсколько сот гульденов! – начал он свою бесiду, вынимая банкноты из своего бумажника.

– Что же это за деньги?

– Что за деньги? Иль Вам неизвiстно, что мы переживаем днесь бурное избирательное время! В такой час непременно должен посыпаться и золотой дождь.

– Конечно должен; и я весьма удивляюсь, что до сих пор еще не сыпался.

– Ну, вот и сыплется. Вот Вам 400 гульденов! Счiты от них Вы давати не должны никому, а это уже Вы сумiете устроить так дiло, чтобы заломляне отдавали своi голоса на господина Домбокi.

– Помилуйте! Что Вы задумали? Иль Вы намеряете меня купити? В таком случаi я не принимаю от Вас етi деньги, відь Вы очень хорошо знаете, что я и без денег совсiм готов к услугам господина Домбокi!

– Сохрани Бог меня от такой мысли! Подкуп! ... На такое гнусное дiло я никогда не рiшил бы дати свою голову. Етi деньги, батюшка, не для Вас, а для издержек, которыя необходимы при выборах. Не может же г. Домбокi пожадати от Вас, чтобы Вы в его интересi тратили свое имущество.

– Чего же мнi дiлати с етiми деньгами?

– Чего? Употребляйте iх, как сами наилучше знаете! Вот для вожакон необходима рюмочка водки, два-три сiгара, паклики и проч. А, можно, приключится, что один-другой из голосующих не будет брезгати и деньгами...

– Трудное дiло, милостивый государь; я никогда не принял бы на себя такой ролi; відь я должен сознаться, что у заломлян я не пользуюсь какими-то чрезвычайными симпатiями, но господину Домбокi я не в силах отказать. Хорошо, я буду из всей души дiйствовать в его пользу; за успiх, однако, я ручатися не могу. Вы знаете наших мужиков: они

выпьют и возьмут деньги, и приобіщають кріпко стояти за діло, а в рішальну минуту оставляют нас на леду.

– Если окажется нужным, то, между нами будь сказано, покупайте голоса! Если бы Вам удалось приобрісти нісколько жожаков, то діло было бы выиграно: всі прочьї пошли бы за ними; а гді заломляне, там и весь избирательный округ. А теперь прощайте, святой отец; у меня еще очень много хлопот; знаете, во время выборов ніт у человека досуга.

– Я не задерживаю Вас, відь діло, в котором Вы труждаетесь, – наше общее діло.

– До свиданія, святой отец!

Кортеш взял в руки шляпу и, оставив на столі четыре сотки, вышел из комнаты.

О. Дьертянфі, отложив деньги, стал размышлять о том, каким способом можно бы расположить в пользу господина Домбокі своїх непорочных прихожан: «Если бы они были ко мні привязаны, – размышлял он, – то было бы нетрудно заставить їх так танцевать, как я гуду; но что їм ни скажу, они сей час наперекор. Уже пробовал всяко, да нельзя сладиться с ними. А при выборах! Это відь совсем свободное діло: сдѣлают, как схочут. А я могу остаться сам с своїм Домбокі, – о. Дьертянфі еще никогда не чувствовал потребность того, что ему хорошо бы жити в согласіи с етіми «полулюдьми»; он презирал своих прихожан, брезгал ими, а теперь вдруг очутился в таком положеніи, что ему оказалось необходимо заискивать їх расположенія и симпатіи. – Мні хорошо было бы стати на сторону Бодзаші, – сказал он наконец, – тім оказал бы я большую услугу господину Домбокі; тогда, ніт сомнінія, всі заломляне очутились бы на его стороні». – «Безмозглые мужики!» – крикнул о. Дьертянфі сердито и вышел из комнаты. На дворі нашѣл он своего пономаря (*церковника*), которому и приказал, чтобы призвал к нему церковных старост (*кураторов*) и сельскаго голову.

– Не схотят прийти, панотець, – отвічал пономарь.

– Как не схотят прийти, да відь я требую їх по церковным ділам, – сказал сердито о. Дьертянфі. – лиш ты ступай скоро!

Пономарь побрѣл, зачесывая затылок.

Недолга появились кураторы в хмільном состояніи.

– Ой, як вижу, – зачал к ним свою річ о. Дьертянфі, – вы уже достаточно выхылили из кортешской збрыги пана Бодзаші.

– Най не почудуют панотець, теперь такой баламутный світ!

– Кураторы! Вы были мні всегда послушными; я не думаю, чтобы Вы и теперь были против мене.

– Як бы мы были против свого панотця? Мы лиш против пана Домбокі.

– Та что Вам пан Домбокі зділал, что Вы так повстали против него?

– Та знаєте, панотець, пан Домбокі не наш человек. Пан Домбокі затопил бы каждого русина в єдной ложці воды. Он не любит нас, еще и бесіду нашу не любит; он хотіл бы, обы мы забыли свою бесіду, обы сьме говорили лиш по мадярськи. Пан Домбокі говорит нашему учителю, обы діти учил лиш по мадярськи; коли увидит русскую книгу в школі, дораз кричит, наводит на людей біду. Та что тото за пан, который ненавидит наш язык и нашу віру, а ищи хочет быти нашим ківетом!

– Та відь то еще не біда, что пан Домбокі хочет Вас научити по угорськи: всі мы живем в Угорщині и так нам треба знати по угорськи.

– Та хоть и треба бы знати, айбо єднако не треба забыти своє! Ой, панотче, каждому наймилийший свой язык, котрому научился од матери. Люди того не могут стерпіти, коли дакто силою силечной хочет їх зділати уграми.

– А знайте, честні люде, туй в Угорщині лиш так может вам быти благо, если будете мадярами!

– Ой, панотче, мы нигда не забудеде свой язык и не одкажемся од своєї віры! Кому хочется, может статися и калвином, на то каждому своя воля; а мы и были, и будеде русинами.

– Тадь дакотрі наші паны отці, – отозвался вторый куратор, – уже и так до половины сталися калвинами, бо посты не держат, а и службу Божью служат чопату – оставляют из ней коли что, что прийдет їм в голову.

– Прилично ли Вам, кураторе, так одзыватися о своїх отцях духовных?

– Ци прилично, ци не прилично – я не знаю, айбо так говорю за них, як собі заслужат.

– Знаете ли, кураторе, что вы не должны быти судьєю над вашими отцями духовными?

– Тото знаю и не хочу осуждати, айбо тото, пане, правда, что дакотрі попики зїли бы мясо и в Великодну пятницу.

О. Дьертянфі пришел в ярость на еті слова, відь ето был намёк на него, но по причині, что хотіл кураторов приобрісти господину Домбокі, воздержался от обнаруженія гніва.

– Та то обстоятельство, что господин Домбокі хочет научити Вас говорити по мадярськи, еще не причина для того, чтобы Вы были против него; відь он – ваш благодітель.

– Якый благодітель? Правда, пан Домбокі даєт нам пастбище, по-звolyаєт нам в лісі збирати гриби и оріхи, а в воді имати рыбу и раки; но все сіє на сполок – половину грибов, орішков, рыб и раков мы должны однести єму в двор; а за пастбище поорем всі єго землі и завозим весь єго хліб. Ой, панотець, так не дер бы нас ани нехрест – пан Домбокі пуще жида!

– Итак, Вы dokonчили, что не будете держати з паном Домбокі.

– Ніт, ни за что на світі.

– Та відь єсли так, он одберет од вас пастбище, не даєт вам раз ступити в свой ліс. Вы без пана Домбокі не можете жити!

– Мы думали уже о сем. Пастбище мы найдем на полонині, про гриби, оріхи, рыбу, раки мы обойдемся. Айбо не знаєме, як буде пан Домбокі без нас газдовати? Відь из того, что он пуцал нас в свой ліс и во свої потоки, єму бóльшая польза, чім нам; ибо гриби, оріхи, рыбу, раки он доставал без всякого труда. А кто буде єму орати? Кто завезе єго сіятє? Пан Домбокі лучше притисся на нас, як мы на него.

– Кедь не будете стояти при пані Домбокі, то знайте: будет великая біда, бо Вы вергли єго заставу в болото!

– Кто верг, най карує – нам до того нич; а того не хочеме, обы нашим ківетом був такий человек, котрый єсть ворогом нашего языка и нашей віры.

– А тот Бодзаші – тадь и того не ваша віра!

– Правда, панотець, і Бодзаші – не наша віра; айбо прото пан Бодзаші – наш человек. Бывало, колько раз в веділю и в свято найдєся в селі, нигда не премине побывати и в церкві; там сидит на кліросі, як бы даякий дьяк, и так співат «Господи помилуй!», як и всі мы. Пан Бодзаші и читати знає по нашєму, и так умильно заговорит по русски, як хоть котрый русин. Пан Бодзаші не раз говорил нам, для чого мы залишуєме свой язык и своє письмо? Для чого не требуєме, обы діти наші в школах, кромі мадярщины, училися и по русски; пан Бодзаші – справедли-вий человек. Он не зовет нас смердящими руснаками и лінюхами; он видит, что мы усиловный народ; а коли не біжимо на панську работу, та лиш для того, бо не всі паны любят нам честно заплатити за нашу працу и за наш труд. Видите, панотець, великоможный пан Домбокі рад бы, обы бідный русин и поорав му, и покопав, и покосив; айбо за то никто не видит од него поламаной дудки⁴⁹. Он все лиш мудрощами – то за пасло, то за хворост, то за камень, то за глину... Айбо ци выплачуєся сими пустяками наш труд?

49 *Дудка* (русин., *бесідн.*) – русин. «гроші», «платня»; російськ. «деньги», «грош» (за-значка вишорителя – В. П.).

- Я рад бы знати, кураторе, хто навчив вас такої філософії.
- Хто бы учив? Я навчився сам. Все, що я розповів, походить перед нашими очима; хыба бы сліпый, хто бы вшитко сесе не видів.
- Хотя бы и так; но я рад бы знати, что вам может дати пан Бодзаші?
- Что бы давал? Нам ничего не треба давати; для нас доста, кедь на діеті⁵⁰ буде нас заступати.
- Та что из того за польза? Один голос исчезнет без сліду. Ци вы не чули, что єдна ластовица не зробит літа?
- Правда, не зробит, айбо коли прилетіла лиш одна ластовица, та уже знаєме, что недалеко літо, бо среди зимы она не звыкла прилетіти. Коли лиш один ківет буде на діеті, котрый бы вірно заступився за нас, то можно надіятися, что славное панство увидит нашу правду. А кедь нигда никто не буде упоминати о наших нуждах, та розумієся, никто не оберне на нас своего ока – и мы навсегда останемся з своїм горєм.
- И так вы ніяк не хочете стояти за пана Домбокі?
- Мы хочеме такого ківета, кто не потуляє нас и кто готов заступати нас.
- А кобы пан Домбокі хотіл богато нагородити вас?
- Як нагородити? Знаєме, что пан Домбокі не оддаст нам свою домінію.
- Домінії не оддаст, но ступайте лиш, кураторе, сюда за мною!
- О. Дьєртянфі и єго куратор остановились сами в отдільной комнаті.
- Пан Домбокі приобіщал, – продолжал о. Дьєртянфі, – что кріпко будет стояти за ваші права и каждому, кто будет голосовати на него, заплатит по пять золотых.
- Так, ачей, и накупус собі голосов; но мы – не продажні люде!
- Чей, вы з ума сошли, кураторе?
- Правда-правда, пять золотых добрі буде взяти, коли дають, – сказав куратор и подумал собі: «А голосовати могу на того, на кого схочу». Ну, давайте, панотець, гроші, – сказал он голосно, – коли так, то уже чось зділаєме!
- О. Дьєртянфі передал куратору 50 гульденов.
- Возьміте гроші, за них можете купити 10 голосов; если сії будут иміти місто, то приходіте опять! Но оддавайте честным людям, которые здержат свое слово!
- Так буде, панотець, попровбалуву, но не знаю, ци найду честных людей; бо, знаєте, панотець, честні люде не дають подкупитися.

50 *Дієта (істор., застаріл.) – русин. «сойм», «сейм», «парламент» (зазначка вишорителя – В. П.).*

– Но уже лиш діляйте, як самі знаєте; я увірен, что Вы ловкий чоловік!

«Як бы не так, – розмішлял собі куратор, виходя из комнаты отца Дьертянфі. – Вы, панотець, так думаєте, что мы обрадуемся грошам господина Домбокі. Не так то, ніт! У нас уже єсть натолько разума, что не даме перевести себе. Відь должен же быти и у нас чоловік на сеймі, который бы готов был и за нас речи слово. Домбокі дає гроші, для чего не прийняти? Коли дають, та бери! Но мы не продаме свою совість. Гроші возьмеме, а будеме голосовати на того, на кого схочеме».

Куратор раздал деньги; прийняти деньги никто не отказался. Каждый рассуждал так, как куратор: коли дають, та бери! Но чтобы отдати свой голос на господина Домбокі, то никому не приходило и в голову.

О. Дьертянфі неодола опять призвал к собі куратора.

– Берут гроші? – вопрошал.

– Та кто бы не брав гроші? Знаєте, панотець, у нас, русинов, такое правило: кобы лиш не украв, а коли дають, та бери.

– А паленку Домбокія ци пьют?

– Зачали пити. Чему бы не пили, коли даром дають?

– Ну, та надіюся, діло пойдет ладно. Хотите ли еще больше грошей?

– Та чому не хотіти? Коли даєте, панотець, та и возьму и роздам межи людьми.

– Айбо роздавати нужно тайно, сам-на-сам, чтобы никто не увиді; бо, знаєте, кураторе, могла бы быти біда. Подкуп – то великое діло; можно бы впасти в кримінальний суд.

– Та, чей, я не удурів, чтобы гроші роздавати явно. «Того нужно и нам, – подумал куратор, – тогда відь рахунка (*отчет*) никто не буде требовати».

– А что думаєте, кураторе, сколько грошей могли бы вы еще роздати?

– Дві-три сотки, думаю, возьмут.

– Довольно будет теперь одной сотки; если вы её роздали, то приходіте опять – дам больше!

О. Дьертянфі вынял сто гульденов и отдал своему куратору; куратор, в свою очередь, прищуриив глаза, взял деньги и с видимым удовольствием выбрел из комнаты.

Охотников для денег не нужно было долго отыскивати.

И сділалося большее празднество в Заломах. Грянула цыганская музыка, на середину деревні вывезена огромная бочка паленки; жителі обступили её! Всяк пил, їл крендлі, колбасы и солонину, в устах

мужиков закурилися цігары; вышли и женщины с дівушками: зачалась пляска и настоящія оргії. Однако имя господина Домбокі как-то не проізношалось.

– А кто «віват»? – спросил появившийся на етой сцені о. Дьертянфі. – О ки борт ад⁵¹ (*кто вино даёт*), – заревіл один охмілілий мужик.

– Ельєн Домбокі! – закричал о. Дьертянфі.

– Ельєн Бодзаші... Домбокі! – повторило нісколько охриплых голосов.

– Что вы, ошаліли, что ли? Пьете паленку господина Домбокі, а кричите «Ельєн Бодзаші!». Обезуміли ли?

– Ех, панотець, най там буде хоть Домбокі, хоть Бодзаші; добрі, что е что їсти и пити!

– Итак, из вас, честні люде, никогда не мож сділати порядочных людей. Вы никогда не сдержали, да и не здержите своего слова; и так не чудо, что ни у кого не имієте честі, что никто не довіряет вам!

– Что? Никто не довіряє нам? Та пак для чого кличєся на нас пан Домбокі?

– Тото было бы на вашу пользу, если бы вашим ківетом мог быти такий порядочный пан, як пан Домбокі.

– Вы никогда не знали, да и не будете знати, что вам на пользу, – отозвался корчмарь Розенцвайг.

– Ой, мы не знаєме, а тото єднако знаєме, что пан Домбокі быв бы и тобі, и всім жидам на пользу.

– Та что вы сділали з сими людьми? – отозвался тихо о. Дьертянфі к своему куратору.

– Дайте, панотець, єще даякі крайцарі, – шепнул куратор, – и все будет ладно!

О. Дьертянфі отозвал в сторону своего куратора и всунул єму в руку єще 100 гульденов. Куратор походил межи людьми, которые, хотя и не стали восторгатися в пользу господина Домбокі, но все-таки сділались боліє тихими и покойными.

Недолга появился сельский голова и выдал приказ, чтобы всі ті граждане, которые иміют голос, непременно появились в сосіднем городку для избирания сеймоваго представителя: «Идти треба красно, честно, ни бігаря (*кій*), ни ніякого оружия брати з собою не свободно; кромі того, будьте тверезі (*трезвы*), и хранитєся от буйки (*драки*), бо кто провинитєся против сєго, буде скапчаний и посадитєся в рєшт (*арєст*)!»

Как был соблюдаєм єтот приказ, выданный верхностью, сей час обнаружилось, ибо послі сельскаго головы сей час появились в Заломах

51 О ки борт ад (*мадьяр. Aki bort ad*) – хто дає вино (*зазначка вишоритєля* – В. П.).

пред корчмою кортеші господина Домбокі и ємщики⁵² стали поміщати по большей части хмільных и пьяных избирателей на повозки. Между почтенными избирателями были и такіє, которые не могли держатися на ногах и которых, словно снопов, розміщали на возах.

Ета опаківка продолжалась недолго. В полчаса повозки тронулись. На первой из них несли запачканный прапор господина Домбокі.

Дорогой весь етот караван часто останавливался. Почтенные избиратели льяли в себя горілку, бранили друг друга, рвали друг друга за волосы и начинали даже настоящую драку.

Со стороны адміністративных властей были предприняты всі міры предосторожности, чтобы застраховати, как они выражались, свободу выбора, или лучше, чтобы способствовать избранію господина Домбокі.

Жандармы почти из всей вармеді были командірованы на місто выбора; но и ета значительная жандармская сила казалась властям недостаточною, для чего к жандармам были отправлены еще дві сотні солдат, но солдаты были помещены в одном дворі, чтобы їх никто не замечал. Ими предположено воспользоватися токмо при случаі надобности. Жандармы, напротив, показывались везді: на дорогі, на улицах избирательнаго містечка, в частных и при постоялых дворах; одним словом, везді, гдѣ было замечено сгромажденіе народа. Не у одного почт. избирателя жандармы производили формальный обыск и отнимали дубины, ножи, камні и тому подобныя оружия. Бывали случаі, что кое-кого хмільнаго гражданина прямо отпровалили в арест; особенно если замѣтили, что он принадлежит к партіи Бодзаші.

Наступила ноч. Весь избирающій народ чрез всю ноч не предавался сну. Происходили чиновственныя вакханаліи. По корчмам раздавалась музыка, пили и танцовали пьяные граждане, шли то грязныя, то соблазнительныя бесѣды. Бідный угрорусский мужик во всю жизнь свою не надѣлал столько бесчинств и столько грѣху, как в ету одну ноч.

— Ба ци не знаєте, братья, для чего попы так крѣпко держат з панами? — заговорили в одной корчмі, в которой находилось много заломлян.

— Якое ты звѣдуєш! Та ци не видиш, что попы все вьєдно з панами: вьєдно пьют и їдят, вьєдно нас дерут, одні другим помагают, та як бы они не держали вьєдно?

— Тадь того так-так, нашим попикам не є ни среды, ни пятницы, за панську ласку уже погубили и віру!

— Не так того было давно, — отозвался один сивый старик, — коли, бывало, наши попики в гунях и холошнях ходили, не стриглися и не брытвалися, тогды в среду и в пятницу за світ не взяли были дашто

52 *Ємщик* (російськ. ямщик) — русин. кочіш (зазначка вишорителя — В. П.).

порзного в рот; айбо тогды, что думали люде, то думав и поп. Наші отцы были, вправді, нашими отцами и не волочилися з єретиками.

– Днесь кобы лиш много грошей и велика коблина, а о том и не думают, чтобы бідному люду спомагати!

– А з паном Домбокі зачто держат? Чей, не знаєте? Тадь Побрехайло чув, коли Домбокі клався з панотцём заломлянським. «Я буду держати з тобов, – говорит панотець, – кедь вмісто двух мірок будут платити чотыри». Домбокі значала не соглашався; так говорив, что доста буде трёх мірок; айбо поп не попушав и, наконец, Домбокі мусів пристати на попово слово. Ну, а як бы теперь попы не держали з ним?

– Ей, тото не може быти правда: відь не всі попы держат з паном Домбокі! Тото мав чути Побрехайло, а тому паробку не [є] что віровати. Чому пан намістник не держит з паном Домбокі, чей, бы намістнику не придалася больша коблина?

– Намістник – тото другое діло; наш намістник єще из тых старых попув, которыі любят свой народ и держатся своего.

– Та пан намістник з кім держит?

– Та з кім бы держав? З паном Бодзаші.

– Ну, коли отець намістник держит з паном Бодзаші, тогда всім нам должно идти за отцом намістником. Тото наш чоловік, не должны же мы оставити єго самого, коли он стараєся, чтобы нам было благо.

– Ельєн Бодзаші! – заревіло вдруг ніскольکو голосов.

– Пст! Тихо! Та ци вы забываете, что пьєте паленку Домбокієву? Ци не знаєте, что многі брали Домбокієвы гроші?

– Чорт най їх возьме, коли они за ряндаву дудку готові продати своє діло! Ельєн Бодзаші!

– Пст! Тихо! Та ци ты не знаєш, что з колокольчиком заяца не поймаш?

– Правда, діду, правда, з колокольчиком заяца не поймати, айбо з дубинов уже лиш могу єго зразити!

– Пст! Цыт! Спряч дубину, бо не буде ладно!

– Ей, не буде ладно, та кто мні роскаже, я никого не боюся!

– Но-но, увидиш ты дораз – роскажут тобі жандары тай катуны! Та ци не знаєш, что з каждого боку обложили нас катуныи и жандарами?

– Ой, та сесе не горазд! А я хочу голосовати на пана Бодзаші!

– Голосовати на пана Бодзаші тобі никто не заказує; айбо дубину спряч, бо за тото може быти біда!

– Ну, братья, та на кого нам голосовати? Бо коли нас тут привезли, та уже лиш мусиме выбрати собі ківета!

– На кого? Та хто нас сюда привез?

– Пан Домбокi.

– Та на пана Домбокi будеме и голосовати, – отозвался куратор заломлянский, прищуриw очи.

– Як бы нiт! Чей, ще мало платите коблины та хочете платити больше?

– А того лиш выдумав Побрехайло, – сказал куратор. – Та ци вы бы тому вiровали?

– Ци выдумав, ци нiт, айбо я лиш не дам свой голос на своего врага.

– Правду говориш, и мы не даме; а куратор, коли так хоче, най голосує на Домбокi.

– Коли пан Бодзашi заспiває з нами на клiросi, коли попоiєт з нами печеных крумплюв, напьєся горiлочки, а опять заспiває даяку красеньку русску спiванку, та сердце у человека розрывается. Ельєн Бодзашi!

– Пст! Тихо! Та ци не чув єсь, что заяца з колокольчиком не поймаш?

– Добри, дiду, добри; дякую Вам за науку!

Всi присутствующiє наконец рiшили, что будут голосовати на пана Бодзашi. Ни повозки, ни паленка, ни деньги господина Домбокi не имiли больше никакого значєния. Вакханалiї послi сего продолжались до самого утра.

Но хотя как тайно происходило это не то совещанiє, не то собрание, тайныя рiшенiя єго не могли долго остатися в тайнi. Паны как-то, вiроятно чрез євреєв-корчмарєй, узнали, что мужики рiшили отдавати своi голоса на госп. Бодзашi. Сдiлался великий переполох. «*Смятєся весь Иерусалимъ*» – всi заботились о том, чтобы насберати для Домбокi чiм больше приверженцев.

Домбокi вдруг сдiлался великодушным, щедрым и отворил по пански свой бумажник, в близкия села были разосланы экипажи с кортешами, чтобы привозили избирателей.

Наконец пробило восьмый час и председатель отворил избирательное собрание соотвiтствующєю рiчью.

Одна часть – iнтєлiгенцiя – провозгласила своiм кандидатом господина Домбокi; а народ в главi с своiм благочинным объявил, что доверiєм своiм желает обдарити господина Бодзашi. Зачiм єдиногласное избранiє оказалось невозможным, то председатель объявил, что дiло рiшится голосованiєм, которое немедленно было открыто.

Разумiєтся, прежде всего голос свой отдавали паны – так названная iнтєлiгенцiя. И должно признати, что голосованiє iх почти без изъятiя шло в пользу господина Домбокi. Домбокi получил уже выше 100 голо-

сов, а о Бодзаші не было и споминку. Наконец, около десятого часа зачали свої голоса подавати мужики, предводимые отцем благочинным.

Как-то смішно прозвучало, когда о. Кирил первый раз произнес имя Бодзаші. Но послі него звучало уже токмо ето имя.

Наступил 12-ый час. У господина Бодзаші было уже пятьдесятью голосами больше. Кортеші Домбокі засуетились, стали искати людей, опять разослали повозки, привозили и приводили таких людей, которых даже не было во спискі избирателей. О. Дьертянфі все еще надіялся на своїх заломлян. Наконец, пришли и заломляне. Каждый с напряженным вниманием ожидал, кого имя произнесет сельский голова. Наконец, сей отворил рот, из котораго прозвучало: «пан Бодзаші»; за сельским головою слідовал куратор, который вторично произнес: «пан Бодзаші»! О. Дьертянфі поблдініл от стыда и ярости. Стали приходити заломляне рядом; ни одного не было между ними, который голосовал бы на Домбокі, изъемше корчмаря Розенцвайга, который таким образом и оказался единственным соумышленником отца Дьертянфі.

Теперь всі увиділи, что діло Домбокі провалилось; однако кортеші его стали искати способа, которым бы возможно пособити ділу. Послі непродолжительнаго совіщанія один из между них в полупьяном состоянїи зачал ругати, что протокол ведется невірно; завязалась ругань, кончившаяся тім, что протокол был разодран на кусники, которые и исчезли между приверженцами господина Домбокі.

Избиратели, по большей части, разошлись, отнимати от них голоса оказалось невозможным. Нечего было ділати, оказалось необходимым назначити новый срок для новаго выбора.

К етому, новому, выбору избиратели отнеслись уже совсім пассивно: они убідились в том, что здісь поставити на своем совсім невозможно; відь всегда можно выдумати способ, которым можно уничтожити выбор и назначити срок для новаго. На сем новом выборі не оказалось никакого противника, и господин Домбокі был єдиногласно избран в сеймовые депутаты. Веріфікація его послідовала без всяких затруднений; відь он принадлежал к господствующей ліберальной партїи.

Сколько раз участвовал г. Домбокі в сеймовых засіданіях, трудно сказати; но он не принимал никакого участія в совіщаніях и дебатах. «Ето все вздор, – думал он, – я ліберал, слідовательно, я всегда должен отдавати свой голос в пользу проектов ліберальнаго правительства; ето відь необходимо и по той причині, ибо иначе не добьюсь ціли: не покину парламент с февішпанским достоинством».

Да он и достиг ціли: послі истечения двух годов вернулсѧ домой

февішпаном. Ціль була досягнута, кортежі господина Домбокі торжествували. Между ними был він себе от восторга о. Дьєртянфі. «Итак, наконец, мы будем руководити в вармеді, – думал он собі, – Домбокі – мой друг; кроме того он обязан мні своїм февішпанством. Если не я, то он не депутат, если же не депутат, разумеется, и не февішпан. Если я сділал его депутатом, то было бы неблагодарно с его части, если бы в вармеді не оставил мні самого большого вліянія».

Таким мечтам предавался о. Дьєртянфі; о том и не думал, как скоро наступит разочарованіє. Новый февішпан с большею торжественностью занял свое місто. На інсталяцію сбіглась вся знать вармеді. И русское духовенство было густо репрезентовано.

Появился даже сам епископ. О. Дьєртянфі сочинил восторженную оду в честь нового февішпана, которую и прочёл в час обіда – в присутствіи самого воспіваемаго г. Домбокі. Ода произвела небывалое воодушевленіє; и не могло быть иначе – она дышала всіми тіми ідеями, которыя носят на счёт руєнцев-кабаров⁵³ среди мадарской знаті. Рукоплесканіям, «ельенам» не было конца. Многіє поміщики и чиновники оставили свої міста, подошли к отцу Дьєртянфі и кріпко пожали его руку. Произведенный фурор не токмо без конца льстил честолюбію отца Дьєртянфі, но вмісті представлял ему перспективу на радужную будущность.

Семейныя отношенія отца Дьєртянфі были не совсем счастливы. У него всего остался в живых один сын и дві дочери; прочі діти померли еще в младенчестві. Отец Дьєртянфі усиловался дати дітям своїм, как говорится, блестящее воспитаніє. Оно, по мнінію его, состояло в том, что діти, пока находились дома, должны были в разговорі и с родителями, и между собой употреблять мадарский язык. И так діти⁵⁴

53 **Руєнцы-кабары** – туй, видав, у значеню «рутено-мадары», авадь «одданный народ». Сесь авторський неологізм ся складає из двох етнонімів – «рутен» и «кабар». **Руєн** (од «Ruthen») – термін, котрый критізовав С. Фенцик як «новомодну» назву, котру русинам хотіли бы нависити намісто самоназвы «русин». (*Позирай* ёго статью: Руєны. In Листок, 1886, №3). **Кабар** (авадь кавар; *мадар.* kabarok, kavarok) – казарської (хазарської) племя, котре ся прикапчало ид мадарам у IX столітю и вытворило из нима давноугорську конфедерацію племен, што рушили до Панонії. Подля «новомодных теорій», кабары были «предками нашими», т. зн. русинів. *Позирай* ёго статью: Листокъ, 1888, № 11, с. 169-170 (*зазначка вишорителя* – В. П.).

54 Туй поклали сьме слово «**діти**» намісто «**мальчики**», котре находиме в авторському тексті. Подля контекста слово «мальчики» нияк ся не согласує из сочетаням «**один сын**», котре є в авторському тексті мало выше (*зазначка вишорителя* – В. П.).

выросли так, что совсім ничего не знали по русски. Но мало сего: родители о русском народі отзывались пред дітьми всегда с презрїніем, что, конечно, не могло на них подїйствовать иначе, как в том направленїи, что они не токмо стали презирати «русначков», из которых жили, но почувствовали к ним отвращенїе, стали гнушаться ими.

Сын отца Дьертянфі по имени Гейза с предрассудками против своего русскаго парода оставил отцевский дом. И когда отвезли его в школу, не знал ни читати, ни говорить по русски. Крім того, мальчик был напыщен честолюбивыми мыслями, он считал себя не таким мальчиком, как прочїи, а чім-то высшим. Конечно, в убїжденїи своем он скоро разочаровался, ибо учителя стали обходиться с ним точно так безцеремонно, как с прочими мальчиками. Если своевольничал, заперли в клас; если не мог отвѣчати, записали секунду⁵⁵. Таким способом Гейза должен был убїдиться в том, что в школї невозможно заняти никакого привїлегїрованного становища. Однако родители, особенно мати, сколько раз его посїтила, всегда твердила ему, что он не простяк, что он урфі⁵⁶ (*барич*), что, стало быти, должен вести себя степенно и на всї насмїшки и остроты должен отвѣчати презрїніем. Гейза усиловался слїдовати совѣтам своей матушки, вел себя степенно и с нахальством относился к своїм сотоварищам. Конечно, степенное его поведенїе не соотвѣтствовало его успїху в наукї. Обыкновенно давал он очень неудовлетворительные отвѣты, и отцу стоило много хлопот, чтобы перетаскати его из класа в клас.

В высших гїмназіческих класах пришло даже к тому, что Гейза стал проваливаться и обыкновенно подвергался исправительным экзаменам. Конечно, на етїх экзаменах плохая нота была исправлена, но сколько деньжонок стоило это, о том мог бы рассказати токмо сам о. Дьертянфі. В высших класах к тому Гейза сдїлался очень требовательен: всегда нуждался в деньгах, а если їх не было, легкомысленно заставлял в залог лихварям свої вещи. Наконец, наступила тяжѣлая година: настало время экзамену зрїлости. Гейза привел в ход всї махінаціи, но ничто не помогло – провалился и принужден был на вторїй год снова подвергнутися сей несносной операціи. Он провалился бы вторично, но главный инспектор школ оказался знакомым его отца, нїкотрым же учителям было кое-что подсунено, и Гейза достиг ціли – получил атестат зрїлости.

Наступила пора выбирати себї званїе. Гейза всїми силами стре-

55 **Секунда** (*школ., застаріл.*) – русин. «секунда», «двойка», «недостаточно» (*азначка вишорителя* – В. П.).

56 **Урфі** (*мадяр. úrfi*) – русин. «панчук» (*азначка вишорителя* – В. П.).

мился к мирскому званію – желал быти юрістом. Отец его, напротив, замітив его легкомысленныя наклонности, желал отдати его на духовное званіе.

Гейзі ето не очень-то нравилось, но не отказывал, не желая огорчить отца. Діло однако вышло в его пользу. На конкурзі оказалось, что он не уміет ни по русски говорити, ни читати по старославянски, не знает даже кириловских букв; кромѣ того, катихізіс для него – совсѣм невідомая вещь; да и атестат зрілости не очень-то блестящ, да и о легкомысліи его носились непохвальныя вісті; по причині всего етого его не приняли в духовное званіе, чему, впрочем, он очень обрадовался: «Теперь, по крайней мірі, увижу Будапешт и заживу себѣ настоящею молодецкою жизнью».

Нечего было ділати, о. Дьертянфі принужден был согласиться, чтобы его Гейза стался «пештянским» юрістом.

Пештянскіе юрісты – ето такой народ, который всѣм занимается, что собственно не входит в круг его дійствія, а пренебрегает токмо тѣм, чѣм бы особенно заниматься.

Пештянскіе юрісты приходят в столицу не для науки, а для развлеченій и для кутильства. Началом школьнаго года они записываются на лекціи, но часто бывает, что тогда и видѣли університет, когда вписались. Професоры читают празным теремам, а многонадежное юношество проводит время в кофейнях и занимается разнаго рода демонстраціями. Отстати от таких демонстрацій считается трусостью. Разуміется, что здѣсь каждый силится показаться настоящим богатырѣм. А особенно ті, которые по природы трусаки (*nyul*), усилиются укрыти трусость и показаться смѣльчаками.

Гейза являлся вездѣ в первых рядах демонстрантов, но находился и во всѣх кофейнях, куда токмо звыкла сходитися університетская молодежь. Что ділается на університетѣ, о чѣм читает професор, о том Гейза не заботился. Студенты часто саживались, занимались політикою, ругали церков, віру, духовенство, надшутивали над «товтами» и «русначками». Гейза потворствовал им: ругал духовенство, несмотря на то, что и он – сын духовника, безпощадно высміивал «русначков», хотя и сам был «русначком».

Так проходила вся університетская жизнь Гейзы. Бывало, заботится лиш о том, чтобы о. Дьертянфі засылал деньги, для чего пишет домой ужасающія вещи о своем безвыходном положеніи. Нечего говорити, о. Дьертянфі усиловался дозволѣть своего сына. Бывало отошлет ему послѣдній крайцар, однако Гейзі вся посылка держит токмо на два-три дня; а послѣ внов наступает прежнѣе безвыходное положеніе.

Наконец минули три года, а у Гейзы не оказалось ни одного коллегіума. Из всей юриспруденції не знал ровно ничего. Было бы безумієм продолжати такія студії, да и Гейзі наскучило уже быти студентом. Он хотіл зажити уже самостоятельною жизнью. Но какую отыскати должность? Кваліфікації у него не было никакой и так, кромі какого-то писаря, не мог быти ничім. Он стал хлопотати о писарстві при окружном суды и при содйствіи о. Дьертянфі ему и удалось заняти должность діурніста.

Когда господин Домбокі занял свое февішпанское достоинство, Гейза стал хлопотати о том, чтобы он взял его к себѣ. Он очень рад был сдѣлаться февішпанским секретарем, и то не настолько из-за карьеры, которая обыкновенно улыбается февішпанским секретарям, как из-за других видов. У госп. Домбокі была прекрасная доч Слісавета – тихенькая, умная, скромная брюнетка, получившая блестящее образование.

Лізенька с дѣтства была знакома с Гейзою. Госп. Домбокі часто бывал у отца Дьертянфі; бывало берет с собою и різвенькую Лізеньку, которая, пока отец разговаривает с батюшкою Дьертянфі о разных дѣлах, играет в карты и шалит с Гейзою. Господин Домбокі, должно признати, не был горд, да и у Лізеньки не обрѣталась ни малѣйшая доля спісі⁵⁷. Когда дѣвочка немножко выросла, отвезли её в пансіон к сестрам Урсулям в Будапешт. Здѣсь получила она прекрасное релігіозное образование и достаточно объективное мирозерцаніе. Лізенька не гордилась своім происхожденіем и не восторгалась своім мадярізмом. Она научилась почитать всѣх людей, какой бы они народности ни были; на каждого человека смотрѣла, как на своего ближняго, каждого почитала, кто заслужил почтенія по своему характеру и своім добродѣтелям. Кромі сих нравственных превосходств, так рѣдко встречаемых в наше, іудейскими ідеями напыщенное время, Лізенька отличалась неповседневною красотой. Она сдѣлалась тихою, смироною дѣвочкой и достигла той поры жизни, когда женскія прелесті развиваются в полном совершенствѣ. Не станем отдѣльно рисовати ея обворожающія прелесті; довольно того, если скажем, что в ней все соединилось, что дѣлает дѣвушку очаровательною и чему противустати так трудно – даже невозможно.

Гейза, при всей своей ограниченности, не мог быти равнодушным к такой красотѣ; он замѣтил её и был ею плінен. Ему очень хотілось побыти в близости прекрасной дѣвушки, вот что и дало ему толчок, чтобы ухаживати за должностью февішпанскаго секретаря. Поелику назна-

57 *Спісь* (из *російськ. спесь*) – *русин. «пыха», «надвышеность»* (*зазначка вишорителя – В. П.*).

ченіє на ету должность зависіло прямо от самага февішпана, то Гейза рішии прибігнути к покровительству его дочери, для чего очень желал заговорити с Лізенькой. Ето, разумеітся, оказалось теперь труднійше, как в ті дїтскіє годы, когда они вмісті играли в карты.

Но счастье на етот раз послужило Гейзі. Лізенька одного яснаго майскаго дня в обществі своей няньки и горничной отправилась на ловлю раков и дошла почти до села Заломов. Гейза находился на полі своего отца, гдї работники занимались мотыженієм (*kapálás*) картофельев. Чтобы скрытиса от солнечнаго жара, Гейза садилсја под одним кустом при ручейкї и предался своїм мечтам. Он думал о том, как бы добитиса вождїленной должности февішпанскаго секретаря, или лучше, как бы попасти гдї-то под бок возлюбленной Лізеньки. Когда он так передавался своїм мечтам, вдруг видит: пред ним стоит самая Лізенька. Гейза протираєт глаза, не призрак ли пред ним? Нїт, ето не призрак, а воплощенная Ліза. Гейза вполні убїдился в том, как скоро прозвучал голос миленькой дївушки.

– Неожиданный сюрприз! – зазвучал умильный голос Лізы. – Мні и не снилось, что я при ловлї раков встрїчусь именно с Вами. Чего же Вы дїлаєте здїсь под кустом?

– Та вот видите, барышня, спочиваю. Солнце ужасно жжёт.

– Вы всегда спочиваєте! Вам жарко, хотя мы находимся єще токмо в місяці маї. А каково будет Вам в июлї и августї? А не могли бы Вы занятиса чїм-то полезным? Охотою, иль ловлею, по крайней мірі, бабцев?

– Я наблюдаю за работниками.

– Здїсь из куста? Да відь работники далеко.

– Ничего, но они знают, что я здїсь и не смїют бездїльничати.

– У Вас непременно єсть какое-то чтеніє? Какія книги любите читати – малярскія, русскія или нїмецкїя?

– Ах, відь может бити слышали, что я не очень-то люблю заниматиса чтенієм; в час гімназіческих студїй книги ужас как опротивїли!

– У Вас, должно бити, учителї были нефаховые люди; не умїли возбудити інтерес к наукам.

– Да я уже от природы таков, что не очень-то люблю заниматиса книгами. Читати ужас как скучно, всегда сиди да сиди над книгами!

– Помилуйте! Да відь Вы и теперь, не то сидїли, а просто лежали.

– Я скрылся от солнца, ужас как жжёт.

– Да відь здїсь, в холодной тїни, так приятно было бы занятиса чтенієм.

– Каким чтенієм? Да відь у меня нїт никаких книг!

— Для чего не попросите от меня? Я могла бы Вам дать для чтения прекрасные романы; в них нашли бы Вы прекрасные истории.

— Но я так слышал, что современные романисты очень противны; не стоит труда заняться чтением.

— От кого Вы слышали это? Вас нехорошо информовали. Конечно, наши романисты отжили свой век, погрязли в материализме. Материализм — это характеристическая черта настоящих писателей запада. Соглашаюсь, что в материалистических творениях нет ничего, что бы удовлетворяло души, жаждущей чего-то возвышенного. От них не придешь в восторг. Но должно искать таких творений, которые бы питали душу, которые возвышают дух человеческий: красивое, благородное, возвышенное всегда приводит человека в восторг; и человек всегда с удовольствием займется рассуждениями о таких предметах, красота и возвышенность которых очевидна.

— Но где найти таких писателей, когда, как только что Вы изволили сказать, все наши писатели погрязли в материализме?

— Читайте произведения русских писателей!

— Русских! Как? Разве есть и русские писатели?

— А Вам это неизвестно? Я просто удивляюсь, что Вы, сын русского священника, а Вы ничего не знаете о русских писателях! Днесь весь образованный мир занят переводами и чтением русских писателей. Французы, англичане, немцы не перестают переводить на свои языки творения Пушкина, Тургенева, Достоевского, Толстого и других. В этих творениях нашёл образованный мир настоящую пищу для души, их так и прожирает алчущая душа.

— Все это — новость для меня; по крайней мере, в нашей мадьярской печати еще никто не отзывался с похвалою о русских писателях.

— К сожалению, у нас мало говорят о русских писателях; а если кое-когда и вспомнут о них, то с насмешкою или презрением, но тому вот какая причина. Мы обыкновенно обожаем запад, подражаем ему, перенимаем все идеи его; мы рвемся за прогрессом, не хотим остаться назад, для чего мы перенимали от запада все его материалистические воззрения. Мы днесь, верьте мне, самые большие материалисты в мире! Материалистические воззрения чудесным образом питают у нас наша жидавствующая печать. Жиды — материалисты в превосходном значении этого слова. А зачим печать у нас, по большей части, находится в жидавских или жидавствующих руках, разумеется эта печать и распространяет жидавские или материалистические воззрения. Эта печать с неимоверною настойчивостью гонит и преследует всякое противное мнение, и так не удиви-

тельно, що вона не може отозватися с похвалою о русских писателях, проводящих в своїх творениях не матеріалістическую – даже не спірітическую – мысль, а мысль как наилучше соответствующую человеческой природе. Мні противны произведенія наших жидовствующих писателей, они никогда не будут в состоянїи удовлетворити требованіям моей души; душа моя не находит в них никакой пищи; напротив, когда я прочитала, разумеется в переводі, нѣкоторые рассказы Достоевскаго, «Евгенія Онѣгина» Пушкина, я просто пришла в восторг – давно алчущая душа моя нашла для себя соответствующую пищу.

– Мні не віриться, чтобы в русской письменности могло отыскаться что-то подобного.

– Нужно бросити предубѣжденія, а смотрѣти на діло так, как оно есть. Фактов отрицати нельзя.

– Но мні кажется очень странным, откуда Вы, барышня, могли узнать о всем этом.

– У меня были очень порядочныя учительницы, не завзятыя никакими предубѣжденіями. В лекціях своих о женском образованїи учительницы мої прямо объявили, что женское образованіе в Россїи достигло очень высокой степени, что русскія женскія гимназїи едва ли не самыя совершеннѣйшія воспитательныя заведенія на цілом земном шарі. Мы принимали с сомнительною улыбкой это объявленіе. Учительница моя замѣтила, что я её высмѣяла, она зазвала меня к себѣ и всунула мні в руки одно отличное нѣмецкое сочиненіе – о женском образованїи. Я прочла внимательно это сочиненіе и презрительная улыбка застыла на устах моїх. Я отнеслась серьёзно к ділу, зачала изучати этот предмет и скоро неопровержимо убѣдилась в том, что русское женское образованіе находится на самой высшей степени усовершенствованія. Если русскія женщины так образованы, тогда Русь – не страна дикарей, тогда русскіе – не такіе медвѣді, какими їх наши жидовствующіе писатели представляют.

Я занялась изученіем русской літературы, прочла нѣсколько переводов из русских писателей. Отысканное мною превзошло всѣ мої ожиданія. Я убѣдилась, что русскія сочиненія взяты прямо от человеческой природы, что онѣ как нельзя лучше соответствуют желаніям нашей души. Мні пришла в голову мысль заняться изученіем русскаго языка. Угрюмское нарѣчіе было мні извѣстно, я легко разговаривала с нашими земледѣльцами и подумала: изученіе русскаго языка не причинит мні великаго труда. Так и случилось: чрез два дня я знала уже различати русскія буквы. Стала читати по русски, обучилась нѣкоторым правилам языка, чтеніе мні пошло легче, чѣм предполагала. Если встрѣтились кое-гдѣ незнакомыя слова, отыскала їх в словарі, а днесь

читаю рускія сочиненія без затрудненія. Я очутилась в том, что мні сділался знаком один мировий язык, на котором говорит большая часть Европы и у котораго есть прекрасная література.

– Удивляюсь Вашей желізной волі, барышня; мні в самом ділі стыдно, что Вы на сем полі предупредили⁵⁸ меня! Если Вы обучились русскому языку, тогда предстоит и мні нелегкая задача ділати то же.

– Напротив, это очень легкая будет для Вас задача; відь вы и так говорите на здішнем наріччі.

– Когда был мальчиком, я чисто говорил по русски, відь с нянькою (*pesztra*) и прислугою разговаривати на другом языкі было невозможно; но в школах я стал забывати по русски; когда подрос, еще пуще забыл; а днесь разговаривати по русски приходит мні очень трудно. Читати и писати по русски я совсім не знаю; етому ремеслу меня никто не обучивал!

– Это, конечно, достаточно стыдно; відь тот, кто не умієт на своем родном языкі безошибочно читати и писати, по моему мнінію, не может называтися образованным человеком.

– Но я выобразовался в мадярском языкі!

– Это очень похвально; но свой родной язык каждому человеку должен быть первый. Видите, господин Дьертянфі, у нас, мадяр, есть достаточно образованных людей, наша письменность стоит относительно на довольно высоком уровні; а у Вас, угроруссов, ніт почти никакой письменности. Угрорусский народ, не обижайтесь, находится на самой нижайшей степені просвіщенія. Между угроруссами находится очень немного грамотных людей; ніт ни купцев, ни ремесленников, даже земледіліє у Вас никак не преуспіваєт, а находится на той степені развитія, на которой стояло пред столітіями! А всему етому причиной то, что у Вас ніт никакой письменности; что ті из угрорусскаго народа, которые иміют право называтися просвіщенными, покинули свой родной язык, принялись за чужий, а свой народ оставили в темноті и неразвитости! По моему, конечно, не очень-то много значущему мнінію, на образованных угрорусских діятелях лежит огромная отвѣтственность. Они отвѣчательны за то, что угрорусский народ еще и до сих пор не может вымотатися из младенчества и конечно⁵⁹ в етом младенчестві и исчезнет с лица земли!

58 **Предупредить** – туй у значеню «упредить», «обогнати», «превзойти» (*азначка вишорителя* – В. П.).

59 **Конечно** – туй у значеню «раз (лем)» (*азначка вишорителя* – В. П.).

– Что наши русначки глупы, лінивы, пьяницы, разві за то отвѣчательны мы?

– Вы судите несправедливо; угроруссы ни не глупы – у них очень много здраваго смысла; ни не лінивы – відь они работают на пана, на попа, на жида, на самых себя, да к тому идут на заработки и на мадыарскую равнину; а что кое-гді найдется между ними пьяница, то етому причина їх неразвитость.

– Ну, я не знаю, как могли Вам, барышня, понравится еті полулюди?

– Господин мой! – сказала серьезно Луйза. – Вам не стыдно так выражаться?

– Для чего? Неужелі Вы готовы рассердиться на меня за мої убѣжденія?

– Ніт, у Вас ніт никаких убѣжденій; Вы все ето говорите из одной токмо привычки – без того, чтоб понимали значеніе своіх слов! Вы говорите, что ті люди, которые Вас так облагодѣтельствовали, и глупы, и лінивы, и пьяницы, и даже полулюди!

– Меня облагодѣтельствовали! Каким способом?

– Я не могу етого поближе объясняти Вам, ибо Вы могли бы обидѣться моїми объясненіями; но я все-таки настаиваю на своем. И если Вы так презрительно выражаетесь о своіх единовѣрцах и о своіх родных, то я рішительно объявляю Вам, что ето и нехорошо, и неблагоприятно, и несправедливо. Видите, государь мой, я уже от родства така, что люблю заступиться за обижаемых. Я вижу, что в нашем широком отечестві ни один народ не пренебрегается так и не терпит только, еще и от своіх собственных предводителей, которые живут из-за него, как народ угрорусский. Все ето заставляет меня относиться снисходительно к етому народу, заставляет меня достойно оцінати, полюбити его. Ето трудолюбивый, добродушный, мирный народ, который заслужил омного лучшую долю.

– Извиніте, барышня, мні кажется, Вы не знаете хорошо етіх русначков!

– Государь мой! – отвѣтила с достоинством Луйза. – Я изучала характер угроруссов. Я говорю не из привычки, ибо у нас в Угорщині почти никто не говорит так. Мої убѣжденія суть результатом глубоких исследований. Я вполні знакома с характером угроруссов. Ето хорошие люди, а если кое-что найдется в них несоотвѣтствующаго, могущаго казаться неблагородным, то етому причиной его предводителі, которые не занимаются да, кажется, никогда и не занимались просвѣщеніем ввіреннаго себѣ народа.

– Вы, барышня, обвиняете предводителей угрорусского народа, значит – его духовенство, ибо это его природные предводители; других предводителей у него нет; а об угрорусском духовенстве я всегда еще слышал отзываться с признательностью.

– Если бы духовенство исключительно путеводило судьбами угрорусского народа, тогда, конечно, на него пала бы огромная ответственность; но, к счастью, оно и само поставлено в необходимость присматриваться тому, как пустуют его пасомые; однако во многих, извините за откровенность, виноваты и сами духовные!

– В чем, например?

– Я не могу впускаться в ваши внутренние дела; однако многое слишком явно, чтобы могло скрыться пред миром. Вот, например, угрорусское духовенство, главным образом, заботится только о том, чтобы застраховать свое материальное положение; у него все вращается около того, платят ли верующие коблину, отбывают ли порядочно свои рабочие дни, много ли свадеб, крестин и похорон, много ли нанимают служб и проч.; но о том, чтобы поднести уровень просвещения, чтобы заохотить жителей к промыслу, ремеслам, чтобы оттянуть их от корчмы и других пагубоносных привычек, насколько мне это известно, духовенство очень мало заботится!

– Извините, барышня! Видь духовенство содержит школы; а как заохотить этих полулюдей к ремеслам, если они решительно не хотят учиться?

– Оно правда: духовенство содержит школы, но выполняет ли оно около них свои должности? Видите, государь мой, мне известно, что многие священники не обучают детей даже закону Божию, а это однако их должность. Станем ли после сего удивляться тому, что растет вполне неверующее поколение?

– Ну, я удивляюсь, что Вы, барышня, еще и на такие мелочи обращаете свое внимание!

– Я понимаю, что это должно Вам казаться очень странным, но, видите, у меня такая любопытная натура: я воткну свой нос и в такие дела, которые вовсе не должны бы меня обходить. Но извините, это не мелочи; это для самого же духовенства очень серьезные вещи, ибо если священник не станет обучать молодежь закону Божию, то она взрастет без закона Божия, без христианского духа; народ мало-помалу сдлается неверующим, стало быти, несчастливим и не будет нуждаться в священниках; итак, это не мелочи – и в интересе священников, и в интересе самого же народа, особенно в интересе народа, ибо я не могу представить себе несчастливейшего создания, как неверующий мужик.

– Я не в состоянні поняти, откуда Вы, барышня, набрали таких ідей, відь модерня цівілізація разглашаєт что раз противное!

– Пусть модерня цівілізація разглашаєт, что ей угодно; я не подражаю ей, у меня єсть свої собственныя мысли и убїждєнія. Видите, сударь мой, у мужика нїт ни театров, ни газет, ни романов; єго театр – церков, єго газеты и романы – бїблія, слово Божіє! Образованная публика развлекается театрами, проводит время в обществах, на водах; для мужика всі єті удовольствїя доставляет віра; если мужик сдїлался невірующим, для него потеряны всякія духовныя наслаждєнія. Он перестанет молитися, перестанет подносить мысль свою к Богу, в бїдах и несчастїях – нигдї не найдет утїшенїя. Настоящее єго сдїлается пустым, будущее – ненадежным; ну, и может ли быти от сего бόльшее несчастїє? Вот неминуємо в такое несчастїє приведут народ свої священники, если всіми силами не станут выполнять свої обязанности.

– Но в єтом отношенїи, так думаю, наше духовенство стоит внї всякаго упрѣка.

– Как бы не так! Богослужєніє и требы, нечего говорити, оно управляет, хотя и здїсь не трудно найти много неправильностей; но єтім и кончилось все. Днесь переживаем мы такой вік, что невірїє приступом отбираєт позиції; в такое опасное время христїанство не сохранится одним богослужєнієм, днесь нужно поощрять, возбуждати, устроивати общества, собесїдованїя о релїгїйных вопросах; одним словом, дїйствовать всіми, зависящими от духовенства средствами; токмо так может быти надежда, что народ не поддастся отовсюду окружающим єго соблазнам.

– Я удивляюсь, барышня, каким образом дошли Вы до того, что інтересуетесь такими дїлами.

– Не правда ли, Вас єто удивляет; но знайте: я женщина, а для женщины не может быти равнодушна судьба релїгїи. Мы живем [по] своему сердцу, а сердце без віры жити не может. Мнї так присуща, так дорога релїгїя, как моя собственная жизнь. Я слїжу за всіми движенїями, имїющими отношенїє к релїгїи; а зачїм я живу здїсь, между угрорусским народом, то єстественно, что меня очень близко інтересуют єго релїгїйныя обстоятельства. Вот для чего мнї извїстны и такія вещи, о которых Вы предполагали, что я не имїю никаких свїдїній.

– Вы удивляете меня, барышня; мнї в самом дїлі становится неловко, что я научился от Вас таким предметам, которым омного приличнїйше было бы Вам от меня научиться. Но оставїм єті предметы...

– Я знаю, что они Вас не інтересуют.

– Не для того, но я к Вам с просьбой...

– Радужно готова помочи Вам, если єто только в моїх силах.

- Я рад бы обсягнути місто секретаря при Вашем батюшкі...
- И просите моего ходатайства...
- Осміляюсь, відь днесь весь мир стоит на протекціях.
- Признаюсь, я чувствую себя слишком слабою для того, чтобы с успіхом подійствовати в Вашу пользу. О секретарском місті очень многіє рвутся; а между ними сыновья знатных фамілій, с успіхом окончившіє юридическіє курсы и снабженныє докторскими діпломами.
- Ах, барышня, если бы Вы рисковали, по крайней мірі, словечко в мою пользу; я убіжден, оно не осталось бы бессильным!
- Но батюшка не допускает, чтобы члены его фамілії вмішивались в адміністративныя діла. Моя протекція, вірьте, могла бы Вам больше вредити, чім пользоваться.
- Итак, я не могу расчитывать на Ваше покровительство?
- Помилуйте, Вы требуете от меня невозможнаго!
- Как невозможнаго? Напротив, я убіжден, что отец не мог бы противустати просьбі своей дочери.
- Быти может и так, но дочери как-то неловко вступитися за молодого человека. Попробуйте сділати нужныє шаги, авось наступит благоприятная минута и я заступлюсь за Вас! Но моя горничная, чей, уже наimalsa раков.
- Дівка показалаcя из-межи кустов и, в самом ділі, несла корзинку, наполненную крупных раков.
- Ах, как будет рада маменька, если увидит, что мы ходили не без пользы! Прекрасныє екземпляры. Вы, господин Дьертянфі, могли бы ежедневно оказати своїм родителям подобный сюрприз. А вы проводите без діла дорогое время! Но если удастся Вам сділатися февішпанским секретарем, не будет у вас столько досуга. Не думаю, чтобы вы тогда могли часто предаватися ліні.
- Но для того, однако, будет время, чтобы порою выбіжати на ловлю раков.
- До свиданія, поздравляю вашего паненьку и матушку!
- Буду надіятися, барышня, на вашу протекцію. Извиніте, если осміляюсь противурічити Вам: сегодня трудитися ничего не стоит! Лучше, если у человека сильная протекція.
- К сожалінію, это так, но дільный человек ділает сам и не надіется на князей своїх. Это самая лучшая рекомендація для человека, если надіется не на других, но на свої собственныя силы по Бозі. Пращайте, сударь!
- Прошу покорнійше не забыти о мні!

Луйза борзими шагами удалилась с своєю горничной и скрылась между кустами.

– Мні кажется, – стал рассуждати Гейза Дьертянфі, – что Луйза не откажет мні и заступится за меня пред своім папенькою, и я, в конці концов, сділаюсь февішпанским секретарем, откуда, ніт сомнінія, отворена на всі боки прекрасная карьера. А если бы Луйза оказалась ко мні не совсім равнодушною? Ах, Боже, как [был] бы я счастлив! А мні кажется, что она уже и теперь неравнодушна ко мні. Как же объяснить, что она точно сюда приходила ловить раков? А етот продолжительный и любезный разговор разві токмо случайность? А милая улыбка на ея аленьких губках... жгучій огонь ея глаз... разві все ето только случайно? Ах, я убіжден, что мні удастся, о чѣм я не сміл даже мечтати! А отец желал сділати меня попом... тьфу, попандія!

Когда Дьертянфі Гейза предавался таким мечтам, и Луйза бросила біглый взгляд на впечатлініе, которое сділал на неѣ ея случайный встрічный. «Не стыдно ли, – подумала она, – такому молодому чоловіку предатися такой ліні? Не ділал просто ничего, а лежал под кустом! Не мог ли взяти, по крайней мірі, какую-то газетку в руки или не мог ли заняться, как я, ловлею раков? Да и видно на нем, что не занимается ничім дільным – ничего не знает, даже того не знал, что гді-то в мирі существует русская письменность! Как ето унизительно! А он желает быти секретарем! Да відь с такими знаніями ни к чему не годишься. Да еще просит моеї протекції! Как бы не так! Я заступилася бы лиш за такого чоловіка, который в самом ділі заслужил протекцію. Такая-то настоящая молодеж! Трудиться не хочется, а на первую встрічу сей час понадобилось бы почтенное званіе. А кто его знает, какія сумасбродныя мысли не носятся еще в етой праздной голові?!»

Немного спустя господин Домбокі наименовал в своі секретарі какого-то оконченнаго юріста из знатной фаміліі. Вість об етом наименованіі поразила и отца Дьертянфі, и его сына. Отцу Дьертянфі показалось неблагодарностью, что госп. Домбокі, который по его ініціативі сділался сеймовым представителем и так настоящим своім высоким положеніем в нікотором смыслі одолжен єму, оказался таким невнимательным, что сына его не наименовал даже своім секретарем! О том о. Дьертянфі забыл совершенно, что сын его – некваліфікованный чоловік, что у него ніт никакого академіческаго атестата, что, стало быти, не годится на такую службу.

На Гейзу такое невниманіе подійствовало еще боліе удручающим образом. Он виділ в нем не так преграду для преуспіванія в карьері

(о своєї кар'єрі думал он не много!), как нерасположеніє к нему Луйзы, мініієм которой не в шутку стал он дорожити: «Если бы у ней находилась лиш капля симпатіі ко мні, она могла бы подійствовати на своего отца, чтобы наименовал меня в секретарі; очевидно, что у ней такой симпатіі ніт. Но кто её знает, чей, не могла вмішуватися в діло, и то по той очевидной причині, что желала избігнути всякое подозрініє? Відь недавно она очень любезно и долго разговаривала со мной; да відь тогда и сама объявила, что ей неловко поддерживать мое діло. Не буду судити торопливо; кажется, надежда все еще есть, відь в городі найдется и другая какая-там должность, не необходимо же мні быти февішпанским секретарем».

Гейза не ошибся: немного спустя упразднилась должность вармедьскаго письмоводителя; ета должность оказалась еще почетніє и она заполнялась избирательными голосами членов вармедьскаго комітета. О. Дьертянфі находился в дружественных сношеніях со всею вармедьскою знатію, и так Гейза был убіжден, что ета должность не ускользнет уже из рук его. О. Дьертянфі побывал у февішпана и почти у каждого члена вармедьскаго комітета. Всі приняли его очень віжливо, даже приобіщали свое содійствіє; однако г. Домбокі объявил, что Гейза должен представить ему атестат, что окончил юрідический курс и счастливо выдержал статский экзамен. Фреквентация у Гейзы была, но о статском экзамені ни вісти, ни духу.

Недолга был создан вармедьский комітет для заполнения должности письмоводителя. О. Дьертянфі хлопотал, ходил к членам комітета, унижался, просил и с довольно пылкою надеждою ожидал день выбора. В кандідації там было и имя Гейзы; о. Дьертянфі считал діло выигранным. Между членами комітета завелся острый спор, послідовало голосованіє и Гейза получил всего 8 голосов – от восьми русских священников, присутствовавших в комітетовом засіданні. А избран какой-то молокосос-нямеш, тоже без статскаго экзамена.

Ето было ужасное поражение для отца Дьертянфі. Он долго даже не мог опомнутися: «Да відь таким способом выгасло из сердец людей всякое благородное чувство! – думал он. – Довіряти не приходится никому. Я, старый дурак, не иміл ни дня, ни ночи, когда діло шло об избранні Домбокі в сеймовые депутаты; я пришёл в разлад с своїми товарищами, рассердил на себя всю почти вармедьскую знать, а днесь, когда я, когда мое семейство нуждается в поддержке, у моего древняго друга ніт в мою пользу ни одного слова! У меня оказались друзьями токмо ті, с которыми я не очень-то дружил и которых, должно призна-

тися, считал не так патріотичними, нижайшими себя. Что у Гейзы еще ніт статскаго экзамена – ето правда, но відь и у етого нямеша его ніт; но мні должно было знати: что тщетно єрошится там русначок, гді річ идет о потомкі древней мадярской дворянской фамілії. Увы, мні слишком поздно отворилися очи!».

– Итак, всім надеждам моїм конец! – сказал Гейза. – Мні не суждено дышати городскою жизнію. Неужелі и в Луйзі должен я обманутися? Что я не наименован в секретарі, тому не стану удивлятися, відь ето місто, по древнему обыкновенію, всегда попадалось на долю какого-то изніженнаго барича; но ета послідняя неудача совсім досадна. Иль госп. Домбокі позабыл о всіх услугах, которыя сділал єму мой отец? Відь, если бы он сказал в мою пользу лиш одно слово, то моє избраніє было бы несомніным. Мні кажется, что еті господа токмо тогда заискивают около нас, токмо тогда обіщают нам горы и долины, если нуждаются в нас; а если нужда миновала, тогда забывают о всіх обіщаніях своїх, тогда будь-какому бы то ни было кваліфікованному русначку предпочитают послідняго растерявшагося нямеша! А что сказати о Луйзі? Неужелі всі мої надежды исчезли? Разві єя милая улыбка, пылєя очей, разві румянец, нечаянно появившийся на єя личикі, – все ето было обман? А какий обман! Человіка окружает сумашествіє! Но не быти сему, здісь кто-то непременно играет свою потаємную роль. Иначе я не могу объяснить себї, откуда происходит такое ко мні равнодушіє. Чего же ятися теперь? Обстоятельства в концї концов заставляют меня признати, что отец мой был прав, когда совітовал мні быти попом. Конечно, поповство не какая-то блестящая карьера: человіка всунут гді-то в дебрї и там забудут чрез весь вік свой; ніт кому проронити слова, всегда находишся в обществї полулюдей, но живетсє в єтїх дебрях покойно; и если у тебя ніт высокопарных претензій, то, чей, можеш быти счастливым; а здісь неудача за неудачей, а наконец останешся без кусника хліба! Теперь я не знаю, чїм сділатися; на стыд людям, наконец, принужден буду поступити к какому-то стряпчею в писарі. Ах, писарь! Ето очень унижительная должность, но вот в Заломах не заполнена еще должность сельскаго нотаріуса; кажется, дочасно не мішало бы быти сельским нотаріусом. Жалованіє, правда, не очень-то блестящее, всего 600 гульденов, но ловкий нотаріус имієт достаточно способа усугубити, даже очетверити его. Крім того, нотаріус – настоящїй барин в своем селі, в руках его сосредоточена вся сельская власть. Да, ето достаточно свободная должность. Человік не привязан к часам, а ділаєт все, как єму хочетсє. Поговорю с папенькою и буду

нотаріусом в Заломах. Отец тоже здісь; кажется, это для обоіх будет очень желательно и полезно.

Гейза неодола обьявил своє желаніе своему отцу. О. Дьертянфі сначала изумился.

– Что-о-о? Та твоі высокопарныя надежды кончатся тім, что ты согласен сдѣлаться сельским нотаріусом?

– Чего же ділати? К сей должности, думаю, не трудно достатися. А может быти, зажию себѣ лучше, чѣм какой-то каноник или віцішпан.

– Да відь для того, чтобы быти сельским нотаріусом, не нужно было быти юрістом!

– Оно, правда, не нужно было быти юрістом. Но видите, папенька, если иначе не удастся. А Вы сами знаете, что это відь не так плохая должность. Правда, её считают унизительною; но на ділі в руках нотаріусов сосредоточена вся сельская исполнительная власть. Да відь и Вам не собрати свою коблину и свої иныя требованія с людей без помощи нотаріуса.

– Если тебѣ не дерогует⁶⁰, мнѣ нечего говорить. Выбирай такую должность, какую сам желаеш! Но чтобы сдѣлаться нотаріусом, для того необходим испыт.

– Как испыт? Да відь я юріст!

– Не думаю, чтобы допустили тебя к нотаріуству без испыт.

– Відь не обезумѣл же тот Домбокі, чтобы в такой мелочи не помог мнѣ.

– Поговорим с г. Домбокі, но я настаиваю на своем, что тебѣ нужен будет испыт.

– Что сказал о. Дьертянфі, то самое подтвердил и февішпан, хотя и приобіщал свою поддержку Гейзі.

Немного времени спустя был выписан конкурс на нотаріуство в Заломах.

В вармеді находилось много таких, древле-знатных, фамілій, которыя вполнѣ разорились и потомкам которых, чтобы кое-как просуществовати могли, необходимым оказалось искати какой-то службы.

Таков был между прочими сын знатнаго когда-то поміщика Ботонда – Аладар Ботонд. Етот господин перенял от родителей своїх имінышко, долгами отягощенное. К тому, по приміру своих родителей, стал жити весело – и долги стали прибывати к долгам; неодола г. Аладар Ботонд, к своему большому горю, узнал, что долги гораздо

60 **Дероговати** (од *англ.*, *юр.* Derogation) – «часточно одміняти пережий закон»; туй у значеню: «кідь не маєш высоких амбіцій» (*азначка вишорителя* – В. П.).

превышают стоимость имения. Кредиторы-жиды стали требовать долг, платить было нечем и имение продано с аукциона. Г. Аладар остался не только с ничем, но и жидовские требования, в огромном большинстве, остались непокрытыми.

Неудовлетворенные кредиторы зачали теперь размышлять о том, каким способом бы добыть для г. Аладара Ботонда какую-то должность, чтобы требованиям их удовлетворить мог. Кстаті объявлен конкурс на помещение нотариуса в селі Заломах. Жиды постановили, что на эту должность непременно изберут г. Аладара Ботонда. «Ето будет очень хорошо, – рассуждали жиды, – Аладар Ботонд, если и не выплатит свой долг наличными деньгами, но он будет тілом и душою наш. В Заломах у нас будут свободныя руки. С гоями будем обращаться по своей волі, и не может быть сомнінія в том, что долг Ботонда с богатыми процентами навернется нам. Гої выплатят его; кромі того, мы будем верховодить в селі. Во что бы то ни стало Аладар Ботонд должен быть нотариусом в Заломах.

Жиды сей час стали приводить в исполненіе свої планы. К настоятелю уїзда (*к солтабирову*) ночью стали приходиться сіном и овсом нагруженные возы, в корзинках – яйца, цыплёнки и подобныя, в повседневной жизни необходимыя вещи. Передніе люди в Заломах стали получать в корчмі угощенія, а бідняки – соль, сеledцы⁶¹, лапті и проч. Между жидами и жителями стала обнаруживаться небылая прязнь. Никоторые из жителей стали обнаруживать мысль, что жиды – ето благодітели русскаго народа, что жид всегда готов помочь бідняку, что бідняк, если на него напала нужда, нигді не может помочь себѣ – только у жида.

С етіми толками одновременно стали носиться в народі бесіды не очень-то льстивые для отца Дьертянфі. При собраніях, обыкновенно в корчмі, часто стали раздаваться голоса, что о. Дьертянфі обдирает народ, что немилосердно истязывает коблину, что за требы берет больше, чім слідовало, что даже не хочет ввести в церков родившую, не хочет погребсти умершаго, пока ему не заплатят. Даже раздавались и такіе слухи, что он хочет убольшить коблину, для чего необходимо, чтобы и нотариус помагал ему, для чего он задумал сділати своего сына нотариусом. «Відь Гейза, – говорили мужики, – кончил высокія школы в Будапешті, у него кваліфікація не для сельскаго нотариуса, а для віцшпана или даже для ківета, а он не брезгает сельским нотариуством; очевидно, у него кака-то ціль: он хочет увеличить коблину для своего отца».

61 **Селедец** – груба похыба. Видав, иде за: *російськ.* «селёдка», *укр.* «оселедець», *русин.* «геринёк» (*зазначка вишорителя* – В. П.).

Такіє и подобныє слухи выходили от євреєв и распространялись євреями.

– Ой, того лиш не буде, чтобы мы еще большиї бремена брали на свої плечі, – говорили нікоторые из мужиков, хотя находились и такіє, которые проникли сквозь всі єврейскія махінації и вірно стояли при Гейзі.

Наконец, был назначен день для выбора.

Февішпан Домбокі отправил записочку к солгабирову, в которой объявил, что он желал бы, чтобы в нотаріусы в Заломах был избран Дьертянфі.

Ета записочка не то чтобы пользовала⁶², но еще боліє вредила Гейзі.

– Февішпан желает, чтобы избран был Дьертянфі, – рассуждал солгабиров. – Итак, кандидация Дьертянфі – ето не шутка. Но євреї его не желают, стало быти и я не могу желати. Мні необходимо стояти за одно с євреями, відь они снабжают меня всім, в чім только нуждаюсь, да, между нами будь сказано, їм извістны всі мої слабости; не совістно же дійствовати против них. На всяк случай, должно дійствовати очень осторожно.

Накануні выбора верховодителі єврейскіє появились у солгабирова за інструкціями.

– Ну, а много сторонников у Дьертянфі? – спросил солгабиров.

– Ой, есь-есть... попы многих руснаков притягли на свою сторону.

– Чего же будем ділати?

– Мы будеме дома ділати так, чтобы наши шли на выбор, а поповы чтобы оставались дома.

– Та как ето возможно?

– Совсім легко. Та пан солгабиров не знают, что гої нам должны? Мы завдали⁶³ многих в право – на завтра мають терміны. Им буде не до выбору, бо мусят явитися на суд.

– Вы умные люди!

– Ци пан солгабиров будут на выборі президентом?

– Та кто бы был? Відь ето мой долг.

– Просиме пана, най затворят очи; мы уже переведемe наше діло; бо поповых єднако може насбератися больше.

– Відь Вы знаете, что я из всіх сил буду помагати пану Ботонду.

– Мы напишемe на карточки имя Ботонда, а дурный гой не знає читати по мадярски та дасть карточку. Паны писарі уже знают!

62 **Пользовала** – туй у значеню «помогла», «принесла пользу» (зазначка вишорителя – В. П.).

63 **Завдати** (в право) – туй у значеню «подати в суд» (зазначка вишорителя – В. П.).

– Хорошо, ділайте, как знаєте, токмо ловко, чтобы не уничтожили выбор!

Євреї отпустились домой и прежде всего разголосили между мужиками, что и февішпан, и солгабиров, и вся вармедь того желает, чтобы нотариусом был избран Аладар Ботонд. А если всі пань того желают, то они и не допустят, чтобы избрали кого-то другого. Послі жиды пустили всі угрозы в ход. О ком узнали, что хочет голосовати на Дьєртянфі, сей час стали просити от него долг и подали цїтацію⁶⁴ на право; других усиловались приобрести ласками, паленкою. Слїдствїем всего того оказалось, что приверженцы Гейзы значительно уменьшались.

В самый день выбора приверженцев Ботонда стали поити и гостити, наняли для них повозки и повезли, куда слїдовало.

Около дьєртянфістов нікому было ходити. О. Дьєртянфі как-то не мог енергїчно дїйствовать в пользу своего сына; єму показалось неловко собирати людей и унизытельным для своего авторитета угождати їм и просити їх подержки.

Результатом всего етого оказалось, что многіе из его приверженцев или сдїлались равнодушными, или перешли на сторону Ботонда. Однако находились и такіе, которые не страшились ни жидовских угроз, не прельщались ни ласками, ни угощенїями їх, а остались вірными своїм началам. Тїм не были нужны ни повозки, ни паленка, они собрались в купочку и отпустились на мїсто выбора.

Заломы огласились криками избирателей. Из одной стороны слышалось: «Ельєн Ботонд!», из другой стороны – «Ельєн Дьєртянфі!» Наконец, прибыл и солгабиров, долженствующій быти презїдентом выбора.

Послі непродолжительнаго совїщанїя рїшено подавати голоса не живым словом, но посредством білетов, на которые написалось имя того кандїдата, на котораго избиратель намїрял подати свой голос.

При одном столикі выдавались білеты с именем Ботонда, а при другом – с именем Гейзы Дьєртянфі; но оба письмоводителї принадлежали к партїи Ботонда по той простой причинї, ибо и сам солгабиров стоял за Ботонда; разумїется, что и писарей брал с собою таких, которые дїлали с ним одно дїло.

При всей пресїи⁶⁵ солгабирова партїя Гейзы Дьєртянфі оказалась столь многочисленною, что вызвала серьєзное опасенїе. Избиратели приступили к писарям и стали просити білеты для отданїя своїх голосов.

64 **Цїтація** – русин. «предписаня», «повелїня»; росїйськ. «предписание», «повеление» (зазначка вишорителя – В. П.).

65 **Пресїя** (русин. пресїя) – иншак: русин. «натиск» (зазначка вишорителя – В. П.).

Первая купочка избирателей приступила к тому столику, гді выдавались білети с именем Дьертянфі; вторая купочка приступила к тому же столику, третья – тоже. Теперь явились кое-какіе мужички, предводимые євреями; ті пошли к тому столику, гді выдавались білети на имя Ботонда; неодола окружили избирателі оба-два столика.

Білеты, которые получали мужики при тіх столиках, прямо отдавали в руки председателя. Солгабиров перечитывал имена; и с каким-то неудовольствием покиивывал головою. Наконец, когда увиділ, что діло Ботонда стоит плохо, шепнул что-то одному єврею, который, в свою очередь, мигнул писарю, находящемуся при столикі, при котором писалось имя Дьертянфі. Писарь, кажется, понял, в чѣм діло, ибо как скоро мужики, бравшие от него білеты, стали отдавати їх солгабирову, лице послідняго выяснилось и он с довольством кивнул головой. Теперь уже и на етіх білетах стало появлятися имя Ботонда. Мужики благонадежно отдавали свої білеты, они не подозревали того, какая ужасная разыгрывается с ними шутка.

Пробило двенадцать часов, выборный комітет садился к обіду, но и мужики перестали уже выдавати свої голоса. Послі обіда солгабиров подождал еще два часа, послі же созвал комітет и мужей довірія и зачал счисляти голоса. Оказалось, что на 80-ти білетах находилось имя Дьертянфі, а на 85-ти білетах имя Ботонда, вслідствие чего солгабиров провозгласил господина Арпада Ботонда нотаріусом округа Заломлянского.

При провозглашеніи Ботонда нотаріусом в Заломах Дьертянфі поблід, не сказал ни слова и тихо оставил выборную залу. Ботонд, или лучше вмісто Ботонда євреї, веліли принести панам вина и пива, а мужикам водки – и так угостили всіх присутствующих.

– Не понятно, – сказал одного дня Гейза своему отцу, – что мні не удалось при всіх наших потворствах сильным мира сего остатися даже простым сельским нотаріусом в Заломах. Я слышал даже такія річи, что «москалям» не слідует занимати в Угорщині никакой должности. Да відь ни я, ни Вы, батюшка, не дали никогда повод к тому, чтобы нас назвали «москалями».

– Это, сын мой, сначала, конечно, кажется непонятным; но если человек приостановится над етім положеніем, то не замедлит угадати настоящую причину діла. Вот, народ размножился, много нас, а жити каждому хочется; но как жити, если нїт средств к жизни? Ты видиш, сын мой, что дворянство пустіет, что добра переходят в єврейскія руки

и потомки когда-то славных фамілій остаются без кусника хліба. Представ собі, что такой обіднілий потомок ищет помощи, а ищет у таких людей, с которыми предки его находились в тісной связі – в дружбі! Очень естественно, что древніе друзья считают своею должностъю помочи несчастным потомкам своїх когда-то задушевных товарищей.

– Стало быти, моє поражєніє и Вы, батюшка, считаете совсім естественным?

– Я еще не кончил. Если бы еті господа поддерживали обіднілых потомков своих товарищей благородным способом, без того, чтобы очернять других, то против того не можно бы ничего возражать; но діло в том, что для достиженія ціли они позволяют собі всякую низость. Вот, сын мой, мы во всем усиловались исполнять волю етіх господ, мы погрішили против своего народа, который нас содержит, мы, стыдно сознати, діяствовали не в пользу, а во вред своих прихожан; а все токмо для того, чтобы исполнять прихоті етіх господ; а в конці концов, вышло, что они не токмо не допустили тебя даже до сельскаго нотаріуства, но назвали нас даже «москалями»! Так поступити может токмо крайняя порча нравов. Ето уже настоящая коррупція.

– Но ето уже вошло в моду – называть каждаго человека, принадлежащаго к русской церкви, «москалем».

– Но ето не случайное названіє. В нем кроется двоякая злоба. Во-первых, етім названієм желают представить нас в виді измінников отечества, вредити нам, уничтожити всі наши предпріятія и вытіснити нас отовсюду; во-вторых, хотят представить себя в виді настоящих патріотов, хотят предложить взору свої преимущества над нами, и таким образом возвыситися на нашей гибелі.

– И так я и не могу надіятися, чтобы попасть в какую-то должность?

– Пока у тебя будут конкуренты из обіднілаго дворянскаго сословія, разуміється, нїт.

– Но таких конкурентов везді полно, відь дворянскія имінія, по большей части, перевандровали в єврейскія руки; а обіднілыє потомки древніх, когда-то знатных семейств так и «шляются» по всіх углах нашего отечества. Всі они мої конкуренты.

– Ну, так и невеликая надежда, чтобы добитися до какой-то должности. Должно бы иміти особенное счастье.

– Стало быти, русский человек не может быти, разві токмо хлопом и попом.

– Не токмо русский, но и такой, который перестал быти русским и отказался своей народности. Здісь должно иміти протекцію, ето –

главное діло, а протекція, если появиться на сцену какой-то барич, немеслима.

– Чего же теперь стану ділати?

– Чего станеш ділати? Должно взятися за дільный труд и не надіятися на протекції.

– За какой дільный труд?

– Должно учиться, сын мой. Видиш, ты был юристом или, лучше сказати, ходил около університета, в котором читались юридическія лекції; но о знанії своем не засвидѣтельствовал ничім. У тебя нїт не токмо никакого экзамена, но нїт даже колоквиума. Наши мнимые протекторы, разуміється, могли сділати нам услугу, могли подійствовати, чтобы ты сділался февішпанским секретарем или там вармедьским нотаріусом, или, по крайней мірі, нотаріусом в Заломах; но если не схотіли сділати нам услугу, то у нас нїт при руках никаких средств, чтобы подійствовать на них. Вот, февішпан говорит, что у тебя нїт атестата, и я ничім не могу ему возразити. Если бы у тебя был кое-какий атестат от твоїх юридических студій, тогда, чей, и не потерпїл бы такое фіаско; но атестата нїт; и если наши мнимые протекторы скажут, что без атестата не может быть никакого преуспіянія, то они правы, по крайней мірі, могут оправдатися, хотя мнї очень хорошо извѣстно, что они руководятся далеко другими воззрїніями, и мы против них рішительно не имієм никакого слова.

– Чего же стану я теперь ділати? Відь должен же я себї избрати какое-то поприще!

– Чтобы преуспівати на юридическом поприщи, для того необходимо засвидѣтельствовать, что ты юрист; а засвидѣтельствовать это возможно токмо так, если у тебя будут в руках атестаты о всїх етїх экзаменах; тогда уже можеш надіятися на кое-какий успїх; но и тогда не должно предавати себя тщетным надеждам – карьера твоя не пройдет гладко. Я, увы, из опыта убїдился, что нас всегда подозрївают в каких там, нам вполнї невідомых замыслах, в гравітації на вні, пожалуй, даже в измїні отечеству! Я всею душею послужил мадярскому ділу, писал мадярскіе стихи и повїсті, мадярізовал в церкви и в школї, стыдно признатися, пресмыкал пред сильными мира сего, во всїм потворствовал їм; а наконец вышло, что сын мой, который ни на шаг не уступает мнї в мадярізаторских стремленїях, не надежен быть даже простым нотаріусом в Заломах, ибо он греко-католик, стало быти – панслав, москаль и чорт его знает что!.. Стало быти, если бы ты был и доктором юриспруденції, по той причинї, что ты сын восточной греко-кат[олической] церкви, мог бы какой-то разоренный панчук выбросити тебя

из сідла; и ты, несмотря на свою ученость, оставал бы всегда назаді. А сколько должен бы ты лицемірити, как должен бы повставати против интересов своего народа и своей церкви! Как должен бы лукавити, унижаться, потворствовать пред такими людьми, которые по своему нравственному достоинству не заслуживают даже того, чтобы человек посвятил їм один внимательный взгляд! У тебя, сын мой, атестатов ніт; признатися, тебі нужно бы все начинати спереди, ибо твої юридическія знанія очень недостаточны. А заслужит ли труда, чтобы ты очутился в выше описанном, сожаленія достойном, на пресмыканія, униженія осужденном, позорном положеніи? Учиться, трудиться, чтобы человек достиг таких незавидных результатов, в самом ділі не стоит труда.

– Чего же стану ділати?

– Можеш, сын мой, учиться. Сділаєшся доктором юриспруденції, но не забывай: в жизни всегда будеш играти низкую и униженную роль, а в конкуренції с разорившимися панішками всегда останешся назаді. Если твоя натура выдержит непрерывныя униженія и пренебреженія, если сознание твое не возмутится при виді вопіющих несправедливостей, если у тебя хватит хладнокровія при всіх етих возмутительных процедурах, тогда не стану прекословити, dokonчи начатыя тобою студії – будь юристом!

– Но окончити юридическія студії – это для меня не так легкое діло. Признатися, я ходил не в университет, а только около университета. А как вы, батюшка, описали мні состав наших юристов, то, кажется, не стоит труда гнаться за етим «блестящим» положеніем. Мні, конечно, должно бы начинати все спереди; а для того уже едва ли не пролетіло время. Но я все-таки желал бы быти мирским человеком, ибо духовный сан в наши дни не очень-то блестящ. Духовных лиц днесь гонят и преслѣдуют.

– В том-то и вся прелесть духовнаго званія.

– Как? Прелесть! Что человека гонят? Не понимаю.

– Я так думаю, сын мой, тебі не неизвѣстно прекрасное изреченіе Христа Господа: «Блажени изгнанніи правды ради, яко тѣхъ есть царство небесное». Это несомнѣнно так. Если я вижу истину, если убѣдился в ней, что она прекрасна, и для того всею душою отдался истині, приліпился к ней и усилиуюся дієвувати, чтобы эта истина восторжествовала, тогда я должен почитати себя счастливым и блаженным, если меня за эту истину гонят и пренаслѣдуют.

– Но наши священники не очень-то гонятся за такими ідеалами; между ними едва ли найдутся два-три, которые бы возвысились над своїми ежедневными матеріальными нуждами. Наш священник, как ско-

ро окончил богословский курс, оженился и принял священный сан, сей час принужден или голодати, или жити из милости других. Как зачал в молодости, так продолжает чрез всю жизнь свою. Єго непрестанно гнетут лишения и недостатки, и он всю жизнь принужден горбитися, ползати пред сильными мира сего, чтобы кое-как дозволити своїм ежедневным житейским нуждам. Ну, как же єму служити истині, когда истина днесь не мила никому и когда, по причині служенія истині, священник принужден бы голодати вмісті с своїм семейством? Сам, быти может, и рішился бы голодати, но заставить голодати жену и діти из-за служенія истині – єто, кажется, превышает человеческія силы. Ніт, батюшка, я ни за что не рішился бы сдѣлаться попом.

– Ты вірно представил настоящее положеніе нашего духовенства; но єто не порядочное состояніе, єто только изытія. Конечно, днесь наши молодые священники не получают сей час приспособленія и часто принуждены через годы скитатися без помѣщенія; но такое состояніе продлится уже недолго, предприняты всі міры, чтобы сдѣлать конец сему ненормальному положенію. Что наше духовенство, почти без изытія, борется с лишениями и недостатками, єто вірно; но кто тому причиной, не самое ли духовенство? Наши священники желают быти не скромными духовными отцами, а настоящими панами, они гонятся, пожалуй, за аристокраціей и жаліют, если жизнь свою не могут уладити на магнатский или, по крайней мірі, на помѣщичій лад. Доходы їх не находятся в пропорціи с такою жизнью. Выдатков назбѣрается пропасть, начнется жизнь *a conto*⁶⁶, являтся долги, выравнати которые ніт никакой возможности, ибо новыя требованія не прекращаются, – и готово несчастіе. Так жили, сын мой, и мы, для чего днесь приходится нам терпѣти лишения. Если бы я мог снова зачати жизнь, увіряю тебя, что я не очутился бы в подобном безвыходном положеніи. Ніт, сын мой, слава священника должна состояти не в том, чтобы поблестѣти и жити роскошно, но в том, чтобы чѣм лучше приблизитися к ідеалу каждого человека – Христу.

– Но днесь, увы, не много заботятся об ідеалах; днесь живетса практическою жизнью, в которой на первый план выдвигаются потребности матеріи – тіла! О духі днесь никто не заботится.

– Если так, то священников ожидает рішеніе тім большей задачи: они должны навернути мир к духовной жизни.

– Но возможно ли єто? Єто відь превосходит человеческія силы.

– Не должно забывати и о вышней помощи. Что мир днесь натоолько отдалился от своей ціли, в том немалая вина падает и на священников.

66 *A conto* (итал.) – туй у значеню «в долг» (зазначка вишорителя – В. П.).

Священники в новітнє время очень небрежно выполняют свої обязанности. Не стану осуждати никого; но наша жизнь стоит в противорічії с проповідуемою нами євангельскою истиной. Мы часто проповідуем о милосердії; между тім представляется цілым чудом, если священник совершит діло истиннаго милосердія. Не тщетно же говорил Господь в притчі о павшем при Іерихоні в разбойники, что «видѣ его священникъ и мимо иде». Священники в то время, когда проповідают милость, безжалостно истягивают свої долги: роковину, плату за требы и проч. Между такими обстоятельствами не удивительно, что народ стал смотріти на священников, как на своїх притіснителѣй. Народ начинает отчуждаться от своїх пастырей, начинает ненавидіти їх; а эта ненависть мало-помалу начинает переходить и к проповідуемой ими истині – к вірі. Но и не может быть иначе. Священник проповідует любовь, милосердіе, а сам не упражняет еті добродітелі; проповідует посты, воздержаніе, а сам не постится и даже не думает о воздержаніи. Днесь враги христіанства изо всіх сторон вооружилися против віры Христовой, и мы токмо так можем сохранить христіанство, если окажемся на высоті своего положенія, если на ділі докажем, что добродітелі наши недостижимы. Любовію к ближнім и превосходством своїх добродітелей можем еще побідити мир; но если вести жизнь такую, как в настоящее время, то хитрость, условность, насилія и послідовательность врагов христіанства, особенно между нашим необразованным народом, легко могут вінчатися полным успіхом. Наших необразованных и к своїм пастырям не расположенных мужиков не трудно сбить с пути и ввести в заблужденіе. Для чего в настоящее время неоцінима діятельность одного хорошаго священника, который предпринял служить Богу и спасенію душ, а не своїм егоістическим цілям!

– И так, батюшка, Вы совітуєте мні быти священником?

– Если ты, сын мой, понял, в чѣм состоит днесь должность одного священника и если ты кріпко рішил совістно выполнять её, тогда, конечно, – да.

– Но днесь жизнь у священников незавидная, непрестанно борются с недостатками, а при том всі преслідуют їх.

– В том то и высота священническаго званія, что он проповідует истину, а за истину терпит и недостатки, и гоненія. Кто днесь желает быти священником, тот не должен рассчитывать на славу и на мясные котлы, а должен быть готов терпѣливо сносить и нищету, и презрініе – ради имени Христова.

– Но ето відь нелегкое діло!

– Должно рішитися, сын мой, відь жизнь свою кое-как неперемінно должно провести.

– Еще одно препятствіє. Духовное званіє в настоящее время чрезвычайно переполнено. Бідные молодые священники по пяти, по шести годов шляются без поміщенія. Уже и Америка переполнена їми.

– Но пока ты окончиш свої науки, ета ненормальность перемінится. Впрочем, сегодня переполнено всякое званіє. Сегодня достаточно юристов, медіцінеров⁶⁷, професоров и всяких подобных должностей. Самое надежное поприще было бы отправитися в торговлю или на какое-там ремесло.

– Что вы задумали, батюшка? Неужелі Вы меня воспитали для ремесленника?

– Ну, если тебѣ ето не по вкусу, попробуем: будеш священником.

И Гейза Дьертянфі, как и его отец, послѣ скитальческой жизни рішил вступити в духовное званіє.

Члены консисторіи не в шутку изумились, когда увидѣли Гейзу между конкурентами. Одни так умствовали, что Гейза набрался между юристами мирскаго духа и так в настоящее «ліберальное» время не годится в священники; другіє, напротив, стали смотріти на Гейзу, как на какое-то высшее существо, который, быв на цивільном поприщи, благоизволил понизитися до поповскаго званія – и готовы были принять шаг его за снисхождение.

– Как не принять его? Відь ето сдѣлает честь духовному званію, что в своем лоні оно будет иміти юристов! Ето не отсталый человек, он находится на уровні современной цивілізації, ето не какая-то «попандія».

Такіє отзывы побѣдили, и Гейза вступил в семінарію. Конечно, Гейзі было уже не до ученія. С тіх пор, как оставил гімназію, он никогда не брал книги в руки с какою-то серъезною цѣлью. Лекціи перебывал в каком-то полусні; а если вышел из класа – прямо в курильню, гдѣ запалит трубку и при клубах дыма мечтает о своей будущей женитбі. Когда зазвонят для студій, сіленціум⁶⁸ опять проходит в полусні, а когда вступит в клас, то, разумеется, о заданном «скабелумі»⁶⁹ ни вісти, ни духу. Професора не знали, чего ятися. В разговорах они не раз объявляли свое недоумініє, что в семінарію понабирают совсім несвідущій и тупоумный люд, с которым ніт возможности сдѣлати какого-то успіха. При концѣ почти каждаго года Гейза провалил-

67 **Медіцінер** – русин. «медик» (зазначка вишорителя – В. П.).

68 **Сіленціум** (лат. silentium) – русин. «мовчаня» (зазначка вишорителя – В. П.).

69 **Скабелум**, авадь шкабелум (лат. skabellum, маляр. skabellum, російськ. скабеллум) – туй у значеню «урок», «задача» (зазначка вишорителя – В. П.).

ся; однако он настолько привык к подобному состоянию діл, что на «секунды» не обращал почти никакого внимания. Он знал, что на исправительном экзамені, будь из милосердія, получит какой-то мізерный *sufficiens*⁷⁰.

Но самая большая біда состояла в том, что Гейза по русски, или, лучше, по церковнославянски не знал даже порядочно читати. Русскому языку в гімназії не обучался, ибо ето был необлігатный⁷¹ предмет; а закону Божьему во всей гімназії обучался по мадярски.

В семінарії пришло заниматься чтеніем свящ.[еннаго] писанія. Товарищи еле могли сдержати сміх, когда его Гейза читал. Часто повыкручивает слова, часто скажет противное, а часто произнесет какой-то чудный звук, который разобрать положительно ніт никакой возможности. Но дома сміялись над ним, по крайней мірі, свої; но кое-когда нужно прочесть кое-что и в церкви или выполнять діаконскую должность; при етом уже сміются не лиш домашніе, но всі, которые что-то смыслят к обряду и богослуженію. Сначала Гейза был очень чувствителен к насмішкам и остротам, которые сыпались на счёт его церковных чтеній, но послі как-то отупіл и всі остроты сносил с благодушным терпініем; однако все ето не послужило ему поводом для того, чтобы взятися серьёзно за діло, исправить ошибки и не дать повод к подобным насмішкам. Он презирал церковныя письмена и так судил, что оні не заслужат того, чтобы ими заняться. Відь у нас єсть и мадярскіе приходы; для чего бы мні не попастися в такой приход? Мні теперь уже трудно заняться русским языком, которым разговаривают одни токмо мужики! Впрочем, кое-гді и между русначками проповідывают уже по мадярски; пусть учатся русначки государственному языку; не стану же я в угожденіе їм учиться по русски. И Гейза не учился по русски. Пробыв четыре года в семінарії, он вышел из ней почти с тіми же знаніями, с которыми в[о]шёл в неё, ибо ті тексты, которые зазубрил по латыні и которых не понимал, нельзя назвати знаніями.

Окончивши богословскія науки, Гейза стал размышляти о том, чтобы скоріе ожениться. Біда была только в том, что предварительно должно было сдать душпастьерский экзамен. Конечно, Гейзі учиться или, по крайней мірі, прочесть кое-что из богословских наук не очень-то хотілось. Он был в том убіжденіи, что учиться в его вік (а числил он 30 літ) никак не слідует. В конці концов, когда был означен термін для так названных куральных экзаменов, Гейза, совсім неприго-

70 **Sufficiens** (лат., школ.) – русин. «достаточно» (зазначка вишорителя – В. П.).

71 **Облігатный** (лат. obligatus) – русин. «обовязный», «повинный» (зазначка вишорителя – В. П.).

товлений, отправился сдавать экзамен. Он надіявся, что теперь уже, когда окончил свої студії, професора не намірени вредити єму. Они и не вредили; по большей части, позволили на спекуляцію; но один доктор оказался немилосердным, он не допускал никаких спекуляцій – и Гейза хорошененько провалился. Но когда Гейза пришёл повторять экзамен, размягчилось докторское сердце – и Гейза получил какой-то жалкий *sufficiens*.

– Чорт побери еті экзамены; хорошо, что я раз уже послі них; но теперь предстоит мні боліє серьёзный экзамен, ето – женитба!

Дівушки Гейзі были знакомы из всей єпархії, відь семінарісты тім и проводят досужное время, что составляют класіфікації священнических дівушек. Ожениться, однако, оказалось не так легко, как ето себї Гейза представлял.

Гейзу везді считали «старым» семінарістом; кромі того, на счет єго носились смішныя анекдоты. Дівушки не могли вспомнути о нём без того, чтобы не пробігла по губочкам їх насмішливая улыбка. Для чего Гейза получал отказ за отказом. Ето обстоятельство взбісило єго и он рішил остатися холостяком, или целебсом.

Всі знакомые Гейзы остолбеніли, когда услышали, что он наміряет прияти рукоположеніе безженно.

– Да відь ето тот Дьертянфі, который был и пештянским юрістом, и которым были полны всі развеселительные дома; ето тот самый, который по уши был влюблен в доч Домбокі; ето тот веселый человек, который в разговорах не иміл другаго предмета, кромі походовеній с красным полом. А тот Дьертянфі наміряет теперь остатися безженным!

И Гейза в самом ділі явился для рукоположенія. Смішно было смотріти на єтого человека, каким он показывался святошей, как наклонил свою головушку на правый бок и как увірял каждаго встрічного, что он жизнь всеціло желает посвятити Богу, для чего и избрал совершенный образ жизни.

Товарищи сміялись над етіми увіщаніями Гейзы и нікоторые говорили, что, мол, увидят, какую будет он проводить совершенную жизнь.

Но находились и такіе, которые рішительно отрицали, что избранный Гейзою образ жизни совершеннїший, чім Богом установленная брачная жизнь.

– Ты будеш заботитися только о самом себї; а отец семейства заботится о каждом члені своей семьи. Бессонныя ночи, заботы воспитания дітей, ревность об їх благополучії, обход в болізнях и проч. – ето все такія добродітели, каких холостяк проуказати не может. А если он

сділається честолюбивим, егоїстом и проч., что тогда? Вспомни, друг, говорили ему, что от холостой жизни токмо шаг один к гибелі!

Гейзі причинили неспокойствіє такіа бесіды, но он все-таки остался при своем наміреніі.

– Будь что будет, – подумал он, – но одно вірно, что в настоящем вікі семейная жизнь очень затруднительна; не лучше ли отрішитися раз [и] навсегда от таких трудов и жити без забот и без недостатков?

И Гейза был рукоположен целесом в священники. Послі своего рукоположенія он был назначен в учителі, а главное – в преподавателі церковнославянскаго языка духовной семінаріі в город Зубачев.

Гейза очень обрадовался. Подумал, відь ето такое счастье, о каком я и мечтати не сміл. Ето первая, и то очень важная ступень для того, чтобы карьера моя быстро поднималась вперед. Мні должно бы бити очень глупому, если б послі истеченія шести-десяти літ не сділатися каноником или каким-то титулярным протоіереем. Главное діло – хорошо поняти дух времени. Теперь господствует ліберальный дух – ну и, стало бити, должно бити ліберальному; теперь везді мадярізація – ну и, стало бити, должно бити мадяру.

Гейза скоро отыскал средства, которыя должны были быстро двигнути вперед его карьеру: сділался горячим лібералом, ну да, разуміється, мадяром. А поелику очень хорошо понял, что его преуспіаніє в многом зависит и от латинскаго духовенства, то стал показыватися бóльшим латинником, чім настоящіє латины, для чего завел связи даже с іезуитами, от которых стал испрашивати инструкціі для своего дійствованія.

Но «лібералом» бити оказалось недостаточным, необходимо было и засвидітельствовати свої «ліберальныя» чувства. Чтобы достигнути сего, Гейза при каждой торжественной случайности побывал у февішпана, віцішпана с гратуляціями. Крім сего, часто посіщал публичныя міста, как то: гульбища, кофе, рестораны, в которых собиралась городская знать, и там наяві восторгался своїми ліберальными чувствами. Конечно, приготавлиая таким образом свою карьеру, Гейзі приходилось не раз очутитися в таком положеніі, которое не совсім соотвітствовало его духовному, а при том учительскому званію. Но вести себя духовному званію соотвітственно в настоящее время не стоит труда – человека назовут біготом⁷² и станут считати неспособным заняти выдающеєся місто. Головное діло, чтобы у человека был шик, чтобы сділался популярным у інтелігенціі, чтобы прослыл лібералом и хорошим «га-

72 **Бігот** (из франц. *bigot*) – русин. «фалошник», «ліцемір»; російськ. «святоша», «ханжа» (азначка вишорителя – В. П.).

зафіком»⁷³. К етому послідньому, главным образом, принадлежало то, чтобы никогда не проронил ни одного русского слова, чтобы церковно-славянскому языку обучал так, чтобы ученики его ровно ничего не знали! Гейза выполнил еті условия блестящим образом. Ученики его еще и читать не уміли по церковнославянски (для чего некоторые и стали поддерживать планы на счѣт введенія алфавита), и не чудо, видѣ и сам учитель ровно ничего не знал. Чтобы тѣм яснѣе засвидѣтельствовать, кромѣ своего «газафікшага», и своѣ латинскія чувства, Гейза непрерывно восхвалял своим ученикам безбрачіе духовенства, ружанцы, культ сердца Іисуса Христа и Божіей матери, часто говорил о принятіи новаго календаря и непрерывно жаловался на долготу нашего обряда и ругал древніе обычаи нашей церкви.

Поведеніем своим достиг Гейза блестящих результатов. Его неодога наименовали капеляном Его Святѣйшества папы extra urbem, возвели в титулярные благочинные и льстили надеждою, что неодога будет возведен в порядочные каноники.

Гейза на ділі ожидает своего возведенія на высшія достоинства; однако мы бы считали его слишком скромным, если бы так думали, что он был бы доволен каноничеством. Гейза надіється достигнути самых высоких достоинств. Ему когда-то⁷⁴ не в шутку приходит в голову, что он будет еще митрополитом. И нечего говорить, у него не недостает таких качеств, которыя в нынѣшнее время управляют его достигнути самыя высокія степени достоинства.

Но оставим его; пусть себѣ Гейза мечтает о митрополіи.

Арпад Ботонд, сдѣлавшись нотаріусом в Заломах, стал вести сдѣлавшуюся ему второй натурой беззаботную, разгульную, легкомысленную жизнь. К такой жизни требовалось больше средств, чѣм того доставляло скромное положеніе нотаріуса в Заломах. Оказалось необходимым приобрести средства каким-то побочным путем. Таких путей представляется множество в распоряженіе одного сельскаго нотаріуса.

Наступит осень – начнутся истязанія податей. Народ про убожество платить не может – начнутся екзекуціи. Жиды, сговорившись с нотаріусом, покупают за бесцѣнок сѣно, кукурузу, рож и другіе плоды бѣдствующаго жительствова. Нотаріусу при сем, разуміється, достается своя доля барыша.

Кромѣ барыша от податковых екзекуцій, Арпад Ботонд брал высокія таксы за сготовленіе контрактов, інтабуляцій, рекламацій и проч.

73 **Газафік; Газафікшаг** (из мадьяр. hazafi; hazafikság) – русин. «патріот», «патріотизм» (зазначка вишорителя – В. П.).

74 **Когда-то** – туй у значеню «подаколи» (зазначка вишорителя – В. П.).

Причем кое-когда бывало и так, что руководился не справедливостью, но, за хорошие деньги, притис перо в пользу одного или другого еврея.

Так случилось, что в одном случаі не убоюлся написать даже подложный документ в пользу одного еврея, подписав в свідителі тоже двух євреєв. Слідствієм сего документа оказалось, что все имініє одного мужика перешло в єврейскія руки.

Ето было начало. Євреї стали теперь требовати и других подобных подлогов и стали требовати дерзко, ссылаясь на первый преступный промах нотаріуса. Ботонд не сміл противитися и раболіпно стал дозвѣтвляти то одному, то другому преступному требованію євреєв. Наконец дошло до того, что за Ботондом оказалась цілая вереница преступленій; и Ботонд сдѣлался рабским орудієм всѣх жидовских требованій, ибо, в противном случаі, грозили объявити о его преступленіях.

Жида восторжествовали. Теперь стало идти в Заломах все по їх желанію. Ботонд, конечно, усиловался высвободитися из жидовских когтей, но все напрасно. Они не выпускали из рук словленную раз добычу.

В селі стали являтися до неба вопіюція діла. Землі переходили поочередно в жидовскія руки, відь нотаріус оказался сліпым орудієм в жидовских руках, а о. Дьєртянфі не мог ничего сдѣлати, відь и сам был должником жидам, а, кромі того, нотаріус ділал єму все наперекор, так что он вполні стал обходить общественныя діла. Обращатися к верхности тоже оказалось бесполезным, відь Ботонд находился в связях с вармедьскою знатью, и так промахи его тщательно прикрывались.

Из всего етого произошло, что народ, лишанный всякой защиты, наскоро обідніл и уже не мог дозвѣтвляти своїм, отовсюду наложенным на него должностям.

О. Дьєртянфі первый замітил ето, відь и до сих пор невеликіє доходы его совсім оскуділи. Но народ сдѣлался не токмо нищим в матерьяльном смыслі, но нищим и в нравственном отношеніи. Нравы его испортились, віра охладіла и сдѣлался склонным на всякую мерзость и беззаконіє.

О. Дьєртянфі замітил одичаніє нравов и всі силы свої напружил, чтобы препятствовати злу; но ето как-то не шло; напротив, стали предствалятися явленія, от которых о. Дьєртянфі не в шутку испугался: стали раздаватися между народом такія выраженія: «Най собі поп говорит; что бы чинив, кобы не говорив?», «Нашто буду ходити в церков, там нич не дадут!», «Як умру, най мя там вержут и в шанц, я о том нич знати не буду!». О. Дьєртянфі испугался, відь ето – признаки невірія.

— До чего довели народ нікоторые новтароші и жидаы! — подумал он собі. — Да, должно признатися, здісь грішны и нікоторые отцы духовные, которые так смотрят на народ, как на источник своїх доходов, а о том, чтобы выполнять свої обязанности относительно народа, не много заботятся. Жизнь в Заломах сділалась для о. Дьертянфі несносною. Доходов своих он не получал. Народ отчасти обідніл, отчасти же, наущенный врагами священников, стал отказывати в выполненіи своих обязанностей. Но и паны стали лукавити. Случилось, что когда о. Дьертянфі стал жаловатися, что не получает своих доходов, паны отвітили, что нікому платити, так как народ находится в крайней нищети и ніт из чего истягивати долги.

Конечно, народ обнищал; и в самом ділі находились такіе «газды» (*хозяева*), которые не могли платити и от которых и судебным способом ничего не возмеш, но большая часть, однако, могла выполнить свої должности, если б только к тому была охота. Когда мужики замітили, что паны не очень-то наклонны истягивати священническіе долги, ободрились и, как бы на заказ, перестали платити. О. Дьертянфі сначала ходил от солгабирова к віцішпану, от віцішпана к февішпану, раз даже загрозил, что отнесется к самому міністерству, но когда увиділ, что всі труды его остаются тщетными, наконец пал в какую-то апатію и перестал інтересоватися своїми должниками.

Но, в свою очередь, у о. Дьертянфі тоже были кредіторы. А еті, к несчастью, не падали в летаргію, но сначала то словом, то письмом просили свое; а когда его не помагало, стали подавати жалобы в суд.

Послі сего зачались секвестрації: все, что только иміл о. Дьертянфі, было поставлено под секвестр. Но долги омного превышали всі движимости его. Положеніе было несносное. О. Дьертянфі стал чувствоватися чужим в собственном домі. Все было под секвестром: и мебель, и столовый убор, и книги, и одежды, и женскія украшения, и скот, коні, кареты и проч. Но всего етого не доставало. Жидаы просили наложити секвестр и на его приходскіе доходки; это, однако, судом было отклонено, так как о. Дьертянфі доказал, что всі его доходки не превышают 600 гульденов, какая сума необходима для его содержания.

Послі секвестров слідовала продажа с аукціона (*ліцітація*). Всі вещи отца Дьертянфі были распроданы. Меблі, которые были куплены в Будапешті, перевандровали в жидовскія комнаты; на кареті, которая была гордостью отца Дьертянфі, нахально проїзжал пред воротами приходскаго дома жид Розенцвайг. Между такими обстоятельствами вся слава, весь престиж о. Дьертянфі пал так низко, что теперь всі давніе

друзья, которых он, бывало, так роскошно принимал и которыми так гордился, не обращали на него никакого внимания. Февішпан Домбокі теперь совсім перестал бывать у отца Дьєртянфі, даже выражался о нем, что и он такой же попандус, как всі прочіє. О. Дьєртянфі дознался о его выражениях и стал серчати. «Вот-тот, кого я поставил ківетом и который из-за меня сділался февішпаном, как выражается о мні!» Однако Домбокі не придавал никакого значенія его серчанію. Разуміється, сильныє не иміют причин дорожити отзывами слабых, так как еті їм ни вредити, ни польовати не могут.

О. Дьєртянфі при таких обстоятельствах передался како-му-то унынію. Его бісила та мысль, что он не токмо довірял таким людям, но и дружил с ними. А когда вспомнул, что для того, чтобы угождати таким людям, он принес в жертву свої лучшія чувства, пожертвовал даже інтересами своего народа, румянец стыда покрыл его лицо. «Как его скверно и неблагодарно! Бог уділил мні неповседневныя способности, – рассуждал о. Дьєртянфі, – и я по долгу чести должен был посвятити їх в пользу того народа, из котораго я вышел и который своїм потом и трудом содержит и питает меня. Это народ малолітный, проживающій свої младенческіє годы. Не чудо же, что и гражданственность, письменность и просвіщеніє его стоит на дітском уровні и нуждается в развитіи и усовершенствованіи. Наш неоспоримый долг – просвіщати наш народ, развивати его письменность; если мы не станем дозлетворяти сей неоспоримой нашей должности, то кто же будет дозлетворяти ей? Что наш угрорусский народ находится в таком, сожалінія достойном культурном положеніи, то наша вина. Вмісто того, чтобы развивати свою письменность, чтобы поднимати просвіщеніє того народа, который нас содержит, мы вступили в ряды писателей чужой нам письменности, которая ничуть не нуждается в наших услугах; а ступили в еті ряды из не очень-то похвальных егоістических цілей. Признатися, и я для того был мадярским поетом, чтобы снискати себі симпатіи миродательных мадярских кругов. Я писал мадярскіє вірши, ибо мні так казалось, что мої мадярскіє друзья вступятся за меня и я могу сділати счастливою свою семью; однако, когда пришло к рішенію діла, я замітил, что мої друзья, которым я потворствовал, предпочли інтересы перваго встрічнаго бродяги моім інтересам. Конечно, многіє из нас получают кое-когда нікоторую жалкую поддержку таким способом, но я увірен, что все то, чего мы получаем от своїх пресловутых друзей – сожалінія достойная милостыня, которая, к тому, дается токмо за измїну своему ділу. Наш народ біден, он не живет, а только прозябает; его граждан-

ственность равняется почти нулю; а все это токмо для того, ибо его естественные предводители предпочитают свои собственные интересы интересам общественным. А для того не достигают ни своих собственных целей, а вверенный себе народ заставляют валяться в болоті презрінія! Ах, не глупо ли это? Не духовная ли это нищета? Да, признаюсь: я был нищій духом; а сколько таких нищих у нас? Для чего и не удивительно, что у нас ніт ни благобыта, ни просвіщенія, ни гражданственности; ніт ідеалов, ніт ничего такого, что составляет благобыт образованных народов; мы чувствуем только такіе недостатки, которые относятся к нашему матеріальному существованію – к нашей животной жизни. Если мы не в силах дозволити нашим обыденным нуждам, то это чувствуем; а о высших ідеальных требованіях у нас и слова быти не может. Ну, не вегетація ли это? Не жизнью ли животных влечем мы свое жалкое существованіе?

О. Дьертянфі в своем огорченіи увлекся, видимо, немножко далеко, но такой песімістический взгляд на наши діла, кромі отца Дьертянфі, высказывали уже и другія лица; и так чему-то однако должно быти в ділі.

Отцу Дьертянфі, поелику он довольно объективно различил тот водоворот, в котором вращается угрорусское так званное інтелігентное общество, слідовало теперь переменить образ своего дійствования, но к етому у него не доставало сил. Дійствовать в прямо противном направленіи тому, как дійствовал он до сих пор, раздражати тїх, с которыми находился в наилучших связях, ділати наперекор даже своим товарищам по священнической службі, навлекати на себя негодование своего начальства, одним словом, поставить себя в опозицію всему современному обществу – для всего етого чувствовался совсѣм слабым. Если был он раньше встрѣтился с вопіющею неблагодарностью господина Домбокі et comp., когда у него было еще больше енергії, тогда, чей, переменяли бы направленіе своего дійствования и принес бы немаловажную пользу своему угрорусскому народу; но, к сожаленію, разочарованіе явилось у него в такую пору жизни, когда человек ищет уже отдыха и покоя от трудов жизни, и так о. Дьертянфі не мог дати волю своим мыслям и, как это водится у стариков, погрузился в какую-то апатию. Без діл, без живости влеклись печальные дни его. Ни сам не находил радости из жизни, ни другим не приносил пользы. Бывало, запалит трубку и то сидит, то прохаживается в комнаті, не интересуясь ничім.

О. Гейза не долго продолжал свою веселую жизнь в городі. Приключилась какая-то щекотливая історія, вслѣдствіе которой он принуж-

ден был оставити город. Спархіальное начальство назначило єго гді-то в безлюдное місто межи горы, гді можно было видіти одно небо и налюбоватися вдоволь романтизмом дівственної природи.

Мыслящій чоловік не пал бы в отчаяніє и в такой містности; он находил бы удовольствие в созерцанії діл Божіих и занялся бы просвіщенієм тамошніх жителей, которые, как ізолированные от Божьяго мира, не могли развити своїх духовных способностей.

Гейза, однако, не мог величатися тїм, что находит удовольствие в созерцанії величественных діл Божіих. Он не любил размышляти, на него не производила впечатлініє великолїпная природа. Он лучше бы поговорил, повеселился с веселыми товарищами, лучше бы выпил стакан вина иль пива и поиграл в карты. А, несчастьє, здісь не с кїм было ни поговорити, ни поиграти в карты, ни выпити стакан шипущаго пива или зеленого вина. Своіх же бідных и неразвитых прихожан не удостоивал он того, чтобы с ними побесїдовал, хотя такія собесїдованія принесли бы їм немаловажную пользу и немало бы пособствовали тому, чтобы выкарабкались из своего младенческаго состоянія.

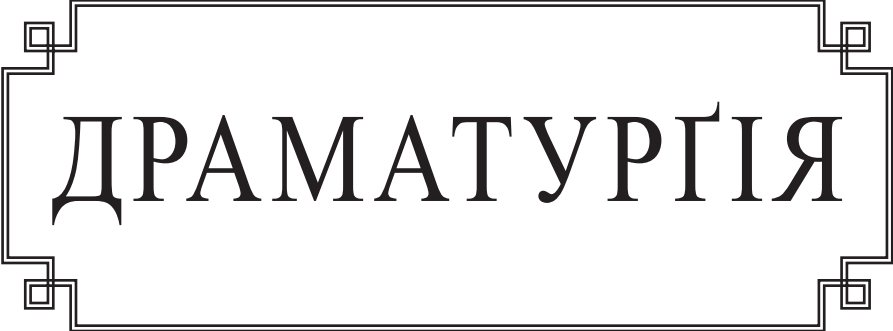
О. Гейза не любил заниматься ни чтенієм. Книги єму ужасно опротивели єще в час єго студенчества; кое-когда прочтет какую-там жидовствующую газету, а послї бросит. Разуміється, что при таком положенії діл овладіет їм ужасная скука, которую разогнати нїт никакой возможности. Бывало, возьмет ружьє и отправится на охоту; но дич не лїзет сама под дуло ружья, за дичью бы ходити а ходити ужасными дебрями; такой утомительной работы, опятъ, не мог снести о. Гейза. Чего же ділати? Каким способом убити дорогое время? Вот вопрос, который слїдовало рішити о. Гейзі. Если б был Гейза вникнул вглубь своего священническаго званія, то рішити сей вопрос не было чрезвычайно затруднительным; відь самоусовершенствованіє ближніх представляет только работы, только серьєзнаго труда, что Гейзі не доставало бы єще времени а никак не являлась бы у него скука; но когда чоловік все хорошее и полезное выкинет из расчѣта, когда желает только весело, только в удовольствіях проводить время, то для єтого в захолустї, в дебрях, средї малоразвитых людей, конечно, не представляется никакого способа. Гейза стал по своему убивати скуку: начал в стаканах затопляти свое горе. Сначала пил очень порядочно, но что дальше, напитку стал требовати больше, пока, наконец, замїтил с ужасом, что без напитка не может жити. Сначала єще выбирал между напитками; выпил токмо хорошенькое вино или пиво, но, наконец, пригодились и отвратительная «паленчище», и то в таких мірах, что Гейза почти єжедневно находился

без памяти. Такой образ жизни конечно не мог привести ни к чему хорошему и кончился тем, что Гейза пал в *delirium*⁷⁵. На совет врача он на короткое время перестал употреблять напитки, однако воздержание его продолжалось недолго, и он опять вернулся к своему прежнему образу жизни. При таких обстоятельствах о том, разумеется, и речи быть не могло, чтобы он что-то полезное мог предпринять для своего прихода. Прихожане просто смеялись ему в глаза, по своей русской природе терпели и не предпринимали никаких мир против своего духовника; они пили вместе с Гейзой и продолжали коснiti в темноте и в одичании нравов. Виды на митрополию у Гейзы, разумеется, охолодли, они заменились каким-то нерасчётливым состоянием – без идеалов и без цели.

Г. Домбокi как февiшпан не позабыл о своих заломлянax. Он предпринял их осчастливить, разумеется, по своему соображению. По его ходатайству упреждены в Заломах двi штатских школы; поставлены такие учителя, которые ни слова не понимают по русски и в час лекции учат мимикой, жестами и указанием предмета, словно как в каком-то заведении глухонемых. Мальчики превосходно преуспевают, видь умеют пропiти какую-там мадярскую пiсенку и поздороваться на улице по мадярски. В этом состоит все их знание! Домбокi пытается сознанием, что он облагодiтельствовал Заломы, которые немало причинились было к тому, что так быстро возвысился. К священникам однако не чувствует г. Домбокi никакой признательности. О. Дьертанфи в свое время изо всех сил подiйствовал, чтобы его избрать в депутаты; г. Домбокi однако ничим не чувствуется ему обязанным. Кроме сего, в Будапеште набрался он какого-то антисвященнического духа: «Попы, – говаривает он, – содержат во тьме народ, заставляют его жертвовать на такие цели, из которых нiт никакой пользы. Если бы не попы, то благосостояние народа быстро двинулось бы вперед; всех попов не мешало бы выгнать вон за границу».

А однако многие «нищие духом» таким Домбокiям стоят к услугам, заискивают их ласки, отдают себя в их полное распоряжение и надеются чрез них отыскать свое счастье. Наивныя надежды!.. Кто спрашивает их, в самом деле заслужит, чтобы его назвали «нищим духом», но не в евангельском смысле.

75 **Delirium** (лат.) – русин. «делірій», «мара», «привиды в горячці» (зазначка вишорителя – В. П.).

ДРАМАТУРГІЯ

ПОКОРЕНІЕ УЖГОРОДА.

Драма въ пяти дѣйствіяхъ.

(Посвящается столѣтнему юбилею ужгородской духовной семинаріи Владиміромъ.)

Дѣйствующія лица:

Лаборцъ, князь ужгородскій.

Евфросинія, дочь его.

Людмила, подруга ея.

Ярославъ, жупанъ ужанскій.

Мірославъ, сынъ его.

Ярополкъ,

Борисъ,

Мстиславъ и другіе

} бояре и жупаны.

Арпадъ, князь мадьярскій.

Герольдъ.

Татощъ, жрецъ мадьярскій.

Славянскіе и мадьярскіе воины, чернь мадьярская.

Происходитъ 895 года въ крѣпости ужгородской, — нынѣшней духовной семинаріи, и невичанской, въ таборѣ мадьярскомъ, подъ стѣнами ужгородскими, и на берегѣ рѣки Лаборцы, въ нынѣшней земланской жупѣ.

ДѢЙСТВІЕ I.

(Теремъ у князя.)

ЯВЛЕНІЕ 1.

Лаборцъ одинъ.

Я утомился симъ правленьемъ ужъ;
Труждаюсь въ день, въ ночи спать не могу
Отъ тягостныхъ заботъ. Искою средствъ
Которыми возможно бы создать

ПОКОРЕНІЄ УЖГОРОДА

Драма в пяти дієвствах

*Посвящается столітньому ювілею
Ужгородской духовной семінарії*

Дійствующія лица:

Лаборц, князь ужгородский

Євфросинія, доч его

Людмила,* подруга єя

Ярослав, жупан ужанский

Мірослав, сын его

Ярополк

Борис

Мстіслав и другіє

Арпад, князь мадьярский

Герольд**

Татош, жрец мадьярский

Славянскіє и мадьярскіє воины, чернь мадьярская.

} бояре и жупаны

Происходит 895 года

в кріпости Ужгородской – нынішней духовной семінарії,

и Невичанской,

в таборі мадьярском,

под стінами ужгородскими и

на берегі ріки Лаборцы в нынішней Земплинской жупі.

* В первопечатному тексті пєсы (туй и дале) стрічаєме подвоєну букву “л” в имени «Людмила». Видав, туй проскочила явна хыба, котру сьме виправили (зазначка вишорителя – В. П.).

** **Герольд** (од лат. heraldus; герольд = вістун, извіститель, вістник) – довжність (посада) у войську князя Лаборця (зазначка вишорителя – В. П.).

ДІЙСТВІЄ I¹

Терем у князя

Явлення 1

Лаборц
(Один)

Я утомился сим правленьем уж;
Труждаюсь вдень, вночи спать не могу
От тягостных забот. Искою средств,
Которыми возможно бы создать
Благополучный быт в своей землі.
Хороши законы созданы, но
Нельзя всім угодить, дозлетворить
Нельзя боярам вмісті и народу.
Рабочій люд хотіл я облегчить,
И вот – волнується бояр могучій клас.
А бідный крестьянин, во сліпоті
Своей, идет за ним. Чего же ділать?
Я обуздать хотіл бы злых бояр;
Но одного смирю, другий же
Причинит бунт и пагубно смятенье,
И потрясет мой княжеский престол.

1 Язык первопечатного текста драмы «Покореніє Ужгорода» (вна ся печатала на продовження у лвівській газеті «Слово» у році 1879) мож означити як «язычіє», авадь «традиційный карпаторуський язык» XIX столітя. Доднесь сесь твір майже ся не перевыдавав (веце інформації *позирай* розділ «Заувагы и коментарі до текстів Є. Фенчика», с. 369), а вшиткі наміреня перевыдати го ся скончили переробков языка драмы на російський манір. Зачим наше видання націленої на сочасного русинського читателя, сесь архаічний “язык” передали сьме у транслітерації русинськов кирилков. Веце за основы «язычія», правидла и проблемы транслітерації тестів, писаных в «язычію», *позирай*: додаток «Прінціпы транслітерації творів Є. Фенчика, писаных язычієм», с. 387 (зазначка вишорителя – В. П.).

Ніт, строгость здісь не стоїт ничего.
Итак, простить мятежное волненье,
И не внимать роптанью непокорных?
Но сим я обнаружу слабость,
И княжеской лишуся чести. Мні
Об етом много должно размышлять.

Явленіє 2

(Ярослав входит)

Лаборц
(Про себя)

Презрїть ли все иль наказать бояр?

Ярослав
(Про себя)

Так точно, с бунтом торопится он.

(Вслух)

Пресвітлый князь, с печальной вістью я
Пришѣл сюда: новїйшіе законы
Ужасно взволновали клас бояр.

Лаборц

Я знаю это, жаль конечно, жаль!

Ярослав

Везді, гдї только появишся лиш,
Негодования слышат мятежный
Глас; всі бояре негодуют на
Тебя, что отняты у них права,
Которыми от незапамятных
Времен пользуются они; проста же
Чернь слїпо слїдует примїру злomu
Своїх господ, бояр. Днесь-завтра, князь,
Прольется кров в странї Карпат безмолвной,
И наш народ миролюбивый вдруг
Разовьет прапор пагубнаго бунта.
Нам должно ділать, князь, пока еще
Не вспыхнул явно огонь злосчастных січ.
Пока лиш тліет – легко загасить
Огонь, но тяжко, если пламя весь

Кров об'яло. В зародыші бунт нужно
Нам задавить.

Лабори

Итак, новоизданный
Придет нам отозвать закон, чтобы
Отнять причину недовольности.

Ярослав

Не дай
Нам, Боже, мысль таку, пресвітлий князь,
Відь етим показал бы слабость ты
Свою, а зла вовсе не отдалил
Бы – строго нужно поступать тебі
Да чередой наказывать мятежных.

Лабори

Ніт, строги міры здісь опасны, друг:
Онi лиш разъярят бояр,
И вызовут конечное упорство.

Ярослав

Не знаєш, князь – прости – людей своїх,
Когда приписываєш їм такой нрав;
С них многіє – подлинные зайцы,
И скроются, как скоро загремит
Могучій глас князя.

Лабори

Мні кажется,
Что лучше было б красным² способом
Увіщевать бояр, чтобы законы
Учились почитать.

Ярослав

Вірь, ето, князь,
Не пользовало³ б ничего. Така
Необдуманна мягкость подала б
Причину нікоторым думать, что

2 **Красный** – у значеню «порядный», «добрий» (азначка вишорителя – В. П.).

3 **Не пользовало б ничего** – туй у значеню «мало з того буде хосна». Явна стилістична грішка (азначка вишорителя – В. П.).

Владыка-князь боится подданных
Своих, и вірь, пресвітлый князь, нашлись
Бы люди здісь, которые б посміли
Изгнать с престола своего князя,
Чтоб похитить начальство. Здісь
Пролилась бы ручьями братска кров,
И кто бы мог ручаться днесь, что княжеский
Престол твой не потрясся бы? Народ
Наш странный: если строг да силен князь,
То он смирен, покорствуєт, трепешет;
А если замітил, что государь
Слаб, о, тогда готов роптать, кричать,
Вооружиться силой на него.

Лабoрц

Итак, ты строгость совітуєш мні.

Ярослав

Конечно, Государь.

Лабoрц

Чего ж начать,

Какія міры предпринять теперь?

Ярослав

На двух зачинщиков крамолы, князь,
Опалу наложи.

Лабoрц

Которые ж

Они?

Ярослав

Борис и Ярополк.

Лабoрц

Ніт-ніт.

Опалу – ніт, нельзя; відь ето, ето, друг,
Знатнійшіє бояре в княжестві
Моєм.

Ярослав

Так что ж? Ты должен показать,
Что не боишься їх. Они давно

Враждуют, Государь, против тебя;
Їх ціль – лишити тебе престола и
Хотя б над розвалинами сей кріпости
Ужанской завладіть землѣй. И так,
Пока ті два врага твої свободны,
Вірь, Государь, покой не может жить
Во княжестві твоєм.

Лаборц

Но если я
Опалу наложу на сих бояр,
Всі прочіє повстанут на меня,
И лиш тогда начнется, что не было,
Тогда начнется мятеж в полноті
Своей, да потрясется княжеский
Престол...

Ярослав

Ты ошибаешься, Сударь;
Всё зло затіивает Ярополк
С Борисом, ето відь начальники
Да предводителі мятежников.
Как скоро їх не станет, всі смирятся
И беспокойствіє престанет, ибо
Лиш еті два иміют смілость, бодрость,
А прочіє – страхаются и тіни
Своей. И так, рішися, Государь,
Вот всё готово!

(Вынимает пергамен⁴)

Подпишись.

(Передаст Лаборцу пергамен)

Лаборц

(Приняв пергамен, читает)

Ніт-ніт,
Борис и Ярополк не провинились
Єще против меня – я не могу
Їх столь жестоко оскорбить.

4 **Пергамен** – застаріла форма слова «пергамент» (зазначка вишорителя – В. П.).

Ярослав

Твоя,

Владыко, воля, руки мою я
Свої, но если под стінами, князь,
Сей кріпости явится полк мятежных,
Которым будет предводить Борис,
Иль Ярополк, и если княжеский
Престол твой развалится, Государь,
А ты изгнанником в землі чужой
Скитаться будеш, если – страшно и
Подумать – будут весть тебя на казнь
Мятежники, тогда, пресвітлый князь,
Меня не упрекай...

Лаборц
(Подписується)

Довольно, друг!

(Передаєт єму пергамен)

Здісь княжеска рука; спіши, вели
Бориса с Ярополком оковать.

Ярослав
(Покорно принимає пергамен, про себе хитро)

Итак, внов ближе к цілі [я]⁵ своєї.

(Уходить)
(Лаборц в раздум'ї ходит по комнаті,
как вдруг боковою дверью)

Явлення 3

(Входить Євфросинія)

Євфросинія

А х, батюшка, как ты угрюм, тебя
Смущаєт непокорность подданных;
Тебя тревожат ті волненія
Бояр. Сколь много заботишся ты

5 У квадратних скобках (туй и дале) додали сьме пролишеной автором слово (авадь часть слова), котрі туй хыблят подля смысла и сїстемы вершованя (азначка вишорителя – В. П.).

О благе подданных своїх, весь день
Томишся, работаеш – полно, полно,
Тебі уж нужно отдохнуть, поди,
Пожалуй в комнату свою; пора,
Чтоб ты нічим⁶ там рассіялся.

Лаборц

Любезна доч, я не могу забыть
Неблагодарность подданных; днесь не
Развеселяться мні.

Євфросинія

Не знаєш ты,
Отец, что приуготовила доч
Тебі, – увидиш, ты развеселишся
Днесь.

(Лаборц уходит боковой дверью).

Явлення 4

(Людмила входит)

Євфросинія

Бідный батюшка, всегда томится
Да думает, а пользы ніт с того;
Відь каждому и ангел угодит
Не может. А кто знает, вірны ли
Совітники его? Не странно ли
Тебі, Людмила, то, что Ярослав
Ма[й]струет здісь? Мні кажется, что он
Лиш обманом, інтрігами живет...

Людмила

Конечно так, его наружность и
Мні как-то подозрительна.

Євфросинія

Єго

Чело угрюмо, потаємно ходит.

6 **Нічим** – туй автор мав бы выхосновати *русин.* «дачим»; *російськ.* «чем-нибудь». Видав, причинов хыбного написаня было не в ушиткому доброй знатя автором російського языка (*азначка вишорителя* – В. П.).

В душі єго коварной должна жить
Какая-то измінническа ціль.

Людмила

Глаза єго блуждают как-то робко,
Сам он ползет землею, как змія,
А сли со взглядом встрітишся єго,
То он тотчас потупит хитрый взор;
Он вірно наш – найопаснійший враг.

Євфросинія

Я должна предостерегать пред ним
Отца. Но для чего мы зачали
Сей разговор; не дівушкам судить
Об єтих ділах. Ярослава бросим
Проч.

Людмила

Лучше, сли заговорим о сыні
Єго, не правда ли, княжна?

Євфросинія

Твоя

Свободна воля, милая другиня.

Людмила

Конечно, нам приличніє, сужу я,
Поговорить о Мірославі, чім об
Отце єго. Відь нужно же признать,
Что Мірослав – надежда наша днесь.
Как воин – первый он; діла єго
Рыцарскія в цілой Панноніі⁷
Слывут: он вірный сын отечества,
Готов пролить и кров свою за нашу
Славянщину, да он к тому красив
И молод, словно цвіт весны.

7 **Паннонія** (лат. Pannonia) – туй и дале у первопечатному тексті драмы «Покореніє Ужгорода» (1879 р.) автор хоснує традиційной про російську орфографічно-орфоспічну норму (а тыж про «язычіє») написаня топоніма «**Паннонія**» – из подвоєнням буквы "н". Хотяй сочасна русинська орфографічна норма требує написаня без подвоєня («Панонія»), россудили сьме лишити авторський варіант написаня того слова як дань старій традиції письма (зазначка вишорителя – В. П.).

Євфросинія

В глазах

Єго горит какой-то странный хмель,
В движеніях же обнаруживает
Дух благородный он, а взгляд єго
Внушает твердость воли, с чім-то ніжным
Соединенную; мужеский глас
Єго так и трогает грудь. Людмила,
Єму нельзя противустать –
Пліняет он...

Людмила

Признанье хорошо

Из уст твоїх.

Євфросинія

Да, дух єго плінил

Меня, и должен каждого плінить, кто
Уміет оцінить геройство, храбрость,
Дух кріпкий да любов к отечеству.

Людмила

Да он, как вижу, уж совсім вскружил
Головушку твою, моя княжна!

Євфросинія

Он, признаюсь, обворожил меня,
И что ж? Людмила, знай: не стыдно мні
Пліненной быть мужчиною таким...

Явленіє 5

Мірослав

(Входит)

Здравствуй, княжна; гді князь? Вість важну

должно

Мні сообщить єму.

Євфросинія
(*Приближаясь к Мірославу, ніжно*)

А мні нельзя
Узнать, какая ето вість?

Мірослав
Почто
Тревожить грудь твою печальной вістью,
Красивое дитя?

Євфросинія
(*С апрегензією*⁸)
Итак, теперь
Для Євфросинії у Мірослава
Ніт вісти никакой?

Мірослав
Была бы, но...

Явлення 6

Лабори
(*Входит. Євфросинія и Людмила, садясь на диван,*
разговаривают, позже уходят)

Авось⁹ и ты какой-то худой вістю
Пришёл язвить мою грудь, Мірослав?

Мірослав
Конечно, вість моя не лиш для нас, –
Для всей Паннонії ужасна, князь!

Лабори
Чего придется мні слышать еще?
Ну, говори, любезный Мірослав.

Мірослав
Ужасная гроза хлынула, князь.
На весь славянский мир... Ты, думаю,
Слышал об Уграх уж, о том чужом
Свиріпом племени?

8 **Апрегензія** (лат. apprehensio) – єдночасной восприимая и восторг (зазначка вишорителя – В. П.).

9 **Авось** (російськ.) – русин. «годно быти», «видав» (зазначка вишорителя – В. П.).

Лаборц

Да відь Мадьяре
Остановились над Дніпром.

Мірослав

Они

Оставили Славян Полянских, чтоб
Занять Паннонію, гді нікогда
Аттіла царствовал, тот «божий бич»,
Свиріпый гунский царь, котораго
Мадьяре¹⁰ считают предком и так
Паннонії роскошныє равнины –
Наслідієм своїм.

Лаборц

Значит, ты мні
Доносиш, что Мадьяр ужасны полки
Идут на нас.

Мірослав

Они уже в твоїх

Владініях, біглецы доносят, что
Перешагнули уж хребет Карпат
И прямо к нам идут – к Ужгороду!

Лаборц

Но вірна ль ета вість?..

Мірослав

В ней сомніваться

Нельзя, пресвітлый князь, відь біглецы,
Из разных стран спасавшіеся, всі
Однако говорят об їх внезапном
Нашествіі. Но здісь довольно знать,
Что Угры – в княжестві твоєм, да вспомнить
О дикости, свиріпом нраві їх.

10 Туй и дале у первопечатному тексті драмы «Покореніє Ужгорода» (1879 р.) автор послідовательно (што не мож уповісти за другі ёго творы) хоснує традиційне про російську орфографічно-орфоепічну норму (а тиж про «язычіє») написаня етноніма «Мадьяр»/«Мадьяре», а тиж ёго одведень («мадярский» и др.) – из розділюючим мнягкым знаком, по котрому буква "я" высловлює ся як споєня [й+а]. Хотяй туй не иде за авторський стил, а лем за традицію письма, россудили сьме лишити сесь варіант написаня як дань старій традиції письма – без того, обы транслітеровати го ближе гу живій бесіді русинів, як то «Мадяр», «мадярский» (зазначка вишорителя – В. П.).

Лабориц

Ужель свиріпствують да мучат мирный
Народ?

Мірослав

Ужасно вспомнить, Государь,
О том, что говорят о диком нраві
Мадьяр: пепел¹¹ и кров – їх страшный слід;
Селенія сожжены, діти и
Немощны старики лежат бездушно
В крови, дівицы силой оскверняются.
Ніт алтарей, церквей, священников:
На месті первых – чорный дым клубится,
Служителі ж церковные – убиты.
Пуста карпатская страна, избито
Да разрушено всё; и гибель чорна
Раскрыла крылья над Верховиной,
В которой Угры появились уж...

Лабориц

Итак, наш долг – защита, друг; против
Мадьяров должно нам сей час послать
Бояр со дружиной.

Мірослав

Конечно, князь.
Мешкать нельзя, миг каждый дорогой.

Лабориц

Но это невозможно.

Мірослав

По какой
Причині, Государь?

Лабориц

Не знаєш ты?
Бояре взволновались, не хотят
Повиноваться нам – зміна, бунт,
Раздоры да мятежное волненье
Царствует днесь в злосчастной сей землі.

11 Пепел (російськ.) – русин. «попель» (зазначка вишорителя – В. П.).

Мірослав

Но сли увидят общую опасность,
Смирятся всі, и вірно соединятся,
Чтоб отразить врага.

Лаборці

Не думаю,
Юноша благородный, ніт. Славян
Не вразумит їх общая опасность.
Когда бы їм соединяться и
Єдинодушно стать против врага,
Они тогда, увидиш, станут меж
Собой ссориться, и брат обнажит
На брата меч; а если побідит
Один, другой пойдет к врагу просить
Врага, чтобы помог ему убить
Родного брата; знай, раздоры да
Вражда родная, братская – Славян
Уничтожат...

Мірослав

Но нам в сей грозный час
Бездільничать нельзя...

Лаборці

Ты прав, безділье
Днесь было б непростительно. Чего ж
Во первых яться нам?

Мірослав

Созви бояр,
Да повели, чтоб чім скорій на бой
Приготовили дружину и шли
Навстрічу грозному врагу, чтоб сей
Не мог врасплох напасть на нас хоть здісь.
Но так как мы одни противустать
Не можем столь численному врагу,
То нужно вдруг¹² воззвать сосідных нам
Князей, чтоб слали нам на помощ рать,
Чтоб шли опасность общу отразить.
Відь Угры днесь всему Славянству грозят
Конечной гибелью...

12 Вдруг (російськ.) – русин. «нараз», «чим скорі» (зазначка вишорителя – В. П.).

Лабориц

Все хорошо,
Но знать, бояре слушать нас не будут.

Мірослав

Опасность общая, князь, — они в бѣдѣ
Не будут бунтовать.

Лабориц

На них надежды
Нѣтъ...

Мірослав

Для чего бы не была?

Лабориц

Борис
Да Ярополк — мятежники, против
Сих двух опалу подписал я днесъ.

Мірослав

Ах, как ты промах сдѣлать мог такой?

Лабориц

Вѣдь мнѣ отец твой дал совѣтъ такой.

Мірослав

(Про себя)

Я зналъ, что мой отец — измѣнник, но

(Вслух)

Еще все не пропало, у меня
Надежда, что удастся мнѣ влѣять
На сердце доброе бояр, сынов
Отечества, и возбудить любовь
К отчизнѣ в них. Они прельщены нѣким
Измѣнником, и блудят в темнотѣ,
Но сердце благородно у Славян.
Надежда есть: славянскіе орлы
Слетятся бессомнѣнно, чтоб спасти
Свою Паннонію. Но ты, Сударь,
Будь так добр, отозви свое рѣшеніе
Противу Ярополка да Бориса,
Иначе с ними о походѣ днесъ
Не говоритъ...

Лаборц

Но твой отец уже
Авось и міры предпринял против них.

Мірослав

Лиш дай мні уполномоченьє, князь,
Чтоб дѣйствовать во имени твоєм.
Я от отца, авось, еще достигну
Отнять злосчастное распоряженіе.
Оно, мні кажется, останет тайной.
А если б запоздался я, тогда
Во имени твоєм уничтожу
Распоряженіе твоє, тебя
Же извиню.

Лаборц

Здѣсь полномочіе, –
(Подписует пергамен и дает Мірославу)
Спіши же дѣлать в имени моєм.

Мірослав

Благодарю, князь, за довірїе.
Знай, что возможно будет только мні,
Исполню вѣрно я.
(Уходит).

Явленіе 7

Лаборц

(Один)

Еще сего
Недоставало нам, ужасно и
Подумать, здѣсь спасенія нѣтъ, вот дѣла –
Раздоры, несогласіе, извнѣ
Же грозит столь ужасный враг. Погибло
Славянство и Паннонія; всему ж
Причина – несогласіе... О как
Бы мог смѣяться Славянин толпѣ
Свирѣпых азіатцев, если бы

Славянство было – дух один, и сли б
Славянами от севіра до юга
И от востока – до стран запада
Мысль правила одна... Но нам, увь,
Єдиномысльє не дано. В странах
Восточных чуть вселился ряд
Меж дїтьми Славы, послї долгаго
Там безначалїя, и то варяжской,
А не славянской дружиной... А здїсь,
В Паннонії, на западі и пядь
Земли имїет своего князя!
Ну как же отразить врага? Я вижу –
Настал час, приближается конец
Паннонії. Віка пройдут и здїсь
Не будет уж рядить славянский глас!

(Занавїса опускається).

Невичанская кріпость

Явленіє 8

*(Ярополк, Борис, Мстїслав и другїє бояре,
оперїишь на ружья, поют:)*

Во странах старых Карпатов
Каждый дух свободен,
Здїсь тіран людей свободных
Угнетать не годен.
Раз[г]орим¹³ мечты мы гордых,
Словно дым – вітр бурный,
Воссїяет нам свободы
Луч златой, пурпурный!
Проч с тіраном, проч с владыкой,
Здїсь живет свобода,
Не оставит вольна воля
Своего народа.

13 В оригіналі напечатаной так: «разоримь». Туй проскочила печатна хыба, котру сьме виправили. **Разгоріти** – видав, є то неудачный авторський неологізм; автор мав на гадці іншакій семантичній наповнення слова – «разжечь», «раздути»; *русин*. «роспалити» (зазначка вишорителя – В. П.).

Ярополк

Так єсть, друзья, свобода не оставит
Нас, ружья наши нам порукой в том.
Но чудуюсь, как может слабодух тот
Так самовольно поступать с боярством.
Он думаєт авось, что я иль ты,
Борис, иль кто-нибудь из нас – какой-то
Печальный раб иль ласкою своїх
Господ живущій крестьянин. Не так,
Не так, немощный князь, тебѣ бы знать,
Что боярин не то, что крестьянин;
Тебѣ бы знать, что нас мать боярыня
На світ сей родила; тебѣ бы знать,
Что в наших благородных жилах здѣсь
Кружит дворянска кров. Не стыд тебѣ
Хотѣть, чтоб бѣдный крестьянин был то,
Что мы? Нѣт, князь, права свої мы хоть
Бы мечем, будем защищать. Так ли,
Хоробые друзья?

Всі

(Стуча саблями)

Мы умереть

Готовы за свої права!

Явленіє 9

(Ярослав, прежніє)

Ярослав

Вы здѣсь

Друзья? Не знаю, что случилось с тѣм
Князем, вѣдь ета баба, слабодух той
Тѣраном хочет быть! Я умолял
Єго, чтоб отозвал свої законы,
А он, подумайте, друзья, назвал
Бунтовщиками вас, и стал опалой
Да казнью угрожать.

Борис

Он нас – казнить?

Ха ха, ха ха!

Ярослав

Да, он так говорил!

Борис

Но сила відь у нас, и он от нас
Зависит, не мы от него; мы можем
Сей час прогнать его и поставитъ
Хотя кого князем. Не правда ли,
Бояре и друзья?

Всі

Да, словно¹⁴ так!

Ярослав

Но князь надіється на дружину
Свою.

Ярополк

На дружину? відь мы сами
Сей час сладимся с ней.

Борис

Против бояр

Не устоять ему!

Ярослав

В боротьбі с князем

Побіда все была б на стороні
Бояр.

Ярополк

Довольно было нам терпіть

Уже одной старухі, ибо князь
Наш, словно женщина слаба; не стыд
Ли нам покорствовать князю, который
Прослыл безділієм да слабостью своей.
Уже ль орлы Карпатов покорятся
Одной кукушкі иль карпатский волк
Пред зайцем станет трепетать? Ніт-ніт,
Друзья, то стыд, позорный стыд бы был
Для нас.

14 **Словно так** – туй у значеню «истинно так». Сякий вираз – сесе явна стилістична грішка. Видав, причинов хыбного написаня было не в ушиткому доброй знатя автором російського языка (азначка вишорителя – В. П.).

Ярослав

Но заяц гордым, дерзким стал,
Он волков хочет настращать. Вот вам,
Друзья, распоряженіє: Здісь князь
Наш положил опалу на Бориса
И Ярополка, двух знатнійших из
Бояр, и мні веліл схватити їх!

Борис и Ярополк

Что? Князь на нас опалу наложил?

Ярослав

Подлинно так, и вас – безмірна дерзость –
Веліл схватить наш князь.

Всі

(Стуча мечами)

Бесстыдна дерзость!

Ярополк

(Бішено ходит)

Слышали ль вы, друзья? Опалу на
Меня – один слабый, немощный князь!

(Обнажает меч)

Но к ділу, мы довольно покорялись
Уж – проч с тіраном!

Всі

(Стуча мечами)

Проч с тіраном, проч!

Явленіє 10

Мірослав

(Входит)

Я в имени Паннонії любезной
Взываю вас, почтенные бояре,
Выслушайте меня.

Ярополк

Отечество –

Дражайший клад наш, мы готовы слушать

Всіх тих, кої во имени его
Желають говорить.

Мірослав

Признайте всі:

Вражда и несогласіє волнуют
Днесь бідную Паннонію да весь
Карпатский край, и ето зло, увы,
Не чтоб спішило прекратиться, ніт,
Оно все лучше укріпляється и
Конечной грозит гибелью Славянству.
Какой-то злобный дух и между нас
Раздора бросил меч самоубійный,
И вот волнується окрестность Унга.
Ужанский князь уж подданным не мил,
Против него бунтуєт слой бояр.

Многіє

(Прерывая річ)

Он ето заслужил!

Мірослав

Ніт, господа,

Не заслужил – вы обольщаетесь.
Вы, вірте мні, игрушки лиш в руках
Мужчины одного, корыстолюбца,
Который помощію вашей хочет
Вас покорить себѣ. Но к ділу: – я
Сказал, что ніт согласія у нас.
Да – ніт; и то тогда, когда оно
Нам найнужніє. Славные бояре,
Соєдинитесь всі, не истощаем
Же сил своїх, чтоб противустать
Нам внішнему врагу. Мадыаре уж
Вторглись в ужанску землю, уж граблят,
Да жгут верховину... Бояре, днесь
Отчизна звет вас, ополчайтесь всі,
Да собирайтесь под знамена
Князя.

Ярополк

Чей, что опалу наложил

На нас?

Мірослав

Он обманут, и как узнал
Обман, уничтожил свой суд.

Борис

Так скоро?

Ярополк

Да, отозвал он суд, відь видит, что
В опасности престол, но мы, бояре,
Всі оскорблены їм. Нам не довольно,
Что он из страха отзывает суд.

Мірослав

Не князь, ніт, но отечество зовет
Вас, славные бояре; не князя
Спішите защищать, но землю вашу,
И всю Паннонію, какая участь!
Вы нікогда прослывете пред миром,
Как храбрые спасители Славянства,
И вашим именем гордятся будут
Потомки; вам быть суждено, бояре,
Спасителями иль предателями
Паннонії и всіх Славян.
О, вспомните высокий свой уділ,
Пойдем душой одной против врага!
(*Бояре колеблются*)

Ярослав

Не вірте, славные бояре, відь
Мой сын – временщик гнуснаго князя;
Он дієствует на княжий лад. Не в пользу
Князя – против него готовится.
В біді уступки творит князь, но сли
Біда прошла, останется, кто был:
Тіран! Теперь Бориса с Ярополком
Веліл схватить, тогда ж повяжет всіх.

Всі

(*Стуча мечами*)

Проч, проч с князем!

Міроslав

Успокойтесь, о

Бояре, ету подпись мой отец
Сам выманил от добраго князя,
Чтобы поссорить с ним чім скорше вас.

(К Ярополку и Борису)

Не князь веліл схватить вас, ніт, но мой
Отец.

Яроslав

(Міроslаву)

Бесстыдный лгун, измінник,
(Обнажаєт меч)

Проч с ним!

Всі

(Устремясь на Міроslаву)

Проч с ним, проч с ним!

(Міроslав уходит, бояре за ним).

Явленіє 11

Яроslав

(Один)

Итак, мой сын – против
Меня, мой враг; я воспитал ехидну
При собственной груди своєї; а он
Вліятелен при дворі; доч князя
Совсім плінена їм, а князь ни в чом,
За білий світ, не может отказать
Красивой дочери своєї; мой сын
На доч вліяєт, доч же на отца,
Итак, мой сын, мой враг здісь всемогущ!

(Задумывается)

Проч с ним, он враг, он должен умереть...
Но сердце, чувство ето, ах, любовь
Природная отца?.. Теперь всему
Молчать! Мой сын противен замыслам
Моїм – проч с ним, ему не должно жить.

Лиш все путём правильным. Все идет
В лад, указ хорошо подійствовав.
Бояре всі ожесточились на
Князя. Я вірно приближаюсь к ціли
Своей. Мадыаре хлынули на нас, –
Все равно, мні они и пользоваться
Могут¹⁵. Днесь-завтра я – ужанский князь!
И еті гордецы днесь-завтра всі,
Как снопы, падут здісь к ногам моім.

Явлення 12

(Ярополк, Борис, Мстіслав и прочіе бояре входят)

Ярополк

Ушел бесстыдный лгун, но не навіки!

Ярослав

Бояре, господа! Я воспитал
Єхидну при груди своей, но он
Не сын мні больше, я не хочу знать
Єго, он льстец князя; да, господа,
Нынішніе законы да налоги,
Вы виділи – все діло Мірослава;
Временщик он князя, однако же
Не вірен и єму: он съединить
Славянство хочет все и покорить
Себі Паннонію, и чтоб сію
Достигнуть ціль, вот он зовет на помощь
Мадыар свиріпу рать; он враг отечества!
Всё лєсть, что говорит; он обмануть
Желает нас и отстранить малійшу
Тінь подозрїнія. Да, Мірослав
Измінник – он заслужит смерть, вот я,
Отец, изрек во первых суд над ним...

Всі

Вот благородный дух!

15 **Пользовать могут** – туй у значеню «про мене будуть хосенні». Сякий вираз – сесе явна стилістична грішка (азначка вишорителя – В. П.).

Ярополк

Он не щадит

И сына своего!

Ярослав

Бояре, я

Хотіл бы нічто вам сказать.

Всі

Слышим!

Ярослав

Князь наш боярство оскорбил жестоко,
Подверг опалі двух знатнійших из
Бояр; но нам разумно дійствовать
Против него, чтобы побіда вірна
Была. Вы знаете, что у князя
Єсть люди вірные. Итак, чтобы
Нам легко было побідить, мы должны
Людей, князю преданных, отстранить,
И то путем правильным. Для того
Дочасно должны мы показывать
Покорность со преданностью князю;
Когда же князь остался сам, тогда
Уж легко будет нам сладиться с ним.
Не правда ли?

Борис

Ты стал, друг, хитричать!¹⁶

Ярослав

Не хитричать, но кажется, что так
Достигнуть цілі легче нам.

Всі

Так єсть,

Бесспорно легче!

Ярослав

Ну, итак — к князю;

Мы должны принудить его, чтобы
Бросил в темницу Мірослава, как
Врага отечества; мы же, друзья,
Покорность будем лицемерить, чтоб
Чім легче вірил нам. Итак, к князю!
(Занавіса опускається).

ДІЙСТВІЄ II

[Терем у князя]

Явлення 1

(*Лаборц и Мірослав*)

Лаборц

Ну ж, как кончил ты діло, Мірослав?

Мірослав

Не удалось, пресвітлий князь...

Лаборц

Итак,

Я прав, відь я сказал, что Славянин
Не вразумится и в біді всеобщей.
Но ето уж такая кров, натура –
Єй нравится раздор!

Мірослав

Ты прав, Сударь,

Я етого не знал, но искусил
Сегодня все... Во имени отечества
Начал я говорить. Святоє слово
«Отечество» подійствовало на
Боярску грудь – и стали всі внимать;
Как скоро же зачал я воззывать
Бояр, чтобы соединились всі
Под прапором твоім, то вдруг разнесся
Упрёк против тебя, что ты веліл
Схватить знатнійших двух бояр.
Я стал тебя, князь, защищать, сказав,
Что ето вымануто все, и что
Твой указ уж уничтожен, но вот
Бунтовщики вдруг закричали: проч с ним!
И обнажив меч – бросились на
Меня.
Я должен был спастись, князь,
Бояре – явные крамольники!
От них не получить нам помощи,

Они готовы всі против тебя
Свиріпой силою дієвувать!..

Лаборц

Чего

Же ділать нам теперь?

Мірослав

Не надо впасть

Во отчаяніє. Сли от своїх
Не получили помощи, нам нужно
К сосідным прибегать князям, чтобы
Прислали спомогательные полки.
Опасность відь всеобща, не лиш нам
Она – и всім сосідным угрожает
Князям. Итак, еще все не погибло.
Вот грамота, ко Святополку да
Залану; подпишись, пресвітлый князь.

Лаборц

(Подписуясь)

Моя ты радость, добрый Мірослав!

Мірослав

(Взяв пергамен)

Надійся, добрый князь – Бог не оставит
Нас.

Явленіє 2

Лаборц

(Один)

Добрый Мірослав – он непрестанно
Трудится, думает о благобыті
Моем да моего отечества.
А знаю я, откуда віє вітр:
Его пленила доч моя, да відь
Прекрасная чета была бы с них.
И я не отказал бы їм в своем
Благословенії. Но и отец его,
Почтенный Ярослав, любимый мной,
Вірнійшого нїт в подданных моїх,
Как он. О, сколько заботился уж

Почтенный муж сей в том, чтобы
Сладился я с боярами. Авось
Теперь уже сладил нас ніким мудрым,
Коварным способом. О, сли б сих двух
Людей не было у меня, чего
Бы ділал я? Они – защитники
Да ангелы-хранителі мої...

Явлення 3

(Ярослав входит, кланяясь)

Лаборц

Почтенный вітязь, здравствуй у меня!
Ну ж, как стоит там діло наше, ну?
Склонил ли ты ко мні сердца бояр,
Иль подданы еще противны мні?

Ярослав

Совіт мой, Государь, совсім хорош
Был, и успіхом полным увінчался.
Бояре строгих мір твоїх сей час
Испугались, всі стали трепетать,
Просить меня, чтобы твою я милость
Исходотайствовал для них – я їм
Все обіщал, и вірую, что ты
Помилуєш рабов своїх, они
В твоєм притворі всі, пришли, чтоб бить
Челом тебі.

Лаборц

Что сын твой говорил,
Что всі бояре непокорны, что
Они – бунтовщики, что не хотят
Под прапором моїм соединиться
Да стать против врага?

Ярослав

Не чудо, князь,
Что Мірослав обманывает и
Тебя, и нас. Я воспитал змію
При сей груди...

Лаборц

Что говориш, чего
Слышать мні?

Ярослав

Жаль, но суца правда, князь,
Мой сын – измінник, враг отечества,
Но я и в сыні никогда не буду
Пороки защищать. Он – ты авось
Не замiтил того – твой вічний враг.
Вывать он хочет скіптр¹⁷ из рук твоіх
И нас поработить; и вот чего
Не ялся мой безбожный сын, чтобы
Достигнуть ціли: собственной рукой
Продад отечество да пригласил
Мадьяр свиріпу рать, чтобы чужой,
Варварской помощью изгнать тебя,
Соєдинить Славян и похитить
Сей княжеский престол!

Лаборц

Довольно, друг,
Ужасно мні слышать...

Ярослав

Но етого
Все ж не довольно, князь, он написал
Письма к князям сосідным, чтоб они
Прислали дружину спомагательну.
Что думаєш, авось та дружина
Опреділена напротив Мадьяр?
Она опреділена, князь, против
Тебя, против всіх нас, против отчизны!
Он хочет быть застрахован со всіх
Сторон, и горе нам, сли замедлим...

Лаборц

Ужасно, друг, о сем и думать я
Не мог!

17 **Скіптр** – хыбна форма слова *русин.* «скіпетер», *російськ.* «скипетр» (зазначка вишорителя – В. П.).

Ярослав
(*Вынимая письма*)

Но чтоб ты убѣдился в сем,
Вот здѣсь его предательскія письма.
Онѣ его бесспорно осуждают.
Я, князь, отецъ его, однако же
С боярами я осудилъ его.
Но чтоб ты могъ, великій князь, еще
Сильнѣе убѣдиться в томъ, что онъ
Измѣнникъ, призови бояр, пускай
Они свидѣтельствуютъ здѣсь о томъ,
Какъ хитро вел онъ с ними рѣчь.

(*Уходит и сей час входит с боярами*)

Явленіе 4

(*Ярослав с боярами входит*)

Ярослав

Вот здѣсь
Твоѣ бояре, князь, они пришли,
Чтобъ бить челомъ тебѣ.

(*Бояре кланяются*)

Не правда ли
Мой сынъ мадьярской ратью пугалъ насъ,
Изъ хитрыхъ словъ его узнали мы
Сей часъ, что рать мадьярскую онъ призвалъ,
Онъ всѣхъ насъ оскорбилъ и показалъ,
Что врагъ бояр, князя, отечества!

Бояре

Онъ всѣмъ намъ врагъ!

Ярослав

И для того
Онъ заслужилъ вериги, тюрьму, цѣпь.

Борис

Я думаю, что етотъ судъ не правъ.
Онъ — дворянинъ, а дворянинъ правильно
Безъ выслушанія не долженъ быть
Судимъ.

Ярослав

Но здісь нельзя медлить, одно
Минутное мішканье нам теперь
Огромный может вред нанести.

Лаборці

Боярин

Борис правильно говорил, відь нам
Без выслушанія никого вдруг
Не слідует судить.

Ярослав

Так, хорошо,

Но знать, пока приготуемся мы,
Чтоб с церемоніей судить его,
Он приведет на нас мадыарску рать
И мы тогда не будем уж судить.
Тогда чрез наши трупы, да через твой
Труп, князь, шагнет на княжеский престол.
Сей час в темницу с ним!

Бояре

Того требует

Отчизны безопасность.

Лаборці

Хорошо,

Я должен подчиниться большинству!
Иди же, Ярослав, вели бросить
В темницу замка сына; вот печать
Моя, воины чтоб слушали тебя.

Ярослав

(Кланяясь, про себя)

Вот ближе цель опять – лиш навперед!

Лаборці

Итак, любезные бояре, вы
Согласны ополчиться на врага
Под прапором моім?

Нікоторые

Да, государь!

(Борис и другіе качают головой)

Ярослав
(*К боярам*)

Вам надо ополчаться, дружину
Сбирать, чтоб со славою противустать
Врагу! К работі, братья! Князь, прощай!

(*Кланяясь, всі уходят*)

Явлення 5

Лабориц
(*Один*)

Ну, слава Богу, уж настал покой;
Теперь, авось, могу противустать
Врагу. Не так, свиріпыє Мадьяре –
Нелегко будет с нами драться вам!
Но Мірослав! Меня уничтожила
Измінническа ціль его, о как
Преданным мні казался он, я чуть
И вірю¹⁸, чтоб он был ізмінник, но
Мні должно покориться большинству.
Его всадят в темницу – не біда
Два-три часа просидіть в темной тюрмі...

Явлення 6

Євфросинія
(*Входит*)

Что сділал ты, любезный мой отец?
Ты Мірослава в тюрьму заключил!..
Ніт-ніт, скажи, что ето лож; но ты
Молчиш? Ах, говори, что сталось с ним?!

Лабориц

Увы, любезна доч, твой Мірослав
В темниці...

Євфросинія

Отвічай, почто? Відь он
Не может быть преступник!

18 **Чуть и вірю** – туй у значеню «мало тому вірю». Сесе явна стилістична грішка (*зачначка вишорителя* – В. П.).

Лаборц

Мила доч,

Он враг отечества!

Євфросинія

Бесстыдна лож!

Відь ніт такого мужа здісь, который

Бы так любил отечество, как он!

Лаборц

Он твоего отца соперник тайный,

Он звет мадьярську рать против меня.

Євфросинія

Ніт-ніт, в душі его смиренной ніт

Пустаго властолюбія.

Лаборц

(Указывая на письмо)

Но вот

Єго предательскія письма.

Євфросинія

(Подбїгши к письмам, оглядывает їх)

Ах,

Ужасный стыд, позор, –

(Скрываєт лице в ладоні, послі)

Ніт-ніт, отец,

О, етот почерк не єго, вірь мні,

Он етого не должен был писать,

Не мог писать!

(С радостным выраженієм на лиці)

А ето, знать, подлог,

Подлог гнуснїйший, вот каким способом

Хотят вредить єму враги! Отец,

Он, вірно, в тюрмі уж, я должна знать

Всю истину, и то из уст его.

Я должна вдруг идти к нему, а еті

Всі письма, если позволиш, отец,

Несу с собой.

Лаборц

Нельзя, любезна доч,
Он может похитить їх у тебя.

Євфросинія

Он не таков, и вот клянусь, что без
Сих писем я не ворочусь.

(Берет письма)

Но гді

Моя епанча?

(Уходит с Лаборцом боковою дверью).

Явлення 7

Ярослав

(Позже Євфросинія)

Слава богу, Мірослав

В ціпях, тепер подумаю о том
Как можно бы его скорій из сердца
Княжны прелестной вытереть, бо мні
Нельзя вредить ему, пока он жив
В душі єя.

(Євфросинія входит в епанчі)

Но вот она

(Подходит к ней)

О, как

(Втайне)

Прелестное созданье! Словно ангел!

(Вслух)

Прекрасная княжна! Я нічто должен
Сказать тобі.

Євфросинія

Я слышу, говори.

Ярослав

Мой Мірослав... он мил тобі, забудь
Єго... не заслужил он ласк твоїх,
Он змінив отечеству, – тобі...

Євфросинія
(*С презрієм*)

Молчи, клеветник да бесстыдний лгун!
(*Уходить великою дверью*)

Ярослав

Ну, вот тобі! С дівицей етой
Нельзя сладиться – наконец она
Уничтожит всі замыслы мої...

(*Занавіса опускається*).

Тюрма

Явлення 8

Мірослав
(*Один в веригах*)

Итак, меня запліснівилою тюрмы
Ночныя стіны обняли, а на
Ногах и на руках моїх звенят
Вериги, и то все за кріпку вірность
Мою к князю... Отец, отец, то ты
Ужасно согрішил... Ніт-ніт, я не
Могу уж почитать, любить тебя.
Сыновне чувство должно так застыть
В груди моеї... Я должен чтить отца,
Да, так приказует природа да
Сам Божий глас; но как, возможно ли
Любить того, кто ненавидит нас?
Я здісь в ціпях, терплю невинно за
Отца и не могу спастись; відь мні
Нельзя так обвинять его, как он
Меня, хотя я знаю вірно, что
Он виноват, но все ж он мой отец;

Не может сын родного обвинять
Отца...

(Задумывается, очнувшись)

Но мні не лиш отца, но и
Отечество любить, а мой отец
Измінник, враг отечества, он всю
Ужанску землю хочет взволновать,
Да в бідствіє низринуть, так сказать,
Славянство все, бо Угры всім Славянам
Конечной грозят гибелью. Во мні
Дві должности стоят насупротив:
Любов к отчизні да к отцу! Вопрос:
Которой побідить? Любить отца
Приказует природа, но отец
Одно лице, да он к тому не прав;
Святійший долг – любить, что общій клад:
Любить отечество, да противиться
Измінническим замыслам отца;
Да что то за отец, который хочет
Родного сына погубить? А мой
Отец против меня, князя, против
Отечества – здісь должен уж остыть
Сыновній долг любви... Я кинул жребій,
Мой долг всей силой дїйствовать против
Отца!

(Вні слышны шаги)

Но чу! Кто-то идет, совсім
В хороший час. Сей час могу начать
Свой иск против коварного отца!

Явленіє 9

(Євфросинія и Людмила входят)

Л ю д м и л а
(При вході)

Вот бідный Мірослав, в каких веригах!

Є в ф р о с и н і я

Уже ли это он?

Міроslав
(*Приближаясь к Євфросинії*)

Как? Ето ты
Прелестная княжна, да ето ты
Любезна Євфросинія, да-да,
Ты здісь, ты не гнушалась мрачной тюрьмы,
Ты мученика правды и любви
К отечеству спішила посітить!
Конечно, знаєш ты, что чисто сердце
Моє, что неповинна ета грудь.

(*Недолгоє молчаніє*)

Но ты молчиш, ты не оправдываєш
Меня, ужель и ты подозриваєш
Мою невинность? Ніт, ты должна знать,
Любезна Євфросинія, что я
Невинно осужден!

Євфросинія
(*Приближаясь к нему*)

Довольно, друг,
Я вірую тебі, пред сей душой,
Пред етім сердцем ты всегда был чист!
Итак, отец дал осудить невинно
Роднаго сына... Жалостный отец
Да несчастливый сын! Ты прав: ты чист,
Любезный Міроslав, и в сердці етом
Уж подозрінья ніт; но изьясни
Своей любимой: ето что за письма?
(*Передаєт єму письма, которые он пересматривает*)
Отец твой їми обвинял тебя...

Міроslав
(*Пересматривая*)

Подлог, подлог, бессовістный подлог!
Отец меня в том обвиняєт, в чом
Виновен сам...

Євфросинія
Узнала я сей час
Подлог... Ужасно и подумать: вот
Какой отец.

Мірослав

Да поскоріє, вдруг
Не мог он ничего найти, чтобы
Основно обвинять меня, то вот
К чему прибіг – все плутовство
Свое вмінил злосердно мні.

Євфросинія

Оставь

Теперь, любезный друг мой, ето всё,
Ты должен быть свободным, відь невинность
Всегда в пресвітлом блеску воссіяет,
И посрамит противников своїх.
Пора, чтобы страждуща грудь моя
Успокоилась раз; не знаєш ты
Какая грусть терзала ето сердце,
Какая болізнъ волновала грудь
Мою, когда услышала я, что
Тебя в темницу бросил князь, о лиш
Тогда, когда узнала я на ділі,
Насколько мил ты мні, любезный друг.
Ужасно терзающія сомнінья
Томили дух влюбленный мой; авось
Убьют его, и я останусь без
Него – вот еті и подобны мысли
Смущали душу скорбную мою, –
Но ты не винен!

(Кидається єму на грудь)

И настанет час –
Высвободишся, я порукой в том!

Мірослав

Твоя, друг, благородная душа
Хотіла бы меня спасти, но ніт,
Не так умствуєт мой отец: сли не
Законно, то путём злодійским, тайным
Готов он погубить меня... Мой дух
Уныл, грудь что-то мні сжимает, сердце
Робієт да трепещет. Друг, во мні
Какое-то зловіщее живет
Предчувствіє; авось, на плахі явно

Иль от кінжала тайнаго убійцы
Придет мні пострадать; відь мой отец
Рішил раз погубить меня, а он,
Как видиш, милая княжна, на все
Готов.

Євфросинія

Ніт-ніт, друг, ты высвободишся,
Моя любов порукой в том.

Мірослав

Дай бог,

Но я не вірю; все-таки я должен
Быть оправдан и чист быть пред князем.
Итак, любезна Євфросинья! Ты
Открыеш пред князем – твоім отцем
Всі цілі Ярослава, моего
Отца, чтобы князь знал, что он и вся
Земля в опасности, чтобы князь знал,
Что Ярослав виновник сам гріхов,
В которых сына обвинял, чтобы
Старался лучше он узнать людей
Своіх. Не для того я обвиняю
Отца, чтобы высвободить себя.
О ніт, да и не месть кипит в груди
Моей, но для того, чтобы спасти
Отечество и доброго князя.
Но наперед я прошу, друг, тебя,
Сли б князь рішил достойно наказать
Отца, ты будеш помагати мні
Достойный укротити гнів его.

Євфросинія

Ах, будь спокоєн, друг, не долго быть
Тебі во влажной тюрмі сей. Теперь
Пращай, бігу к князю, чтоб оправдать
Тебя пред ним.

Мірослав

Пращай, любезный друг,
Ну, Бог с тобой, прашай, авось, на віки!
Сли б нікий злой убійца в етой мрачной

Темниці жизнь отняв мою, то знай,
Что я и в жизни вічної не забуду
Тебя.

Євфросинія
(*Кинувшись єму в объятья*)
Ну, Бог с тобой, любезный Мірослав!
(*Занавіса опускається*).

Терем у князя
(*с окном*)

Явленіє 10

Лаборці
(*Один*)

Боярский суд изрек на Мірослава
Смерть; он на плахѣ скончит жизнь свою,
А мнѣ его помиловать нельзя...

(*Смотрит сквозь окно*)

Но вот, уж приуготовляют місто,
Гдѣ должен умереть юноша, кой
Столь близок был к душѣ моѣй. Кто мог
И думать, что он измѣнник, но
Я и теперь еще, как будто бы
Не вірил всё, в чом обвинял его
Отец. Но нѣт, нельзя осомніваться —

(*Указывая на столѣ лежащія бумаги*)

Вот здѣсь его предательскія письма;
Итак, я обманутый тѣм, который
Казался найвірнѣйшим мнѣ. Но у
Меня есть вірный человек, есть дух,
Который сына не щадит, чтобы
Спасти отечество... Пусть погибает
Измѣнник; собственный отец предал
Его достойной смерти...

Явлення 11

(Євфросинія вбігає, в отчаянні)

Євфросинія

Вічний Бог!

Итак, на сей землі уж правды ніт?!
Отец, ты – князь, ты – государь, и ты
Не препятствуєш проливать в своем
Владінії невинну кров?.. Ты здісь
Стоиш, глядиш на площадь, и вот пред
Тобой ведут на казнь твої враги
Того, кто найвірній тобі! Ты здісь
Стоиш, отец, глядиш бездільно, а
Вокруг пылаєт все – вот пламень, дым

(Указывает чрез окно)

Как бьется до небес! Нас объяли
Враги, из кріпости ужанской уж
Не вылетіть ни на крыльях!.. Смотри,
Отец и князь, как отразить врага:
Мадьяр свиріпу рать не побідиш
Ты сяк... О вспомни, человек один
Был вполні вірен здісь тобі, но вот
И етого хотят лишить тебя,
И етого ведут на казнь; и ты
Не мог узнать коварства, ты не мог
Сорвать личину с Ярослава, ты
Совсім не знал, но и теперь не знаєш
Людей своїх!.. Отец, будь увірен,
Что у тебя, изъємши Мірослава,
Ніт никого тут вірнаго! Того
Не знаєш ты, но очень хорошо
Узнали то твої враги – вот для
Чего хотіли б погубить его.
Сли Мірослав погіб, они, играя,
Сладятся уж с тобой. Итак, спіши
Спасти того, кто вполні вірен нам!
Не дай убить того, кто вполні вірен нам;
Не дай убить того, кто єдинственно
Способен отразить врага... Не дай
Казнить того, кто в состоянї
Спасти тебя и все отечество!..

Лабориц

Ніт-ніт, любезна доч, тебе прельщаєт
Любов, которую питаєш ты
К нему. Но он – преступник, в том нельзя
Осомніваться мні...

Євфросинія

Тебі нельзя
Осомніваться в том? Но гді доводи,
Которым несомнінно віриш ты?
Авось, подложны еті письма, князь,
Которыя, Бог знает, кто писал,
А Ярослав, тот бессердечный плут,
Не убоялся Бога – обвинять
Роднаго сына в том, в чом єдва ли
Не сам виновен он – в изміні, князь.

Лабориц

Чего сказала ты? Подложны письма?
Что? Еті письма не его рука?..

Євфросинія

Конечно ніт, всё это Ярослав
Приготовил. Весь мир уж знает, что
Сам Ярослав виновен в преступленьї,
В котором сына обвинял! Лиш так
Мог он достигнуть ціли, сли того,
Кто найвірніє нам, сгубил. И вот
Авось, теперь уж видиш, мой отец,
Чего хотят с тобой, теперь уж видиш,
Что захотіли погубить людей,
Тебі преданных, что лиш Мірослав
Остался вірным нам! Спіши ж, спіши ж
Спасти того, кто может спасть тебя,
Да все отечество!..

Явлення 12

(Борис, Ярополк, Мстіслав и другіє бояре входят)

Борис

(Втайні)

Єще пора¹⁹

Спасти невиннаго...

(Вслух)

Пресвітлый князь,

Ужасная ошибка сталась здісь:
Нас обманул коварный Ярослав!
Не Мірослав измінник, ніт, Сударь:
Измінник тот, кто очернил его!
Да, Ярослав был тот, кто взволновал
Против тебя бояр, да он внушил
Тебі недовірчивость к нам, он дал
Тебі совіт, чтоб подвергнуть опалі
Знатнійших воевод, и то лиш для
Того, чтобы ссорить с тобой бояр.
Он очернил и сына своего,
Арестовал его и днесь ведет
Его на казнь, и то лиш для того,
Бо он противен замыслам его,
Бо Мірослав не может быть измінник,
Бо вірен как отечеству, так и
Князю, бо он не сочувствует ни
Отцу, когда сей хочет погубить князя
И завладіть владычеством ужанским.
Итак, пресвітлый князь, мы обмануты,
Знать, Мірослав невинен, чист, как світ,
Как солнца лучезарный блеск утром.
Страдал невинно он, и днесь опять
Невинно за любов к отечеству
Ведет его на казнь отец! Не дай
Пролить невинну кров, спаси его,
Відь за любов к тебі ведется он
На казнь!..

¹⁹ (Єще) **пора** – сесе стилістична грішка. Автор хыбно хоснує того слово (туй и дале по тексту) у значеню «(ищи) є час» (зазначка вишорителя – В. П.).

Євфросинія
(*Смотря сквозь окно*)

Вот, уж ведут его, о Боже,
Чего же яться здісь?! Скорій, отец,
Вели освободить его, – о ніт,
Єму невольню умереть! О князь,
Не дай пролить невинну кров!..

Борис

Єще

Пора, пресвітлый князь! Спаси
Надежду подданных своїх!

Лаборці

Итак,

Мой Мірослав не обольстил меня?!
Мні говорило сердце, что злодій
Не может быть он – но отец его,
Кого я почитал, любил, кто мні
Сердечным другом был – мой злійший враг.

Євфросинія
(*Перерывая его с нетерпінієм*)

Скорій, скорій, отец!.. Не дай пролить
Невинну кров!..

Лаборці

Я вірю вам, бояре,
Вы правы: Мірослав – свободен, он
Не должен, он не может умереть!

(*Берет в руки білоє знамя*)

Вот это знамя здісь – знак милости
Моєй.

(*Прикріплює знамя на окно*)

Так, Мірослав свободен уж!
Відь князь ужанский жив єще! Мні кажется,
Что я владыка здісь!

Євфросинія
(*Пав на коліна*)

Благодарю

Тебя, Славян великий Бог!..

(*Занавіса опускається*).

ДІЙСТВІЄ III

Сад, вокруг стіны, в стінах – дверь

Явлення 1

Ярослав

(Один, прикрадываясь, в лохмотьє переодіт)

Ускольз²⁰

Из рук; не удалось мні погубить
Змію, которую я воспитал
Для своего же зла. А тот осел
И впредь противен будет мні, итак
Мні ціли не добиться уж.. Да сын
Мой Мірослав в живых, не удалось
Мні погубить его, не удалось,
Відь у него могучій защититель,
Его хранитель Євфросинія,
Кичлива²¹ доч князя... Но подожди,
Княжна, ты должна чувствовать мою
Ужасну мечь; ты любиш Мірослава –
Не будеш наслаждаться, в том клянусь,
Любовію его! Чтобы я ціли не
Достиг? А ето было б вздор, позор!
Я все-таки ужанский буду князь!
Княжна бесценный дар; сли я єё
Доставлю Арпаду, то он меня
Поставит здісь князем, будь хоть
Вазальным²². Но таким способом я
Продам отечество и сділаюсь
Измінником... А – ето пустяки!..
Відь так добыюся ціли и сей час
Владыкой буду здішнія земли.

20 **Ускольз** – у значеню російськ. «ускользнул»; русин. «вымкнув ся» (азначка вишорителя – В. П.).

21 В орігіналі напечатаной так: «кичливо». Видав, туй проскочила печатна хыба, котру сьме виправили (азначка вишорителя – В. П.).

22 **Вазальный** (од слова: русин. «вазал»; російськ. «вассал») – землепан (феудал), што ся підчиняє свому сузерену, то значит – майвеликому пану (азначка вишорителя – В. П.).

А под моїм правленьем етот край
Окріпнет, будет цвість, как никогда.
Княжна дня каждого сюда приходит,
Чтобы прогуливаться в етом саду.
Я подожду её и, похитив,
Отдам в дар Арпаду, чтобы она
Почувствовала месть мою и чтоб
Мадьярской помощью я завладіл
Ужанскою землею! Рішено всё...
Но нікто приближается... Меня
Не должно замітить здісь нікому.

(Скрывается поза дверь, которую затворяет за собой).

Явленіє 2

*(Євфросинія и Людмила идут, порой разговаривая,
останавливаются)*

Людмила

Счастлива ты, любезная княжна!
Гроза минула уж, которая так
Смущала грудь твою. Твое желанье
Уж исполнилося: твой друг свободен.

Євфросинія

Да-да, любезная Людмила, грудь
Моя дышет от радости, покой
Вселился в сердце ніжное мое,
И дух ничто уж не тревожит мой.

Людмила

Ну, слава Богу, наконец и князь
Узнал, кто Ярослав; мы уж давно
Говаривали, что наш Ярослав
Не может быть хороший человек.
Мы выгадали, что в души его
Коварной должна жить какая-то
Измінническа ціль, и вот, княжна,
Не хорошо ль мы думали?

Євфросинія

Да, мы

Давно узнали уж, кто Ярослав,
А мой отец не мог того узнать.
И Мірослав єдва ль не пострадал
И сли б умер он, то тепєрь пришло б
Нам впасти в отчаяніє.

Людмила

Конечно,

Любезная княжна, відь Мірослав
Душа, распорядитель, управитель
Защиты всей. Здісь без него нельзя
Шаг сділать; он ставляет здісь и там
Искусных ратников – везді таких,
Каких гді нужно. Он привел бояр
Мятежных на дорогу добру и
Они стоят тепєрь уже в рядах
Пресвітлаго князя, он написал
Письмо к сосідным нам князям, чтобы
Прислали дружину против врага.

Євфросинія

Да, Мірослав – надежда наша, лиш
Он может отразить врага от нас!

Людмила

Он может, да и ділает: ни в день,
Ни в ноч не почивает он, а труд
Єго успіхом славным и до сих
Пор увінчался уж: порядок здісь
Хорош, сосіды шлют спомагательну
Рать, и пока она прибудет, мы
Без труда можем выдержатъ осаду.

Євфросинія

(Приходя к дверям)

О, сколь счастлива я, Людмила, что
Спасителя всіх нас могу назвать своїм.
Подлинно, я пред миром всім могу

Гордиться їм: он захититель наш,
Надежда княжества, да мой жених –
О, как щастлива я!

Явленіє 3

(Вдруг)

(Ярослав выскакивает из-за дверей и похищает Євфросинію)

Євфросинія

(В руках єго)

Спасите, люди!..

Спасите, люди добрые!..

(Ярослав уносит єё и дверь затворяет)

Людмила

(Кричит)

Злодій,

Злодій! Ей вы, сторожи, воины!..

Спішите же скорій, бігите же!..

Явленіє 4

Мірослав

(Вбігаєт)

Что за біда?

Людмила

(В иступленії)

Злодійство, Мірослав!

Мірослав

Что сталося, говори?!

Людмила

Ушел, ушел!

Мірослав

Но кто такой?

Людмила

Теперь ушел, унес

Єё, безбожный вор!

Мірослав
(*Нетерпівово*)

Кого унес?..

Людмила
Єё, єё унес безбожный Мадьяр!

Мірослав
(*Про себя*)
Ужасна мысль! – уж не княжну ли – ах –
Кого унес?

Людмила
Кого унес – єё –
Любезну Євфросинію!

Мірослав
Куда,
Куда унес єё?!...

Людмила
Вот етой дверью!

Мірослав
(*Торопливо бросается к двери, но она затворена,*
вскакивает на башню и раззирает вокруг)
Вот там несет єё безбожный Мадьяр!
Да, ето Євфросинія, вот как
Біжит он на коні!

(*Сходит с башны*)
Ей, вы, друзья
Хоробрыє, спішите всі сюда!

Явленіє 5

(*Воины вбѣгают*)

Мірослав
Мадьяре похитили доч князя –
Пойдем спасти єё!

В о и н ы
(Обнажив мечи)

Пойдем и в ад,
И умрем всі за Євфросинію!

(Занавіса опускається).

Табор мадьярський с шатром княжеским

Явлення 6

*(Арпад перед шатром на престолі сидить.
Ярослав покорно стоить перед ним)*

Я р о с л а в

Князь могутственныйший в мирі всем,
Призри ласково на меня, раба
Ничтожного, скажи, наш договор
Стоит?

А р п а д

Стоит, мой вірный раб.

Я р о с л а в

Сли так,
То я везді, гді только нужно будет,
Готов служить тебѣ!

А р п а д

Не лиш готов,
Ты должен мнѣ служить, сли хочеш быть
Князем.

Я р о с л а в

Я раб, невольник твой, о князь!
Повелівай, я твой слуга; одно
Лиш прошу я: престол ужанскія
Земли.

А р п а д

И ты, конечно, хочеш быть князем?

Ярослав

Да, хочу, славный князь, бо я
Хотіл бы раз помоч злосчастной сей
Землі, а Лаборц, ета баба, вірь,
Лиш опустошит край! Я дал тебі
Прекрасный дар, відь Євфросинія
Вещ непрезрительна, к тому же, князь,
Я буду твой помощник, чтоб занять
Паннонію, я буду вірный раб
Тебі, твой подданный, сударь. Земля
Ужанская наилучшая свої
Произведенья будет посылать
Во знак покорности – к ногам твоім.
Ты будеш государь и здісь, я лиш
Намістник буду твой!

Арнад

Да будет так!
Здісь княжеска рука: ты будеш князь
Ужанский и мой вірный раб!

Ярослав

О, как
Благодарить тебя, славнїйший всіх
Князей?! А Євфросинія по вкусі ль
Твоєм, красива ль, нравится ль тебі?

Арнад

Ах, я обезуміл от крас ея.
Но что ж, когда она не хочет быть
Моей.

Ярослав

Чего слышати мні? Не хочет –
Ты можеш принудить её – она
Твоя, грози мученьем, смертію!

Арнад

Да, я выдал распоряженье уж;
Сли чрез один не покорится час,
Пускай ведут её на казнь; что жизнь
Одной дівицы перед мной? Я, друг,

Таков: сли нікто покорится мні,
Готов отдать ему свой меч, а сли
Упорный нікто, я готов своєю
Рукой убить его!

Ярослав
(Тихо)

Убьет её, пускай
Чувствует месть мою.

(Вслух)

Но вот, что там
За хоровод? Дівицы пляшут, парні
Летят, как вітр, меж ними же идет
Какая-то дівица – вот, сударь,
Не Євфросинія ли это?

Арпад

Да,
Её ведут ко мні, бо уж минул
Час размышления. Увидим, вдруг
Чего решила красная Славянка.

Ярослав

Я думаю, сударь, что от угроз
Серьёзных устрашится вдруг она:
Противу кріпкой воли, князь, одной
Немощной дівушкі відь устоять
Нельзя. Но вот, они уж здісь.

Явлення 7

*(Євфросинію приводят мадьярськіє парні и дівушки,
облеченные в лохмотьї, между ними и Татош в длинной тогі,
с широким ножом при бедрі. Все это шествіє поёт,
пляшет и всякаго рода дикости творит)*

Євфросинія

Ты дал
Меня привесьть сюда, я здісь. Чего
Угодно, князь, тебі?

Арпад

Ну, говори,

Чего рішила ты?

Євфросинія

Чего рішила?

Мні ніт чего рішать; відь я дала

Тебі рішительный отвіт!

Арпад

Так ты

Не хочеш быть моеї супругой, ты

Пренебрегаєш милостью моеї?

Євфросинія

Какою милостью?

Арпад

Неужелі

Тебі не милость быть женой князя

Мадьярскаго?

Євфросинія

Ужасающа милость,

Великий князь!

Арпад

Не знать тебі, что ты

В моїх руках, что сила у меня,

Могу же принудить тебя сей час

Повиноваться мні! Про пытки, казнь,

Про смерть ты слышала ль, княжна?

Євфросинія

За честь

Свою, за добродітель, князь, страдать

Лиш слава будет мні, а смерть, узнай,

Дороже, как бесчестна жизнь!

Арпад

Итак,

Не хочеш быть супругою моеї?

Євфросинія

Я отвічала уж, отвіт мой свят.

Арпад

Сли так, ребята, вот вам дерево:
Повісьте доч ужанскаго князя!

(Євфросинія содрогается)

Татош

Не лучше ли бы заколоть её?
Гадур, великий Бог, требует жертвы:
Добыча ета перва здісь твоя,
Прилично же отдать её Гадуру!

Арпад

(Величественно)

Служитель вічнаго Гадура, вот
Она, возьми её и испроси
У бога брані нам побіду на
Врагов, когда струиться будет кров,
Пролитая тобой с груди ея!

Татош

Гадура кріпость да внидет в тебя,
Благочестивый князь, и в каждого
Из ратников твоїх!

Арпад

Как вижу, к жертві
Готово всё! Ну, Татош, заколи
Єё.

(Євфросинія падаєт в обморок)

Один парень

(Придерживая её)

Не умлівай, сейчас начнется пир!

Другой парень

Дівица хороша, кров румяненька,
Ах, веселись, святой Гадур!

Первый парень

Проснись, пойдём запіровать, какая бліда
Бідняжечка.

(Сміється: ха – ха – ха)

Другой парень

Воды, воды, она
Відь пала в обморок, полей её.

Євфросинія

(Встаєт, обзираєтся, помаленьки приходит к себѣ)

Гді я? В какой круг привела меня
Ужасная судьба? Да-да, я средь
Толпы ужасных сыроїдцев; да,
Они хотят убить да заколоть
Меня, великий Бог. Что ето за
Народ?

(Обрацаєтся к Арпаду)

Ужелі ты шутиш, иль ніт?
И в самом ділі хочеш обмарать
Мадьярску честь варварским ділом, князь?
Или у вас не стыд убить слабых
Да беззащитных дів? Или у вас
Не так бьет сердце, как у нас? Ніт-ніт,
Ты лиш шутиш, великий князь!

Арпад

Шутить

Не свык мадьярский князь! Ты первая
Добыча здісь моя, тобой жертвую
Гадуру я.

(Мадьяре обступають её, поют)

Дым, жаркоє, кров Гадуру
Золото, наряды нам;
Ах, Гадур, дай нам побіду,
Смерть и наготу врагам.
Пусть пылают церкви, дома,
Кров да не престанет течь;
Мир разрушат наши громы,
Жизнь всю истребит наш меч!

Євфросинія
(*С достоинством*)

Проч окаянная чернь!
Я хочу говорить с князем!
(*Чернь отступается, она подходит к Арпаду*).

Итак,
Ты, князь, определил меня на жертву
Гадуру своему, я знаю уж
Судьбу свою, но кажется, что я
Могу однако прибегать к твоей
Чувствительной груди – ты человек,
И у тебя есть сердце, князь, да ты
И молод, вижу я, ты должен знать,
Как мила жизнь нам в юных днях, да как
Ужасна смерть в цвѣтущій час весны...
О, взглянь на свод небесный, глянь на мир
Прекрасный, на природу всю, о как
Чудесен Божий світ! Всѣ-всѣ манит,
Всѣ говорит: о как прекрасно жить...
О, вспомни, князь, всѣ, что святое пред
Тобой, и сжался надо мной, не будь
Жесток, пусть тронет грудь твою струя
Горячих слез моїх... Князь, отпусти
Меня домой, пусть видит мир, что Арпад
Великодушный князь...

Арпад

Спасти тебя
Я не могу; один Гадур великий
Владѣет уж тобой! Ты вся его...

Євфросинія
(*К Ярославу*)

Я вижу, здѣсь пощады не найти;
Я должна обратиться, Ярослав,
К тебѣ, ты сын со мною одного
Отечества... О, сжался надо мной,
О, будь заступником моїм здѣсь пред
Князем; о, вспомни милости, любовь,
Да дружбу моего отца, не будь
Жесток, будь ходатай мой, о, спаси,

Спаси доч свого князя, відь ты
Привел меня сюда, о вспомни суд
Да справедливость Бога, и спаси
Меня, чтоб Бог мог оправдать тебя...
Одно лиш слово от тебя, и я
Спасусь...

Ярослав

О ніт, ты должна чувствовать
Мой гнів, ты сына моего могла
Спасти. Пусть он теперь спасет тебя!

Євфросинія

Негді просить здісь допомоги, со всіх
Сторон об'ял меня жестокий враг...
Над мной ругаються, когда глаза
Свої я поднимаю, чтоб просить
Помилованія; струя моїх
Горячих слез не тронет никого...
Оледеніло все, здісь каменны
Сердца – о, здісь конечно²³ пострадать!
Но ніт, надежда єсть єще: живет
Великий Бог, да, Он спасал Святых
Чудесным образом из рук жестоких
Мучителей...

*(Вынимает крест, лобызает его
и падает на коліна)*

Животворящій крест!

Тобою, силой на тебі Христа
Распятого, спаслися многи уж:
Спаси меня от сих звірей свиріпых!
Ніт-ніт, мой Бог – велик и силен, Он
Спасет меня, Гадур и гунский полк
Не будет радоваться, вірю я,
Моєй погибелі... Святая Мать
Спасителя Христа, ты здісь со мною,
Я не боюсь!

23 **Конечно** – явна стілістична грішка. Хотяй у російській бесіді тото слово ся хоснує у значеню «без сомнения», «разумеется», автор хоснує го у значеню «пришло время» (зазначка вишорителя – В. П.).

Арпад

Чего кричит она?
Ей вы, ребята, отведіте проч
Єё! А ты востри, служитель бога,
Свой нож!..

Євфросинія

Великий Бог, спаси меня!

*(Єё связывают, кладут вінец на главу єя, глаза єй закрывают
платком, Татош вострит нож; и когда это ділается – поют:)*

О, прими, Гадур великий,
Жертву чистую от нас:
Пісні, радостные лики,
О, прими хвалебный глас.
Жертва уж приготовлена,
На главі єя вінец,
Скоро будет умерщвлена
Для тебя, Гадур-отец!

(Татош подходит к Євфросинії, как вдруг)

Явленіє 8

*(Мірослав вбігаєт со славянской дружиной, б'єт чернь, которая
падаєт то налево, то направо, Арпад и Ярослав вбігают в шатёр)*

Мірослав

(б'єт)

Проч, проч, варварска чернь!..

Славяне

(Тоже б'єт)

Проч, сыродцы!..

*(Мірослав обнимаєт Євфросинію;
Занавіса опускаєтс'я).*

ДІЙСТВІЄ IV

Терем в кріпости

Явлення 1

(Мірослав и Євфросинія сидят возлі)

Мірослав

Итак, уж наконец, освободившись
Из толькох бід, внов вьедно мы, да-да,
Любезна Євфросинія, теперь
Уж можно любоваться мні твоєй
Осанкою небесной, целовать²⁴
Твої лазурные глаза, твой лоб;
Да обнимать воздушно гибкий стан;
Да, я любезную могу прижать
К груди; ничто відь не разлучит нас!

Євфросинія

Счастлив ли ты со мною, Мірослав?

Мірослав

Да, я счастлив, насколько человек
Лиш может быть счастлив, да надіюсь
И ты блаженна днесь со мной.

Євфросинія

О, как

Не быть счастливой мні, когда ты здісь
Со мною, друг, когда отечества
Славнійший сын зовет меня своєй
Невістою!

Мірослав

Ах, світ ты мой, ты много
Страдала; уж и смерти страх ужасный
Терзал твой дух...

24 В оригіналі песы было напечатаной так: «цаловать». Видав, туй проскочила печатна хыба, котру сьме виправили (зазначка вишорителя – В. П.).

Євфросинія

Не то, мой Мірослав;
Кріпчайше рвалась грудь моя, когда
Тебя вели на казнь! Тогда, тогда
Узнала вірно я, как мил ты мні...
Увы, тот миг, когда при сем окні
Стоя, увиділа я плаху на
Рынкі, увы, тот миг никак нельзя
Мні описать... Всі адскія страданья,
Всі муки Тантала²⁵ вселились в грудь
Мою; весь мир терялся, погибал
Пред мной – сама я умирала, друг,
Бо мир мой – ты, а я с тобой одно...
Сли ты погиб, погиб мой мир, сли ты
Погиб, погибла я...

Мірослав

Я вірю, друг,
Терзалась грудь твоя, когда меня
Вели на казнь, бо любиш ты меня.
Но смерти страх авось кріпчайше грыз
Твой дух, когда варварский князь веліл
Уж заколоть тебя...

Євфросинія

Да-да, в тот час
Страх смерти овладіл моєю душой,
Однако, друг, надежды сладкий сон
Питал унылый дух сред отчаянья.
Но, думаю, и ты, мой Мірослав,
Страдал ужасно, зная, что меня
Бесчеловічний Мадьяр свартовал²⁶ –
И я в враждебных нахожусь руках.

25 **Тантал** (давногрецьк. Τάνταλος) – у давногрецькій міфології є то царь Сіпіл из Фрігії, сын Зевса и німфы Плуту. Любимець богів, овін веце раз ся знав из нима добрі погостити на Олімпі. Поступно ся запышив, зачав кривдити богів. Зато зошмарили вни го у підземной царство бога Аїда, де мусів вічно страдати од голода и жажды. Вывраз «*Танталовы муки*» значит страданя чоловіка, одсуженого на вічні муки – того, котрый усвідомляє собі близкість желанной цілі и невозможность ї досягнути (азначка вишорителя – В. П.).

26 В орігіналі пєсы было напечатаной так: «сваровал». Видав, туй проскочила печатна хыба, котру сьме выправили (азначка вишорителя – В. П.).

Мірослав

Правильно судиш ты, прекрасное дитя,
Ту боль, котора рвала сердце мні,
Когда узнал я, что тебя злодій
Унес с собой в варварский табор, я
Не чувствовал до тіх пор никогда...
Авось убьют, авось обесчестят
Єё, иль будут мучить ніжну плоть –
Такія мысли дух терзали мой...
Нельзя представить беспокойность ту
И жгучее страданіе, кої
Пришлось мні снести... Но проч печальны мысли!
Проч грудь, сжимающа минувшость; день
Иной настал для нас! Ты здісь,
Любезна Євфросинія, теперь
Могу свободно я прижать тебя
К своей страдальческой груди... Ты здісь
Ничто уж не разлучит нас!

Євфросинія

Так, друг,
Час чорный уж прошёл да пролетіл;
Настал ведренный день – над нами так
Прелестно улыбается небес
Лазурный свод и чистая любовь
Раскрыла ублажающій покров
Над нами, милый друг! Юноши ніт
Славнійшаго в Паннонії цілой,
Как ты; и ты зовеш меня своей
Невістою – о, как счастлива я!

Мірослав

Не будет ли отец твой противиться
Блаженству нашему? Не будет ли
Препятствовать, чтоб обвінчаться нам?..

Євфросинія

Отец ни в чом не отказал еще
До сих пор дочери своей, и так
Он не откажет ей ни во отцовском
Благословенії.

Мірослав

Ах, мы – не стыдно ль
Нам – предались здісь наслаждєнію,
А под стінами кріпости Мадьяр
Опасна рать...

Євфросинія

Ты прав, мой Мірослав,
Я не задерживаю здісь тебя,
Иди, да отрази врага, и лиш
Тогда мы отпразднуєм брачный пір.

Мірослав

Так, после отраженія врагов
Ты будеш вполні уж моя – вот мзда;
И ето лучше будет поощрять
Меня, чтоб чім скоріє отогнать
Мадьяр варварску рать... Я буду драться,
Как лев и тігр; наградой відь моєй
Ты будеш, Євфросинія!

(Встает)

Пора

Идти, чтоб осмотреть, какой порядок
На башнях да во кріпости. Прощай,
Кріпись надеждою, мой друг!

Євфросинія

Моя

Надежда ты, любезный мой!

*(Євфросинія уходит и Мірослав хочет идти,
но останавливается, встрічаясь с Лаборцом)*

Явленіє 2

(Лаборц и Мірослав)

Лаборц

Простиш ли ты меня, великий сын
Отечества?

Мірослав

Ах, Государь, против
Меня не провинился ты...

Лабори

Ах, друг,
Я согрішил – єдва ли не погиб ты
Из-за моєй вини...

Мірослав

Родитель мой –
Виновник зла, не ты, пресвітлый князь!
Відь он хотіл лишить тебя людей
Твоїх, чтоб легче покончить с тобой.
Но Бог и Євфросинія спасли
Меня! Да, я спасен, и вот отец мой
Из-за того унес в мадыарский стан
Любезну доч твою, чтоб с части дать
Єй чувствовать позорну месть свою,
А с частью²⁷ же, чтоб за неё купить
У сладострастного мадыарскаго
Князя сей княжеский престол...
Но Бог хотіл не так – уж дома доч
Твоя и єсть надежда, добрый князь,
Что Бог поможет отразить нам и
Врагов.

Лабори

Я очень многим одолжен
Тебі, мой вірный Мірослав!

Мірослав

Ничім,
Ничім, великий князь; что я творил,
То долг был мой к отечеству! Сын каждый
Отечества так должен бы творить.

Лабори

Я знал твой храбрый, благородный дух,
Но мнініє моє ты превышил.

27 В оригіналі песы было напечатаной так: «Язь частью». Видав, туй проскочила печат-
на хыба, котру сьме выправили (зазначка вишорителя – В. П.).

Мірослав

Оставь, пресвітлий князь, не заслужил
Такой похвалы я! Об ином ділі
Нам заботиться днесь – знать, мой отец
Теперь порушит все, чтобы продать
Нас в руки неприятеля... Єму
Знакома ета кріпость, князь, и всі
Єя некріпки сторони; и так он
Введет сюда врагов... Нам нужно бдіть,
Да бодрствовать! С своєю я сторони
Распорядил, что мог: на башнях вкруг
Стоят герої, запасов у нас
Довольно, нісколько суток не будет
Нам трудно выдержать осаду, а
Под тім часом прибудет дружина
Освободительна сосідних нам
Князей.

Явлення 3

Герольд
(Входить)

Вість радостну принес с собой
Я. Князь, освободительны полки
Князя Залана недалеко уж!
Залан летит, чтоб отразить Славян
Всеобщаго врага. Он с дружиной
Навірно будет до утра под етім
Пасмурным замком, чтоб нас спасти.

(Уходить)

Лаборці

Да будет
Благодареніє Всевышньому!
Теперь уже надежда вірна єсть,
Что нас не одоліет дикий враг!

Явлення 4

(Борис, Ярополк и другіе бояре входят)

Борис

Пресвітлый князь, простиш ли нас?

Ярополк

Против

Тебя жестоко согрішили мы.

Борис

Ах, князь,

Тяжким гріхом изміны можно нас
Клеймить; однако, добрый князь, не так
Виновны мы, как кажется, мы лиш
Были сліпым орудієм того
Измінника, который не лиш нас,
Но и тебя прельстил, відь он уміл
Притворничать да обольщать людей,
Которые не замітили злых,
Изміннических замыслов его.
Да ты простиш, конечно, обольщенных
Добросердечный князь!

Лаборц

Простить готов

Я вас, бо відь меня так, как и вас
Измінник обманул, хотя, друзья,
Вы должны знать, что нужно слушаться
Князя... Гді ж ваша дружина?

Борис

Что лиш

Могли собрать мы, ето здісь на башнях,
Пресвітлый князь; к тому ж, со всіх сторон
Толпятся ратники, чтоб спасть
Отечество от злых врагов...

Лаборц

Сли так,

То все идет на лад, авось наш меч
Выручит нашу жизнь!

Мірослав

О, сколько бід
Да затрудненій перешло над етой
Злосчастною землею в короткий час!
Внутренній несогласія терзали
Недужну грудь граждан, которы чуть
Не воздвигнули злой мятеж; невинных
Вели на казнь иль затворяли здісь.
Граждане повставали на князя,
Отец же сына смерти предавал...
И чтоб до дна испить нам чашу зол,
Напал на нас свиріпый, дикий враг,
Которому предать отечество
Не ужасается один из здішних
Бояр. Но, слава Богу, мы – одно,
Итак, надежда есть, что одолим
Опаснаго врага. Измінник нас
Разъединил, но Бог созвал нас внов,
Держайте же, любезныє друзья,
Отечество зовет на брань своїх
Сынов – теперь иль никогда; теперь
Вооружайтесь, защищайтесь, чтоб
Не побідил кичливый враг Славян.
Спаستись иль умереть – вот наш девіз;
«Побіда или смерть» – вот храбрых зов!
Ну, присягніте же, хоробрыє
Друзья: здісь умереть иль побідить!

Бояре

(Обнажив мечи)

«Смерть иль побіда!» – так нам, Боже...

(Извні доходит крик и стук оружия)

Явленіє 5

(Воин вбігаєт)

Воин

Враги вторглись в кріпость, світлый князь,
Дорогой тайной с сівера!..

Всі
(Кричат)

Изміна!..

Борис
Безбожный Ярослав!..

Мірослав
(Подняв меч)

«Смерть иль побіда!»

Явлення 6

(Мадьяре, предводимые Ярославом, вторгаются в терем)

Борис
(К Ярославу)

А, это ты привел сюда врагов,
Безбожный лицемір?!

(Пронзаєт єго)

Ярослав
(Умирая)

Ну, будь проклят!..

(Лаборц біжит, бояре дерутся²⁸ с Мадьярами).
(Занавіса опускається).

28 В оригіналі пєсы было напечатаной так: «друтся». Видав, туй проскочила явна хыба, котру сьме виправили (азначка вишорителя – В. П.).

ДІЙСТВІЄ V

Ліс, ріка видніється, на березу ріки – вісилиця.
Под вісилицей могила с простым крестом

Явлення 1

*(Євфросинія в траурі, с распущенными волосами,
стоит у могилы, припершись на крест)*

Євфросинія

Несчастливая судьба постигла нас,
Ужгород и князя, постигла весь
Славянский мир... Свиріпіє враги
Повелівають днесь на сей святой
Земли... Будь Славянин невольником
Чужих завоевателей, сги ты,
Не мог покорным быть своим – князю
Єдинокровному!.. Да, Славянин
Не мог жить без беды – он не хотіл
Узнать владыки над собой, ему
Несносен был одноплеменный князь!
Он иго легкое скинуть хотіл.
И вот теперь рабом-слугою стал
Необузданных дикарей!.. Авось,
Сладчайше гнет Мадьяр, авось, не так
Тяжки оковы степных сыродцев?..
Суд Божий справедлив! Не может жить
Народ, который не внимает зову
Своих начальников... Славяне не
Могли жить во согласіи, в любви;
Ненависть разділила их, и брат
Знать брата не хотіл, преслiдовал,
Гонил... Авось, теперь уж примирит
Славян иноплеменный властелин..
Не может жить народ, который не
Узнал себя, котораго члены
Не узнали, что сродны меж собой,
Котораго грудь колют распри да
Терзают несогласія... Нельзя
Народу жить, пока не съединится он!

Внимайте, діти Славы, не забудьте!
Вот вам Касандры зов: віка пройдут,
Тисячелітіє минет, и вы
Всі будете носить мадьярську ціп;
Тисячелітіє минет, и здісь
В Паннонії не будет управлять
Славянський глас... А сли хотите жить
Народной жизнью, то непременно
Соєдиниться вам, то непременно
Узнать друг друга братом, быть – одно!
Потомки! Если вы соєдинитесь,
И будете одно, то ніт врага,
Ніт силы в мирі сем, котора бы
Вас побідить могла! Здісь над могилою
Врагом позорно повішеннаго
Отца віщаєт вам то Євфросинія!
Любый²⁹ отец, какою кончиной
Позорною погіб ты на своєй
Землі?!

(Падаєт на могилу)

Вот доч твоя гроб орошаєт
Твой слезами любви; погіб ты, как
Вірнійший брат и мученик Славян,
Отечества и всій Паннонії...
Погибло все, надежды ніт, чтобы
Скинуть ціп варварску... Прощай, прощай,
Свята свобода; ноч настала нам,
Відь солнце наше закатилось уж...

(Совсім склоняєт голову на могилу).

Явлення 2

*Мірослав
(Входить, про себя)*

Всегда на отчем гробі плачет и
Сітуєт мой дражайший друг...

(Вслух)

29 В оригіналі песы было напечатаной так: «любой». Видав, туй проскочила явна хыба, котру сьме выправили (азначка вишорителя – В. П.).

Опять

На сей могилі ты, опять в слезах
Находит друга друг?... О как мні жаль,
Что я всегда нахожу здісь тебя
Плачущей, Євфросинія!

Євфросинія
(Подымаясь)

Ах, как
Не плакать мні, когда отец, родня,
Когда отечество погубило... Мні
И описать нельзя, какая боль
Терзает грудь мою – я безутішна...

Мірослав

Ты очень много потеряла, друг,
Но я однако же остался твой.
Или не любиш друга ты, или
Несчастлива ты со мной, или тебѣ
Уж жаль, что ты супругою моею?..

Євфросинія

Ніт-ніт, не то, любезный Мірослав,
Відь только то кріпит еще мой дух,
Что Бог тебѣ вручил меня, лиш при
Груді твоєй возможно мні снести
Удар, который разгромил меня...

Мірослав

Ах, утішайся, друг! Всі смертны мы...
Нешадный рок смерть каждому пришлет..
Днесь твой отец погиб, а завтра, друг,
Могу погибнуть я, иль ты, а ето
Всё равно – умереть в бою, в огні,
В постелі иль от рук убийц, врагов,
Безбожных злодіев; отечество ж
Еще все не погубило, друг; сли пал
Один Ужгород, ето відь еще
Не вся Паннонія, и для того

Уж полно тосковать! Надежда єсть –
Славяне выженут врагов!

Євфросинія

Не быть
Тому – надежда тщетна, відь враги
Уж вкоренились здісь! Сли впустили
Врагов во кріпость, в сердце наше, о,
Тогда уж очень тяжело будет нам
Їх выгнать, даже невозможно, друг...

Мірослав

Ужгород был изміною занят,
Пока єще не прибыла Славян
Спомагательна дружина; теперь
Же съединимся всі с сосідными
Князями и, єдинодушно став
Против врага, уничтожим єго!

Євфросинія

Дай Боже, но не так чувствую я:
Здісь в єто сердце вкоренилось, друг,
Зловіщее предчувствіє, и вірь
Мні, чувство сердца моего меня
Не обмануло никогда...

Мірослав

Не бось,
Не плач, любезный друг, поможет Бог,
Вот уж идут хоробрые друзья!
Всі бодры, как орлы, всі благородны,
Как львы, да дерзки, словно тігр; нельзя
Нам унывать, відь с дружиной такой
Вселенну можно побідить! Но что
Рекут они, какую принесут
Мні вість? Собралася ли дружина,
И близко ли спомагательна рать?

Явлення 3

(Герольд и воины входят)

Мірослав

(К герольду)

Ну ж, как, мой друг, спомагательна рать
Далеко ли? Идет ли к нам Залан
И Святополк?

Герольд

Нельзя извѣстно знать,
Гдѣ есть помощный стан, бо пред врагом
Нельзя сойтися с ним; но нѣтъ сомнѣнья,
Что он к нам приближается. Вездѣ
Носится слух, что Святополк идет!

Мірослав

(К товарищам)

Вы здѣсь, хоробрыѣ друзья, пришли,
Чтоб защищать отечество свое!
Ты здѣсь, любезна дружина, пришла,
Чтоб отомстить позорну смерть князя!
Наш князь убит – Ужгород же в руках
Врагов, велика часть отечества
Уж покорилась побѣдителям!
Погибель уж крылья раскрыла над
Ужанскою землей, нас преслѣдует
Судьба, нас преслѣдует чорный рок...
Но не погибло все еще – еще
Живет Паннонія, еще живет
Славянска рѣч, еще живет Славян
Великий дух! Не унывайте же,
Хоробрыѣ друзья, но ополчайтесь
Против врага, против злых дикарей.
Залан и Святополк придут к нам,
А сли не будет их, то с нами Бог!
У нас есть храбрость, вѣрность, бодрый дух,
Надежда и оживленная грудь! Итак,
Клянемся здѣсь, при сей могилѣ всѣ,
При гробѣ за отечество врагом
Убитого князя, что можем умереть,

Рабами ж быть нам варваров нельзя –
Рабами їх не будем никогда!

Всі
(Обнажив мечи)

Смерть иль побіда!

Мірослав
Так нам Боже!

Всі
Так нам Боже!

Євфросинія
(Про себя)

Всі вы умрете, друзья,
И память наша улетит, как дым,
Паннонії ж не будет никогда...

(Занавіса опускається).

ПУБЛИЦІСТИКА

Князь Ѳеодоръ Коръятовичъ.

Ѳеодора Коръятовича князя подольскаго обыкновенно считают основателемъ угорской Руси. Говорятъ, будто онъ населилъ 40,000 русскихъ жителей въ Угорщину. Что князь Ѳеодоръ Коръятовичъ передалъ свое подольское наслѣдство царю угорскому Людовику Великому, за что получилъ отъ него Мукачевскую и Маковицкую доминию, это кажется достовѣрнымъ; что онъ основалъ Мукачевскій русскій монастырь, передавъ монастырю деревни Бобовище и Лавку, это подтверждаетъ данная имъ учредительная грамота; но чтобы онъ поселилъ 40,000 русскихъ въ Угорщинѣ, это кажется невѣроятнымъ, во первыхъ для того, ибо о такомъ многочисленномъ переселеніи русскихъ изъ Подоли въ Угорщину нѣтъ споминку

КНЯЗЬ ФЕОДОР КОРЬЯТОВИЧ

Феодора¹ Корьятовича, князя подольского, обыкновенно считают основателем угорской Руси. Говорят, будто он населил 40 000 русских жителей в Угорщину. Что князь Феодор Корьятович передал свое подольское наследство царю угорскому Людовику Великому, за что получил от него Мукачевскую и Маковицкую доминию, это кажется достоверным; что он основал Мукачевский русский монастырь, передав монастырю деревни Бобовище и Лавку, это подтверждает данная им учредительная грамота; но чтобы он поселил 40 000 русских в Угорщину, это кажется невероятным, во первых для того, ибо о таком многочисленном переселении русских из Подолі в Угорщину ніт споминку ни в одной русской или польской літописи; такое значительное переселение людей однако не могло быть незамеченным; не віроятно переселение 40 000 русских в Угорщину и для того, ибо в том случаї, если был Феодор Корьятович имів 40 000 людей, он не был бы принужден біжати от гніва дяді своего, Ольгерда, а мог бы с успіхом бороться с ним. Русских считаем мы частью первоначальными, частью же из Галиції и Молдавії переселившимися жителями верхней Угорщины. Но то кажется віроятным, что Феодор взял с собою ніскольких близких себї семейств и привел їх в Угорщину. Таковы были князь Василій, Пан Андрей, Каффаї Гелеле и проч.

Феодор Корьятович 1360. года основал Мукачевский монастырь и скоро возвратился в Литву; и в Вільні был заключен в темницу князем Вітольдом в 1396. году. В мадярских документах до 1398. года о Феодорі Корьятовичі ніт споминку. Віроятно, что около этого времени он вновь возвратился в Угорщину и занял свою Мукачевскую доминию; ибо царь Зигісмунд² 1398. года повеліваєт лелесскому конвенту, чтобы Феодора, и брата его Василя, – тоже князя подольского, – сродникам: Станіславу, Іоанну, Петру, Георгію и Богдану передал в владініє Шаркадь, которую деревню Феодор и Василій передали Станіславу за его вірную службу. В 1401. году царь Зигісмунд вновь приказует лелесскому конвенту, чтобы рассмотріл жалобу Феодора Корьятовича.

По свідітельству тяжебных документов Феодора Корьятовича и фамилії Шаланки, Феодор умер около 1414. года, ибо в одном королевском документі, датованном 1414. года, Феодор называется уже

1 Автор хоснує у написаню имени князя літеру церковнославянського языка «фіта»: **Феодоръ**. Сесе слово выдтак мож читати двояко – як Теодор авадь Феодор. Подля традиції, што ся склала в русинській історіографії, хоснуєме туй другый варіант (зазначка вишорителя).

2 **Зигісмунд** (лат. *Sigismundus*) – король Угорщины. У русинській історіографії ся склала традиція писати того имня як «Сігізмунд» (зазначка вишорителя).

покойником. Після чого уже опять нигді ніт споминку о Феодорі; вспоминается однако вдова его Валга и дочь Анна, которыя имѣли тяжбу с фамилією Долгаї.

Пришедшие с Феодором Андрей Пан и Гелеле 1416. года состояли командантами мукачевской крѣпости, а 1418. года Гелеле был правителем добр вдовы Феодора Корьятовича «*officialis ducissae de Munkácsz*».

Феодор Корьятович был внуком литовскаго князя Гедиміна, именно был сыном сына его Коріата. Если Феодору, 1354. года, когда замінял с царем Людовиком Великим свое подольское наслѣдство на Мукачевскую доминію и когда первый раз пришел в Угорщину, было 25 літ, тогда в час смерти, послѣдовавшей 1414. года имѣл быти он 85. літній старик. Жаль, что умер он без наслѣдников и оставил свой угрорусский народ на произвол судьбы.

ІЛУСТРАЦІЇ

Сочасний портрет Є. Фенцика од народного умільця України
Василя Скакандія (1941–2020).

Ужгородський пам'ятник Є. Фенцику (од академічної сохарьки Єлены Шиналій-Мандич) днесь.

Торжественной открытыя памятника Є. Фенцику в Ужгороді 16 мая 1926 рока. Ид присутнім ся пригваряє архідіакон Євменій Сабов, научник и голова Ужгородського общества А. Духновича (стоит, у лівій части фото).

Помежи важні гості на торжественной открытыя памятника Є. Фенцику в Ужгороді прийшли (сидят у первім ряді, изліва направо): вдова Є. Фенцика Марія Фенцик (у дівоцтві Васовчик), губернатор А. Бескид, єпископ П. Гебей, депутат парламента д-р Гайн, генерал Л. Прхала, віце-губернатор А. Розсыпал, урядовый комісарь Грбек.

Дерев'яна церков Різдва пресвятой Богородиці у с. Мала Мартинка (Бережська жупа, днесь Мукачевський раён Закарпатської области), у котрів крестили новонародженого Є. Фенцика.

На ґрунку у селі Вышній Шард (днесь Широке) ищи од року 1774 стояла дерев'яна церков, у котрів (у рр. 1857–1886) служив о. Андрей Фенцик. (Коли у селі поклали муровану церков (1886), дерев'яну из часом розібрали). Такой коло дерев'яной церкви (фото на споді исправа) поховані сам о. А. Фенцик, ёго жона Анна и їх діти, што умерли як малолітні. Сочасні фото: В. Падяк.

У році 1886 у с. В. Шард (с. Широке) освятили нову муровану церкву – величавый и надміру великий храм. Будованя того храма (під веденям о. А. Фенцика) постаяло аж двадцять років. Сочасне фото: В. Падяк.

Христосъ воскресъ!

Воскресшаго мая 14. 1869.

Всему тресту. Братъ
и сестры мои
Любезный батюшка!

Извѣстите, что я такъ обваренно пишу
къ вамъ, что я тотъ самый,
который былъ такъ семинаристъ,
и я убежденъ, что вы это ска-
жете, и примете. И слава
Богу уже рукоположенъ въ пресвѣ-
щенство и уже въ сѣхъ свое острѣлъ
и осужденъ, когда надеялся на
Господа, что эта авашская за-
падняя Грива уже не долго
будетъ лаять съ насъ худаво.
И жемился на Маріи Васильчи-
ковой, дочери одного ревнаго
рукаго православнаго Дука въ
обвареннаго священника; фран-
ція ея велика и въ Россіи, пришедъ
лестный франція Васильчиковъ,

Камчатка года в Александринск,
 и в венец неграмотных в
 Савоуки.

И посвящая Вам свое сердце,
милый Самуилка своею фотографией
берется из сурового, каменного, кмо
да это драгоценное приятие,
как знак любви к Вам преданно,
Сми.

[illegible]

Не забравяйте обичае в своите
смотрища.

Тысячаице. Всецъ Васъ:
Еврейск. Псалтирь
свѣдѣнны

Подписка принимается въ Унгварѣ у казначея Общества Св. Василія Вели. Бл. Г. Юліана Петрика гимназическаго профессора.

СВѢТЪ

Выходить еженедѣльно по Субботѣ.

Цѣна на годъ 4 гульд., австр. ц.; на полугодъ 2 гульда.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА, ИЗДАВАЕМАЯ ОБЩЕСТВОМЪ Св. ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО.

ОБЪЯВЛЕНІЯ ПОДЪ КОМИТЕТА

составленнаго изъ членовъ комисіи, посланной 1865-го года угорскіимъ сеймомъ, въ дѣлѣ народностей.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ теперешнее время вопросъ народностей занимаетъ первѣйшее мѣсто; и такъ угорскій сеймъ ничего не могъ лучшаго и болѣе соразмѣрнаго съ цѣлью сдѣлать, нежели присутствіе къ такъ щеколтливому вопросу, и всѣмъ уже развѣ въ землю нашу совершенный покой. Что побудило угорскій сеймъ къ такой уступчивости, даже какия сдѣлствія будетъ имѣти этотъ амбарагъ, какимы образомъ и когда войдетъ онъ въ дѣйствіе? Это всё вопросъ, которые частію не принадлежать къ составу нашей литературной газеты а частію произнесение суда объ этомъ, требуетъ еще маленькаго времени. Наше дѣло только констатировать всѣ явленія происходившія около насъ и видѣ насъ, и извѣщать какое-то значеніе на народъ, несмотря на ихъ политическое или неполитическое состояніе: не впускается въ разбирание, глубинное толкованіе, это стоитъ выше нашей сферы; мы тѣмъ хоти не глумимся, но маленько остерегаемся, и такъ только самый фактъ. —

Цѣлая статья закона о равноправности народностей состоитъ изъ седмй частей. Первая часть занимается правами народностей касательно общинной и церковной администраціи. По содержанію мыслей выложенныхъ въ точкахъ вопросной части, всякій гражданинъ отечества, возмозетъ въ просьбахъ, подаваемыхъ къ своему начальству своей общины, употреблѣти свой матерный языкъ, но въ представленныхъ направленныхъ къ начальствамъ инымъ общинъ, долженъ соблюдать правила этикета, т. е. наслаждаться языкомъ во вопросной области употребляемымъ; такъ и въ собраніяхъ общинъ, члены могутъ разбирати предметы на матерномъ языкѣ; но уже что касается языка для веденія прото-

коловъ собраній общинъ, и языка употребленнаго во внутренней администраціи правленій общинъ, это рѣшаетъ собраніе общинъ абсолютнымъ большинствомъ голосовъ. Всякому церковному высшему и наивысшему начальству волю по произволу избрати языкъ употреблемый въ веденіи протокола и въ администраціи. Все таки, протоколъ и на мадярскомъ языкѣ долженъ вестися.

Вторая часть содержитъ въ себѣ права народностей относительно администраціи управленія. Въ этой части двѣ точки самой болѣе важности, сирѣчь: что всякій гражданинъ, община, собраніе, высшее церковное правительство, общество и заведеніе могутъ употреблѣти въ представленныхъ направленныхъ къ своимъ политическимъ властямъ и свой языкъ, но въ сношеніяхъ съ ними начальствами языкъ, на которомъ ведется протоколъ у вопроснаго начальства. Не можно обойти съ молчаніемъ и 13-го § этого амбарага по содержанію котораго всѣ чиновники политическихъ властей въ сношеніяхъ своихъ съ общинами, собраніями, частными обществами, заведеніями и частными людьми должны употреблѣти ихъ языкъ.

Третья часть толкуетъ о правахъ народностей касательно администраціи относящейся до управленія государствомъ. Эта часть по нашему сужденію наибольшаго значенія для насъ всѣхъ, по силку въ случаѣ осуществленія идей, начертанныхъ здѣсь можетъ ускользнуть. По духу этой части, всякій гражданинъ можетъ употреблѣти въ представленіи къ штакскому начальству свой матерный языкъ. Штакскаго правленія административнымъ языкомъ есть мадярскій. Но министеріи должны на то вынуждены, чтобъ такъ во вся достоинствѣ и государственныя чиновства, особенно въ финшпаны, и изъ иныхъ народностей довольныя числомъ выменовались таковыя мужья, которые владѣютъ языкомъ политическихъ властей, общества, заведенія и частныя лишь не мадярскаго языка. Далѣе правительство

должно стараться о томъ, чтобъ всѣ граждане отечества, каковыя они ни-будь народности, въ области обитавшей ими, на народномъ языкѣ образовались до той самой точки, гдѣ начинается высшее академическое образованіе. Такъ даже о томъ должно правительство попеченіе имѣти, чтобъ въ тѣхъ штакскихъ ссереднихъ и высшихъ училищахъ, въ которыхъ больше языкомъ бываетъ одного, для всѣхъ тѣхъ языкомъ и литературѣю особенныя кафедры учредились. На всеучилищѣ пѣштанскотъ преподавательнымъ языкомъ есть мадярскій, но для языковъ и литературѣю всѣхъ народностей, живущихъ въ отечествѣ, учреждаемыя особенныя кафедры. Наконецъ, если какое-то уже въ дѣйствіе вступившее заведеніе не въ состояніи собственными силами соотвѣтствовать цѣли и прибѣгло бы къ министерію о подааніи помощи: то касательныя министерствъ обязанностью будетъ, на основаніи достовѣрныхъ данныхъ, представленіе сдѣлать сейму. А сеймъ съ случая на случай рѣшитъ количество подаемой помощи, если убѣдится о настоящей нуждѣ.

Четвертая часть говоритъ о правахъ народностей касательно стоваршеній. На основаніи этой части каковыя-нибудь народности гражданныя, общины, церковныя или иного рода общины, могутъ низши — или высшия училища, такъ и для преусвѣщій искусства, науки, богатства, торговли инымъ нужная заведенія — учредить. Но училища только при общемъ согласіи съ учебнымъ планомъ.

Пятая часть содержитъ въ себѣ права народностей относящіеся до судопроизводства.

Шестая часть говоритъ о правахъ народностей, касательно законодательства. По содержанію сего, языкомъ совѣщательнымъ и административнымъ сейма есть языкъ мадярскій. Но всѣ произнесенныя законы, должны быти объявлены на языкахъ всѣхъ народностей, тутъ живущихъ.

Въ седьмой части находится обезопасеніе равноправности народностей. На основаніи

ПРИВѢТСТВОВАНІЕ.

Здравствуй Русь матушка моя,
Здравствуй русская земля,
Здравствуй славная семья
Кои себя въ ней веселила.

Здравствуй Унгъ, Землянь горестый
Здравствуй прелестный Шарина,
Здравствуй Австро-русскій Шпинъ,
Здравствуй Берегъ дубравистый!

Услышь и ты гласъ дружескій,
Маржарымъ чудный край,
Угочъ волшебный рай,
Услышь зовъ чисто русский!

Вспомни русскому слову:
Русь воскресла, стала жить,
Ночь — хотѣлась сгубить
Нась, — исчезла, слава Богу.

Ужъ сѣбитъ лучезъ прѣлѣный
И навъ сошла крѣпъ сѣтъ,
Хотѣ ужъ тысяча лѣтъ,
Объяла насъ тѣмъ своимъ смертнымъ.

Стада русской — сияя Тиса,
Какъ то бѣдо въ древній часъ;
И такъ русский слышеть гласъ,
Гдѣ ячитъ кристляны Ториса.

Слава и тебѣ Боржана
Окрестность твою не спитъ;
Все юной нѣжно кипитъ
И во кругъ тебя Ондава.

Здравствуй быстрая Тересла,
Славный Попрадъ, Талаборъ;
Здравствуй изъ прелестныхъ горъ
Тесушій Гернатъ да Тошия!

Здравствуйте волни Лаборца,
Унгъ слава Ужаская;
Латорица чиста,
Питье бережскаго горца!

Здравствуй нашъ народъ любезный,
Русские братья друзья,
Милія родня дѣла,
Прійми нашъ поклонъ сердечный.

Пріимъте чась, родные братья
Уже узнали себя,
За народность борются,
Раскрывъ другъ другу объята.

Богъ поможетъ намъ издуживать
Верхъ истины должна звать,
Проставится наша мать
Бессонно жавота чудеснѣмъ.

Братъ надежда на Бога,
Онъ могучъ, чтобъ спасти насъ,
Наставитъ блаженный часъ
И для русскаго народа!

Бодрствуйте не унывайте!
Простѣйтесь надо намъ;
Чтобъ осмысли сѣтъ крамъ
Всемогущаго ухотайте!

Владимиръ.

Я НЕ РОЖДЕННЫЙ ПОЕЪ.

Не докупайте уже ни,
Дайте мнѣ, прощу, покою,
Рѣчь недурна писать стихъ,
То знаешь и я, какъ я;
По волѣ всѣмъ да вѣдетъ,
Я не рожденный поетъ.

Разъ дѣлся я сбитъ съ пути,
Написалъ ольшъ долгій стихъ,

ПОЛЕЗНЫЯ ЗНАНІЯ ДЛѢ ОУГРО-РУССКАГО НАРОДА.

Что чѣвати оу насъ?

— Оулучшеніе доли нашего оугро-русскаго народа. Добріи люди не перестаютъ трудитиса ш томъ, чтобы долю нашего русскаго народа поправить. Такъ недавно на іѡщенническомъ собраніи, поддержанномъ въ Нижнихъ-Верецкихъ, О. Вардоломѣй Галактовичъ, наміѣстникъ предложилъ цѣлое шѣдманное сочиненіе собранію, въ которомъ предлагаетъ шогокъ, такимъ-бы можно нашамѣ народѣ помочи. Составленный отцемъ наміѣстникомъ шогокъ шпаніа русскаго народа былъ подписанъ всѣми присутствующими іѡщенниками и переланъ Его Прѣіѡщенствѣ — владыцѣ. — Съ томъ іамомъ іѡѣтѡкалиса въ Мараморышѣ іѡщенники тереклан-

ікагш церк. окрѣга, и такъ нашли, что долл
рѣскагш народа токмо такъ можетъ попра-
китиса, еіли 1) недопѣтитиса, чтобы чѣжы
жиды до насъ стаговалиса 2) еіли, въ тѣхъ
мѣстахъ, гдѣ Рѣины живѣтъ, продажа паленки
шграничитиса, 3) еіли законы ш процентахъ и
лихвѣ строго іюблюдатиса кѣдѣтъ, 4) еіли по-
земельная подать оуменьшитиса, 5) еіли заве-
дѣтиса школы, въ которыхъ бы Рѣинъ могъ
ремесламъ наѣчитиса; напр. іакъ плести кошары,
іакъ ткати, іакъ правити іѣдинѣ, и проч., 6)
еіли заведѣтиса іадо-, пчело, и ікотоководѣтво,
подъ надзоромъ класѣей. Бо видите, Рѣина
необходимо принѣждати и на то, чтобы іаишъ
іекѣ гораздо хотѣлъ! — Такъ оумилѣютиса
наши добрыі людѣ пользоваться народѣ; но
оуже находитиса и такіи, которые такъ гово-
ратъ, что тѣтъ не лишъ Рѣинъ живѣтъ кѣдно,
но кѣ жители верховинъ кѣдны, и такъ не-
обходимо, не лишъ Рѣинѣ, но кѣмъ іпомо-
щитковати. И такъ та помощь, которѣю нашъ
владыка хотѣлъ пріобрѣсти ікоими дѣховными
чадами — Рѣинами, едвали не перейдетъ на
дрѣгихъ, а кѣднѣй Рѣинъ наименьше пользы
кѣдетъ изъ ней крати. Братъ, оучитиса оумѣ-
разѣмѣ, давайѣ дѣтей ікоихъ на реміла, тор-
гѣйте, пѣщайтиса къ кѣплю, и не растрачѣйте

Изъ стихотвореній Е. А. Фенцика.

ПѢСНЬ О ПѢСНИ.

Прійми мой привѣтъ сердечный
Пѣсней нѣжныхъ милый свѣтъ,
Внѣ тебя въ жизни суетной
Радости, веселья нѣтъ.
Счастье только тамъ явится,
Гдѣ всела пѣснь поѣтся,
Среди сихъ житейскихъ бѣдъ.

Да, для сердца пѣснь отрадна,
Если чистъ въ ней звуковъ строй,
Сли пловетъ умильно, ладно,
Если сольѣтся съ душой;
Ибо всё лишь тамъ покойно,
Гдѣ одна мысль, гдѣ всё стройно,
Гдѣ мужъ духъ одинъ съ женой.

Пѣснь трогаешь, пѣснь плѣняетъ,
Сли пловетъ изъ сердца гласъ,
Къ нѣжности сли выбираешь
И способный тихій часъ;
Ибо то вліяетъ сильно,
Что изъ чувства, что умильно,
Что въ пору застанетъ насъ.

Пѣснь вездѣ сопровождаетъ
Человѣческій животъ,
Веселить да утѣшаетъ
Средь мучительныхъ заботъ:
До смерти отъ дня рожденья,
Жизни улегчаетъ бремя,
Прохлаждаетъ знойный потъ.

Л И С Т О КЪ.

Нръ 23. и 24. Годъ XIX. УНГВАРЬ. 15. декабря 1903.

ВЫХОДИТЬ 1-го и 15-го ЧИСЛА КАЖДАГО МѢСЯЦА
ВЪ ОБЪЕМѢ ОДНОГО ПЕЧАТНАГО ЛИСТА.

Покорнѣйше просимъ многоуважаемыхъ Подписчиковъ „Листка“ въ рестанціи находящихся прислать долгъ свой на адресъ: Fenczik Nikón, lelkész, Sarospatak.

Отвѣтственный Редакторъ сего Нра: НИКОНЪ ФЕНЦИКЪ.

ЕВГЕНІЙ ФЕНЦИКЪ

отвѣтственный редакторъ-издатель „ЛИСТКА“

22-го ноября скончался.

Неумолимая смерть не пощадила его, тяжкая его болѣзнь, которой страдалъ отъ двухъ годовъ, уничтожила силы его и богобойно приобщившись св. Таинъ, 22-го дня мин. мѣсяца у 3 часы по полудню умеръ.

Въ послѣднемъ номерѣ „Листка“ еще помѣстилъ своею рукою написанную „Подписку“, просилъ извѣщенія отъ читателей, что по тяжелой болѣзни расширенія сердца не годенъ редигировать.

Библгопечатня Варезломея Гегера въ Унгварѣ 1903.

Л И С Т О К Ъ.

ДУХОВНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ЕВГЕНІЙ А. ФЕНЦИКЪ

* 1844. † 1903.

Изъ тѣхъ немногихъ патріотовъ и дѣятелей нашихъ, которіи могутъ назваться воистинну «званными» труженниками нашей письменности и ревнителями просвѣщенія народа, которіи словомъ и деломъ, дѣломъ и примѣромъ неутомимо готовы служить своей церкви, своему народу и родинѣ, опять одного взяла отъ насъ неумолимая смерть.

О. Евгений Фенцикъ приходникъ горнячовскій, бывшій редакторъ издатель «Листка» 5-го декабря (по нов. ст.) скончался. Всякая смерть производитъ тяжелое впечатлѣніе, но сія въ особенности печальна.

ЕВГЕНІЙ А. ФЕНЦИКЪ.

И то печальна не только для сродниковъ и знакомыхъ, но можетъ назваться печальною для всего угро-русского народа.

Въ покойномъ пошелъ въ могилу можно сказать, заслужившій нашъ патріотъ, вѣрнѣйшій сынъ своей церкви и своего племени.

Евгеній Фенцикъ былъ превосходный по уму и по добротѣ сердца человекъ.

Онъ видѣлъ зализненность своего угро-русского народа, чувствовалъ въ себѣ умственную силу, и уже въ молодости поставилъ святою должностію своею развивать свой церковный, свой материнскій языкъ, служить литературѣ, служить идеализму, служить честно и патріотично просвѣщенію своихъ земляковъ.

Е. Фенцикъ родился 5-го Октября 1844. года въ Мартинѣ, селѣ Бережанскаго комитета. Родители его: Андрей Фенцикъ и Анна Фир-

Заявленіе отъ редакціи.

Печально, но мы должны заявити, что «ЛИСТОКЪ» правѣ на по-розѣ 20-ти года изданія лишень своего основателя, Редактора, при-несшаго въ жертву за журналъ не только трудъ и знаніе, но еще и матеріальныя издержки, съ етимъ нумеромъ принужденъ прекратить дальшее появленіе,

Копица редактора положила копецъ и «Листку», который снмъ часомъ не можетъ надѣйтиси на инаго благоговрителя.

Прощаясь въ имени покойнаго Редактора отъ почтєвннхъ и лю-бимыхъ Читателєй, изъяснимъ сердечное благодарєніе всѣмъ доброжела-телямъ «Листка». Сотрудникамъ, Редакціямъ газетъ, которыя мѣня-лись съ «Листкомъ» духовенству и мірской интеллигенціи за мате-ріальную и нравственную подиору: просимъ, чтобы не забыли о «Листкѣ», о дѣляхъ дѣйствованія его, о служеніи духовно-нравственному народо-просвѣщенію. Просимъ, чтобы почт. Читатели высоко дорожили тѣми идеалами, за которіи «Листокъ» за 19 годовъ трудился!

Кто изъ почт. Читателєй хочєтъ выровнити свои залежности, того просимъ прислати свой долгъ на адресъ: **Fenczik Nikon, lelkész, Sá-roszpatak.**

Съ нами Богъ.

РЕДАКЦІЯ.

ИЗДАНИЕ КУЛЬТУРНО-ПРОСВѢТИТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ДУХОВИЧА ВЪ УЖГОРОДѢ.

ВЫПУСКЪ 78.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
**Евгенія Андреевича
ФЕНЦИКА**

Часть I.

Проф. **Ф. Ф. АРИСТОВЪ** и Д-ръ **Н. А. БЕСКИДЪ**

Хронологическій перечень напечатан-
ныхъ сочинений Евгенія Андреевича
ФЕНЦИКА.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЖУРНАЛУ «КАРПАТСКІЙ СВѢТЪ».

УЖГОРОДЪ, 1932.
ТИПОГРАФІЯ «ШКОЛЬНАЯ ПОМОЩЬ».

ИЗДАНИЕ КУЛЬТУРНО-ПРОСВѢТИТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ДУХОВИЧА ВЪ УЖГОРОДѢ.

ВЫПУСКЪ 79.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
**Евгенія Андреевича
ФЕНЦИКА**

Часть II.

СТАТЬИ.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЖУРНАЛУ «КАРПАТСКІЙ СВѢТЪ».

УЖГОРОДЪ, 1932.
ТИПОГРАФІЯ «ШКОЛЬНАЯ ПОМОЩЬ».

ИЗДАНИЕ КУЛЬТУРНО-ПРОСВѢТИТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ДУХОВИЧА ВЪ УЖГОРОДѢ.

ВЫПУСКЪ 22.

Евгеній Андреевичъ Фенцикъ
и его мѣсто въ русской литературѣ.

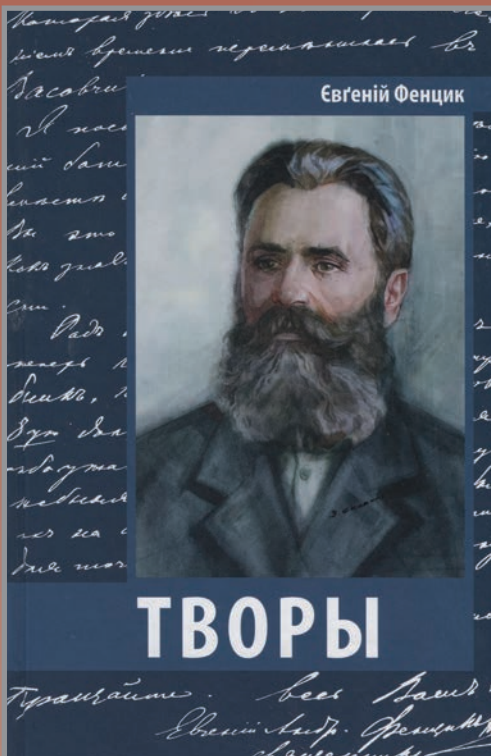
Рѣчь, произнесенная на откры-
тіи его памятника въ Ужгородѣ
(16 мая 1926 г.) проф. Русской
Учебной Коллеги въ Прагѣ
Д. Н. Вергуномъ.

Цена 2 кч.

Число хрон. инвент.	
Число фак. инвент.	479
Закуплено для	19
Цена	Кч. 2

УЖГОРОДЪ
ТИПОГРАФІЯ «ШКОЛЬНАЯ ПОМОЩЬ»
1936.

Важні публікації за творчість Є. Фенцика за послідні сто років – од Д. Вергуна (1926), Ф. Арістова і Н. Бескида (1932), С. Фенцика (1932), В. Падяка і М. Павліча (2021).

ЗАУВАГЫ И КОМЕНТАРІ ДО ТЕКСТІВ Є. ФЕНЦИКА

Вшиткі тексти Є. Фенцика подаємо у транслітерованій подоби. (*За принципи транслітерації позирай у сів книзі статю «Принципы транслітерації творів Є. Фенцика, писаних язычієм»*). Подагде у текстах автора хоснуємо квадратні скобки. У тых скобках подаємо поправлену верзію слова, авадь части слова, авадь даякой буквы, у написаню котрых (у первопечатному тексті) проскочила печатна хыба.

ПОЕЗІЯ

Поезію Є. Фенцика мож розділити на три часові періоди (*за тоты періоды позирай мало ниже*). За житя поет не найшов собі час (и фінансы) выдати свої стихи одділнов книжков. Уштиткі стихи обстали порозмітовані по многих новинках и журналах, до котрых автор заганяв свої творы. Ниже подаємо курту інформацію за тоту періодику.

Свѣтъ: Литературная газета, издаваемая Обществом св. Василия Великаго.— Унгварь; выходила у роках 1867–1871.

Новый Свѣтъ: Литературная, церковная и общественная газета, издаваемая Обществом Святаго Василия Великаго.— Унгварь; выходила у роках 1871–1872.

Карпаты: Общественная (соціальная), церковная, науковая, литературная и экономическая газета; Органъ епархіального правительства и Общества св. Василия Великаго.— Унгварь; выходила у роках 1873–1886.

Слово. Львовъ; выходила у роках 1860–1887. Од рока 1876 «Слово» мало статус підпорованої урядом новинки, зато доста часто приходило до конфлікту из австрійськов владов, котра знала конфісковати не лем одділні матеріали, айбо тыж цілі числа того виданя.

Листокъ: Духовно-литературный журналъ.— Унгварь; выходив у рр. 1885–1903. Закладателѣм и незмінным редактором часописа быв сам Є. Фенцик. По смерти редактора часопис перестав выходить.

Про свої поетичні творы Є. Фенцик хосновав псевдонім (у двох варіантах): «Владимиръ» (од р. 1867 и до середины р. 1868) и «Владимірь» (од середины р. 1868 и до смерти). Лем раз стрітили сьме иншаку подобу того псевдоніма: «Володимірь» (1872). Подагде поетичны тексти автора суть підписані кріптонімами: «В.» авадь «В-рь».

По смерти писателя, уж на зачатку 1920-х років, главно вдяка ёго братаничу Ст. А. Фенцику (1892–1946), сященику и культурно-національному діятелю-русофілу на Підкарпатській Руси, інтерес до творчости ёго стрыйка Євгенія Фенцика ся посилен. Туй бы сьме означили сякі віхы: 1) у р. 1926 в Ужгороді поставили єден солідный памятник Є. Фенцику; 2) Д. Вергун написав и выдал (Ужгородъ, 1926) перву монографічного

обсяга статю за жытя и творчость писателя-будителя – «Евгеній Андреевичъ Фенцикъ и его мѣсто въ русской литературѣ».

Ищи май важным про популаризованя творів Є. Фенцика было організованя книжного проєкта під назвов «Собраніє сочиненій Е. А. Фенцика». У рамках того проєкта увиділа світло світа бібліографія писателя: **Собраніє сочиненій Евгенія Андреевича Фенцика. Часть I: Ф. Ф. Аристовъ, Н. А. Бескидъ. Хронологическій перечень напечатанныхъ сочиненій Евгенія Андреевича Фенцика** / Изданіє Культурно-просвѣтителън. общества имени Александра Духновича въ Ужгородѣ. Выпускъ 78; приложеніє къ журналу «Карпатскій Свѣтъ». – Ужгородъ: Типографія «Школьная помощь», 1932, 16 с.

Ст. Фенцик выдав пак другу часть «собранія сочиненій», а то публицистичні тексты¹, и наплановав собі выдати далшу, третю, часть. Ишло за книжку стихів Є. Фенцика (мала бы то быти книжна прилога до журнала «Карпатскій свѣтъ»). В анонсах книжных выдань Общества Александра Духновича читаєме сякоє: «Собраніє сочиненій Е. А. Фенцика подъ ред. Д-ра С. А. Фенцика – часть III (готовится къ печати)». Тоты планы С. Фенцику реалізовати уж ся не судило. Зато поетичный спадок Є. Фенцика (добір стихів из 24 творів; до днесь была то майвелика публикація стихів поета) обстав напечатанный (на продовженя) лем у журналі «Карпатскій Свѣтъ» за 1931–1932 роки, *позирай*:

Изъ стихотвореній Е. А. Фенцика. In: Карпатскій Свѣтъ: Литературно-общественный журналъ Общества им. Александра Духновича въ Ужгородѣ. – Годъ IV, 1931, № 1-2, с. 1107-1116; № 3-4, с. 1178-1182; № 5-6-7, с. 1213-1220; № 8-9-10, с. 1235-1239; Годъ V, 1932, № 1-2-3, с. 1254-1266.

Тыж треба додати, же за даякі стихи Є. Фенцика маєме курті інформації. Приміром, за стих «Ужгородъ» (сесь стих декламовав єден из участниковъ славностной акції почас одкрытя в Ужгороді (1926) памятника Є. Фенцику). Авадь за стих «Наймолодшому брату», переклад котрого опубліковала галицька новинка «Учительъ» у 1871 році (Львѡвъ, Рѡкъ III., 1871, ч. 7., 12 (24) фебруарія, с. 28). За оригінал того стиха не маєме ниякой інформації. Из технічныхъ проблем до нашого выданя не дали сьме стих «Туда, туда въ прелестный край», котрый уж по смерти поета опубліковав С. Фенцик (*позирай*: Русскій народный календарь Общества имени Александра Духновича на високосный годъ 1928. / подъ редакцією д-ра Степана А. Фенцика/ Изданіє Общества им. А. Духновича. – Ужгородъ: Книгопечатня Ю. Фелдешія, 1927, с. 80).

Книжне выданя «Князь Корьятовичъ» на днесь є майбілшов изберьков стихів Є. Фенцика. Вно вміщас в собі 72 ёго поетичні образчики – скоро ушитко, из того, што написав поет.

1 Собраніє сочиненій Евгенія Андреевича Фенцика. Часть II: Статьи. [подъ ред. Д-ра С. А. Фенцика] / Изданіє Культурно-просвѣтителън. общества имени Александра Духновича въ Ужгородѣ. Выпускъ 79; приложеніє къ журналу «Карпатскій Свѣтъ». – Ужгородъ: Типографія «Школьная помощь», 1932, 16 с.

**Стихи, опубліковані на сторонах новинок
«Свѣтъ» и «Новый Свѣтъ»
(друга половина 1860-х – зачаток 1870-х рр.)**

- [29]². **Привѣтствованіє.** Сесь стих (оригінална назва: «Привѣтствованіє») Є. Фенцик дав опублікувати (під псевдонімом «Владимиръ») до ужгородської новинки «Свѣтъ» (Годъ I., 1867, ч. 2, 8-го (20.) іюля, с. 1). Сесе, видав, первой публікованя ёго літературных творів у пресі. Зачаточник у літературі, овін заганяв свої твори из Відня, де ся школовав у Централній грекокатолицькій семінарії при Віденському університеті. По смерті писателя стих (подля першої публікації) був опублікований у журналі «Карпатскій Свѣтъ» (Годъ V, 1932, № 1-2-3, с. 1254-1255). Подаєме подля першої публікації.
- [30]. **Грішник.** Сесь стих (оригінална назва: «Грѣшникъ») Є. Фенцик дав опублікувати (під псевдонімом «Владимиръ») до ужгородської новинки «Свѣтъ» (Годъ I., 1867, ч. 6, 5-го (17.) августа, с. 2). Подаєме подля першої публікації.
- [32]. **Мир.** Сесь стих (оригінална назва: «Міръ») Є. Фенцик дав опублікувати (під псевдонімом «Владимиръ») до ужгородської новинки «Свѣтъ» (Годъ I., 1867, ч. 9, 26-го августа (7 сентября, с. 2). Подаєме подля першої публікації.
- [33]. **Виступленіі.** Сесь стих (оригінална назва: «Въ изступленіи») Є. Фенцик дав опублікувати (під псевдонімом «Владимиръ») до ужгородської новинки «Свѣтъ» (Годъ I., 1867, ч. 11, 9-го (21.) сентября, с. 2). Подаєме подля першої публікації.
- [34]. **Грусть в чужині.** Сесь стих (оригінална назва: «Грусть въ чужинѣ») Є. Фенцик дав опублікувати (під псевдонімом «Владимиръ») до ужгородської новинки «Свѣтъ» (Годъ I., 1867, ч. 13, 23-го сентября (5. октября), с. 2). Подаєме подля першої публікації.
- [36]. **Моя тоска.** Сесь стих (оригінална назва: «Моя тоска») Є. Фенцик дав опублікувати (під псевдонімом «Владимиръ») до ужгородської новинки «Свѣтъ» (Годъ I., 1867, ч. 15, 7-го (19.) октября, с. 2). Подаєме подля першої публікації.
- [37]. **Осень.** Сесь стих (оригінална назва: «Осень») Є. Фенцик дав опублікувати (під псевдонімом «Владимиръ») до ужгородської новинки «Свѣтъ» (Годъ I., 1867, ч. 16, 14-го (26.) октября, с. 2). Подаєме подля першої публікації.
- [38]. **На братской могилі.** Сесь стих (оригінална назва: «На братской могилѣ») Є. Фенцик дав опублікувати (під псевдонімом «Владимиръ») до ужгородської новинки «Свѣтъ» (Годъ I., 1867, ч. 17, 21-го октября (2.) ноября, с. 2). Подаєме подля першої публікації.

2 У квадратных скобках подаєме число сторінки, де тот текст поміщений у нашому виданню.

- [40]. **Вюги, мятель, зной.** Сесь стих (оригінална назва: «Вюги, мятель, зной») Є. Фенцик дав опублікувати (під псевдонімом «Владимирь») до ужгородської новинки «Свѣтъ» (Годъ I., 1867, ч. 18, 28-го октябрю (9.) ноябрю, с. 1). Подаєме подля першої публікації.
- [41]. **Был счастлив и я...** Сесь стих (оригінална назва: «Былъ счастливъ и я...») Є. Фенцик дав опублікувати (під псевдонімом «Владимирь») до ужгородської новинки «Свѣтъ» (Годъ I., 1867, ч. 21, 18-го (30.) ноябрю, с. 2). Подаєме подля першої публікації.
- [42]. **Свиданіє.** Сесь стих (оригінална назва: «Свиданіє») Є. Фенцик дав опублікувати (під псевдонімом «Владимирь») до ужгородської новинки «Свѣтъ» (Годъ I., 1867, ч. 22, 25-го ноябрю (7. декабря), с. 1). Подаєме подля першої публікації.
- [44]. **Бдініє.** Сесь стих (оригінална назва: «Бдѣніє») Є. Фенцик дав опублікувати (під псевдонімом «Владимирь») до ужгородської новинки «Свѣтъ» (Годъ I., 1867, ч. 23, 2-го (14.) декабря, с. 1). Подаєме подля першої публікації.
- [45]. **Вічність.** Сесь стих (оригінална назва: «Вѣчность») Є. Фенцик дав опублікувати (під псевдонімом «Владимирь») до ужгородської новинки «Свѣтъ» (Годъ I., 1867, ч. 24, 9-го (21.) декабря, с. 2). Подаєме подля першої публікації.
- [45]. **К ней.** Сесь стих (оригінална назва: «Къ ней») Є. Фенцик дав опублікувати (під псевдонімом «Владимирь») до ужгородської новинки «Свѣтъ» (Годъ I., 1867, ч. 25, 16-го (28.) декабря, с. 2). Подаєме подля першої публікації.
- [46]. **На Рождество Христово.** Сесь стих (оригінална назва: «На Рождество Христово») Є. Фенцик дав опублікувати (під псевдонімом «Владимирь») до ужгородської новинки «Свѣтъ» (Годъ I., 1867, ч. 26, 23-го декабря 1867. (4. января 1868.), с. 2). По смерті писателя стих (подля першої публікації) був опублікований у журналі «Карпатскій Свѣтъ» (Годъ IV, 1931, № 1-2, с. , с. 1115-1117). Подаєме подля першої публікації.
- [49]. **Зима.** Сесь стих (оригінална назва: «Зима») Є. Фенцик дав опублікувати (під псевдонімом «Владимирь») до ужгородської новинки «Свѣтъ» (Годъ II., 1868, ч. 3, 21-го января (1. февраля), с. 2). Подаєме подля першої публікації.
- [50]. **Корьятович (епос).** Текст романтичної поеми Є. Фенцик опублікував (из даякой неизвѣстной нам причины) не вшиток нараз. Сперву ся вказала середина поеми (друга часть тричастной структуры поеми) під назвов «Прощаніє Коріятовича и его дружины съ Новгородомъ» («Свѣтъ», Годъ II., 1868, ч. 4, 27-го января (8. февраля), с. 1). По двох роках хыблячі фрагменти (перву и третю части поеми) Є. Фенцик опублікував під назвов «Корьятовичъ» в ужгородському календарю-роčníку («Мѣсяцословъ

на годъ 1870. Изданъ Обществомъ св. Василия. Великаго», Унгваръ, 1869, с. 35-42). Перва публикація была підписана псевдонімом «Владимиръ», а друга – ёго дашто измѣненымъ варіантомъ – «Владиміръ». Подаєме подля первотипу. Нашов ініціативов стало извести ушиткі три части поемы в єден общій текст. У такій подобі текст поемы ся печатає первый раз.

[58]. **Бескид.** Сесь стих (оригінална назва: «Бескидь») Є. Фенцик дав опублікувати (під псевдонімом «Владимиръ») до ужгородської новинки «Свѣтъ» (Годъ II., 1868, ч. 10, 9-го (21.) марта, с. 1). Подаєме подля первотипу.

[59]. **Час.** Сесь стих (оригінална назва: «Часъ») Є. Фенцик дав опублікувати (під псевдонімом «Владимиръ») до ужгородської новинки «Свѣтъ» (Годъ II., 1868, ч. 11, 16-го (28.) марта, с. 1). Подаєме подля первотипу.

[60]. **Къ Карпатамъ.** Сесь стих (оригінална назва: «Къ Карпатамъ») Є. Фенцик дав опублікувати (під псевдонімом «Владимиръ») до ужгородської новинки «Свѣтъ» (Годъ II., 1868, ч. 13, 6-го (18.) апрѣля, с. 1). Подаєме подля первотипу.

[62]. **На смерть Михаила Ф. Мудраго (посвящается его скорбящей невестѣ).** Сесь стих (оригінална назва: «На смерть Михаила Ф. Мудраго (посвящается его скорбящей невестѣ)») Є. Фенцик дав опублікувати (під псевдонімом «Владимиръ») до ужгородської новинки «Свѣтъ» (Годъ II., 1868, ч. 15, 20-го апрѣля (2. мая), с. 1-2). Подаєме подля первотипу.

[64]. **В чужинѣ.** Сесь стих (оригінална назва: «Въ чужинѣ») Є. Фенцик дав опублікувати (під псевдонімом «Владимиръ») до ужгородської новинки «Свѣтъ» (Годъ II., 1868, ч. 16, 27-го апрѣля (9. мая), с. 1). Подаєме подля первотипу.

[65]. **Был у меня сон...** Сесь стих (оригінална назва: «Былъ у меня сонъ...») Є. Фенцик дав опублікувати (під псевдонімом «Владимиръ») до ужгородської новинки «Свѣтъ» (Годъ II., 1868, ч. 18, 11-го (23.) мая, с. 1). Подаєме подля первотипу.

[66]. **Сон и действительность.** Сесь стих (оригінална назва: «Сонъ и дѣйствительность») Є. Фенцик дав опублікувати (під псевдонімом «Владимиръ») до ужгородської новинки «Свѣтъ» (Годъ II., 1868, ч. 21, 1-го (13.) іюня, с. 1). Подаєме подля первотипу.

[66]. **Монастырь Аркадіонъ.** Сесь стих (оригінална назва: «Монастырь Аркадіонъ») Є. Фенцик дав опублікувати (під псевдонімом «Владимиръ») до ужгородської новинки «Свѣтъ» (Годъ II., 1868, ч. 24, 22-го іюня (4. іюля), с. 1-2). Повторно стих (гет читаво перероблений!) автор опублікував у свому часописі «Листокъ» (Годъ XIII, 1897, Нрѣ 5, 1 марта, с. 56-58). Подаєме подля первотипу.

- [71]. **К Угорской Руси.** Сесь стих (оригінална назва: «Къ Угорской Руси») Є. Фенцик дав опублікувати (під псевдонімом «Владимірь») до ужгородської новинки «Свѣтъ» (Годъ II., 1868, ч. 25, 29-го іюня (11. іюля), с. 2). Подаєме подля першопублікації.
- [72]. **Несчастны да...** Сесь стих (оригінална назва: «Несчастны да...») Є. Фенцик дав опублікувати (під псевдонімом «Владимірь») до ужгородської новинки «Свѣтъ» (Годъ II., 1868, ч. 27, 13-го (25.) іюля, с. 1). Подаєме подля першопублікації.
- [73]. **Ко грудному младенцу.** Сесь стих (оригінална назва: «Ко грудному младенцу») Є. Фенцик дав опублікувати (під псевдонімом «Владимірь») до ужгородської новинки «Свѣтъ» (Годъ II., 1868, ч. 29, 27-го іюля (8. августа), с. 1). Подаєме подля першопублікації.
- [74]. **К невѣрному.** Сесь стих (оригінална назва: «Къ невѣрному») Є. Фенцик дав опублікувати (під псевдонімом «Владимірь») до ужгородської новинки «Свѣтъ» (Годъ II., 1868, ч. 33, 24-го августа (5. сентября), с. 1). Подаєме подля першопублікації.
- [75]. **В ноябрі.** Сесь стих (оригінална назва: «Въ ноябрѣ») Є. Фенцик дав опублікувати (під псевдонімом «Владимірь») до ужгородської новинки «Свѣтъ» (Годъ II., 1868, ч. 44, 10-го (22.) ноября, с. 1). Подаєме подля першопублікації.
- [76]. **Что найзимніє.** Сесь стих (оригінална назва: «Что найзимнѣе») Є. Фенцик дав опублікувати (під псевдонімом «Владимірь») до ужгородської новинки «Свѣтъ» (Годъ II., 1868, ч. 47, 1-го (13.) декабря, с. 1). Подаєме подля першопублікації.
- [76]. **В потемках.** Сесь стих (оригінална назва: «Въ потемкахъ») Є. Фенцик дав опублікувати (під псевдонімом «Владимірь») до ужгородської новинки «Свѣтъ» (Годъ II., 1868, ч. 47, 1-го (13.) декабря, с. 1). Подаєме подля першопублікації.
- [77]. **Піснь о пісни.** Сесь стих (оригінална назва: «Пѣснь о пѣсни») Є. Фенцик дав опублікувати (під псевдонімом «Владимірь») до ужгородської новинки «Свѣтъ» (Годъ II., 1868, ч. 48, 8-го (20.) декабря, с. 1-2). По смерті писателя стих (подля першопублікації) був опублікований у журналі «Карпатскій Свѣтъ» (Годъ IV, 1931, № 1-2, с. 1107-1109). Подаєме подля першопублікації.
- [79]. **Русскій народ.** Сесь стих (оригінална назва: «Русскій народъ») Є. Фенцик дав опублікувати (під псевдонімом «Владимірь») до ужгородської новинки «Свѣтъ» (Годъ II., 1868, ч. 51, 29-го декабря (10.) января, с. 2-3). По смерті писателя стих (подля першопублікації) був опублікований у журналі «Карпатскій Свѣтъ» (Годъ V, 1932, № 1-2-3, с. 1255-1258). Подаєме подля першопублікації.
- [82]. **В уєдиненії.** Сесь стих (оригінална назва: «Въ уединеніи») Є. Фенцик дав опублікувати (під псевдонімом «Владимірь») до ужгородської

- новинки «Свѣтъ» (Годъ III, 1869, ч. 3, 19-го (31.) января, с. 2). Подаємо подля першопублікації.
- [83] **Полночное видініє.** Сесь стих (оригінална назва: «Полночное видѣніє») Є. Фенцик дав опублікувати (під псевдонімом «Владимір») до ужгородської новинки «Свѣтъ» (Годъ III, 1869, ч. 5, 2-го (14.) февраля, с. 2-3). Подаємо подля першопублікації.
- [86] **К работі, русс.** Сесь стих (оригінална назва: «Къ работѣ руссь») Є. Фенцик дав опублікувати (під псевдонімом «Владимір») до ужгородської новинки «Свѣтъ» (Годъ III, 1869, ч. 26, 6-го (18.) іюля, с. 2). Подаємо подля першопублікації.
- [88] **Не страшись, матъ...** Сесь стих (оригінална назва: «Не страшись матъ...») Є. Фенцик дав опублікувати (під криптонімом «В.») до ужгородської новинки «Свѣтъ» (Годъ III, 1869, ч. 30, 3-го (15.) августа, с. 2). Подаємо подля першопублікації.
- [88] **Живу, но жизнь...** Сесь стих (оригінална назва: «Живу но жизнь...») Є. Фенцик дав опублікувати (під псевдонімом «Владимір») до ужгородської новинки «Свѣтъ» (Годъ III, 1869, ч. 30, 3-го (15.) августа, с. 2). Подаємо подля першопублікації.
- [89] **Поля, долины, лѣсъ...** Сесь стих (оригінална назва: «Поля, долины, лѣсъ...») Є. Фенцик дав опублікувати (під псевдонімом «Владимір») до ужгородської новинки «Свѣтъ» (Годъ III, 1869, ч. 30, 3-го (15.) августа, с. 2). Подаємо подля першопублікації.
- [89] **Здравствуй, луг да...** Сесь стих (оригінална назва: «Здравствуй лугъ да...») Є. Фенцик дав опублікувати (під псевдонімом «Владимір») до ужгородської новинки «Свѣтъ» (Годъ III, 1869, ч. 30, 3-го (15.) августа, с. 2-3). Подаємо подля першопублікації.
- [90] **Ноч віковая убываєт.** Сесь стих (оригінална назва: «Ночь вѣковая убываетъ») Є. Фенцик дав опублікувати (під псевдонімом «Владимір») до ужгородської новинки «Свѣтъ» (Годъ IV, 1870, ч. 29, 30. іюля (11. августа), с. 236). Подаємо подля першопублікації.
- [91] **Мысли.** Сесь стих (оригінална назва: «Мысли») Є. Фенцик дав опублікувати (під псевдонімом «Владимір») до ужгородської новинки «Новый Свѣтъ» (Годъ I, 1871, ч. 20, 17-го (29-го) іюня, с. 79). Подаємо подля першопублікації.
- [92] **Над вершинами...** Сесь стих (оригінална назва: «Надъ вершинами...») Є. Фенцик дав опублікувати (під псевдонімом «Владимір») до ужгородської новинки «Новый Свѣтъ» (Годъ I, 1871, ч. 20, 17-го (29-го) іюня, с. 79). Подаємо подля першопублікації.
- [93] **Улетаетъ быстро...** Сесь стих (оригінална назва: «Улетаетъ быстро...») Є. Фенцик дав опублікувати (під псевдонімом «Володимір») до ужго-

родської новинки «Новый Свѣтъ» (Годъ II, 1872, ч. 42, 28. октября (9. ноября), с. 1). Подаєме подля першої публікації.

**Стихи, опубліковані на сторонах
новинок «Карпатъ» и «Слово»
(друга половина 1870-х – зачаток 1880-х рр.)**

- [95] **Къ сторожамъ Сіона.** Сесь стих (оригінална назва: «Къ сторожамъ Сіона») Є. Фенцик дав опублікувати (під псевдонімом «Владимірь») до ужгородської новинки «Карпатъ» (Годъ IV, 1876, ч. 14). Автор застачив текст датов написання стиха: 18. марта 1876 р. По двадцяти роках автор (тыж під псевдонімом «Владимірь») опублікував стих повторно (из даякыма змінами) у своєму часописі «Листокъ» (Годъ XII, 1896, Нрѣ 15, 1. августа, с. 173-174). По смерті писателя стих (подля першої публікації) був опублікований у журналі «Карпатскій Свѣтъ» (Годъ IV, 1931, № 3-4, с. 1178-1179). Подаєме подля перевидання у журналі «Карпатскій Свѣтъ».
- [96] **Видініє.** Сесь стих (оригінална назва: «Видѣніє») Є. Фенцик дав опублікувати (під псевдонімом «Владимірь») до ужгородської новинки «Карпатъ» (Годъ IV, 1876, ч. 16). Автор застачив текст датов написання стиха: 22. марта 1876 р. По двадцяти роках автор (тыж під псевдонімом «Владимірь») опублікував стих повторно (из даякыма змінами) у своєму часописі «Листокъ» (Годъ XII, 1896, Нрѣ 18, 15. сентября, с. 267-268). По смерті писателя стих (подля першої публікації) був опублікований у журналі «Карпатскій Свѣтъ» (Годъ IV, 1931, № 1-2, с. 1113-1115). Подаєме подля перевидання у журналі «Карпатскій Свѣтъ».
- [98] **Прорицаніє.** Сесь стих (оригінална назва: «Прорицаніє») Є. Фенцик дав опублікувати (під псевдонімом «Владимірь») до ужгородської новинки «Карпатъ» (Годъ IV, 1876, ч. 20). По смерті писателя стих (подля першої публікації) був опублікований у журналі «Карпатскій Свѣтъ» (Годъ IV, 1931, № 3-4, с. 1178-1179). Подаєме подля перевидання у журналі «Карпатскій Свѣтъ».
- [99] **Нашему віку.** Сесь стих (оригінална назва: «Нашему вѣку») Є. Фенцик дав опублікувати (під псевдонімом «Владимірь») до ужгородської новинки «Карпатъ» (Годъ V, 1877, ч. 13). По двадцяти роках автор (тыж під псевдонімом «Владимірь») опублікував стих повторно (из даякыма змінами) під назвов «XIX-му Вѣку» у своєму часописі «Листокъ» (Годъ XII, 1896, Нрѣ 10, 15. мая, с. 116-117). По смерті писателя стих (подля першої публікації) був опублікований у журналі «Карпатскій Свѣтъ» (Годъ IV, 1931, № 1-2, с. 1111-1113). Подаєме подля перевидання у журналі «Карпатскій Свѣтъ».
- [101] **Славянам.** Сесь стих (оригінална назва: «Славянамъ») Є. Фенцик дав опублікувати (під криптонімом «В-рь») до львівської новинки

«Слово» (Годъ XIX, 1879, ч. 4, 11. (23.) января, с. 2-3). Автор застачив текст датов написаня стиха: «11 (23) ноября 1878.». Сесе число новинкы (ч. 4) австрійський уряд конфісковав, а редакція нагадила го далшым числом (ч. 4-5), до котрого стих Є. Фенцика уж не дала. Так же сесь стих обстав неизвѣстный про широку громаду читателів. За даякый час автор (під псевдонімом «Владимірь») опубліковав стих повторно (из даякыма змінами) у свому часописі «Листокъ» (Годъ XII, 1896, Нрѣ 21, 1. ноября, с. 304-305). По смерти писателя стих (подля первопубликації) був опублікований у журналі «Карпатскій Свѣтъ» (Годъ IV, 1931, № 8-9-10, с. 1235-1237). Подаєме подля первопубликації.

[105] **Плевна.** Сесь стих (оригінална назва: «Плевна») Є. Фенцик дав опубліковати (під криптонімом «В-рѣ») до львівської новинкы «Слово» (Годъ XIX, 1879, ч. 6, 16. (28.) января, с. 2-3). Автор застачив текст датов написаня стиха: «1 (13) декабря 1878.». По смерти писателя стих (подля первопубликації) був опублікований у журналі «Карпатскій Свѣтъ» (Годъ IV, 1931, № 8-9-10, с. 1238-1239). Подаєме подля первопубликації.

[106] **Нигілістам.** Сесь стих (оригінална назва: «Нигилистамъ») Є. Фенцик дав опубліковати (під псевдонімом «Владимірь») до львівської новинкы «Слово» (Годъ XIX, 1879, ч. 53, 15. (27.) мая, с. 2-3). Автор застачив текст своєв геолокацієв и датов написаня стиха: «Изъ ущелій Карпатъ, 19. апрѣля 1879.». По смерти писателя стих (подля первопубликації) був опублікований у журналі «Карпатскій Свѣтъ» (Годъ IV, 1931, № 5-6-7, с. 1217-1220). Подаєме подля первопубликації.

[111] **Источник.** Сесь стих (оригінална назва: «Источникъ») Є. Фенцик дав опубліковати (під псевдонімом «Владимірь») до львівської новинкы «Слово» (Годъ XIX, 1879, ч. 62, 7. (19.) іюня, с. 2). Автор застачив текст геолокацієв и датов написаня стиха: «Изъ ущелій Карпатъ, 1 (13) іюня 1879.». По смерти писателя стих (подля первопубликації) був опублікований у журналі «Карпатскій Свѣтъ» (Годъ IV, 1931, № 1-2, с. 1109-1111). Подаєме подля первопубликації.

[113] **Родимым.** Сесь стих (оригінална назва: «Родимымъ») Є. Фенцик дав опубліковати (під псевдонімом «Владимірь») до львівської новинкы «Слово» (Годъ XIX, 1879, ч. 102, 20. сентября (2. октября), с. 1-2). Автор застачив текст геолокацієв и датов написаня стиха: «Изъ ущелій Карпатъ, 11 (23) сентября 1879.». За даякый час автор (під псевдонімом «Владимірь») опубліковав стих повторно (из даякыма змінами) у свому часописі «Листокъ» (Годъ XII, 1896, Нрѣ 16, 15. августа, с. 187-188). По смерти писателя стих (подля первопубликації) був опублікований у журналі «Карпатскій Свѣтъ» (Годъ IV, 1931, № 3-4, с. 1179-1182). Подаєме подля первопубликації.

[117] **На 1-ое января 1880.** Сесь стих (оригінална назва: «На 1-ое января

1880.») Є. Фенцик дав опублікувати (під псевдонімом «Владимір») до львівської новинки «Слово» (Годъ XX, 1880, ч. 2, 5. (17.) января, с. 1-2). Автор двычи (перед текстом стиха и по нёму) застачив текст геолокацієв – «Изъ Угорской Руси» и «Въ ущельяхъ Карпатъ». Датов написаня стиха мож раховати конець децембра 1879 р. Годно быти, же ищи раз (як за тото ся пригадує у бібліографії творів Є. Фенцика, виданій у 1932 році, с. 8) сесь стих поет опублікував в ужгородському календарю-рочнику на 1890 рік (*позирай*: Е. Ф. На 1-е января. *Из*: Мѣсяцословъ на 1890. годъ. – Унгваръ, 1889, с. 58-61). По смерти писателя стих (подля первопубликаціі; під назвов «На 1-е января 1880 года») був опублікований у журналі «Карпатскій Свѣтъ» (Годъ IV, 1931, № 5-6-7, с. 1213-1216). Подаєме подля первопубликаціі.

[122] **Бережской русской молодежи.** Сесь стих (оригінална назва: «Бережской русской молодежи») Є. Фенцик дав опублікувати (під псевдонімом «Владимір») до львівської новинки «Слово» (Годъ XX, 1880, ч. 8, 19. (31.) января, с. 1-2). Автор двычи (перед текстом стиха и по нёму) застачив текст геолокацієв – «Изъ Угорской Руси» и «Въ ущельяхъ Карпатъ», а тыж датов написаня стиха: «4 (16) января 1880.». По смерти писателя стих (подля первопубликаціі) був опублікований у журналі «Карпатскій Свѣтъ» (Годъ V, 1932, № 1-2-3, с. 1262-1266). Подаєме подля первопубликаціі.

[127] **Современный стих.** Сесь стих (оригінална назва: «Современный стих») Є. Фенцик дав опублікувати (під псевдонімом «Владимір») до львівської новинки «Слово» (Годъ XX, 1880, ч. 49, 3. (15.) мая, с. 1-2). Автор двычи (перед текстом стиха и по нёму) застачив текст геолокацієв – «Изъ Угорской Руси» и «Въ ущельяхъ Карпатъ», а тыж датов написаня стиха: «4 (16) апрѣля 1880.». По смерти писателя стих подля первопубликаціі був опублікований у журналі «Карпатскій Свѣтъ» (Годъ V, 1932, № 1-2-3, с. 1262-1266). Подаєме подля первопубликаціі.

[133] **Когда заботы...** Сесь стих (оригінална назва: «Когда заботы...») Є. Фенцик дав опублікувати (під псевдонімом «Владимір») до львівської новинки «Слово» (Годъ XX, 1880, ч. 103, 20. сентября (2. октября), с. 1-2). Автор застачив текст геолокацієв: «Въ ущельяхъ Карпатъ». За даякый час автор (під псевдонімом «Владимір») опублікував стих повторно (без даяких змін) у свому часописі «Листокъ» (Годъ XII, 1896, Нрѣ 24, 15. декабря, с. 348). Подаєме подля первопубликаціі.

[133] **Бывало и днесъ.** Сесь стих (оригінална назва: «Бывало и днесъ») Є. Фенцик дав опублікувати (під псевдонімом «Владимір») до львівської новинки «Слово» (Годъ XX, 1880, ч. 103, 20. сентября (2. октября), с. 2). Автор застачив текст геолокацієв: «Въ ущельяхъ Карпатъ». За даякый час автор (під псевдонімом «Владимір») опублікував стих повторно (без даяких змін) у свому часописі «Листокъ» (Годъ XII, 1896, Нрѣ 24, 15. декабря, с. 348). Подаєме подля первопубликаціі.

**Стихи, опубліковані на сторонах
журнала «Листокъ»
(1885–1903)**

- [135] **На руинах Невичанскаго замка.** Сесь стих (оригінална назва: «На руинахъ Невичанскаго Замка») Є. Фенцик опублікував (під псевдонімом «Владимірь») у своєму часописі «Листокъ» (Годъ XIII, 1897, Нрѣ 18, 15. сѣнября, с. 213). Автор застачив текст датов написаня стиха: «21. мая 1884.». Подаєме подля першопублікації.
- [135] **Крест.** Сесь стих (оригінална назва: «Крестъ») Є. Фенцик опублікував (из підписом: «Евг. Фенцикъ») у своєму часописі «Листокъ» (Годъ I, 1885, Нр. 1., 14. (26). сѣнября, с. 8). Подаєме подля першопублікації.
- [136] **Нашим читателям.** Сесь стих (оригінална назва: «Нашимъ читателямъ») Є. Фенцик опублікував (из підписом: «Евг. Фенцикъ») у своєму часописі «Листокъ» (Годъ I, 1885, Нр. 2., 15. (27). октябрия, с. 17-18). Подаєме подля першопублікації.
- [137] **Преосвященному Іоанну от Пастель, епископу Мукачевскому, по поводу празднованія дня Его Ангела. В знак сыновней преданности и любви. 1886.** Сесь стих (оригінална назва: «Преосвященному Іоанну отъ Пастель, епископу Мукачевскому, по поводу празднованія дня Его Ангела. Въ знакъ сыновней преданности и любви. 1886.») Є. Фенцик опублікував (из підписом: «Редакція «Листка»») у своєму часописі «Листокъ» (Годъ II, 1886, Нр. 2., 15. (27). января, с. 113). Подаєме подля першопублікації.
- [137] **«Христос воскрес!».** Сесь стих (оригінална назва: ««Христось воскресъ!»») Є. Фенцик опублікував (під псевдонімом «Владимірь») у своєму часописі «Листокъ» (Годъ III, 1887, Нрѣ 7, 1. (13). апрѣля, с. 97). Подаєме подля першопублікації.
- [139] **Моїм землякам, на Новый год.** Сесь стих (оригінална назва: «Моимъ землякамъ, на Новый годъ») Є. Фенцик опублікував (під псевдонімом «Владимірь») у своєму часописі «Листокъ» (Годъ VI, 1890, Нрѣ 1, 1. января, с. 2). Автор застачив текст геолокацій і датов написаня стиха: «Въ ущельяхъ Карпатъ, 1-ое января 1890.». Подаєме подля першопублікації.
- [140] **Радостныє звуки по поводу наименованія Его в. пр. о. Юлія Фирцака в єпископы Мукачевскіє.** Сесь стих (оригінална назва: «Радостныє звуки по поводу наименованія Его в. пр. о. Юлія Фирцака въ єпископы Мукачевскіє») Є. Фенцик опублікував (без підписа) у своєму часописі «Листокъ» (Годъ VII, 1891, Нрѣ 13, 1. іюля, с. 145-146). Подаєме подля першопублікації.
- [141] **Стих в честь Его преосвященства Юлія Фирцака, єпископа Мукачевскаго, по поводу Его хиротонїи во архіерейскій сан, послідовавшей в недѣлю Цвітоносную т. г.** Сесь стих (оригінална назва: «Стихъ въ

честь Его преосвященства Юлія Фирцака, епископа Мукачевскаго, по поводу его хиротоніи во архіерейскій санъ, послѣдовавшей въ недѣлю Цвѣтоносную т. г.)) Є. Фенцик опублікував (без підпису) у своєму часописі «Листокъ» (Годъ VIII, 1892, Нрѣ 7, 1. апрѣля, с. 73-74). Подаємо подля першопублікації.

[142] **Привітствованіє преосвященнаго Юлія, єпископа Мукачевскаго, в час вступленія Его в управленіє єпархіей.** Сесь стих (оригінална назва: «Привѣтствованіє преосвященнаго Юлія єпископа Мукачевскаго, въ часъ вступленія Его въ управленіє єпархіей») Є. Фенцик опублікував (без підпису) у своєму часописі «Листокъ» (Годъ VIII, 1892, Нрѣ 9, 1. мая, с. 97). Подаємо подля першопублікації.

[143] **Нашим ділателям.** Сесь стих (оригінална назва: «Нашимъ дѣлателямъ») Є. Фенцик опублікував (під псевдонімом «Владимірь») у своєму часописі «Листокъ» (Годъ XII, 1896, Нрѣ 19, 1. октябрія, с. 279). Подаємо подля першопублікації.

[144] **Тремъ святителям.** Сесь стих (оригінална назва: «Тремъ Святителямъ») Є. Фенцик опублікував (під псевдонімом «Владимірь») у своєму часописі «Листокъ» (Годъ XVIII, 1902, Нрѣ 3, 1. февралія, с. 32-33). Подаємо подля першопублікації.

[147] **Поздравленіє Его святійшеству Льву XIII-му, которое было продекламировано на празднествѣ, устроенном в духовной семинаріи унгарской по поводу Его 25-лѣтняго юбілея.** Сесь стих (оригінална назва: «Поздравленіє Его Святѣйшеству Льву XIII-му, которое было продекламировано на празднествѣ, устроенномъ въ духовной семинаріи унгарской по поводу Его 25-лѣтняго юбілея») Є. Фенцик опублікував (під псевдонімом «Владимірь») у своєму часописі «Листокъ» (Годъ XVIII, 1902, Нрѣ 6, 15. марта, с. 66-68). Подаємо подля першопублікації.

[149] **Жизнь пуста...** Сесь стих (оригінална назва: «Жизнь пуста...») був опублікований (під криптонімом «ЕАФ.») уже по смерті Є. Фенцика у послідньому числі «Листка» (Годъ XIX, 1903, Нрѣ 23. и 24., 15. декабрія, с. 260), котре приправив у печать сын писателя Нікон Фенцик. Рукопис уміщовав інформацію за місто и час написанія стиха: «Дусино, 12.07. (30.06.) 1876.». Редактор Н. Фенцик додав далшу інформацію: «Неизданное еще стихотвореніє Евг. Фенцика». По двадцяти роках сесь стих був опублікований (у серії других поезій Є. Фенцика) у русинському роčníку-календарю у США «Мѣсяцословъ. Kalendar' Prosvity Sobranija Greko Katholičeskich Cerkovnych bratstv na hod 1923» (с. 82) тыж из зазначков «Неизданное еще стихотвореніє Е. Фенцика». Подаємо подля першопублікації.

ПРОЗА

[153] **Нищіє духом. Повість.**

Первопублікація: Нищіє духомъ (Розсказъ). *In:* Листокъ: Духовно-литературный журналъ / Отвѣтственный редакторъ Евгеній Фенцикъ. – Унгваръ : Книгопечатня «Келеть» въ Унгварѣ (1891 – 1893, №№ 1-18); Унгваръ : Книгопечатня Варѳоломея Іегера въ Унгварѣ (1893, №№ 19-24 – 1895).

Годъ VII, 1891:

№ 4, 15. февраля, с. 44-45; № 6, 15. марта, с. 68-69; № 7, 1. апрѣля, с. 80-82; № 9, 1. мая, с. 101-103; № 10, 15. мая, с. 113-116; № 11, 1. іюня, с. 127; № 12, 15. іюня, с. 137-139; № 13, 1. іюля, с. 149-151; № 14, 15. іюля, с. 163-164; № 15, 1. августа, с. 175-176; № 16, 15. августа, с. 185-188; № 17, 1. сентября, с. 200-201; № 18, 15. сентября, с. 213-214; № 20, 15. октября, с. 235-236; № 21, 1. ноября, с. 247-248; № 22, 15. ноября, с. 257-259; № 24, 15. декабря, с. 282-283.

Годъ VIII, 1892:

№ 1, 1. января, с. 8-9; № 5, 1. марта, с. 55-56; № 6, 15. марта, с. 70-71; № 8, 15. апрѣля, с. 92-93; № 9, 1. мая, с. 104-105; № 10, 15. мая, с. 113, 115-116; № 11, 1. іюня, с. 131-132; № 12, 15. іюня, с. 140-141; № 14, 15. іюля, с. 163-164; № 16, 15. августа, с. 187-188; № 19, 1. октября, с. 224-225; № 20, 15. октября, с. 236-237; № 21, 1. ноября, с. 247-249; № 22, 15. ноября, с. 260-261; № 23, 1. декабря, с. 272-273.

Годъ IX, 1893:

№ 8, 15. апрѣля, с. 92-93; № 9, 1. мая, с. 103-105; № 10, 15. мая, с. 115-117; № 11, 1. іюня, с. 128-129; № 12, 15. іюня, с. 135-136; № 16, 15. августа, с. 187-189; № 17, 1. сентября, с. 199-201; № 18, 15. сентября, с. 211-213; № 20, 15. октября, с. 234-236; № 21, 1. ноября, с. 246-248; № 22, 15. ноября, с. 259-261; № 23, 1. декабря, с. 271-272.

Годъ X, 1894:

№ 1, 1. января, с. 7-8; № 2, 15. января, с. 20-21; № 6, 15. марта, с. 64-65; № 7, 1. апрѣля, с. 78-80; № 8, 15. апрѣля, с. 91-92; № 9, 1. мая, с. 104-105; № 10, 15. мая, с. 114-116; № 12, 15. іюня, с. 136-138; № 13, 1. іюля, с. 153; № 14, 15. іюля, с. 163-164; № 15, 1. августа, с. 174-176; № 16, 15. августа, с. 187-188; № 18, 15. сентября, с. 209-211; № 20, 15. октября, с. 236-237; № 21, 1. ноября, с. 249; № 22, 15. ноября, с. 261.

Годъ XI, 1895:

№ 4, 15. февраля, с. 42-44; № 5, 1. марта, с. 56-57; № 6, 15. марта, с. 67-69; № 8, 15. апрѣля, с. 91-93; № 9, 1. мая, с. 101-105; № 11, 1. іюня, с. 125-127; № 12, 15. іюня, с. 137-140; № 13, 1. іюля, с. 151-152; № 14, 15. іюля, с. 163-164; № 15, 1. августа, с. 173-176; № 16, 15. августа, с. 188-189; № 18, 15. сентября, с. 213-215.

Підпис: Без підписа.

Жерело публікації: Подаєме подля першопублікації.

Євгеній Фенцик зачав публікувати прозовий твір «Нищіє духом» у свому журналі «Листокъ» 15 фебруара 1891 рока, а скончив – 15 септембра 1895 рока. Твір выходив на продовження. Вцілови вийшли 72 сякі продовження. Каждый єден фрагмент – се три-четыри ламы (450-700 слів) журнального формата. Обсяг журналу и багата тематична палітра не дозволили автору-редактору вміщати май великі фрагменти текста. Межи тым, автору ся подарило порозділяти текст на фрагменти так, что каждый сякий фрагмент представляє из себе єден смысловый епізод – из своїм зачатком и логічним завершенням дії.

Твір має мото, взяте из Біблії (Псалтыря, псалом 145:3). Сесе такый текст: «Не надѣйтесь на князи ваши, въ нихже нѣсть спасенія!». Мото має філозофський смысл и провказує главну ідею твору. Зачим текст твору «Нищіє духом» у першопечатному варіанті має 72 продовження, автор у «Листку» застачив тым мото каждой єдной продовження. У нашому (книжному) виданню, ясною діло, вшиткі тоты повторы мото (окрем первого – на зачатку повісті) сьме опустили.

Хотяй автор означив жанер свого твору як «разсказъ», подля многих черт (обсяг, сужетні лінії, число особ, поступый и помалый розвой сужета и др.) твір належит означовати як «повість».

Автор не лишив изглядателям ниякой інформації односно часу написання повісті «Нищіє духом». Из текста того умельцького твору тыж мало што можеме вызнати. Межи тым, автор правдиво провказує читателю сочасне життя и актуалні проблеми русинського населення на Підкарпатській Руси другой половкы XIX столітя. Так же цалком достовірним буде поважовати за час завершення повісті зачаток 1890-х років. Сесе був доста плодний період у житю писателя. Од року 1883 и до року 1894 він жив у с. Порошково, што ся розлягло у долині річкы Турья (днесь Ужгородський раён Закарпатської области) и служив у містній церквы св. Ніколая Чудотворця як приходський сященик (парох). У р. 1885 він зачав выдавати у Порошкові журнал «Листокъ», котрый пак удержовав скоро 19 років. На час написання повісті «Нищіє духом» Е. Фенцику было, видав, сорок шість років.

Перевидання:

Фенцик Е. Нищіє духомъ (Разсказъ) [Фрагмент]. *In:* Христоматія церковно-славянскихъ и угро-рускихъ литературныхъ памятниковъ / составилъ Евменій Сабовъ / Книгопечатный фондъ Епархіи Мукачевской. – Унгварь: Книгопечатня «Келеть» Варѳоломея Іегера, 1993. – С. 141-144.

Фенцик Є. Нищіє духом. *In:* Фенцик Є. Твори / Вшорили: В. Падык, М. Павліч. – Пряшів: Выдавательство Пряшівской універзіты, 2021, с. 117-233.

ДРАМАТУРГІЯ

[273] **Покореніє Ужгорода. Драма в пяти дійствах. Посвящается столітньому ювілею Ужгородской духовной семінарії.**

Первопублікація: Покореніє Ужгорода : Драма въ пяти дѣйствіяхъ : Посвящается столѣтнему юбилею ужгородской духовной семинаріи Владиміромъ. *Іп:* Слово / Издатель и отвѣтательный редакторъ Венедиктъ М. Площанскій. – Львовъ : Изъ типографіи Ставропигійской.

Годъ изданія XIX, 1879:

Ч. 11, 27. января (8. февраля), с. 1-2; Ч. 12, 31. января (12. февраля), с. 1-3; Ч. 13, 3. (15. февраля), с. 1-2; Ч. 14, 6. (18. февраля), с. 1-3; Ч. 15, 8. (20. февраля), с. 1-2; Ч. 16, 10. (22. февраля), с. 1-2; Ч. 17, 13. (25. февраля), с. 1-3; Ч. 18, 15. (27. февраля), с. 1-2; Ч. 19, 17. февраля (1. марта), с. 1-2; Ч. 20, 20. февраля (4. марта), с. 1-2.

Підпис: Владимірь.

Жерело публікації: Подаєме подля первопублікації.

Варіантів, де бы ся дало опублікувати тоту песу, было у автора не аж так много. Штоправда, в Ужгороді у тім часі виходила новинка «Карпаты» (1873–1886) и была вна од 1873 и аж до 1885 року єдиним образчиком кириличной преси на Підкарпатській Руси. Зачим незмінный редактор той новинки о. Ніколай Ю. Гомічков (1833–28.04.1886) не підпоровав русофілство містной інтелігенції, ратовав за мадярсько-угороруське избліження, Є. Фенцик як єден из майактивных русофілів края був єго ідейным противником. А рефрен пєсы «Покореніє Ужгорода», хотяй вна занурювала читателя у події гет оддаленого IX столітя, звучав доста актуално при кінци XIX столітя и нагадовав «руському» читателю за важну нерішену проблему єгзістенції національных меншин в Угорській державі:

Вѣдь Угры днесь всему Славянству грозят
Конечной гибелью...

Дати рукопис пєсы «Покореніє Ужгорода» Н. Гомічкову у «Карпаты» – тото Є. Фенцик, видав, тримав за неприятивный варіант³. Выдтак овін загнав рукопис той драмы до Галичины. Львівська новинка «Слово» помежи карпаторуську інтелігенцію русофілского прямованя мала репутацію майпопулярного галицького виданя. Из великов увагов редакція ся поставила до драмы «Покореніє Ужгорода». Пєса (без покуртань!) была напечатана на продовження у 10 числах «Слова», и то так, што каждый матеріал ся зачинав на майпрестіжній позиції – на первій сторонці газети!

3 По смерти Н. Гоміčkова Є. Фенцик у своему «Листку» (1886, № 9, с. 235) помістив єго некролог, у котрому, межи тым, дав му таку бессторонну характеристику: «... черезъ 13. лѣтъ редигироваль еженедѣльную газету «Карпаты», въ которой съ начала отстаиваль наши природныя права, языкъ, азбуку, чистоту обряда и проч.; но въ послѣднее время руководился оппортунизмомъ и часто до живаго обижаль наши природныя чувства».

Песа мала бы принести автору Є. Фенцику заслужену славу! Межи тым, драма «Покореніє Ужгорода» веце столітя обставала неизвістнов про широкый круг читателів на бітьківщині драматика. Вона мало як впливала на розвой умелецькой літературы під Карпатами. На то суть дакілко причин.

Перва причина: зато, бо число пренумерантів «Слова» (главно сященників) из двох єпархій – Мукачевської и Пряшівської – каждорочно мож было пораховати на пальцях. Угорська влада при тім не толерувала русинську інтелігенцію, котра ся наважовала дописовати до «Слова»; выдтак исклала ся традиція, коли автор «из Угорської Руси» свої матеріали у «Слові» публиковав анонімно авадь під псевдонімом. Конець 1884 рока Угорський міністерський совіт цалком заостановив поштову пересылку львівського «Слова» «по всѣмъ краинамъ угорской короны»: зато, бо она «стоитъ подъ вліянїемъ панславистической комиссії, нападаываетъ непрестанно на мадарскую краину и правительство и возмущаетъ патріотическія чувства угро-русскихъ» («Карпаты», 1884 р., № 42).

Друга причина: зато, бо Є. Фенцик з даякой (нам неизвістной) причины веце нигда ся не вертав до ідеї перевыдати сесю драму дома на Підкарпатській Руси – ани одділнов книжков, ани у журналі «Листокъ» (1885–1903), закладателѣм и незмінным редактором котрого овін був 19 років (!) – аж до своєї смерти. Туй требало бы зазначити, што у свому журналі «Листокъ» ци у «Додатку...» до того журналу під назвов «Полезныя знанія для угро-русского народа» Є. Фенцик перевыдав на продовження дві култові пєсы русинської драматургії – драму А. Духновича «Добродѣтель превышаетъ богатство» («Додатокъ...», 1892) и комедію И. Даниловича (И. И. Корытнянского) «Семейное празднество» («Листокъ», 1896). По тых двох пєсах драма Є. Фенцика «Покореніє Ужгорода» была ци не майзначущим образчиком русинської драматургії другой половкы ХІХ столітя! Зато доста чудно выпозірує то, же Є. Фенцик не выужив унікатну можливість перевыдати на сторонках свого журналу тоту свою драму.

Трета причина: зато, бо по смерти писателя на довгі два десятилітя історикы и літературознателі забыли на Фенцика⁴, майскорі – на ту часть єго творческого наслідства, котра была опублікована мимо Підкарпатської Руси и обстала десь в архівах Галичини, ци майконкретно – Львова. Хотяй у 1920-ті роки нараз дакілко істориків русинської културы завели имня писателя до своїх літературных обзорів (Д. Вергун, Є. Недзелський,

4 Анатолий Кралицький ищи за житя Є. Фенцика у 1885 році (*позирай єго статью: «Рефлексіи на вступную статью «Карпата» № 13»*) убертав увагу на проблему ігнорачії владов (главно, церковнов єсархієв Мукачевської грекокатолицькой єпархії) рукописів Фенцика як церковного діятеля. Він писав: «О. Євгеній Фенцик, єтот дароватый и трудолюбивый человек, написал церковныя проповѣди (я виділ и читал їх) и представил їх духовной цензурѣ, как подобает, а тому уже почти 10 літ. И что вы думаете? Получил ли одобрение, поощрение либо похвалу? Ничуть нѣт, цензуруют и до днешняго дня, а странствующая од Савла до Павла рукопись, большемісячный труд, исчезла как камфора» (*Цит. подля выдання: А. Кралицький. Князь Лаборець: Выбрані творы /Вшорили: В. Падыак, М. Павліч. – Пряшів, 2020, с. 283*).

П. Федор, Ф. Арістов, Н. Бескид и др.), за перевидання ёго творів (ци уж хоть лем пёсы «Покореніє Ужгорода»!) вни ся не постарали. То значит, драма Є. Фенцика ци уж в рамках Чехословацькой державы (1918–1939), ци почас Другой світової війны, а ци у часы тоталітарных режімів (советська Украина, Чехословацька соціалістична республіка) обставала не лем про читателів, але тыж про літературознателів даяков «terra incognita» русиньской драматургії и была перевыдата по первый раз (лем фрагменты той пёсы!) через 85 років (!), а первой повной видання (и то гет порусченой!) вказалося у Пряшові (публікатор – Юрій Панько) лем у році 2008 (!) – через 129 років! Аж наконець у році 2021 драма «Покореніє Ужгорода», а то через 141 рік (!) од часу першопублікації, была выдата нашим старанням у Пряшові.

Драму «Покореніє Ужгорода» автор віновав важному факту в історії духовной културы карпатських русинів – 100-літію Ужгородської духовной семінарії. На Підкарпатській Руси, де нигда не было иншакой просвітної інституції такого тіпа, ани універзитета, духовна семінарія стала *alma mater* про білшу часть духовной інтелігенції; ї роль и значеня в історії карпатських русинів тяжко перецінити. У 1879 році славы з нагоды 100-літія духовной семінарії были наплановані на фебруар місяць. Лівівська новинка «Слово» (1879, №16, с. 4) 22 фебруара постфактум писала: «Въ Унгварѣ праздновано 12 (нов. ст.) февраля тек. года столѣтний юбилей основанія унгварского духовного сѣменища русскаго весьма торжественно».

Акурат у переддень юбілея, 8 фебруара, лвівське «Слово» зачало печатати драму Є. Фенцика «Покореніє Ужгорода», діяня в котрив перебігавут акурат в ужгородскіх кріпости, де у IX столітію войско князя Лаборця противостояло ордам мадярських завоєвників, што ся вдерли у карпатський край из Азії. Але у XIX столітію акурат у просторах ужгородського замка (уже 100 років) ся розміщає Ужгородська духовна семінарія. Выдтак, поетичне вручення Є. Фенцика ся наповняє глубокым філософським смыслом. Овін гейбы закликає студентів семінарії – будучых духовных пастырів – памятати на свою історію тысячолітної давнины и быти вірными ідеалам славного ужгородського князя Лаборця, котрый поклав своє житя на олтарь свободы и независимости русиньского народа. Сяка паралель межи IX и XIX століттями позволяє иншак прочитати текст драмы; поетичне вручення стає скрытым посланіям автора молодій генерації русиньской моложавы:

Держайте же, любезные друзья,
Отечество зовет на брань своїх
Сынов – теперь иль никогда; теперь
Вооружайтесь, защищайтесь, чтоб
Не побѣдил кичливый враг Славян.
Спастись иль умереть – вот наш девіз;
«Побѣда или смерть» – вот храбрых зов!
Ну, присягните же, хоробрые
Друзья: здѣсь умереть иль побѣдить!

Зачим на днесь изглядователі не однайшли рукописных ци даяких других матеріалів писателя (приміром, кореспонденції, мемоары, автобіографії и т. д.), вопрос, коли ипен была написана драма «Покореніє Ужгорода», обстає отвореный. Зато мож бы пристати на то, же автор написав драму акурат до юбілея духовной семінарії в Ужгороді. Сесе ся потвержує тыж текстом вручанія, котрый має сякі слова: «Посвящается столѣтнему юбилею ужгородской духовной семинарии Владиміромъ». Выдтак, час и місто довершения пєсы мож тримати за кінець 1878-го авадь зачаток 1879-го рока. Тридцятьчотирирочный Є. Фенчик жив тогды у с. Дусино (днесь Мукачевський раён Закарпатської области), був сящеником (1873–1882) у містній Церкви Св. Духа.

Перевыдання драмы:

Фенчик Є. Покорение Ужгорода: Драма в пяти действиях [Фрагменты]. *In:* Хрестоматія нової закарпатської української літератури. (Друга половина XIX сторіччя): Посіб. для студентів вищих учб. закладів, учнів старших класів середніх шкіл, учителів та працівників культурно-освітніх установ/ Упоряд.: Ю. А. Бача, О. М. Рудловчак. – Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1964. – С. 187-215.

Фенчик Є. Покорение Ужгорода: [Драма в пяти действиях]. *In:* Хрестоматія закарпатської української літератури XIX століття. Друга частина/ Уклад. О. М. Рудловчак. – [Košice]: Rektorát Univerzity P. J. Šafárika v Košiciach, 1985. – С. 181-201.

Фенчик Є. А. (Владимир). Покорение Ужгорода: Драма в пяти действиях. *In:* Панько Ю. Князь Лаборець в художній літературі : Художні твори о князєві Лаборцєві / Русинська оброда на Словєнську. – Пряшів, 2008. – С. 65-115.

Фенчик Є. Покореніє Ужгорода: Драма в пяти дійствіях: Посвящается столітньому юбілею Ужгородской духовной семінарії. *In:* Фенчик Є. Твори / Вшорили: В. Падык, М. Павліч. – Пряшів: Видавельство Пряшівской універзіты, 2021, с. 39-113.

ПУБЛИЦІСТИКА

[351] **Князь Феодор Корьятович.** Статя (орігінальна назва: «Князь Феодоръ Корьятовичъ») была опублікована (без підписа) у часописі «Листокъ» (Годъ VII, 1891, Нрѣ 12, 15. іюня, с. 134-135). Хотяй автор не означений, стиль письма вказує на авторство Є. Фенчика. Подаєме подля першопублікації.

*Доц. Мгр. Валерій Падык,
кандідат філологічных наук.*

ПРИНЦИПЫ ТРАНСЛИТЕРАЦИИ ТВОРОВ Є. ФЕНЦИКА, ПИСАНЫХ ЯЗЫЧИЕМ

Умілецькї твори Євгенія Фенцика написанї язычієм. Днесь каждый історик літературы, котрый возьме на ся труд перевыдати тоты твори, стрїтит ся из чажков задачов. Цїле, як адаптовати текст другой половкы ХІХ столїтя до потреб и, главно, освіты сочасного читателя? Суть три нерівноцінні варіанти:

- 1) **факсіміле** (тото бы ся придало майскорі професіональным изглядователям літпроцеса);
- 2) **товмаченя** на русинський (ци даякый иншакый) літературный язык (не одмітуєме сяку ідею, коли за неї ся берут писателі-професіоналы, але мусай зазначити, што у потовмаченому тексті усе ся выпумує дух языковой стїхії);
- 3) **транслітерація** (сесе компромісний (!) варіант, бо язык літературной традиції пережой епохы лем ся транслітерує; иншак повісти – він ся приспособлює освіті сочасного читателя и передає ся засобами сочасной графічної сістемы русинського языка).

Ушиткї твори Є. Фенцика яло бы днесь транслітеровати засобами сочасной графічної сістемы русинського языка. Межи тым, наслідство писателів-будителів (скоро вшиткї вни писали язычієм!) популарізаторы знали ширити: а) у подобі факсіміле (до 1940-х років) авадь б) зачали транслітеровати (у советські часы) засобами реформованой російської авадь української графічных сістем. За русинську графічну сістему у часы тоталітарізма (1944–1989) ани бесіда не ишла!

Зачим у советську добу из творчости Є. Фенцика скоро нич ся не перевыдавало (хыбаль року 1964 у «Хрестоматії...» про студентів українського одділення філософського факультета Універзітета П. Й. Шафаріка у Пряшові ся провказало пар куртых публицистичных статей, покуртана верзія драмы «Покореніє Ужгорода» и еден «піціцькый» фрагмент повісті «Учитель-Неборак»), убернеме увагу на принцип транслітерації Фенциковых творів акурат у сів «Хрестоматії...».

У спередслові до хрестоматії вшорителі Юрко Бача и Олена Рудловчак застачили сякі теоретичні заувагы односно принципa транслітерації (цітуєме в українськїм языку):

«В хрестоматії тексти подано... з деякою зміною орфографії. Тексти, писані на діалекті, мовою, близькою до української літературної мови, ї язычієм, подаються модифіковано за орфографією сучасної української мови; тексти, писані російською мовою, подаються за сучасною російською орфографією...»¹ (підчерк наш – В. П.).

1 БАЧА, Ю., РУДЛОВЧАК, О. Предмова. In: Хрестоматія нової закарпатської укра-

Первое, што паде до воч, коли ся убернеш у сів хрестоматії до творів Фенцика, так вто, што вшпорителі не змогли дати собі рады из текстами Є. Фенцика и прояснити: ци суть вни образчиками язычія авадь «писані російською мовою»? Вшпорителі не лишили читателям тыж ниякого розьяснення, де є тотя границя межи язычієм и текстами, што суть «писані російською мовою»? Межи тым, вни хыбно однесли творы Фенцика до другой категорії, позад чого тексты «переписали» на російський манір; хотяй Є. Фенцик (за того уже ся говорило высше) у своїх творчости (поезія, проза, драматургія, публіцистика) писав выимково язычієм.

Туй яло бы выяснити, што представляє из себе варіант літературного языка, котрый ушиткі звykли называти «язычієм». Носителями того літературного стандарда у русинських літературі были поеты, писателі, драматики, публіцисты, новинарі, котрых принято называти «русофілами». Русофілы доміновали у русинських історії и культурі у другій половці XIX століття як єден из двох ідейно-естетичных напрямів будительського двиганія. Розлоге визначенія русофілства подав проф. П. Р. Магочій у «Енциклопедії історії та культури карпатських русинів». Зокрема, у тому гаслі за русофілів він пише, «Русофілы... пересвідчені, же їх народ є вітвов російської нації»².

Сесе тверження канадського научника мусай розьяснити. Скоро ани єден будитель-русофіл не клав знак тотожности межи такыма етносами як то «росіяне» и «карпатські русины», каждый у творчости означовав свій народ як «русинський». Ци говориме за А. Духновича (берьме, приміром, шорик «Я Русин был, єсмь и буду...»), ци за А. Павловича (приміром, шорик «Горо мила, Маковицё, ти Русинов мати...»), ци за Феодосія Злоцького (приміром, «Пробудил из долгаго сна громким гласом Русинов»), ци за А. Кралицького (приміром, шорик «Гей, Русин был тогда еще Русином...»), ци за А. Митрака (шорик «...русином не свободно мні быти, а другим по происхождению не могу быти»), ци, докінця, за Є. Фенцика (приміром, шорик «...а мы и были, и будеме русинами»).

Иншакой діло, класіфікованія и статус языків восточных славян. Класіфікація, котрой ся додержовали карпатські русины-русофілы (а тыж галицькі и буковинські русофілы), заосмотрёвала егзістенцію лем єдного літературного языка про вшиткых восточных славян, авадь, як звykли казати, про вшиткых «русских». Приміром, доста указов є статья А. Кралицького «Язык и словесность». Треба признати, што вшиткі містні русофілы ся додержовали позиції, за котру пише А. Кралицький. Він зауважує:

їнської літератури. (Друга половина XIX сторіччя): Посібник для студентів вищих учбових закладів, учнів старших класів середніх шкіл, учителів та працівників культурно-освітніх установ/ Упоряд.: Ю. А. Бача, О. М. Рудловчак. – Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1964. – с. 3.

2 МАГОЧІЙ, П. Р. Русофілы. In: Енциклопедія історії та культури карпатських русинів / заг. ред. П. Р. Магочія; пер. з англ. мови Надії Кушко. – Ужгород, 2010, с. 657.

«Когда древніе наши предки съ предками другихъ европейскихъ народовъ жили еще въ средней Азіи, то говорили однимъ языкомъ (санскритскимъ) и составляли одинъ народъ; но когда одна часть осталась в Азіи, а другая выселилась в Европу, то распалась сія на больше народовъ, говорящихъ на разныхъ языкахъ, происходящихъ отъ языка индо-европейскаго. Тѣ изъ Славянъ, которые поселились на родной намъ равнинѣ восточной Европы, стали говорити языкомъ русскимъ, т. е. составили народъ русскій (підчерк туй и ниже наш – В. П.).

Но обширна страна, занятая народомъ русскимъ, много въ ней разныхъ мѣстностей, а по различію мѣстностей появились и различія въ языкѣ, которымъ говорили Русскіе той или другой мѣстности. Впрочемъ, эти различія не были уже особенно рѣзки, а потому русскій языкъ и распался не на особые языки, а только на особые виды (idioma) одного и того же языка, или, какъ называютъ – нарѣчія (діалекты, tájszó). Ихъ у насъ (не взирая на географ. границы) три: велико-, бѣло- и мало-русское; к послѣднему принадлежимъ и мы, Угро-россы»³.

Тота теорія передбачала, што общеруський літературный язык (іншак: «язык русскій») підживлювут три (ани не языки!) – лем «наречія»-діалекты (великоруське, малоруське и білоруське), а тыж як продовження малоруського діалекта – угроруський говор-піднаречіє. (До того, русофілы знали додати, же заслуга «великорусского» діалекта у формованню «языка русскаго» омного білша, як вплив других діалектів).

Хотяй западні и южні славянські народы у сесь час в основу літературного стандарда поклали єден из своїх діалектів, русинські будителі-русофілы – од А. Духновича и до «последного из могикан» Є. Фенцика – фурт одмітовали тоту продуктивну ідею и нарабляли иншаку – мати у будучности єден про вшитких восточных славян – росіян, білорусів, украинців, «угрорусів», лемків и галичан – літературный язык. Зато Є. Фенчик указовав на главну свою ціль як редактора «Листка»: «Главная цѣль редакціи состоитъ въ томъ, чтобы нашъ угро-русскій языкъ приблизити къ письменному русскому языку»⁴.

Такой изближення передбачало результат лем в оддаленів перспективі. Зато русофілы пристали на мысль (граматики А. Духновича, К. Сабова и И. Раковського) вытворити про себе компромісний літературный стандарт. Сесе мав бы бити дочасный компроміс межи граматиков «русского» (фактично, великоруського) языка и бесідов русинського інтелігента. (За бесіду «простолюдина» туй ани не ишло; сесю задачу (як ся высловив Є. Фенчик, – «писати на простонародном наречіі»⁵) взяв на ся Василь Чопей, чие діятельство нараз засудили вшиткі русофілы).

Акурат тоту компромісну дочасну граматичну систему русофілської інтелігенції мы звykли называти «язычієм». Язычіє мало стати про містну інтелігенцію, а дале (у даяків перспективі!) про цілый русинський народ

5 [ФЕНЧИК, Е.]. Новости, смѣсь. In: Листокъ, 1885, № 2, с. 25-26.

Туй подаєме ушиток текст Фенцикового высловлѣваня односно писемного стан-

мостиком, по котрому вни прийдут до російського языка як писемного и літературного варіанта у карпатських русинів.

Язычіє – неприродный, штучный язык. Вно нигда не мало своєї граматики из ясно регламентованым изводом правил орфографії. Зато каждый літератор-інтелігент, котрый у творчости переходив на основы язычія, писав натілько справно, накілько добрі знав російський язык.

Межи тым, язычіє было регламентованой дакілько стратегічними правилами. Важно убернути увагу на тоты правила.

За первое, у язычію ся хосновала так графічна система російського языка, як принцип правописання російського языка (традиційный, морфологічний). За другое, лексичный запас язычія скоро на 95 % ся наповняв лексиком тогдышного російського языка (штоправда многі слова – общеславянську лексику – русины легко впознавали) и на 5% – специфічних містнов лексиком.

Межи тым, язычіє мало черты, чим вно ся одличало од російського языка. За первое: хотяй на письмі лексеми (так російського языка, як язычія) випозіровали єднако, деякі буквы в язычію мали іншакой звуковой наповнення – ближе до русинської бесіди:

- буква «ѣ» усе ся выговорювала як [i]: отвѣт – отвіт, дѣло – діло, дѣлити – ділити;
- російська буква «и» ся выговорювала як русинський звук [и]: жен[и]т[и]ся, пр[и]нест[и], [и]змінн[и]к.
- Язычіє тыж одмітовало традиційной про російський язык «аканя» – у слабів позиції буква «о» ся выговорювала як [o]: молоко – [молоко], один – [один], однако – [однако].

За другое: важнов чертов язычія было хоснованя церковнославянських форм у неозначеній формі глаголів, приміром: *быти, знати, читати, платити, пировати, заниматься, отправиться*. Сяка архаїчна (про російський язык) форма інфінітива, межи тым, совпадала из подобнов форм народной русинської бесіди. Вцілови, выше означені одличности приближовали язычіє ид народнів бесіди.

Кедь порівнати вытвореный у лоні русинської русофілської інтелі-

дарда на основі народной бесіди: «Что-же касается того совѣта, чтобы писати на простонародномъ нарѣчїи, то на это отвѣчаемъ, что да будемъ писати на простомъ нарѣчїи, если почтенный корреспондентъ а) скажетъ намъ, которое употреблять – Земплинское-ли или Ужанское, или Мараморошское, или Берегское, такъ какъ въ Мараморошѣ Земплинское никогда не узнаютъ за свое, б) если представитъ намъ какую-то простонародную грамматику или, по крайней мѣрѣ, письма двухъ простонародныхъ писателей, которые пишутъ однообразно... По нашему мнѣнію, между dneшними обстоятельствами писати на простонародномъ нарѣчїи можетъ лишь тотъ, что хочетъ путати, мѣшати и разрушати, а не тотъ, кому на сердце лежитъ правдивое преуспѣяніе».

генції літературний стандарт – язычіє – из тогдышным «великорусским» языком (до реформи 1918 рока), мож резумовати: подля написаня (орфографії) – сесе быв еден язык, айбо подля выгваряня (орфоєпії) – два языки! Инак повісти: тоты два літературні стандарды писали ся еднако, айбо ся выгваряли каждый по своему.

Тото заключеня легко ся потвержує на примірі самого Є. Фенцика. Він усе ся силовав тексты, писані в язычію, выговорёвати подобно тому, як говорят ёго вірники. Свидітелі того семінарісты Ужгородської духовной семінарії почас вакацій у році 1877 навщивили о. Фенцика у с. Дусино. Тота стріча пак была описана єдним из семінарістів у мемоарах під назвов «Въ Ужгородскомъ Замку», котрі у році 1922 были опубліковані у США, и то анонімно – без зазначкы, хто є автором того текста. Мемоаріста пригадавав:

«На третій день, на саму Святу Недѣлю, пришли мы уже Апостолскими стопами до Дусина, где тѣмъ часомъ перебивалъ нашъ милый пѣвецъ-поэтъ Евгеній Фенцикъ. Насъ, молодыхъ клериковъ, удивила живая рѣчь проповѣди Е. Фенцика. Мы сообразили его проповѣдь съ его же прозаическими произведеніями: и что намъ казалось непонятнымъ въ печати, все то открывалось въ живой рѣчи. Онъ не говорилъ кухоннымъ языкомъ, онъ не говорилъ даже церковнымъ языкомъ, онъ спустился къ простому народу въ простотѣ своей рѣчи, говоря въ короткихъ предложеніяхъ; но онъ всегда говорилъ также точно по русски, по письменному нашему языку, приче́мъ въ выговорѣ словъ приспособлялся къ выговору своихъ вѣрниковъ... «Видите, братцы, – говорилъ онъ, – я родомъ Угочанинъ, школы кончилъ въ Ужгородѣ, богословіе въ Вѣнѣ, первая парохія моя была: Буковецъ, на Бережской Верховинѣ, теперь я тутъ въ Дусинѣ. Повсюду тот же русскій народъ, а все-таки не тот же... Есть говоръ Спишскій, Маковицкій, бѣлорусско-сотацкій, лемацкій (верховинскій и подольскій), угочанскій, мараморошскій и гуцульскій; всѣ и всѣ говоры разинствуютъ по выговору между собою; въ обще же суть: русскій языкъ, русская рѣчь; но заговори ты въ Дусинѣ по верховински – тебе высмѣють, заговори ты съ “лемъ” между “лишаками” – и обратно высмѣють; но заговори ты чисто по письменному, употребляя при семъ домашні слова и обороты, тебе будутъ уважати повсюду...»⁶.

Обадва літературні стандарды – «великорусский» язык и язычіє – добрі паровали ид собі на сторонах русофілських газетных и журналных выдань на Підкарпатській Руси. Коли редакторы печатали творы И. Сілвая (під псевдо: Уріїль Метеоръ), Є. Фенцика (Владиміръ), А. Кралицького (Иванъ Васильевич) и др., неискушений читатель міг мерьковати, же суть то, видав, російські писателі, хотяй тематика творів, а главно – слабой знатя російського языка знали легко прозрадити сякого містного челядника.

6 Въ Ужгородскомъ Замку. (Очеркъ). In: Мѣсяцословъ. Kalendar' Prosvyty Sobraniya Greko Katholičeskich Cerkovnych bratstv na porjadnyj hod 1923. – McKeesport, с. 90.

На другому боці, коли редакторы печатали по російськы творы російських писателів, вни знали (обы не наражати собі мадярського урядника!) іскрыти сякой имня під криптонімом – Н.Я., А.С.Х., И.Кр., К., Ю.Гл., М.Д., А.Н.М., Д.Д., А.П.О., К.П., Н.Щ. и др. – и хто бы міг ся здогадати, же иде за Ніколая Языкова, Алексія Хомякова, Ивана Крылова, Алексія Кольцова, Федора Глинку, Михаила Дмитрієва, Аполлона Майкова, Дениса Давыдова, Александра Одоєвського, Кароліну Павлову, Ніколая Щербину и десятки других російських літераторів!?

Язычіє ставало способом вуалізованя намірів редакторів-русофілів!

Зато, коли ламы містных новинок пестріли творами російських писателів (опубликованых під даяким криптонімом) и редакторам-русофілам опоненты натякали, же вни (як то было тыж из редактором «Листка» Є. Фенциком!) спомагают «подъ предлогомъ народнаго просвѣщенія ... объединенію славянъ» и хоснуют «литературный русскій языкъ», редакторы (у даному припадку – Є. Фенцик) вигваряли ся атыяк:

«И так пусть знаетъ корреспондентъ «Egyetértés»-а, что мы пишемъ тѣмъ языкомъ, которому обучали насъ во свое время въ Унгварской гимназіи; тѣмъ языкомъ, которому обучаютъ безъ изыятія всѣ русскія грамматики, явившіяся когда то въ Венгріи, какъ-то грамматика Духновича, Сабова, Раковского, тѣмъ языкомъ, на которомъ издавались безъ изыятія всѣ газеты наши, какъ-то «Церковная газета», «Свѣтъ», «Учитель», «Новый Свѣтъ», «Сова», «Карпаты», на которомъ издавалась во время министра Этвеша и правительственная «Газета для народныхъ учителей» – тѣмъ языкомъ, на которомъ пишетъ каждый образованный русскій человѣкъ»⁷.

Язычіє надовго засіло у свідомости русинської інтелігенції як безальтернативный варіант літературного языка. Докінця, прийшло ид тому, што ідейні опоненты русофілів – містні угрофілы, печатным бастіоном котрых стала новинка «Новый Свѣтъ» (1871–1872), а дале – новинка «Карпаты» (1873–1886), тыж тримали язычіє за язык своїх публікацій. И ци не майглавно заслуг редактора «Карпата» Ніколая Гомічкова (1833–1886) по ёго смерті Є. Фенцик визнавав язычіє той новинки. У році 1886 він писав за Н. Гомічкова: «...безъ сомнѣнія, и онъ имѣетъ заслугу въ томъ, что у насъ на Угорской Руси не привилась фонетическая орфографія и что у насъ нѣтъ «народівцівъ»⁸.

«Фонетичну» орфографію на Підкарпатській Руси завів молодый педагог Василь (Ласло) Чопей (1856–1934). Фактично, была то стара-нова ідея вытворити літературный стандарт на основі народной бесіды русинів. У 1883 р. Ласло Чопей выдав у Будапешті первый словник русинського языка (числит 20 тысяч слів). Сесь «Русько мадярский словарь» був удостоєный премії Фекейшгазі Угорської королівської академії наук. До того,

7 [ФЕНЦИК, Е.]. Новости, смѣсь. *Ін*: Листокъ, 1885, № 2, с. 25.

8 [ФЕНЦИК, Е.]. О. Николай Гомичковъ. *Ін*: Листокъ, 1886, № 9, с. 235.

міністерство освіти поручило В. Чопею перевидати в русинськiм языкy ушиткi учебники про ошколашiв. Были сесе учебники мадярських авторiв (Янош Гашпар, Арон Кiшш, Мiкша Маср, Пал Генц, Вiлмош Гроо) про школы из мадярськым языком школованя. Перед часом тоты школнi учебники (хоть лем часть из них) про Пiдкарпатську Русь перекладав Є. Фенцик. Овiн потовмачив, примiром, учебники «Русская первая читанка для школь народныхъ въ Угорщинѣ» (1867), «Русская книга для чтенiя на часть втораго класса народныхъ школь» (Будин, 1870), «Народоучебная книга для чтенiя. Томъ второй» (Будин, 1870) и другi.

Языком ушиткых учебникiв Є. Фенцика было языкiче. Василь Чопей, нарубы, потовмачив тоты тексты на русинську народну бесiду. Вiн жив у тiм пересвiдченню, што нова генерацiя русинiв мала ся научати писати и «читати, якъ они дома говорятъ, т. е. на простомъ, штоденномъ, матерномъ языкѣ»⁹. По языкiю був то принципiально новий писемный (литературный) стандарт, до кiнця, iнспiрований владов Угорськой державы. Сесь язык (як зазначеной на титулках учебникiв) був приспособлений «идъ говору берегскому, угочанскому и мараморошскому».

У передсловi учебника «Руська читанка» (1891 р.) В. Чопей прояснив цiль реформованя языка учебной литературы про ученикiв:

«Мадярско-корольскiй министеръ народногo просвѣщеня опредѣливъ на ново передѣлати всѣ тоты книги, котрѣ доселѣ во руснацкыхъ школахъ лишь употребляли ся. Причиновъ сього розказа была тота вина, што дотеперѣшнѣ книги не на руснацкѣмъ ай на русскѣмъ языкѣ были написанѣ, за то ихъ не лемъ дѣти, но мѣстома и самѣ учителѣ не могли точно порозумѣти»¹⁰.

Быв се конецъ русофiлства а тыж конецъ ѣго дiтища – языкiчя¹¹. Є. Фенцик и сам порозумiв бесперспективностъ iдeї прискiпити языкiче «простолюдину». Од рока 1891 вiн зачав експериментально (ѣден раз на мiсяць) выдавати «Додатокъ» до журнала «Листокъ» пiд назвов «Полезныя знанiя для угро-русскаго народа». Додаток мiстив хосеннi публiкацiї про селянина и выходив в народнiм языкy. Од рока 1904 Є. Фенцик наплановав собi вы-

9 Руська читанка дiля другої класы народныхъ школь. Написавъ и составилъ Яношъ Гашпаръ [Часть перша]. Будапештъ, 1891, с. VI.

10 Руська читанка дiля другої класы народныхъ школь. Написавъ и составилъ Яношъ Гашпаръ [Часть перша]. Будапештъ, 1891, с. V.

11 Веце за тоту проблематику *позирай*: ПАДЯК, В. Кiнець русофiлства! До проблеми перiодизацiї карпаторусинськой литературы другої половини XIX – початку XX столiття. In: K výskumu dejín Rusínov a Ukrajincov: teoretické a metodologické otázky. Zborník príspevkov z medzinárodnej vedeckej konferencie Metodologické a koncepčné otázky výskumu dejín Rusínov a Ukrajincov v stredovýchodnej Európe. Stará Lesná 6.-7. novembra 2014 / M. Gajdoš, S. Konečný, M. Lukáč (eds.). Košice: Technická univerzita v Košiciach; Centrum spoločenských a psychologických vied SAV – Spoločenskovedný ústav, Košice, 2016, s. 67-78.

давати в русинськiм языкy ай журнал «Листокъ», але ёго смерть завадила реалізувати тоту добру справу¹².

По русофілах обстало читавое число літературных творів. Є то культурно-національне наслідство карпатських русинів. И білше ничие! Печатані у тогдышних новинках и часописах, тіражовані подаколи числом лем 200-300 фалатків, многі сякі тексты у далші епохы веце ся нигда не перепечатовали и скоро 120-150 років чекавут на то, обы русины-наслідники перебрали собі сесь інтелектуалный скарб. Є то так тыж из творбов Є. Фенцика. Ёго стихи десятиліттями обставут некивані у старых новинках. Драма «Покореніє Ужгорода» (рік написаня угад. 1878) по первый раз была перепечатана у році 2008, а тыж у році 2021. Повість «Нищіє духом» (угад. 1891) и «Учитель-Неборак» (угад. 1895) первый раз были перевыдані лем у році 2021!

Зачим скоро вшиткі тексты суть писані язычієм, сочасному русинському укладачу мусай ся приспособити до вимог публікування текстів старшой doby. Обы наблизити тексты сочасному читателю, сякі творы треба транслітеровати засобами сочасной графічної сістемы русинського языка. Нижє подаєме нароблені нами основні прінципы транслітерації творів язычія.

Майважні правила транслітерації текстів

Буква «ъ» повсемістно ся пролишає при кінци слів: прапоръ – прапор; злыхъ – злых; живеть – живет; вспыхнулъ – вспыхнул; намъ – нам; къ (тому) – к (тому), изъ – из, Лаборцъ – Лаборц;

Буква «ѣ» («ять») повсягды перейде на букву «і» / «ї»: здѣсь – здісь; в княжествѣ – в княжестві; во слѣпотѣ – во сліпоті; крѣпость – кріпость; бесѣда – бесіда; тебѣ – тебі; нѣтъ – ніт; бѣдный – бідный; ѣхати – їхати, приѣхали – приїхали; (о) благобытьѣ – (о) благобытї, (в) случаѣ – (в) случаї.

Російська буква «э» на зачатку слова ци исклада, котра позначає звук [e], міняє ся на русинську букву «е»: это – ето; этотъ – етот; этого – етого; эхо – ехо; экзекуція – ексекуція; поэтъ – поет.

12 TICHÝ, Fr. Vývoj současného spisovného jazyka na Podkarpatské Rusi / Knihovna Sboru pro výzkum Slovenska a Podkarpatské Rusi při Slovanském Ústavu v Praze; číslo 11. – Praha: Nákladem Sboru pro výzkum Slovenska a Podkarpatské Rusi; V komisi nakladatelství «Orbis» – Tiskem «Politiky», 1938, s. 98. – *Подаєме* тот текст в чеськiм оригіналі: «Výborně informovaný „Slovenský týždeník“ Milana Hodži přinesl v prosinci 1903 zprávu, že Fencikův „Listok“ bude od nového roku 1904 vycházeti nikoli v literárním jazyce ruském, nýbrž v místním nářečí. Uskutečnití tento úmysl zabránila Fencikovi smrt». *Позирай* тыж у товмаченю: ТІХИЙ, Ф. Розвиток сучасної літературної мови на Підкарпатській Русі / Переклад Л. Белея, М. Сюська. – Ужгород, 1996, с. 113-114.

Російська буква «е» на зачатку слова чи исклада, котра позначає сполуку звуків [йе], міняє ся на традиційну про сочасну русинську азбуку букву «є»: єпископъ – єпископ; волнение – волненє; бездѣлье – безділє; покорение – покореніє; есть – єсть; даетъ – даєт; приближается – приближаєтє; еще – єще; его – єго; ему – єму.

Російська буква «е», котра позначає звук [е] и мягкость спередущого согласного, міняє ся на букву русинської азбуки «е», перед котров согласный ся не змягчає: слушай[т'е] – слухай[те]; лю[б'е]зный – лю[без]ный; [в'е]рховина – [ве]рховина; боя[р'е] – боя[ре]; [з'е]мля – [зе]мля; с[м'е]рть – с[ме]рть.

Російська буква «и», котра позначає звук [і], міняє ся на букву русинської азбуки «и», котра позначає звук [и]: останися – остат[и]ся; жениться – жен[и]т[и]ся, призвати – пр[и]зват[и], учитель – уч[и]тель, по причинѣ – по пр[и]ч[и]ні, матери – матер[и], лишь – л[и]ш.

Букву «ѳ» (фіта) системно пролишаєме; намісто той літеры кладеме ситуативно буквы «Ф» авадь «Т»: руѳены – *рутены*, Виѳлємъ – *Віфлєм*.

Позад букв «Г», «К», «Х», «Ж», «Ч», «Ш», «Щ» нигда не пише ся буква «Ы»: *круги, руки, раки, другой, живет, по мадярски, вишито*.

Хотяй в язычію ся не хосновала літера «Г», у транслітерованых текстах кладеме ї повсягды, де ї треба подля днешнєй нормы: *газда, солгабиров, елегія, гімназія, прогрес, вегетація, газета, гультен, привілегія, Григорій, Гейза, Гаджега, Гебей, Вегеш, Унгвар, Чингава, Григоріанский (календарь)*.

Далші правила транслітерації текстів:

У чужій лексиці не хоснуєме подвоєня согласных, єдну согласну пропущаєме: *каса, сума, комерція, апетит, інтелігентный, професія, субота*. **Винимка:** *русский*.

Частка **-ся, -сь** усе ся пише ведно из глаголом: *испортится, сділатися, розумієтєся, розойшлись, осталась*.

У глаголах теперішнєго и простого будучого часу (другой лице єднини) закончення пишеме без **-ь** (без мягкого знака): *любиш, увидиш, можеш, напишеш, согласишся, надієшся*.

У глаголах теперішнєго и простого будучого часу (третєй лице єднини) присокотили сьме (сохранили) характерное про язычіє закончення на **-т**: *читает, даєт, показуєт, будет, выйде, поглядаєт*.

У глаголах минувшого часу мужського рода єднини присокотили сьме характерное про язычіє закончення **-л**: *зачал, носил, противился, затовкал, скричал, остался*.

У назывниках женського рода на **-ч, -щ** пролишили сьме «ь»: *доч* (не дочь),

ноч (не *ночь*), *річ* (не *речь*), *мелоч* (не *мелочь*), *вещ* (не *вещь*).

Правила написання деяких ад'єктивних форм (котрі пак у Росії почас орфографічної реформи 1918 рока вилучили) були тиж знакові про мову. Зато саме їх високотили як ціху того стіла. Иде, главно, за написання ад'єктивних форм єднини (Р. п. и В. п.): *молодаго, народнаго, всякаго, перваго*, а тиж ад'єктивних форм множини (И. п.): *фруктовыя, молодыя, нікоторыя, интересныя*.

У законченнях приложників (ад'єктивів) мужського рода єднини (И. п.) и у множині по согласных «ч», «ш» перед гласных и «й» сохранили саме традиційне про мову написання букви «і»: *горячий, горячіє, жгучий, жгучіє, нищий, нищіє, грозящий, грозячіє, настоящий, настоячіє, обий, обийє, вірующий, віруючіє*. В архаїчних (дореформенних) законченнях тих самих приложників (ад'єктивів) у множині по согласных «ч», «ш» перед гласной «я» зберігаємо (як ціху того стіла) букву «і»: *горячія*, (не *горячия*), *жгучія* (не *жгучия*), *грозячія* (не *грозяция*), *нищія* (не *нищия*).

У законченнях приложників (ад'єктивів) мужського рода єднини (И. п.) по согласных «г», «к», «х», а тиж «ж», «ш» ігноруємо написання «і» перед «й», характерной про стару російську орфографічну норму, котру перебрали собі тиж русинські писателі-русофіли. На тому місті кладемо «и»: *другий* (не *другій*), *русский* (не *руський*), *фарский* (не *фарський*), *маленький* (не *маленькій*), *глухий* (не *глухій*), *похожий* (не *похожій*), *чужий* (не *чужій*), *лучший* (не *лучшій*), *высший* (не *высшій*).

У архаїчних (дореформенних) законченнях тих самих приложників у множині (И. п.) по согласных «г», «к», «х» перед гласной «я» зберігаємо (як ціху того стіла) букву «і»: *другія* (не *другия*), *такія* (не *такия*), *фарскія* (не *фарския*), *глухія* (не *глухия*), але по согласных «ж», «ш» пишемо букву «и»: *чужия* (не *чужія*), *лучия* (не *лучшія*), *высия* (не *вышія*), *хорюия* (не *хорюшія*).

У неархаїчних (пореформенних) законченнях приложників (ад'єктивів) у множині (И. п.) по согласных «г», «к», «х» перед гласной «е» (такі форми ся стрічавут у тексті доста рідко!) пишемо «і»: *славянськіє, толенькіє, рускіє, долгиє, убогіє, глухіє*, але по согласных «ж», «ш» пишемо букву «и»: *хорюиє, высиє, чужіє*.

У законченнях приложників (ад'єктивів) мужського рода єднини (у непрямых падежах) и у множині (у непрямых падежах) по фонемах [г], [к], [х], [ж], [ш] перед согласного пишемо букву «и»: *угрорусским, королевским, тихим, других, многих, многим, лихим, чужих, свежими, хорошими, знатнішими*. Тиж по буквах [ч], [ш] пишемо букву «и»: *прочих, ницим, бесідующим, соотвітствующих*.

У законченнях приложників (ад'єктивів) у И. п. и В. п. множини, основа ко-

трих ся кончає на твердий согласный (окрем г, к, х, ж, ш), пишемо закончення -ий. Приміром: *бідний, зелений, добрий, твій, котрий*. Кедь основа ся кончає на мягкий согласный, пишемо -її: *тунії, презнїї*. А кедь основа ся кончає на [г], [к], [х], [ж], [ш] пишемо -її: *убогїї, другїї, такїї, лихїї, прошедшїї, пережїї*.

У законченнях присловників и назывників по фонемах [г], [к], [х], [ж], [ш] пишемо «и» (у тів позиції, де у русинськїм языку стоїт буква «ы»): *по мадярски, по мужицки; берег – береги, порядок – порядки, орїх – орїхи; книга – книги, дорога – дороги, муха – мухи, рука – руки*.

У присвойных и односных містоназывниках намісто буквы «и», котра стоїт на межі корня и суфікса и котра скриває звукосполюку [йї], кладемо (подля сочасной нормы) букву «ї»: *твоїх* (не твоих), *мої* (не мои), *свої* (не свои), *своїма* (не своїма), *їх* (не их).

Приназывник **от** не приспособлюєме ид нормі сочасного русинського языка: *от станції, от дїтства, от других, от них, от которых, от бурї*.

Приназывник **с/со** не приспособлюєме ид нормі сочасного русинського языка и пишемо атяк: *с прапором, с дома, с довірієм, с гнівом, с ним, с вами; со стола, со взором, со дня (на день), со мной, со своїми*.

Приназывники **из, без** усе ся пишут из буквов «з»: *из школы, из нафты, из Яблоновки, без вины, без науки, без успїха, без того*.

Префікс **при-** міняєме на **при-**: *прийти, приятелї, приятно, приймити*.

Префікс **от- (ото-)** не приспособлюєме ид нормі сочасного русинського языка и пишемо из буквов «т»: *отказати, отдати, отклонитися, отнестися; оторвати, отогнати, отозвался, отзывается*.

Кедь сполюка **от-** є частїв корня, пишемо (подля звучаня) букву «т»: *отчина, отчим, отвіт*.

Префікс **с-** не приспособлюєме ид нормі сочасного русинського языка и послїдовательно пишемо букву «с»: *сказати, сділати, сплатити, сдружитися, сгубити, спадати, спочивати, сбивати*.

У префіксах **ис- (из-), вос- (воз-), бес- (без-), рас- (раз-), рос- (роз)** кладемо букву «с»/«з» подля глухости-звонкости позадстоячого согласного:

ис- (из-): *исчезновение, исполнение, истоцала, исходатайствовать, происходит; изміняти, извинити, избавити, избїгнути, избєрут, издержки, издавати, извїстно, производити, изгнанїє*.

вос- (воз-): *воспламенять, возвыситися*.

бес- (без-): *бестолковый, бессильный, бессомнїнно, бессмысленный; безмірний, безграничный, беззаботливый, безділиця*.

рас- (раз-): *рассказовати, рассмотреть, распахнути, распротра-*

няти, расписанный, расположеніє; размышляти, развращати, разганыти, развеселяюща.

рос- (роз-): *розбудити, россіяти.*

Сочетаня **-сч-, -лиц-** у корнях слів не приспособлюєме ид нормі сочасного русинського языка и пишеме атыак: *счастьє, несчастіє, солнце.*

Сочетаня **-стн-, стл-, -рдц-, -здн-** не спрощуєме (не пролишаєме буквы «т», «д»): *честный, неизвѣстный, совѣстно, нещастный; счастливый; сердце; праздник, праздный; поздно.*

Сочетаня **-ств-** спрощуєме и пролишаєме букву «в»: *чувство, чувствовать, чувствительный, здаствуйте.*

Хотяй бы як – розділно ци излито – був написаний в авторськім тексті присловник (адвербіум), подаєме го наближено до сочасного написання: *с начала – сначала, по ближе – поближе, в ночи – вночи, на всегда – навсегда, не лъзя – нельзя, на примір – наприклад, о много – много, в округ – вокруг, в тайні – втайні, в слух – вслух, на ліво – наліво, в распах – враспах, на встрічу – навстрічу.*

Хотяй бы як ся писали у текстах – из великой авады малой буквы – назвы місяців, уніфіковано подаєме їх написання из малой буквы: *июнь, август, ноябрь, июньский день.*

Слово «мірь» послідовательно передаєме у транслітерованих текстах як «мир».

Етнонімы пишеме из малой буквы: *русины, руссы, русскіє, моравяны, хорват, серб, болгаре, россіяне, чех, поляк, мадьяр.*

Хотяй творы написані язычієм, літературні особы из русинської етнічної сполочности (жителі села) туй усе бесідуват по русинськы. Є. Фендик у первопечатному тексті сякі фрагменты русинської бесіды передав у транслітерації – російськов кирилков. Зачим нове перевыдання є націленою на сочасного русинського читателя, правописання сих конструкцій привели сьме (транслітеровали сьме) – у міру возможности – русинськов кирилков. Наприклад: *Тото мав быти якийсь комедіяиш, нас здурили! То вишитко нич не стоит; та ци вы, діду, не знаєте, что теперь настав поганский світ? Розумлю, панотець, айбо я и сам не знаю, як сесе вишитко докончити.*

Сякі суть главні правила транслітерації язычія у текстах Є. Фендика.

*Доц. Мгр. Валерій Падык,
кандідат філологічних наук*

Jevgenij Fencyk (1844–1903) – významná osobnosť rusínskej literatúry a kultúry obdobia buditel'stva. Presadil sa v mnohých žánroch – ako poet, prozaik, dramatik, publicista i literárny historik. Bol zakladateľom a stálym redaktorom užhorodského časopisu „Listok“ (1885–1903). Vydanie publikácie reprezentuje J. Fencyka ako zabudnutého básnika. Po prvýkrát sú v ňom publikované takmer všetky jeho básne. Kniha tiež obsahuje novelu „Chudobní duchom“ a drámu „Dobytie Užhorodu“.

Zostavovatelia:

doc. Mgr. **Valerij Pad'ak**, CSc.

Mgr. **Michal Pavlič**, PhD.

Projekt realizovaný pod vedením

doc. Mgr. **Valerija Pad'aka**, CSc.

Predslov, prílohy, textové poznámky

a jazyková úprava (transliterácia)

doc. Mgr. **Valerij Pad'ak**, CSc.

Recenzenti:

prof. Dr. **Paul Robert Magocsi** (Torontská univerzita)

prof. Dr. **Elaine Rusinko** (Marylandská univerzita)

Realizované s finančnou podporou Fondu
na podporu kultúry národnostných menšín.

ISBN 978-80-555-3240-0

9 788055 532400

Jevgenij Fencyk
KNIEŽA KORJATOVICH

Zostavovatelia:

doc. Mgr. **Valerij Pad'ak**, CSc.

Mgr. **Michal Pavlič**, PhD.

Sadzba:

Vydavateľstvo Pad'ak s.r.o.

Dizajn a obálka:

Milan Pad'ak

Larysa Pad'ak

Vydanie:

1.

Počet strán:

400

Autorské hárky:

21,33

Náklad:

300

Vydal:

Vydavateľstvo Prešovskej univerzity

VYDAVATELSTVO
PREŠOVSKÉJ
UNIVERZITY

ISBN 978-80-555-3240-0

9 788055 532400

Ци то вдяка граверу Біндеру, чи вдяка історику І. Базіловичу, котрый міг хыбно розлушити образ конника на печатці, скоро двасти років герб Литовського княжества історикы тримали за образ самого Ф. Корьятовича.

Як направду выпозировав князь Корьятович – історія нам ясний отвіт не дає. Ушиткі образы князя, изроблені умілцями, то лем плод авторської фантазії и потреба общества мати візуалізовану представу за свою історію. Обкладинка нашої книги не є виключенням из того правилла.

В. Падяк.

Євгеній Фенцик (1844–1903) – визначна особність русинської літератури и культури доби будительства. Провказав себе у многих жанрах – як поет, прозаик, драматик, публіциста и історик літератури. Быв закладателём и незмінным редактором ужгородського часописа «Листокъ» (1885–1903).

Выдання репрезентує Є. Фенцика як забытого поета. По первый раз туй ся публикувут скоро вшиткі ёго стихи. Книжка вміщає тыж повість «Нищіє духом» и драму «Покореніє Ужгорода».

